

СОДЕРЖАНИЕ

Научный отдел

Отечественная история

Мельников П. Ю. Крестьянская семья на Севере в XVI–XVII веках: обобщение и интерпретация исследований советского периода 5

Кустова Е. В. Истобенский Троицкий монастырь в XVII – начале XVIII века: социокультурный и экономический аспекты 9

Гарманов И. А. Мебельное убранство Желтой гостиной Зимнего дворца. О. Монферран, 1827–1828 годы 17

Психомахова А. Р. Этапы становления Султана Хан-Гирея, адыгского просветителя и общественного деятеля 22

Морозова Е. Н. История формирования концепции земской реформы: «Соображения по проекту о земских учреждениях» Н. А. Милютин 26

Белов К. В. Д. А. Милютин о зарубежной теории военной географии 33

Коновалов И. Н. Отношение политических партий к российскому кооперативному движению в начале XX века 36

Гальямичев А. Н. 500-летие со дня трагической гибели Яна Гуса и русское общество в годы Первой мировой войны 39

Чолахян В. А. Русская периодическая печать о гуманитарной катастрофе в Османской империи в годы Первой мировой войны 42

Акопян В. З. Политика украинизации на Ставрополье в 1920–1930-е годы. Замыслы, осуществление, итоги 48

Всеобщая история и международные отношения

Шашлова Т. Ю. Материалы из городища Саирхе в контексте взаимоотношений Колхиды и Ахеменидского Ирана 57

Балаханцев А. С. Внутренняя политика первых Аршакидов 61

Сабитова Л. Р. Дипломатия и дипломаты Англии в Османской империи (начальный этап сотрудничества) 64

Ерёмин В. С. Образ Российской империи на страницах «The Edinburgh Review» в период 1802–1812 гг. 70

Костина А. К. Лондонские типы на картине Ф. М. Брауна «Труд» 74

Шестакова А. Г. Ретроспективный взгляд на формирование идеологии ультрамонтанизма 79

Сироткина Е. В. «Не остается ничего другого как надеяться на Бога и выполнять свои обязанности»: А. фон Эренталь и развитие австрийско-российских отношений в начале XX века 82

Цыплин В. Г. Дипломатическое противостояние в период англо-советского разрыва (1927–1929 гг.) 88

Козлов В. О. Формирование антимонопольного законодательства в США (по материалам личной переписки сенатора Дж. Шермана) 93

Региональная история и краеведение

Рабинович Я. Н. Воевода Саратова Федор Иванович Чемоданов (1623–1626 гг.): неизвестные страницы биографии 97

Тотфалушин В. П. Первые шаги «королевы спорта» в Саратове 104

Гальперин Р. И. «Саратовские Робин Гуды»: политические судебные процессы по делам об экспроприациях в начале XX века 107

Бондаренко Т. Ю. Помощь Фрильофа Нансена учебным заведениям Саратова в период голода 1921–1922 годов 110

Кирсанова И. А. Организация экскурсионной работы с советскими гражданами и иностранными туристами в 1960–1980-е гг. (на примере Куйбышевской области) 115

Критика и библиография

Представляем книгу

Рецензия на книгу: Рабинович Я. Н. Воеводы левобережного Саратова (1616–1641 гг.) 122

Сведения об авторах

Решением Президиума ВАК Министерства образования и науки РФ журнал включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых рекомендуется публикация основных результатов диссертационных исследований на соискание ученой степени доктора и кандидата наук

Зарегистрировано в Министерстве Российской Федерации по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций. Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № 77-7185 от 30 января 2001 года. Зарегистрировано в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77-56135 от 15 ноября 2013 года

Индекс издания по каталогу ОАО Агентства «Роспечать» 36018, раздел 15 «История. Филология». Журнал выходит 4 раза в год

Заведующий редакцией
Бучко Ирина Юрьевна

Редактор
Митенёва Елена Анатольевна

Художник
Соколов Дмитрий Валерьевич

Редактор-стилист
Степанова Наталия Ивановна

Верстка
Щербакова Ирина Викторовна

Технический редактор
Ковалева Наталья Владимировна

Корректор
Юдина Инна Геннадиевна

Адрес редакции:
410012, Саратов, ул. Астраханская, 83
Издательство Саратовского университета
Тел.: (845-2) 52-26-89, 52-26-85
E-mail: isvestiya@sgu.ru

Подписано в печать 19.06.15.
Формат 60x84 1/8.
Усл. печ. л. 14,88 (16,0).
Тираж 500 экз. Заказ 28.

Отпечатано в типографии
Издательства Саратовского университета

© Саратовский государственный университет, 2015

**ПРАВИЛА
ОФОРМЛЕНИЯ РУКОПИСЕЙ**

Журнал принимает к публикации общетеоретические, методологические, дискуссионные, критические статьи, результаты исследований в области всеобщей и отечественной истории, региональной истории, краеведения и археологии, международных отношений, источниковедения и историографии, краткие сообщения и рецензии, а также хронику и информацию.

Статьи, написанные в соавторстве (кроме тех случаев, когда оба автора доктора наук), к рассмотрению не принимаются.

Объем статей не должен превышать 12 страниц через 1 интервал в формате MS Word для Windows и содержать до 5 рисунков и 4 таблиц, объем кратких сообщений – не более 6 страниц и до 2 рисунков и таблиц.

Статья должна быть аккуратно оформлена и тщательно отредактирована.

Последовательность предоставления материала:

– на русском языке: индекс УДК, название статьи, инициалы и фамилия автора, сведения об авторе (ученая степень, ученое звание, должность и место работы, e-mail), аннотация, ключевые слова, текст статьи, благодарности и ссылки на гранты; примечания (концевые автоматические сноски);

– на английском языке: название статьи, инициалы и фамилия автора, аннотация, ключевые слова.

Отдельным файлом оформляются сведения об авторе статьи (на русском и английском языках): фамилия, имя и отчество (полностью), ученая степень, ученое звание, должность и место работы, e-mail, телефон.

Требования к аннотациям:

– должна отражать краткое содержание статьи; оптимальный объем 500–600 знаков;

– не должна содержать сложных формулировок, повторять название статьи, быть насыщена общими словами, не излагающими сути исследования.

В примечаниях нумерация источников должна соответствовать очередности ссылок на них в тексте.

Более подробную информацию о правилах оформления статей можно найти по адресу: <http://www.sgu.ru/journal/izvestiya/hmo>

Материалы, отклоненные редколлегией, не возвращаются.

Адреса для переписки с редколлегией серии: larisachernova@mail.ru; 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, 83, Саратовский государственный университет, Институт истории и международных отношений, заместителю главного редактора журнала «Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия История. Международные отношения» Л. Н. Черновой.

CONTENTS**Scientific Part****Russian History**

Melnikov P. Yu. A Peasant Family in the North in the XVI–XVII Centuries: Generalization and Interpretation of the Soviet Period Studies	5
Kustova E. V. The Istoben Trinity Monastery in the XVII – Early XVIII Centuries: Sociocultural and Economic Aspects	9
Garmanov I. A. The Furniture Decoration of the Winter Palace's Yellow Drawing Room. A. de Montferriand, 1827–1828	17
Psychomachova A. R. The Timeline of Sultan Khan-Girey, the Adyge Enlightener and Public Figure	22
Morozova E. N. The History of the Development of Zemsky Reform Concept: «Observations on Zemsky Establishing Project» by N. A. Milyutin	26
Belov K. V. Dmitrii A. Miliutin on Foreign Theory of Military Geography	33
Konovalov I. N. The Attitude of Political Parties to the Russian Cooperative Movement at the Beginning of the XX Century	36
Galyamichev A. N. The 500-year Anniversary of Jan Hus' Tragic Death and the Russian Society during the First World War	39
Cholakhian V. A. Russian Periodicals on the Humanitarian Crisis in the Ottoman Empire During the First World War	42
Akopyan V. Z. The Ukrainization Policy of the Stavropol Territory in the 1920-1930s. Plans, Implementation, Results	48

World History and International Relations

Shashlova T. Yu. Artifacts from the Sairhe Settlement in the Context of the Relationship Between Colchis and Achaemenid Iran	57
Balakhvantsev A. S. The Internal Policy of the Early Arsacids	61
Sabitova L. R. English Diplomacy and Diplomats in the Ottoman Empire (Beginning of Cooperation)	64
Eremin V. S. The Image of the Russian Empire in the Columns of «The Edinburgh Review» During 1802–1812	70
Kostina A. K. London Characters in the Painting «Work» by F. M. Brown	74
Shestakova A. G. A Retrospect of the Formation of the Ultramontane Ideology	79
Sirotkina E. V. «I Need to Trust in God and to Fulfill my Responsibilities»: A. von Aehrenthal and Development of the Austrian-Russian Relations in the Early Twentieth Century	82
Tsyplin V. G. Diplomatic Confrontation During the Anglo-Soviet Severance (1927–1929)	88
Kozlov V. O. Antitrust Law Formation in the USA (Based on Senator J. Sherman's Private Correspondence)	93

Regional History and Local Studies

Rabinovich Ya. N. The Saratov Voivode Fyodor Ivanovich Chemodanov (1623–1626): Unknown Pages of the Biography	97
Totfalushin V. P. The First Steps of «the Queen of Sport» in Saratov	104
Galperin R. I. «Saratov Robin-Hoods»: Political Law Suits on Expropriation at the Beginning of the 20 th Century	107
Bondarenko T. Y. Fridtjof Nansen's Help to Saratov Educational Institutions During the Famine of 1921–1922	110
Kirsanova I. A. Organization of Excursion Activities for Soviet Citizens and Foreign Tourists in 1960s – 1980s (on the Example of Kuibyshev Region)	115

Critics and Bibliography**Presentation of the Book**

Book Review: Rabinovich Ya. N. Governors of the Left Bank of Saratov (1616–1641)	122

Information about the Authors

125

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ ЖУРНАЛА «ИЗВЕСТИЯ САРАТОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА. НОВАЯ СЕРИЯ»

Главный редактор

Чумаченко Алексей Николаевич, доктор геогр. наук, профессор (Саратов, Россия)

Заместитель главного редактора

Стальмахов Андрей Всеволодович, доктор физ.-мат. наук, профессор (Саратов, Россия)

Ответственный секретарь

Халова Виктория Анатольевна, кандидат физ.-мат. наук, доцент (Саратов, Россия)

Члены редакционной коллегии:

Балаш Ольга Сергеевна, кандидат экон. наук, доцент (Саратов, Россия)

Бучко Ирина Юрьевна, директор Издательства Саратовского университета (Саратов, Россия)

Данилов Виктор Николаевич, доктор ист. наук, профессор (Саратов, Россия)

Ивченков Сергей Григорьевич, доктор социол. наук, профессор (Саратов, Россия)

Коссович Леонид Юрьевич, доктор физ.-мат. наук, профессор (Саратов, Россия)

Макаров Владимир Зиновьевич, доктор геогр. наук, профессор (Саратов, Россия)

Прозоров Валерий Владимирович, доктор филол. наук, профессор (Саратов, Россия)

Усанов Дмитрий Александрович, доктор физ.-мат. наук, профессор (Саратов, Россия)

Устьянцев Владимир Борисович, доктор филос. наук, профессор (Саратов, Россия)

Шамионов Раиль Мунирович, доктор психол. наук, профессор (Саратов, Россия)

Шляхтин Геннадий Викторович, доктор биол. наук, профессор (Саратов, Россия)

EDITORIAL BOARD OF THE JOURNAL «IZVESTIYA OF SARATOV UNIVERSITY. NEW SERIES»

Editor-in-Chief – Chumachenko A. N. (Saratov, Russia)

Deputy Editor-in-Chief – Stalmakhov A. V. (Saratov, Russia)

Executive Secretary – Khalova V. A. (Saratov, Russia)

Members of the Editorial Board:

Balash O. S. (Saratov, Russia)

Buchko I. Yu. (Saratov, Russia)

Danilov V. N. (Saratov, Russia)

Ivchenkov S. G. (Saratov, Russia)

Kossovich L. Yu. (Saratov, Russia)

Makarov V. Z. (Saratov, Russia)

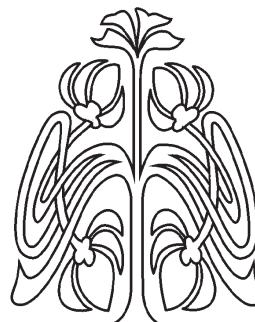
Prozorov V. V. (Saratov, Russia)

Usanov D. A. (Saratov, Russia)

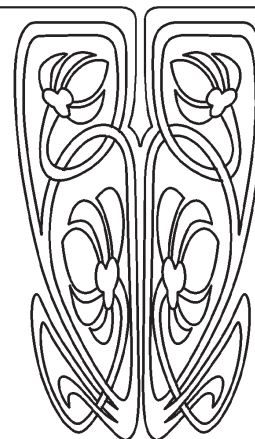
Ustiantsev V. B. (Saratov, Russia)

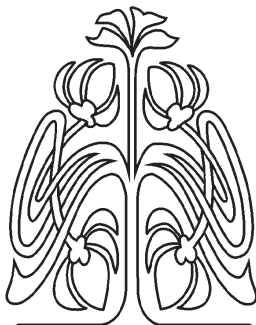
Shamionov R. M. (Saratov, Russia)

Shlyakhtin G. V. (Saratov, Russia)

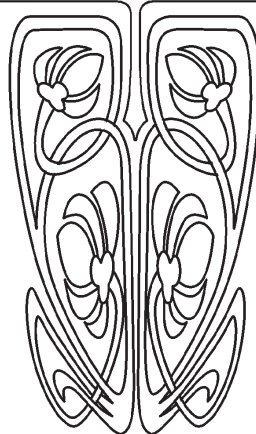

РЕДАКЦИОННАЯ
КОЛЛЕГИЯ

**РЕДАКЦИОННАЯ
КОЛЛЕГИЯ**

**РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ ЖУРНАЛА
«ИЗВЕСТИЯ САРАТОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА. НОВАЯ СЕРИЯ.
СЕРИЯ: ИСТОРИЯ. МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ»**

Главный редактор

Данилов Виктор Николаевич, доктор ист. наук, профессор (Саратов, Россия)

Заместитель главного редактора

Чернова Лариса Николаевна, доктор ист. наук, доцент (Саратов, Россия)

Ответственный секретарь

Рабинович Яков Николаевич, кандидат ист. наук, доцент (Саратов, Россия)

Члены редакционной коллегии:

Бэттлер Алекс, доктор ист. наук, профессор (Нью-Йорк, США)

Герман Аркадий Адольфович, доктор ист. наук, профессор (Саратов, Россия)

Голуб Юрий Григорьевич, доктор ист. наук, профессор (Саратов, Россия)

Деннингхауз Виктор, доктор истории, профессор (Люнебург, Германия)

Кабытов Петр Серафимович, доктор ист. наук, профессор (Самара, Россия)

Креленко Наталия Станиславовна, доктор ист. наук, профессор (Саратов, Россия)

Мезин Сергей Алексеевич, доктор ист. наук, профессор (Саратов, Россия)

Рейли Дональд, доктор истории, профессор (Чапел Хилл, США)

Репина Лорина Петровна, доктор ист. наук, профессор, чл.-корр. РАН (Москва, Россия)

Черевичко Татьяна Викторовна, доктор экон. наук, профессор (Саратов, Россия)

Шенин Сергей Юрьевич, доктор ист. наук, профессор (Саратов, Россия)

**EDITORIAL BOARD OF THE JOURNAL
«IZVESTIYA OF SARATOV UNIVERSITY. NEW SERIES.
SERIES: HISTORY. INTERNATIONAL RELATIONS»**

Editor-in-Chief – Danilov V. N. (Saratov, Russia)

Deputy Editor-in-Chief – Chernova L. N. (Saratov, Russia)

Executive Secretary – Rabinovich Ya. N. (Saratov, Russia)

Members of the Editorial Board:

Battler Alex (New York, USA)

German A. A. (Saratov, Russia)

Golub Yu. G. (Saratov, Russia)

Denningkhauz Victor (Luneburg, Germany)

Kabytov P. S. (Samara, Russia)

Krelenko N. S. (Saratov, Russia)

Mezin S. A. (Saratov, Russia)

Raleigh Donald J. (Chapel Hill, USA)

Repina L. P. (Moscow, Russia)

Cherevichko T. V. (Saratov, Russia)

Shenin S. Yu. (Saratov, Russia)

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ

УДК 94(47)04

КРЕСТЬЯНСКАЯ СЕМЬЯ НА СЕВЕРЕ В XVI–XVII ВЕКАХ: ОБОБЩЕНИЕ И ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ИССЛЕДОВАНИЙ СОВЕТСКОГО ПЕРИОДА

П. Ю. Мельников

Саратовская государственная юридическая академия
E-mail: p_melnikov@list.ru

В данной статье производится обобщение историко-демографических исследований, посвященных структуре крестьянской семьи Севера в XVI–XVII вв. Выводы авторов советского периода пересчитываются в соответствии с принятой на настоящий момент классификацией семей Питера Ласлетта. Отдельное внимание уделяется особенностям методики определения структуры семьи в XVI в.

Ключевые слова: историческая демография, классификация семей, структура семьи, крестьянство Севера XVI–XVII вв.

A Peasant Family in the North in the XVI–XVII Centuries: Generalization and Interpretation of the Soviet Period Studies

P. Yu. Melnikov

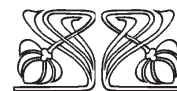
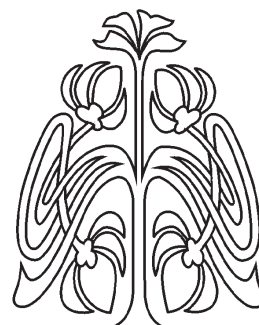
This article compiles historical and demographic research on the structure of a peasant family in the North in the XVI–XVII centuries. Conclusions of the authors of the Soviet period are reviewed in accordance with the currently accepted classification of the families of Peter Lasletta. Special attention is paid to the peculiarities of methods of determining the family structure in the XVI century.

Key words: historical demography, classification of families, family structure, peasantry of the North in XVI–XVII centuries.

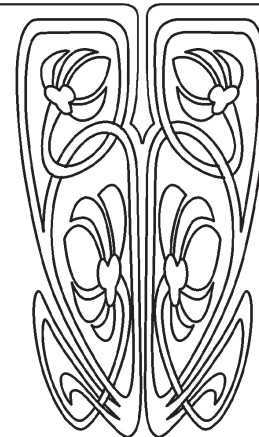
В данной статье делается попытка объединения некоторых результатов исследований, в той или иной степени затрагивающих крестьянскую семью Севера в XVI–XVII вв.¹ Следует оговориться, что специальные историко-демографические работы в отечественной науке не были распространены ни до революции, ни в советский период (что вызывало отдельную критику в научных кругах²). Поэтому информация о семье (ее составе, структуре, эволюции) содержится в исследованиях, принадлежащих разным наукам, и в силу этого разрознена и специфична – за счет своей особенной методологии и системы доказательств; по этой причине выводы авторов советского периода могли впоследствии игнорироваться³. Для обобщения будет использоваться классификация Кембриджской группы, изложенная П. Ласлеттом⁴.

Рассматривая накопленный материал, логично будет разделить его на две части: на работы, относящиеся к XVI – началу XVII в. и ко второй половине XVII – началу XVIII в. Обосновать такой подход можно особенностями основных документов для каждого из периодов и их интерпретацией.

Специалисты по XVI в. в качестве исторического источника использовали в первую очередь писцовые книги. Содержащаяся в них демографическая информация специфична: «более-менее исчерпывающих сведений о тяглом населении в них нет»⁵. Писцы регистрировали дворы и людей в них – но не все население, а лишь какую-то часть; очевидная вычисляемая величина – количество людей на двор. Но кого именно писцы подразумевали под «людьми» было непонятно; споры по данному

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

поводу наблюдались еще в дореволюционной историографии. Так, по мнению В. О. Ключевского, «люди» – это дворохозяева. Н. А. Рожков относил к категории «людей» все мужское население двора⁶. Наконец, согласно точке зрения А. М. Гневушева, под людьми понимались главы семейств, т. е. женатые мужчины двора⁷.

Однако какой из вариантов верен и как по показателю «количество людей на двор» выявить численность двора и его структуру? В советский период обозначились два подхода. Первый из них скорее совпадает с точкой зрения В. О. Ключевского: под словом «люди» авторы понимали старейшего члена семьи, за которым скрывается большой родственный коллектив; приоритет отдавался большой семье (по классификации Ласлетта – составной). Однако от конкретизации количества составных и малых семей авторы этой группы оказались в основном из-за несопоставимости писцовых книг⁸.

Второй подход базировался на тезисе «люди – женатые мужчины» и во второй половине XX в. являлся в науке доминирующим. Хронологически первой в данной группе фигурирует статья И. Л. Перельман «Новгородская деревня в XV–XVI вв.». В ней сопоставляются данные писцовых книг за 1496, 1563 и 1583 гг. Свою интерпретацию термина «люди» автор не аргументирует и соответственно приводит следующие цифры: количество дворов с одной семьей – чуть более половины (51,5%), остальное – более крупные коллективы (38% – с двумя семьями, 8,4% – с тремя, 1,5% – с четырьмя)⁹. Таким образом, здесь наблюдается крайне незначительное преобладание малой семьи.

В коллективных трудах «Аграрная история Северо-Запада в XVI в.» (3 тома) и «Аграрная история Северо-Запада в XVII в.» использовался более сложный термин: «двор, населенный одной (или несколькими) семьями» – видимо, с целью подчеркнуть экономическое единство живущих в нем. Методика подсчета численности семей и их структуры была изложена Т. И. Осьминским¹⁰ в первом томе и использовалась во всех последующих работах. Суть ее сводилась к следующему:

1) указанные в писцовых книгах «люди» интерпретируются как женатые мужчины (опровержение иных вариантов сделано предельно кратко);

2) из писцовых книг извлекается информация о количестве людей, дворов и соотношение «людей на двор», приводятся данные о средней численности двора (6,18 человека – со ссылкой А. М. Гневушева);

3) поскольку данные об остальном составе семьи в писцовых книгах отсутствуют, автор привлекает более поздние источники – переписную книгу старорусских погостов 1669 г. и, особенно, перепись населения вотчины П. М. Бестужева-Рюмина 1731 г.¹¹;

4) устанавливается средняя численность двора (по этим источникам примерно такая же, как и в XVI в. – 6,17 чел.);

5) устанавливается соотношение между численностью населения двора и количеством семей, в нем проживающих (5 человек на одну семью плюс 2,5 человека на каждую дополнительную семейную пару).

Данная методика, применяемая к материалам конца XV – начала XVII в., закрепила тезис об однозначном преобладании на Севере в указанный период малой семьи, состоящей из семейной пары и неженатых детей. В большинстве случаев соотношение «людей на двор» оказывалось приближенным к единице: например, по различным районам Деревской пятины (за 1500 и 1582 гг.) оно колебалось от 1 до 1,1. Еще меньше этот показатель наблюдался в Заонежских погостах за 1582 г. (в 14 из 16 вариантов искомое соотношение было равно 1); схожие результаты давала и Бежецкая пятина: за 1545 г. – 1 человек на двор, за 1583 г. – 1,2 человека¹². Не наблюдалось принципиальных различий и в 8 уездах Псковской земли (80-е гг. XVI в.) – от 1 до 1,2¹³. Иными словами, в зависимости от местности на долю малой семьи приходилось от 80 до 100%. И лишь иногда цифры оказывались менее радикальными: заонежские погосты (1562 г.) – от 1,1 до 1,6 человека на семью, а новгородский и старорусский уезды (20 погостов) – от 1,1 до 2 (в среднем – 1,5) человека на семью.

Выводы работ А. И. Копанева несколько осторожнее. Во-первых, автор в первую очередь пытался ответить на вопрос о том, была ли в рассматриваемый период семья на Севере «задружной» (точка зрения А. Я. Ефименко¹⁴) или отцовской. Окончательный ответ: «... господствует отцовская семья – отец, сын, внуки (86%), далее идут братские семьи (13%), семей сложных (разнофамильных) – ничтожное число... Установленный факт... опровергает утверждения А. Ефименко о господстве на севере в изучаемое время задружной формы семьи...»¹⁵ При этом автор неоднократно подчеркивает трехпоколенный состав отцовской семьи (отец – сын – внуки), не вдаваясь в дальнейшую конкретизацию: «Кто из отцов – отец-дед или отец-сын – записан в писцовой книге (это зависело от фактического главенства в семье того или другого), для нас существенного значения не имеет»¹⁶. Иными словами, «отцовская» семья у Копанева «не задружная», но при этом отнюдь не малая; если исходить из трехпоколенного состава, то по классификации Ласлетта ее следует отнести к составной¹⁷.

Во-вторых, Копанев обратил внимание на непропорциональную численность малых и больших семей в XVI и XVII вв.: «... мы бы присоединились к последнему (толкованию термина «люди» как «главы семейств». – П. М.) с той оговоркой, что писцы не всегда этому правилу следовали. Так, из таблицы видно, что писцы середины и 80-х гг. XVI в. лишь в редчайших случаях указали сыновей при хозяине-отце, хотя, разумеется, сыновья (взрослые и женатые) при отцах во дворах были»¹⁸. Следует заметить, что

расхождение приводимых Копаневым данных было внушительным. Например, в Калесском стане в 1586 г. доля простых семей составляла 90%, а вариант «отец с 1 сыном» («stem family», или «корневая семья» по типологии Ласлетта) – всего 2%; а в 1622–1623 гг. эти цифры кардинально изменились – на 53 и 39% соответственно¹⁹. Однако эта диспропорция при окончательном выводе учтена не была: основной ячейкой в Двинском уезде автором была признана малая крестьянская семья в составе родителей и детей. Аналогичный вывод был сделан и о семье XVII в., но со ссылкой на Е. Н. Бакланову: «... среди вологодских крестьян малая семья составляла 80,3%, причем господствующим ее типом была индивидуальная семья супругов с их неженатыми детьми»²⁰.

Исследования, посвященные XVII в., с точки зрения историко-демографической более достоверны: использованные авторами переписные книги гораздо полнее писцовых, потому столь сложной интерпретации не требовали. В них учитывалось все мужское население, но, правда, игнорировалось женское, что могло создавать неточности при подсчете. Например, семья «отец – сын – внук» при учете только мужского населения отмечалась как составная, а аналогичная с точки зрения вероятности «отец – сын – дочь» превращалась в семью «отец – сын», пополняя, таким образом, число малых семей²¹; то же самое происходило и с категориями расширенных семей «мать – женатый сын – внуки» или «супруги – дети – родственница»: они при пересчете «скрывали» дополнительную женскую часть семьи и увеличивали число простых домохозяйств.

Так, в монографии Е. Н. Баклановой использовались данные переписей 1678 и 1717 гг. Особую ценность исследованию придавала сопоставимость данных на интервале в несколько десятилетий, что давало возможность проследить динамику. Классификацию семей автор проводила по схеме, взятой из работы К. Маркса «Конспект книги Льюиса Г. Моргана «Древнее общество»»²²; соответственно все семьи подразделялись на две группы: «прямого родства» (отцовские семьи – большие и малые) и «бокового родства» (различные братские варианты). Конечные цифры таковы: семьи прямого родства составляли 71% в 1678 г. и 56,9% в 1717 г., а семьи бокового родства – 29% и 43,1% соответственно²³. Вывод уже приводился выше: господствующим типом была признана малая семья в составе супругов и детей. Однако если для материалов Баклановой использовать современную классификацию Ласлетта, то результаты станут несколько иными: малые семьи – 58,5% в 1678 г. и 39,3% в 1717 г., составные – 27,6% и 48,4%, расширенные – 12,9% и 12,4% соответственно²⁴.

Еще более отклоняющиеся в сторону больших семей результаты отмечены в ранней статье этого автора. Материалы переписи 1717 г. по монастырским крестьянам (рассмотрены выше)

в ней сопоставлены с аналогичными цифрами по помещичьим крестьянам, среди которых доля малых семей (при пересчете) составляла 19,8%, расширенных – 7,9%, а составных – 72,3% (!); при этом автор подчеркивала, что перепись 1717 г. очень подробно, учитывает все население и по полу, и по возрасту, так что разночтения можно считать сведенными к минимуму²⁵.

А. Я. Дегтярев также не поддерживал концепцию большой крестьянской семьи на Севере. Отмечая обозначенную некоторыми авторами (Бакланова, Власова) тенденцию по укрупнению семей в конце XVII в., он дает этому явлению свое объяснение: увеличение государственного налогового пресса²⁶. Этот тезис автор развивает, приводя данные по семьям Шелонской пятины за 1646 и 1678 гг. Однако его классификация семей весьма дробная (19 вариантов)²⁷; ее интерпретация по Ласлетту дает следующие цифры: в 1646 г. на долю малых семей Шелонской пятины приходилось 65,5%, расширенных – 10,1%, составных – 24,3%; в 1678 г. эти цифры поменялись на 40,6% (малые), 9,2% (расширенные), 50,2% (составные)²⁸.

Выводы А. Я. Дегтярева были существенно дополнены О. Б. Кох – за счет привлечения материалов по 3 районам. Автор пользовалась той же дробной классификацией и пришла к обозначенным ранее выводам о незначительной численности крестьянского двора (7–8 человек), преобладании малой семьи и увеличении доли семей нераздельных (к концу XVII в.). Пересчет материалов О. Б. Кох по классификации Ласлетта: в 1648 г. на долю малых семей по 3 районам приходилось от 64 до 74%, расширенных – от 13 до 22%, составных – от 2,5 до 16%; за 1678 г. эти показатели изменились на: 51–58% (малая), 10–17% (расширенная) и 26–38% (составная)²⁹. Аналогичная тенденция прослеживается и в течение XVIII в.³⁰

В противоречие с тезисом о малой семье вступают данные из статьи В. А. Александрова. Согласно его утверждению, служилые люди Сибири в середине XVII в. постоянно обращались с челобитными к царю с просьбой о вывозе к ним родственников. Поскольку основной поток переселенцев велся именно с северного региона, то он, по мнению исследователей, мог служить иллюстрацией о структуре тамошних семей. Соответственно в приведенном В. А. Александровым списке из 26 родственных коллективов семь можно обозначить как расширенные, семь – сложные, четыре носят спорный характер (либо расширенные, либо сложные), еще шесть по классификации Ласлетта можно с оговорками отнести к типу 2 (домохозяйства без семейной структуры) и только в трех случаях можно увидеть классический вариант «родители с детьми»³¹. Сам автор настаивал на приоритете среди енисейского крестьянства неразделенной семьи³².

Таким образом, тезис советской литературы о безусловном преобладании малой семьи в север-

ных регионах в рассматриваемый период требует серьезной корректировки. В первую очередь это касается более достоверных данных за XVII в.; их интерпретация по Ласлетту позиционирует малую семью в интервале примерно 75 до 50% от общего числа семейств (без учета «замаскированной» расширенной семьи, также уменьшающей число простых семей). Встречаются и более нестандартные отклонения (19,8%), однако их устойчивость еще предстоит выяснить.

Еще более неоднозначными представляются выводы по «замаскированным» материалам XVI в. Как можно заметить, тезис о приоритете на тот момент малой семьи основывается на двух аргументах. Первый предполагает соответствие между численностью семьи и ее структурой; на данный счет единого мнения еще нет. Можно привести и однозначное утверждение Ласлетта («... любой вывод относительно структуры домохозяйств, если он базируется на показателях размера, неприемлем.»³³), и противоречащую этому тезису корреляцию Б. Н. Миронова³⁴. Второй аргумент основывается на интерпретации термина «люди» как «женатые мужчины». Здесь можно отметить, что обоснован данный подход предельно кратко; в то же время многие исследователи склоняются к иному толкованию – «люди – домохозяева», что меняет ситуацию принципиально. Однако даже если и принять оба этих тезиса как доказанные, то возникает ряд нерешенных вопросов. Во-первых, при таком толковании наблюдаются крайне расходящиеся цифры: на малую семью в зависимости от района приходится от 50 до 100% всех семейств; при схожести условий жизни и хозяйства одного региона это крайне необычно. Во-вторых, однозначный приоритет малой семьи XVI в. в следующем столетии внезапно исчезает; это также неестественно, поскольку семья – структура консервативная и меняется медленно. Наконец, сомнения вызывают сами цифры. Как уже говорилось выше, во многих районах Севера показатель «количество людей на двор» был равен единице, т. е. 100% семей были малыми; при этом аналогичный вариант не наблюдался впоследствии ни в XVII, ни в XIX, ни даже в конце XX (!) в.³⁵ К этому следует добавить, что тезис о господстве малой семьи в XVI в. вступает в противоречие с работой Джона Хайнала, по мнению которого Россия – зона «восточно-европейской брачности», со всеми ее особенностями, в том числе расширенной и составной семьей³⁶. Интересно, что выводы как Хайнала, так и Ласлетта были опубликованы в СССР в 1979 г. (т. е. раньше некоторых работ), однако во внимание приняты не были. На протяжении 1970 – 1980-х гг. исследователи крестьянского хозяйства Севера придерживались принятой ранее методики. Возможно, что свою роль сыграл здесь политический фактор, но скорее всего причина заключается в традиционной для СССР «научной специализации», о которой говорилось ранее: основной упор исследований делался на

социально-экономическом срезе общества, а проблемам демографическим отводился второй план.

Примечания

- 1 Частично это уже делалось в рамках статьи: *Миронов Б. Н.* Новая историческая демография имперской России : аналитический обзор современной историографии // *Вестн. С.-Петерб. ун-та. Сер. 2.* 2007. Вып. 3. С. 3–29.
- 2 См.: *Яцунский В. К.* О некоторых отстающих участках нашей науки // *История СССР.* 1959. № 3. С. 26.
- 3 См.: *Носевич Н. Л.* Еще раз о Западе и Востоке : структуры семьи и домохозяйства в истории Европы // *Круг идей : историческая информатика в информационном обществе : Тр. VII конф. Ассоциации «История и компьютер».* М., 2001. URL: <http://vln.by/node/116> (дата обращения: 25.05.2014).
- 4 *Household and Family in Past Time : Comparative Studies in the Size and Structure of the Domestic Group over the Last Three Centuries in England, France, Serbia, Japan and Colonial North America / P. Laslett, R. Wall (eds.).* Cambridge : Cambridge University Press, 1972. (Публикация на русском языке: *Ласлетт П.* Семья и домохозяйство : исторический подход // *Брачность, рождаемость, семья за три века : сб. статей.* М., 1979. С. 132–157).
- 5 *Мерзон А. П.* Писцовые и переписные книги XV–XVII вв. М., 1956. С. 13.
- 6 *Ключевский В. О.* Отзыв на исследование Н. А. Рожкова «Сельское хозяйство Московской Руси XVI в.» // *Собр. соч. : в 8 т.* М., 1959. Т. 8. С. 373.
- 7 См.: *Гневушев А. М.* Очерки экономической и социальной жизни сельского населения Новгородской области после присоединения Новгорода к Москве. Киев, 1915. Т. 1. С. 40–41.
- 8 См.: *Витов М. В.* Историко-географические очерки Занонежья XVI–XVII вв. Из истории сельских поселений. М., 1962. С. 131 ; *Власова И. В.* Сельское расселение в Устюжском крае в XVIII – первой четверти XX в. М., 1976. С. 77 ; *Данилова Л. В.* Очерки по истории землевладения и хозяйства в Новгородской земле в XIV–XV вв. М., 1955. С. 266.
- 9 См.: *Перельман И. Л.* Новгородская деревня в XV–XVI вв. // *Исторические записки.* 1948. № 26. С. 148.
- 10 *Аграрная история Северо-Запада России. Вторая половина XV – начало XVI в. : в 3 т.* Л., 1971. Т. 1. С. 17–19.
- 11 См.: *Осьминский Т. И.* Бюджет крестьян в Пошехонской вотчине Бестужева-Рюмина (1731 г.) // *Вопросы аграрной истории.* Вологда, 1968. С. 355–373.
- 12 См.: *Аграрная история Северо-Запада России XVI в. Т. 2. Новгородские пятины.* Л., 1974. С. 78, 112, 194, 243.
- 13 См.: *Аграрная история Северо-Запада России XVI в. Т. 3. Север. Псков. Общие итоги развития Северо-Запада.* Л., 1978. С. 68.
- 14 См.: *Ефименко А. Я.* Женщина в крестьянской семье // *Исследования народной жизни.* Вып. 1. Обычное право. М., 1884. С. 49–124.
- 15 *Копанев А. И.* История крестьян русского севера в

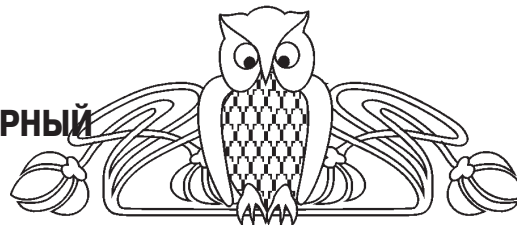

- XVI в. : автореф. дис. ... д-ра ист. наук / Ленингр. отд. Ин-та истории СССР АН СССР. Л., 1974. С. 15.
- ¹⁶ *Копанев А. И.* Крестьянство Русского Севера в XVI в. Л., 1978. С. 120.
- ¹⁷ Аналогичное заключение можно найти и в коллективном труде: История северного крестьянства. Т. 1. Крестьянство европейского Севера эпохи феодализма. Архангельск, 1984. С. 101.
- ¹⁸ *Копанев А. И.* Крестьянство Русского Севера в XVI в. С. 120.
- ¹⁹ Там же.
- ²⁰ *Копанев А. И.* Крестьяне Русского Севера в XVII в. Л., 1984. С. 71.
- ²¹ См.: *Миронов Б. Н.* Указ. соч. С. 5–6.
- ²² См.: Архив Маркса и Энгельса : в 16 т. М., 1941. Т. 9. С. 12.
- ²³ См.: *Бакланова Е. Н.* Крестьянский двор и община на Русском Севере. Конец XVII – начало XVIII в. М., 1976. С. 32.
- ²⁴ См.: *Миронов Б. Н.* Указ. соч. С. 7.
- ²⁵ См.: *Бакланова Е. Н.* Переписная книга как источник по истории крестьянской семьи в Вологодском уезде // Материалы по истории Европейского Севера СССР. Северный археографический сборник. Вып. 1. Вологда, 1970. С. 173–175.
- ²⁶ См.: *Дегтярев А. Я.* Русская деревня в XV–XVII вв. Очерки истории сельского расселения. Л., 1980. С. 21.
- ²⁷ См.: *Воробьев В. М., Дегтярев А. Я.* Основные черты сельского расселения на северо-западе Руси в XVI–XVII вв. // История СССР. 1980. № 5. С. 177–178.
- ²⁸ Некоторые категории семей в указанной статье не определялись однозначно: например, группа «хозяин и братья» может быть отнесена и к расширенной семье (если братья не женаты) и к составной (если женаты). В таком случае индикатором считалось наличие в данной группе детей (тогда налицо вторая семейная пара – а это уже составная семья); спорные варианты интерпретировались как семьи расширенные.
- ²⁹ См.: Аграрная история Северо-Запада России XVII в. (населения, землевладение, землепользование). Л., 1989. С. 55–62.
- ³⁰ См.: *Миронова Б. Н.* Указ. соч. С. 7.
- ³¹ См.: *Александров В. А.* Черты семейного строя у русского населения Енисейского края XVII – начала XVIII в. // Тр. Ин-та этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая. Сиб. этнограф. сб. 1961. Вып. 3. С. 9–11.
- ³² Там же. С. 23.
- ³³ *Ласлетт П.* Указ. соч. С. 150.
- ³⁴ См.: *Миронов Б. Н.* Указ. соч. С. 17–20.
- ³⁵ Согласно микропереписи РФ 1994 г. на долю малой семьи приходится 62%, расширенной – 10,6%, сложной – 4,5%, одиноких с детьми – 12,9%.
- ³⁶ *Hajnal J.* European Marriage Patterns in Perspective // Population in History / eds. D. V. Glass, D. E. C. Ever-
slay. L., 1965. Публикация на русском языке: *Хайнал Дж.* Европейский тип брачности в перспективе // Брачность, рождаемость, семья за три века : сб. статей / под ред. А. Г. Вишневского, И. С. Кона. М., 1979. С. 14–70.

УДК 271(908)

ИСТОБЕНСКИЙ ТРОИЦКИЙ МОНАСТЫРЬ В XVII – НАЧАЛЕ XVIII ВЕКА: СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ И ЭКОНОМИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ

Е. В. Кустова

Вятский государственный гуманитарный университет
E-mail: kustovael@yandex.ru

Цель статьи – на примере Истобенского Троицкого монастыря рассмотреть условия и факторы создания и развития небольших монастырей в Вятской и Великопермской епархии в XVII – первой четверти XVIII в. Основное внимание уделяется изучению экономического, социального и духовного аспектов в жизни монастыря. В статье показаны местные особенности развития монашества на фоне общероссийских процессов.

Ключевые слова: Вятская и Великопермская епархия, Истобенский монастырь, монашество, повседневная жизнь, вкладчики, вотины, монастырские крестьяне, монастырская реформа Петра I.

The Istoben Trinity Monastery in the XVII – Early XVIII Centuries: Sociocultural and Economic Aspects

E. V. Kustova

The purpose of the article is to consider the conditions and factors of the creation and development of small monasteries in the Vятка

and Velikopermskaya Diocese in the XVII – the first quarter of the XVIII centuries illustrated by the Istoben Trinity Monastery. Special attention is focused on the study of the economic, social and spiritual aspects of life in the monastery. The article shows how the local features of the monasticism developed with the all-Russian processes in the background.

Key words: Vятka and Velikopermskaya Diocese, Istoben monastery, monk, everyday life, philanthropists, fiefdoms, monastery peasants, monastic reform of Peter I.

Историки монашества обычно избирают объектом своего исследования крупные и значимые в истории России обители. В то же время основная масса небольших монастырей, которые составляли живую ткань повседневной жизни провинции, зачастую остаются за рамками профессиональных интересов. Особенно это относится к ранним этапам их истории, что обусловлено узкой источниковой базой и спецификой работы с документами. В то же время их изучение крайне важно, поскольку

оно позволяет понять, как возникали монастыри и в чем заключались особенности этих процессов в разных регионах, проанализировать внутреннюю жизнь небольших монастырей и сравнить ее с крупными обителями, понять роль монастырей в экономической и духовной жизни доиндустриального общества, когда православие играло особую роль в жизни русского народа.

Система православных обителей в Приуралье сложилась за сравнительно короткий период времени: с середины XVI до конца XVII в. Именно в это время активно шла колонизация Вятского края, в том числе и церковная. В этом процессе монастыри становились активными центрами освоения новых земель, создания новых погостов и постройки храмов. Первым на Вятке был основан в 1580 г. преп. Трифоном Вятским Хлыновский Успенский монастырь. Его иноки стали инициаторами или помощниками в создании 4 обителей в Слободском уезде. Чуть позднее монастыри формируются в Котельничском и Орловском уездах; только в Шестаковском уезде они так и не появились.

Истобенский Троицкий монастырь стал первой обителью в Орловском уезде. Он располагался на р. Вятке в Истобенской волости (ныне Оричевский район Кировской области). Его истории посвящено несколько статей, которые имеют краткий справочный характер и описывают преимущественно историю обители в XVIII в. Комплексного же исследования раннего периода в истории монастыря на сегодняшний день не существует¹.

Точное время основания Истобенского монастыря не известно. Первое упоминание о нем относится к переписи А. Толочанова 1629 г.: «Да подле Истобново ж погосту монастырь Живоначальные Троицы стал вново, а на монастыре церковь теплая с трапезою во имя Живоначальные Троицы да предел Введенье Пречистые Богородицы, а в церкви образы и книги и колокола строенье монастырское, а на монастыре две кельи, а живут в них черные старцы, да около монастыря живут на монастырской земле монастырские бобыли, а дают они оброку в монастырь на церковное строенье»². Опираясь на эти сведения, исследователи обычно дают широкие хронологические рамки его основания – с 1595 по 1629 г.³

Однако документы позволяют определить более точное время возникновения обители. В начале XVIII в. в Истобенском монастыре хранилась грамота патр. Филарета от 25 февраля 1624 г., данная по челобитью церковного старосты Истобенской волости «Федки Иванова сына Устюжанина», которая сообщала о постройке на месте будущего монастыря храма: «Обещались де они на Вятке на старом Городише ниже посаду над рекою над Вяткою воздвигнуть храм во имя Пресвятей и Живоначальные Троицы да в пределе Введение Пресвятые Богородицы и как бы их благословити и велети б им на тот храм и на

предел лес ронить и давать антиминос». Патриарх разрешил построить храм с условием, чтобы был «предел церкви олтар особно», а по построении дать антиминос и освятить церковь священнику с диаконом⁴. В следующем «... 134 году (1625/26) на Вятке воевода Петр Мансуров дал к церкви Троицы Живоначальные да Введению Пресвятые Богородицы в Истобенской волости, у речки Сингиревы дикое рамень черной лес под пашню на полчети выти, а в книги тое земли дачи своей не написал не ведомо почему»⁵. Таким образом, можно с уверенностью утверждать, что монастырь был воздвигнут с 1625 по 1629 г. А фраза из грамоты 1670 г., что в 1629 г. писец «Афонасей Толочанов... тое де церковь в Истобенской волости написал монастырем», свидетельствует о том, что, по-видимому, именно с этого года он официально стал считаться монастырем.

Инициатива в постройке храма, ставшего вскоре монастырем, принадлежала местному обществу. Это было характерной чертой первых вятских монастырей и отличало их от многих монастырей Перми Великой, где главная инициатива в создании обителей принадлежала обычно крупным купцам и предпринимателям, в частности Строгановым. Примечательно, что в г. Орлове – уездном центре – монастырь появится спустя 70 лет, причем по инициативе вятского архиерея и келаря Успенского Трифонова монастыря Илии (Семакина), а не горожан.

Как была организована внутренняя жизнь обители? Монастырь был основан, по-видимому, как общежительный. По крайней мере, таковым можно считать его на основании приходно-расходных книг рубежа XVII–XVIII вв., когда братии жалование, включая настоятеля, не выдавалось, а все необходимое, в том числе пища и одежда, приобреталось монастырем. Именно общежительный устав был введен в первой вятской обители и отсюда распространился по Вятскому краю.

Главенствующую роль в управлении обителью играл настоятель. От него во многом зависел и духовный настрой братии, и материальное обеспечение монашествующих. Первым известным настоятелем является черный поп «Ефремище Васильев сын Попов», упомянутый в писцовой книге 1646 г. Его именование в усилительной форме (Ефремище) необычно и в то время использовалось крайне редко. В переписных книгах имена крестьян и посадских представлены в уменьшительной форме – Ивашко, Петрушка и т. п. Духовенство именовалось в обычной форме – Петр, Павел. Хотя он не именуется строителем (настоятелем в чине иеромонаха), но сама форма его именованья подчеркивает его особый статус. Кроме того, в нарушение монастырских правил он жил в монастыре вместе со своими родственниками – «со внучаты з Гришкою да с Микиткою Власьевыми детми Губина, Гришка 8 лет, Микитка 6 лет». Поскольку он является иеромонахом, из этого можно заключить, что до по-

стрига он был, скорее всего, священником, в браке имел дочь, которая с мужем Власием Губиным рано скончалась, оставив на поруки отца-монаха своих детей⁶. В истории монастыря он известен тем, что в 7156 г. (1647/48) по его прошению воевода закрепил за обителью переданные ранее приходской Троицкой церкви земли в оклад⁷.

В 1666 г. упоминается настоятелем строитель черный поп Моисей. В своей челобитной он просил вятского воеводу Г. А. Козловского передать монастырю Пищальское раменье, что и было сделано⁸. В 1678 г. настоятелем был черный поп Тихон (Кочкин)⁹. В 1680 г. встречается строитель Никита¹⁰, в 7204 г. (1695/96) настоятелем был строитель иером. Киприан¹¹. В 1703 г. в начале года упоминается строитель иерод. Исая¹², а в конце года – строитель иером. Ияков¹³. Вероятно, это упомянутый в Синодике Истобенского монастыря 1716–1721 гг. строитель Иаков (Изергин)¹⁴. В 1705 г. по сведениям Строева монастырем управлял строитель Киприан, возможно, ранее упоминавшийся¹⁵. «Бывший строитель Киприан» встречается и в Синодике Истобенского монастыря¹⁶. В переписной книге 1710 г. во главе монастыря мы впервые видим настоятеля Иосифа в сане игумена¹⁷. По монастырскому синодику известна его фамилия – Изергин, а также имена его родственников (иером. Павел, Тит, Терентий, Улита, Савва, Наталия, Агафия, Ульяния, Максим, Евдокия, Иоанн, схимница Христина, Марк, Лука, Иаков, иерей Иоанн, Соломония, Стефанида, Евдокия, Андрей, младенец Петр, Васса и др.). К моменту записи в Синодик (1716–1721 гг.) он уже скончался¹⁸.

Следующим за ним был записан род игумена Истобенского монастыря Арсения (Протасьевых), еще здравствующего в то время (с поминовением схимника Моисея, иерея Лаврентия, схимницы Ираиды, Иосифа, Павла, Иакова, Марии, Евдокии и др.)¹⁹. Возможно, что речь идет о бывшем иером. Арсении (в миру – Артемий Михайлович Протасьев), казначее Успенского Трифонова монастыря. О последнем известно, что он родился ок. 1659 г., был священником Архангельской церкви с. Кстининского Березовского стана Хлыновского уезда. Принял постриг в Успенском Трифоновом монастыре. В 1721 г. упоминается в качестве казначея Трифонова монастыря, но в 1722 г. им уже не являлся²⁰. Однако в описи 1724 г. он назван иеромонахом, а не игуменом, что дает основание усомниться в этом предположении.

Поскольку в монастыре был один иеромонах или иеродиакон, необходимы были духовенство и причт для служения. Так, в 1646 г. помимо настоятеля в монастыре служавших монахов не было, поэтому их функции выполняли белое духовенство и причетники: «(во дворе) дьячек Павлик Степанов сын Савин з детми с Фомкою да з Гаврилком да с Конашкою, Фомка 10 лет, Гаврилко 7 лет, Конашка 2 лет, (во дворе) пономарь Петрушка Федоров сын Устюжанин с сыном Герасимком, Герасимко 4 лет, да з братом Елфимком, Елфимко женат (во

дворе), трапезник Олешка Иванов сын Устюжанин с сыном Сидорком, Сидорко 5 лет»²¹.

В 1678 г. за монастырской оградой жил пономарь Андриюшка Веснин, трапезник Стенка Толстиков с братьями. Дьячек «Юдка Долгушев» жил в с. Истобенском. Отдельный причт был в Пищальской вотчине, где монастырем была построена церковь во имя Зосимы и Савватия Соловецких Чудотворцев. Там служили поп Иаков Поторочинов, дьячек Данилко Бехтерев, пономарь Артюшка Веснин²².

В 1702–1703 гг. настоятелем упоминается строитель иерод. Исая. Как иеродиакон он не мог служить без священника. Поэтому ему помогал в служении священник, вероятно, вдовец, готовившийся принять постриг²³. Белый священник, если таковой был, жил в монастыре вместе с братией, причт проживал в монастырской слободке, за монастырской оградой.

Главным помощником настоятеля был казначей. Поскольку братия была преимущественно крестьянская, то казначеи были, видимо, неграмотны. Об этом косвенно свидетельствуют приходно-расходные книги: так, в 7204 г. (1695/96) вместо казначея монаха Авраамия расписался строитель иером. Киприан²⁴. В 1703 г. вместо казначея Дорофея сначала расписался «Ивашко Филимонов», а затем «руку приложил» строитель иерод. Исая²⁵. Хотя это могло быть следствием слабости здоровья или отъезда казначея.

Что же касается численности братии, на протяжении всей истории она была небольшой. В 1629 г. в переписной книге указывалось, что в обители только две кельи, которые предназначались, вероятно, для двух-трех монахов²⁶. К 1646 г. в трех кельях проживали три старца, при этом три кельи оставались пустыми. Последнее говорит о том, что в недавнем прошлом было не менее 6 монахов²⁷. Однако численность, вероятно, продолжала сокращаться. 30 августа 1661 г. вятский воевода С. Хитрово писал царю, что «у тое церкви монастыря и братьи нет никого»²⁸. Тем не менее после фактического исчезновения братия начинает расти. В 1703 г. в монастыре проживало 19 человек братии и священник²⁹, в 1710 г. – игумен и 20 монахов³⁰, в 1724 г. – 19 человек братии.

Социальный портрет монашествующих Истобенского монастыря дает опись 1724 г., когда обитель уже была приписана к Орловскому монастырю. Перед закрытием пустыни в братии было 19 человек, причем все они приняли постриг в родной обители. Время пребывания в монашестве составляло от 4 до 22 лет. Все это говорит о том, что переходы из монастыря в монастырь были здесь редким, если не исключительным явлениям. Хотя они и были возможны. В братии Спасо-Орловского монастыря был иеромонах, который, приняв постриг в Истобенской обители и прожив там год, перевелся в Орлов. Причиной перехода, по-видимому, стала нехватка или отсутствие священников для служения в Спасском монастыре.

По сословному происхождению братия была в основном выходцами из крестьянства (15 человек), один человек был из духовенства, один из посадских и два бывших бобыля. Местными были чуть меньше половины (8 человек из Орловского уезда, почти все из Истобенской вол.). 9 монахов были из Хлыновского уезда, 1 из Котельничского и 1 из Нижегородского края – из вотчин Макарьевского Желтоводского монастыря.

Для богослужений был только один иеромонах, остальные были простыми монахами. Иеромонах Лаврентий (в миру Леонтий Мошкин) до пострига был священником Покровской церкви Шалеговской вол. Истобенского стана. Он был самым молодым в братии (46 лет), при том что принял постриг в возрасте ок. 23 лет, вероятно, вследствие ранней смерти супруги. Он был вынужден служить постоянно, причем и за священника, и за диакона, которого в монастыре не было. Помощников для церковных и хозяйственных служб среди братии также не было по причине преклонного возраста. Только иеромонах имел возраст до 50 лет, у 2 возраст был 50–59 лет, 3 – 60–69 лет, 9 – 70–79 лет, 4 – 80–89 лет. Таким образом, более чем две трети монахов были 70 лет и старше³¹. Данная картина была характерна не только для вятских монастырей, но и для России в целом. В то время постриг являлся благочестивым обычаем перед смертью, поэтому уходили в монастырь обычно в глубокой старости. Только священники порой были вынуждены поступать раньше вследствие смерти супруги: по церковным правилам второй брак им не дозволялся, а права служить на приходе они лишались.

По сведениям Синодика начала XVIII в. среди братии было много схимников, принимавших схиму как высшую ступень монашества³². Однако это не может прямо свидетельствовать о высоком духовном уровне монастыря, поскольку в то время это также было благочестивой традицией, как и само принятие монашества в старости.

Приходно-расходные книги конца XVII – начала XVIII в. позволяют выявить наиболее значимые местные праздники для монастыря, когда собиралось основное подаяние для обители. Это престольные праздники Троицы и Введения во храм Богородицы, а также праздники в память свт. Николая чудотворца (Николаи вешнего и Николаи зимнего), в честь которого был наименован приходской храм в с. Истобенском³³. Также в монастыре особо чтился преп. Трифон Вятский, иконы которого были в Троицком храме («преподобный отец Трифон, писан на красках... венцы золочены»), на паперти (на красках длиной пять четвертей³⁴) и на Святых вратах³⁵.

Сохранилась опись обители, составленная в мае 1703 г., которая помогает представить внешнее устройство монастыря на рубеже столетий. В это время в монастыре был деревянный Троицкий храм с трапезой. В нем среди прочих икон выделялись два образа в честь Св. Троицы: первый

в киоте с басмяным серебром³⁶ по полям золоченым, второй – медной литой вызолочен на киоте, оклад басмяный с 17 серебряными и позолоченными венцами. Иконостас был двухъярусным: в нижнем ярусе было 18 икон, в верхнем – 12 икон, посвященных церковным праздникам³⁷. Внутреннее убранство было достаточно скромным: одежды на престольные и на жертвенник были как из бархата, так и простой крашенины – крашенного льняного холста. Из облачений указаны только ветхие камчатые ризы и стихари. В церкви было только два деревянных подсвечника – «писаны на красках», железных и медных по бедности обители не было вовсе. Это же относится и к церковной утвари, которую обычно делали из серебра: потир, дискос, блюда и ложка были оловянными, а копии медными. Также оловянными были блюдо и чашка. Окна в церкви были слюдяными.

Что касается других монастырских построек, упомянутых в 1703 г., на входных Святых воротах вверху было 5 икон: Вседержитель, Богородица, Иоанн Предтеча, архангелы Михаил и Гавриил (по аналогии с деисусным рядом иконостаса), на другой стороне преп. Трифон Вятский, столпник Петр, Алексей человек Божий и еще один святой. Колокольня была построена по традиционному для того времени типу – «на четырех столбах», с 4 колоколами весом 5 пудов без четверти, 3 пуда, 24 фунта и 16 фунтов. Также в монастыре была часовня в честь Трех святителей.

Несмотря на скромность обстановки, в монастыре имелся необходимый набор богослужебных книг, за исключением на престольного Евангелия, которое имело немалую стоимость. Монастырскую библиотеку составляли книги в десть: Евангелие толковое, Апостол, 3 Октоиха, Минейная общая, Триодь постная и Триодь цветная нотная, Требник, 2 Пролога сентябрьские, Пролог полугодовой мартовский, 5 Миней месячных (с апреля по июль и сентябрь), Шестоднев. В полдесть: Минейная месячная (ноябрь), Минейная месячная (октябрь), 2 псалтири, Минейная общая, 2 служебника, 2 Ирмолога знаменных, Праздники, Обиход церковной, Минейная общая, Часовник со святыми, «Святцы книга... годовая с тропари и кандаки», 2 «кануника», Устав со святыми, тропарями и кандаками, Полуустав. Книги имели преимущественно богослужебный характер. Для повседневного чтения были только Минейная и Прологи и Толковое Евангелие.

Из 36 книг 24 указаны печатными, 7 рукописными, о 4 – не известно. Печатные книги были изданы в Москве, за исключением Толкового Евангелия, изданного в Киеве. Из книг две отмечены как вкладные: Часовник «новой печатной и со святыми печать московская прикладу Ивана Свешникова» и «Полуустав писчей приклад хлыновца попа Ивана (?)»³⁸.

Поддерживали монастырь вкладчики и благотворители. Так, в описании церковного имущества была икона Введения Пресвятой Богородицы со

серебряными позолоченными венцами – вклад «Осипа Филипова сына Глухих». Образ Тихвинской иконы Божией Матери вложил в монастырь настоятель Успенского Трифонова монастыря архим. Александр. Деисусная икона была вложена Бажиным³⁹. Более широкий круг благотворителей известен из монастырского Синодика 1716–1721 гг. (с более поздними добавлениями). Во-первых, это архимандриты Хлыновского Успенского монастыря (Александр, Парфений), Пыскорского Преображенского монастыря (Зосима, Пафнутий), Слободского Богоявленского монастыря (Никанор), игумен Спасо-Орловского монастыря Митрофан, священники кафедрального собора и иных храмов г. Хлынова, г. Котельнича, с. Истобенского, с. Шалегово, с. Горохово, с. Великорецкого, вятские воеводы, архиерейский подьячий, старцы вятских монастырей, жители Слободского, Орлова, с. Истобенского, Бахты, Пасегово. Из крупных купцов – купцы гостиной сотни Спиридон Лянгусов, Илья Гостев и Александр Шеин⁴⁰.

Опись позволяет представить некоторые бытовые аспекты жизни братии. 19 монашествующих и священник размещались в 6 кельях, примерно по 3–4 человека в келье. В монастыре была своя хлебня, где пек хлеб и просфоры хлебник Анисим. Из посуды в хлебне были 2 медные котла из красной меди весом по 4 фунта, медник объемом в ведро, железная сковорода, деревянных 20 ставцов и 50 ложек для братии. В казне хранилось 20 фунтов воска и 20 фунтов меда в тусе⁴¹.

Церковь неизменно именовалась Троицкой с Введенским пределом на протяжении всего XVII в. – начала XVIII в.⁴² Интересно и именование обители в это время. Если на протяжении XVII в. она устойчиво называется монастырем⁴³, то в документах 1702–1703 гг., 1716–1721 гг. именуется пустыней, хотя численность ее увеличилась за вторую половину XVII в. в 5–6 раз⁴⁴.

Существование монастыря напрямую зависело от его материального обеспечения. Важнейшим фактором его «выживаемости» было наличие земельных угодий. Еще до появления монастыря в 1625/26 г. воевода Петр Мансуров дал к приходской тогда еще Троицкой церкви «...у речки Сингиревы дикое раменье черной лес под пашню на полчети выти». В 1629 г. А. Толочанов, записав церковь монастырем, но «тое де земли к монастырю не написал». Поэтому в 1647/48 г. воевода Иван Ухтомский по челобитью монастырских властей «...поверстал тое земли в оклад за тем монастырем две выти с полчетвериком, и оброк положил, и стрелецкие денги велел платить до нашего великого государя указу, покаместа о той земле указ будет, и на тое землю поселились наши великого государя крестьяне вятчана ж розных городов и волостей, и то раменье росчистили и пашни роспахали немало»⁴⁵. Крестьян в эти земли привлекали, в частности, «малые оброки по воеводским дачам».

Однако вскоре монастырь лишился своих крестьян и доходов. 30 августа 1661 г. вятский воевода Софрон Хитрово писал царю, что в Василий Отяев в писцовой книге 1646 г. записал за монастырем 30 крестьянских дворов, «...а в писцовых книгах те крестьяне, а у иных отцы их написаны в тягле за нами великим государем, а у тое церкви монастыря и братьи нет никого, а владеют тем местом и оброки к церкви с тех крестьян емлют тое ж Истобенской волости крестьяне истобенцы ж старосты церковные; да и после переписки Василья Отяева поселились на то раменье наши великого государя иные многие крестьяне, розных же уездов и волостей, по дачам тое церкви истобенцов же приходских людей, а называют монастырскими крестьяны, а иные крестьяне в тех же межах имели тое земли у воевод на малые участки из оброков». По указанию воеводы земли измерили и переписали дворы. За церковью оказалось 648 четвертей земли и 66 крестьянских дворов, которые в оклад не были положены. Царь в 1670 г. повелел вятским воеводам положить государственных крестьян переселить на черносошные земли и обложить их тяглом⁴⁶.

Тем не менее настоятель Моисей постарался получить для обители новые земли. По его челобитной 27 марта 1666 г. монастырь получил Пищальское раменье – «черный лес» для сенных покосов с бортными угодьями по обе стороны р. Холуницы. На юге межа проходила вниз по Черной речке «до сидячего болота до голых боров», а оттуда до Марадыково раменья. Монастырь просил эти угодья в оброк с льготой на один год. Раменье было дано, но на иных условиях: царь продлил льготу до 7 лет с марта 1666 до марта 1673 г., с условием к покосам и бортям «пашню распахать и дворные игуменские хоромы поставить и поля огородить». Когда льгота закончится, платить с пашни, покосов и бортных угодий в Хлыновскую съезжую избу оброк по 10 к.⁴⁷

Монастырь выполнил свое условие. Спустя 10 лет здесь были расчищены не только места для пашни, но и образовался погост с храмом. В Переписной книге 1678 г. говорится: Истобенского монастыря «починок новоросчисной на Пищальском раменье, а на том раменье погост вново, а на погосте церковь во имя Зосимы и Саватия Соловецких Чудотворцов». Также у монастыря появилось два починка – на Марадыковском раменье, где жил один половник, и в Орловском уезде на Боровице, где жил половник с двумя сыновьями. Всего в монастыре насчитывалось 15 крестьянских дворов и 29 душ⁴⁸. Для сравнения: по писцовым книгам 1646 г. относилось «к Троицкому монастырю 10 починков, а в них дворов 30, а людей в них 135 человек, починок пуст»⁴⁹. Менее чем через 10 лет, в 1654 г., когда производилась генеральная дворовая перепись Караулова, за Троицким монастырем числились 42 двора и 45 душ⁵⁰.

Как жил монастырь на рубеже XVII–XVIII вв.? Доходы монастыря были невелики. Приходно-рас-

ходная книга конца XVII в., составленная казначеем монахом Авраамием, содержит следующие сведения. Доход поступал от трех основных статей: подаяние, свечные и медовые сборы составили 6 р. 94 к., вымолоченные (за помол зерна на монастырской мельнице) 45 к., оброчные с пашни 7 р., всего 14 р. 39 к. Сохранились книги и имена сборщиков – старцев Лукиана и Варфоломея, а также Родиона Загребина. Причем ходили собирать подаяние не только с иконой, но и «с пеленой».

Расходы были следующими: было заплачено с Марадыковского починка стрелецких денег, подымных и на мирские расходы 1 р. 30 к., отдано работникам за кошение сена 1 р. 30 к., куплено рыбы на братский обиход на 6 к., заплачено оброчных за рыбные ловли 30 к., куплено 10 кос за 50 к., выдано хлебнику за год 1,5 р., куплено 9 сошников за 1 р., холста-хряща для братии на 3 р., воска, вина и ладана на 4 р. 50 к., рогож, лаптей, ставцов⁵¹ и горшков, упряжи на 53 к., отдано мирскому выборному старосте Пищального раменья 48 к. Общий расход составил 14 р. 47 к., превысив доход на 8 к. Товары покупали преимущественно на местном рынке, иногда выезжали в Котельнич и в Хлынов⁵². Манатейное сукно не покупалось, а монашеские одежды шились из хряща – самого грубого и толстого холста, который, возможно, даже не красился в темный цвет.

Также монастырь получал натурой хлеб от крестьян. С монастырских починков Багаевского и Хлыбовского в монастырские амбары в 1702 г. поступило 25 четв. ржи, 30 четв. овса и 4 четв. с осминой ячменя. Весь хлеб расходовался на братию, но получаемых доходов и хлеба не хватало. Поэтому настоятель иерод. Исая писал: «а сверх того питаемся мирским подаянием милостынею»⁵³.

В приходно-расходной книге Истобенского монастыря за 1703 г. отмечалось, что хлеб сеется на Марадыковском починке и Пищальском раменье. Расход овса – братии, работникам и

вкладчикам на квас, крупы и толокно, а также на корм скоту – 18 четвертей с осминой и четвериком, ячменя 1,5 четверти с четвериком, скотнику за работу выдано 5,5 четв. овса. Также 15 четв. овса ушло на братский обиход из мирского подаяния⁵⁴.

По описи 1703 г. в амбаре и житницах хранилось оставшиеся к маю 10 осмин ржаной муки и зерном: 60 осмин ржи и 50 осмин ярового, 10 осмин овса и ячменя, а также купленных 30 батман⁵⁵ соли. Из инструментов было 6 «дроворубных» топоров и 20 кос.

«Конюшенной и коровий дворец» представлял собой избу с клетью и подклетом. На конюшенном дворе было «деловых» коней 4 мерина и 2 кобылы «шерстью разны», 6 телят годовалых и полугодовых, 9 овец, 10 баранов. За ними присматривал живший там же наемный коровник Никита Овчинников. Также при монастыре жил вкладчик Григорий Искилдирев. Монастырь имел две прикладные пожни⁵⁶.

В первой четверти XVIII в. наблюдается значительный рост монастырских крестьянских дворов (см. таблицу). По официальным данным в 1678 г. у Истобенского монастыря было 15 дворов⁵⁷, в 1710 г. – 13⁵⁸, в 1722–143. Не менее удивителен и рост числа ревизских душ: 29 в 1678 г., 222 в 1719 г. и 1176 в 1722 г. Едва ли это можно объяснить естественным приростом населения или сверхактивной социальной мобильностью. Причиной различия цифр стало, вероятно, то, что к монастырским крестьянам были приписаны полковники – черносошные крестьяне, которые работали на монастырь, платя часть урожая. Но, возможно, что крестьяне действительно стали активно селиться в монастырских землях и записываться в монастырские крестьяне вследствие реформ Петра I, пытаясь найти в лице монастыря защиту. В этом отношении интересно замечание старожила, описывавшего жизнь монастыря в XVIII в.: «Пока был монастырь, народ в Истобенске валом валил: шли из Подрелья,

Вотчинные владения вятских монастырей в последней четверти XVII – первой четверти XVIII в.

Вятские монастыри-вотчинники	1683/84 (дворов)	1719 (душ м.п.)	1722 (дворов / душ м.п.)
Архиерейский дом (с приписным Котельничским м.)	758	5956	1275/10162
Успенский Трифонов м.	980	14452	5264/25636
Слободской Богоявленский м.	35		76/328
Верхочепецкий Крестовоздвиженский м.	176		369/1612
Истобенский Троицкий м.	15	222	143/1176
Холуницкий Троицкий м.		–	104/384
Верховятский Екатерининский м.	45	331	159/659
Закобровский Введенский м.	2	270	79/1095
Куринский Архангельский м.	7	69	25/268
Раифская пустынь	–	–	13/142
Всего:	–	21300	7507/41462

Сост. по: *Вештомов А. И.* История вятчан со времени поселения их при реке Вятке до открытия в сей стране наместничества, или с 1181 по 1781-й год чрез 600 лет. Казань, 1907. С. 132, 143–145; Древние акты, относящиеся к истории Вятского края. Вятка, 1881. С. 222.

бежали из-за Вятки, плелись из Шалегова, – все приписывались в монастырские, чтоб увильнуть от солдатчины и найти защиту от приказных. Народу прибывало, а селиться было некуда. Окружная земля принадлежала деревням; те истобенцев и не пускали на свои земли»⁵⁹.

Следует отметить, что помимо хлебопашества в жизни местного крестьянства большую роль играли промыслы, в частности рыболовство. О жизни Истобенска в XVIII в. сообщалось, что в то время «река (Вятка. – Е. К.) была многоводна, рыбы водилось в ней много и стерляди продавались нипочем...»⁶⁰

О состоянии хозяйства накануне закрытия монастыря свидетельствует ведомость 1724 г. Монастырь собирал с монастырских крестьян 22 руб. в год, с бобылей Загородной слободки – 1,5 руб., с монастырских двух деревень, которыми владели в Истобенском стане Талицкой церкви поп Симеон Юферев и крестьянин Андрей Крылов, – 2 р. 70 к. в год. Указанные деньги употреблялись на покупку воска, ладана, церковного вина и необходимые братские расходы «бес чего в том монастыре пробыть невозможно». Деньги расходовались полностью, «а бывает и недостает». Также с монастырских крестьян ежегодно собиралось ржи по 30 четв., овса на толокно по 15 четв., и с деревень в Истобенском стане ржи по 2 четв. с осминой и столько же овса.

В монастырских деревнях пахали «по вятскому обихованию» половники из приполюнного половинного хлеба. Так, в 1722 г. монастырь получил от половников ржи 30,5 четв., овса – 45 четв., ячменя – 4 четв. Указанный хлеб «употребляется в том монастыре настоятелю з братиею и с трудники в расход вес(ь) бес остатку, что в скудость; и до новаго году бывает про монастырский доход недостаток и за таким недостатком до новаго году пробавляетца от христоролюбивых людей подаянием с великою нуждою»⁶¹. Таким образом, с 1702 г. наблюдается увеличение в два раза получаемого монастырем зерна с 60 до 127 четв., но и этого хлеба было недостаточно.

Также ежегодно собиралось по 380–400 копен сена, которое без остатка расходовалось монастырским лошадям и скоту.

На 19 человек братии приходилось 15 трудников, которые работали на монастырских службах. Жалования ни трудники, ни братия не получали, включая настоятеля. Но монастырь обеспечивал их питанием и одеждой. Уровень жизни был невысок. Питались они «с великою скудостью... За недостатком денги пробавляютца с великою нуждою, прося от христоролюбивых людей»⁶².

Таким образом, в монастыре работали три группы работников: монастырские трудники и служитель, работавшие за пищу и одежду, а также монастырские крестьяне и половники, которые за пользование монастырской землей платили натуральную и денежную ренту. Сеяли преимущественно овес и рожь, в меньшей степени ячмень. Овес шел как фураж, так и в пищу. На Вятке

популярно было толокно, о чем свидетельствует и данный документ. Также указанные культуры давали неплохие урожаи в суровых северных условиях. Пшеницу для просфор не выращивали и не покупали. Поэтому пекли их, видимо, из тех культур, которые выращивались. Трехполье, по видимому, использовалось наряду с подсекой, на что указывает присутствие в документе сведений о расчистке земли из-под леса⁶³.

Поступательное развитие монастырского хозяйства в первой четверти XVIII в. было прервано петровскими реформами. В 1722 г. царь инициировал ликвидацию небольших монастырей, в которых проживало не более 30 человек братии⁶⁴. В указанную группу попали 6 вятских и 4 пермских мужских монастырей епархии. Так, Истобенский монастырь должен был присоединиться к Спасо-Орловскому, хотя последний не имел никаких земельных владений. Здесь, вероятно, сыграл свою роль административный фактор: Орлов являлся уездным центром, в то время как Истобенск – только волостным. Однако через 2 года после смерти Петра I, в 1727 г., когда начинается «откат» радикальных петровских реформ, Истобенский монастырь первым из вятских обителей вернул свою самостоятельность⁶⁵.

Что касается дальнейшей истории монастыря, в 1764 г. в результате секуляризации монастырь утратил свои земли, а в 1795 г. иноков перевели в затухавший Соликамский Вознесенский монастырь в пермских землях, который стал называться Соликамским Истобенским монастырем⁶⁶.

В истории Истобенского монастыря отразились основные тенденции развития русского монашества XVII–XVIII вв. Он создавался на волне колонизации Вятского края. Благодаря его усилиям были основаны поселения на Пищальском раменье (с. Пищалье), на Марадыковском раменье (д. Марадыково, Быстряги), у с. Монастырщина, на р. Сингиревке, на р. Боровице. Монастырь не имел ни крупных благотворителей, ни значительных вотчин, что ставило его в прямую зависимость от местного крестьянского населения, по инициативе которого он и был создан. Поэтому важен был духовный уровень обители. Реальная значимость монастыря оказалась сильнее политических реформ первой четверти XVIII в. Именно инициатива прихожан позволила на 70 лет восстановить самостоятельность обители и поддерживать ее существование в непростых исторических условиях.

Публикация подготовлена при финансовой поддержке РГНФ и Правительства Кировской области (научный проект №14-11-43003).

Примечания

¹ См.: Вахонин С. Г. Истоки. Оричи, 1996. С. 9–10; Маркелов А. В. К истории Истобенского Свято-Троицкого монастыря // Религия и церковь в культурно-историческом развитии Русского Севера: материалы

- междунар. науч. конф. : в 2 т. Киров, 1996. Т. 1. С. 79–82; *Пислегина А. В.* Монастырский комплекс как доминантный центр поселения (на примере Троицкого Источенского и Успенского-Лихоткина Яромаского монастырей) // *Ломоносов : материалы XII Междунар. конф. : в 2 т. Т. 1. М., 2005 и др.*
- 2 Книга писцовая Орлова города с уездом 137 (1629) году // *Труды Вятской ученой архивной комиссии (далее – ТВУАК). 1909. Вып. 2–3. Отд. 2. С. 51.*
- 3 См.: *Луппов П. Н.* История вятских сел // *Энциклопедия Земли Вятской : в 2 т. Т. 4. История. Киров, 1995. С. 161 ; Сычев В. И.* Вятские монастыри в конце XVI – начале XX века // *Европейский Север в культурно-историческом процессе. Киров, 1999. С. 221 ; Пислегина А. В.* Указ. соч. С. 239 ; *Очерки истории Вятской епархии. Киров, 2007. С. 52.*
- 4 Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 237. Оп. 1. Д. 6346. Л. 66–66 об.
- 5 Грамота воеводе Венедикту Змееву об утверждении за Вятскою епископскою кафедрою приписных к ней земель и крестьян // *ТВУАК. 1908. Вып. 2. Отд. 3. С. 59.*
- 6 РГАДА. Ф. 137. Оп. 1. Орлов № 1. Л. 172 (Сообщено В. А. Любимовым и А. Л. Мусихиным).
- 7 Грамота воеводе Венедикту Змееву... С. 59.
- 8 РГАДА. Ф. 237. Оп. 1. Д. 6346. Л. 67–68.
- 9 Переписная книга дворов города Орлова, тяглых и оброчных деревень и дворов в волостях переписи Михаила Петровича Воейкова и подъячаго Феодора Прокофьева 186 (1678 года) // *ТВУАК. 1910. Вып. 1. Отд. 2. С. 64.*
- 10 *Строев П. М.* Списки иерархов и настоятелей монастырей российской церкви. СПб., 1877. Стб. 810.
- 11 РГАДА. Ф. 237. Оп. 1. Д. 7. Л. 469, 471, 476–477.
- 12 Там же. Д. 665. Л. 19–20.
- 13 Там же. Д. 6346. Л. 65.
- 14 Отдел рукописей Российской государственной библиотеки (ОР РГБ). Ф. 722. № 22. Синодик Источенского Троицкого монастыря. Л. 42 об.
- 15 *Строев П. М.* Указ. соч. Стб. 810.
- 16 ОР РГБ. Ф. 722. № 22. Синодик Источенского Троицкого монастыря. Л. 14 об.
- 17 РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Д. 1034. Л. 63 об.
- 18 ОР РГБ. Ф. 722. № 22. Синодик Источенского Троицкого монастыря. Л. 13.
- 19 Там же.
- 20 *Кустова Е. В.* История Вятского Успенского Трифонова монастыря : в 2 т. Т. 2. Киров, 2013. С. 69.
- 21 РГАДА. Ф. 137. Оп. 1. Орлов № 1. Л. 172–173.
- 22 Переписная книга дворов города Орлова... 1678 года... С. 61, 64, 112.
- 23 РГАДА. Ф. 237. Оп. 1. Д. 6346. Л. 64 об.
- 24 Там же. Д. 7. Л. 469, 471, 476–477.
- 25 Там же. Д. 665. Л. 19–20.
- 26 Книга писцовая Орлова... (1629) году... С. 51.
- 27 РГАДА. Ф. 137. Оп. 1. Орлов № 1. Л. 172–173.
- 28 Грамота воеводе Венедикту Змееву... С. 59–61.
- 29 РГАДА. Ф. 237. Оп. 1. Д. 6346. Л. 64 об.
- 30 Там же. Ф. 1209. Оп. 1. Д. 1034. Л. 63 об.
- 31 Государственный архив Кировской области (ГАКО). Ф. 237. Оп. 81. Д. 5. Л. 37, 37 об., 41–43 об.
- 32 ОР РГБ. Ф. 722. № 22. Л. 20.
- 33 РГАДА. Ф. 237. Оп. 1. Д. 7. Л. 470 об. – 471.
- 34 Четверть – мера длины в XVI–XVII вв. ок. 18 см.
- 35 РГАДА. Ф. 237. Оп. 1. Д. 6346. Л. 61 об., 64, 64 об.
- 36 Басма – тонкий лист металла (чаще всего серебряный, реже золотой или медный) с рельефным выдавленным рисунком.
- 37 РГАДА. Ф. 237. Оп. 1. Д. 6346. Л. 61, 62.
- 38 Там же. Л. 62–64 об.
- 39 Там же. Л. 61 об., 62 об.
- 40 ОР РГБ. Ф. 722. № 22. Л. 12 об.–104 об.
- 41 РГАДА. Ф. 237. Оп. 1. Д. 6346. Л. 64 об.
- 42 Там же. Ф. 1209. Оп. 1. Д. 1034. Л. 63 об. ; Книга писцовая Орлова... (1629) году... С. 51 ; Переписная книга дворов города Орлова... (1678 года)... С. 64 и др.
- 43 Книга писцовая Орлова города... (1629) году... С. 51 ; Грамота воеводе Венедикту Змееву... С. 59–61 ; Переписная книга дворов города Орлова... (1678 года)... С. 64 и др.
- 44 РГАДА. Ф. 237. Оп. 1. Д. 6346. Л. 60; ОР РГБ. Ф. 722. № 22. Л. 20.
- 45 Грамота воеводе Венедикту Змееву... С. 59.
- 46 Там же. С. 60–61.
- 47 РГАДА. Ф. 237. Оп. 1. Д. 6346. Л. 67–68.
- 48 Переписная книга дворов города Орлова... (1678 года)... С. 112–113.
- 49 РГАДА. Ф. 137. Оп. 1. Орлов № 1. Л. 239.
- 50 *Селивановский И. П.* Село Источенское (Вятской губернии Орловского уезда) // *Календарь Вятской губернии на 1893 г. Вятка, 1892. С. 157.*
- 51 Ставец – деревянная или глиняная чашка или миска.
- 52 РГАДА. Ф. 237. Оп. 1. Д. 7. Л. 469–473 об.
- 53 Там же. Д. 665. Л. 19–20.
- 54 Там же. Д. 7. Л. 484 об.–485.
- 55 Батман – мера веса, равная пуду.
- 56 РГАДА. Ф. 237. Оп. 1. Д. 6346. Л. 64 об.–65 об.
- 57 Переписная книга дворов города Орлова... (1678 года)... С. 112–113.
- 58 РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Д. 1034. Л. 115. Всего же в Источенском оброчном стане было 240 дворов, 699 м.п. и 739 ж.п.
- 59 *Селивановский И. П.* Указ. соч. С. 158–159.
- 60 Там же.
- 61 ГАКО. Ф. 237. Оп. 81. Д. 4. Л. 64 об. – 65.
- 62 Там же. Л. 65 об., 67 об.
- 63 См.: *Стародумов В. Н.* Троицкий Источенский монастырь в 1724 г. // *Европейский Север в культурно-историческом процессе : материалы междунар. конф. Киров, 1999. С. 228.*
- 64 ПСЗ-1. Т. VI. № 4022. Прибавление к Духовному регламенту. Май 1722 г. П. 44, 45.
- 65 ГАКО. Ф. 237. Оп. 81. Д. 5. Л. 25–119 ; *Очерки истории Вятской епархии (1657–2007). Киров (Вятка), 2007. С. 89.*
- 66 Государственный архив Пермского края. Ф. 193. Оп. 1. Д. 4. Л. 6; Д. 6. Л. 194.

УДК 7.035(47+57)2 [Классицизм в России]

МЕБЕЛЬНОЕ УБРАНСТВО ЖЕЛТОЙ ГОСТИНОЙ ЗИМНЕГО ДВОРЦА. О. МОНФЕРРАН, 1827–1828 ГОДЫ

И. А. Гарманов

Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург
E-mail: garmanov-69@mail.ru

В коллекции мебели Государственного Эрмитажа хранится мебельный гарнитур, созданный по проекту Огюста Монферрана в 1827–1828 гг. Творчество знаменитого петербургского архитектора в прикладном искусстве изучено недостаточно, поэтому атрибуция мебели, созданной для одного из парадных апартаментов Зимнего дворца, – Желтой гостиной императрицы Марии Федоровны, представляет значительный интерес. Автор статьи прослеживает историю создания гарнитура и его последующую судьбу, анализирует материалы и конструкцию вещей, а также стилистические черты предметов мебели.

Ключевые слова: ампир, мебель, Монферран, Зимний дворец, классицизм, Николай I.

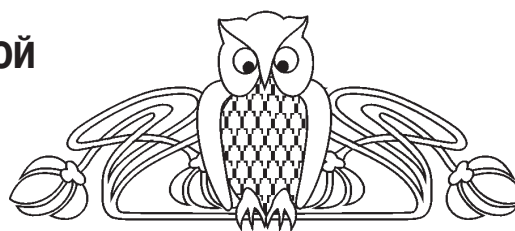
The Furniture Decoration of the Winter Palace's Yellow Drawing Room. A. de Montferrand, 1827–1828

I. A. Garmanov

In the furniture collection of the State Hermitage there is a suite of furniture designed by Auguste de Montferrand in 1827–1828. As the famous architect's contribution to decorative arts has not been studied thoroughly yet, the attribution of the furniture created for the one of the Winter Palace ceremonial apartments, the Yellow Drawing Room of Empress Maria Fiodorovna, is a subject of a particular interest. The article traces the history of the suite since its creation, analyzes the materials and techniques used as well as the stylistic characteristics of different items of the suite.

Key words: Empire style, furniture, Montferrand, Winter Palace, Neoclassical style, Nicolas I.

Статья посвящена мебельному убранству Желтой гостиной вдовствующей императрицы Марии Федоровны в Зимнем дворце. Гарнитур мебели, выполненный из мореного тополя, представляет интерес по ряду причин. Во-первых, мебель была выполнена по проекту Огюста Монферрана (1786–1858), творчество которого в прикладном искусстве исследовано недостаточно хорошо. Еще меньше известно об исполнителе заказа Двора – мебельщике А. Туре. Кроме того, гарнитур связан с историей Зимнего дворца, поскольку на протяжении десятилетий мебель украшала парадные залы императорской резиденции. Проведенное автором исследование показало, что в настоящее время в коллекции Государственного Эрмитажа сохранились следующие предметы из Желтой гостиной: 5 стульев, 4 кресла, 2 стола и боковые части одного дивана¹. Архивные изыскания позволили поэтапно проследить процесс

создания мебели (с мая 1827 г. по март 1828 г.) и ее последующее бытование.

Появление Желтой гостиной (на месте нынешнего зала № 283 Государственного Эрмитажа) связано с реконструкцией апартаментов Марии Федоровны, вдовы Павла I. Покои вдовствующей императрицы располагались на втором этаже в южной части Зимнего дворца, выходя окнами на Парадный двор и Дворцовую площадь. После убийства Павла I в 1801 г. Мария Федоровна постоянно носила траур и занималась благотворительной деятельностью. Однако это не мешало ей проводить приемы и давать пышные балы на своей «половине» дворца. Представительный образ жизни требовал соответствующих интерьеров, реконструкция которых была задумана в годы царствования Александра I, но осуществлена спустя десять лет при Николае I.

Руководство строительными работами 19 апреля 1827 г. Николай I поручил Монферрану, уволив при этом другого архитектора – Карла Росси (1775–1849) «по случаю его болезни»². Решение государя кажется неожиданным, если учесть, что в 1817 г. Росси уже начинал реконструкцию комнат Марии Федоровны. Однако созданные тогда проекты остались на бумаге, поскольку зодчему пришлось срочно отделять в Зимнем дворце другие апартаменты к визиту короля Пруссии Фридриха-Вильгельма III. Было бы логичным реализовать готовые проекты Росси в 1827 г., но этого снова не произошло. Более того, Монферран составил новую проектную документацию. В исполнении Монферрана все 19 комнат и парадных залов императрицы получили отделку вне зависимости от Росси. Чертежи как Росси, так и Монферрана сохранились в научно-исследовательском музее Российской академии художеств. Сравнивая проекты, В. К. Шуйский относит их к лучшим произведениям среди графического наследия обоих зодчих, подчеркивая при этом, что работы Росси «ближе к творчеству законодателей ампира Ш. Персье и П. Фонтена, чем значительно более самостоятельные проекты Монферрана для Зимнего дворца»³.

Произведения Росси действительно ближе к французскому ампиру образца 1800-х гг. Этот вариант стиля Карл Иванович привез из Парижа в Россию в качестве культурного «багажа» в 1805 г. Однако архитектурная мода быстро менялась, а стиль развивался. Несмотря на Наполеоновские войны, Европа оперативно реагировала на изменения в Париже. Например, в 1812 г. Персье

и Фонтен опубликовали очередные проекты мебели, которые в англицизированных версиях в том же году появились на страницах британского журнала «Репозиторий Искусств» («Repository of Arts»)⁴. После реставрации Бурбонов во Франции в 1814 г. на государственном уровне возникает интерес к стилям «великих королей прошлого» – барокко Людовика XIV и рококо Людовика XV. Свидетелем эволюции ампира и ранних попыток ретроспективного стилизаторства стал Огюст Монферран, который покинул Францию в 1816 г. В итоге в Санкт-Петербурге именно Монферран, а не Росси оказался носителем новейшей версии стиля ампир, став «законодателем европейской моды в российской столице»⁵.

В 1828 г. Монферран успешно завершил реконструкцию «половины» Марии Федоровны. Однако последовавшая вскоре смерть императрицы и пожар дворца 17 декабря 1837 г. привели к тому, что сведения об убранстве комнат оказались забытыми. Только в 1970-е гг. полузабытые апартаменты привлекли внимание исследователей. Наиболее полную характеристику утраченным интерьерам дал профессор В. И. Пилявский, который подчеркнул, что Монферран создал не конгломерат комнат, а ансамбль помещений, объединенных общностью стиля⁶. Коллектив авторов монументального издания «Эрмитаж. История строительства и архитектуры зданий» констатировал, что интерьеры Марии Федоровны «вошли в число образцовых произведений, характеризующих стилистическое своеобразие архитектуры позднего классицизма, в недрах которого нарастали эклектические тенденции»⁷. Отдельные труды посвящены мебельному убранству комнат Марии Федоровны⁸.

Документы Российского государственного исторического архива сохранили пожелания Марии Федоровны о двух десятках вновь отделяемых помещений, которые относятся преимущественно к личным покоям⁹. Что касается убранства парадных комнат, то их архитектурно-художественное решение Мария Федоровна доверяет сыну – Николаю I, а также министру Двора князю П. М. Волконскому. Например, о Желтой гостиной сообщается: «Je m'en remets entierment à la décision de l'Empereur et au gout de Prince Volkonsky. (Предаю совершенно воле Государя Императора и вкусу Князя Волконского)»¹⁰. Согласно планировочному решению, Желтая гостиная, или «Salon Jaune», располагалась рядом с Тронным залом вдовствующей императрицы и открывала анфиладу парадных комнат с окнами на Дворцовую площадь.

Эскизы мебели, создаваемой Монферраном, утверждались лично Николаем I, как и образцы дерева для ее изготовления. В мае-июне 1827 г. архитектор подал во «Временную Строительную комиссию» 11 тетрадей «высочайше» утвержденных рисунков для изготовления мебели¹¹. Тетради обнаружить не удалось, поскольку эскизы мебели,

попав в мастерские, оставались там и, как правило, не сохранялись.

Заказ на меблировку апартаментов Марии Федоровны получили лучшие мебельщики Петербурга. Наряду с фирмами братьев Гамбс и А. Тура, которые были ведущими поставщиками мебели ко Двору в первой половине XIX в.,¹² в конкурентную борьбу вступили и менее крупные производители – В. Бабков, В. Штром, К. Гут, А. Эмзен и другие¹³. Все они получили заказы. Особенно много предметов мебели было изготовлено для личных покоев, где, кроме традиционных столов, диванов, стульев и кресел, имелись этажерки, шкафы, разнообразные столики, корзины для шитья. Известно, что Мария Федоровна увлекалась рукоделием и любила цветы, которые помещались в разнообразные жардиньерки: фарфоровые, украшенные живописью и золотом; «с решетками с золочеными шишками»; круглые и восьмиугольные на «выгибных ножках»; полукруглые возле зеркал¹⁴. «Цветники» и многочисленные предметы мебели формировали в комнатах уютные уголки.

Заказ на изготовление мебели «черного папельного дерева (т. е. из мореного тополя, имеющего темно-коричневую, а местами – почти черную окраску. – И. Г.) с позолотою» для Желтой гостиной получил «мебельный фабрикант» Тур по результатам торгов. Торги проводились в августе 1827 г. отдельно по каждой из комнат Марии Федоровны. Сметная стоимость меблировки Желтой гостиной (в рабочих документах она обозначалась как «№ 9») составляла 4950 р. «Мебельный мастер» Конрад Гуд брался «с уступкой» исполнить работу за 4540 р., в то время как Андрей Иванович Тур соглашался на 4525 р. В итоге, Тур получил заказ на мебель для «комнаты № 9»¹⁵, о чем сообщает докладная записка Монферрану от 27 августа 1827 г.¹⁶ Гарнитур Желтой гостиной включал диван длиной 4 аршина (2,84 м), 24 кресла (ил. 1), 6 стульев, 2 экрана и 2 ящика для дров. Согласно контракту, диван, кресла и стулья обивались вчерне, чтобы позднее их можно было обить под цвет комнаты¹⁷.

Помимо указанных предметов, Тур по рисункам Монферрана изготовил в Желтую гостиную большой восьмиугольный стол¹⁸ (ил. 2) и пару консолей, оформленные отдельными заказами. Изначально предполагалось использовать консоли с амазонитовыми столешницами равных размеров. Однако обнаружилось, что простенки между окнами гостиной имеют разную ширину. Узнав об этом, Монферран сообщает: «Назначенные в комнату № 9, взятые из кабинета Его Величества две Амазонитовые столовые доски для консолей, мерю по длине 1 арш. 15 3/4 вершков, за неровностью простенков, нахожу неудобными для употребления в оной комнате...» В итоге изготовили новые консоли со столешницами из синего стекла. Над консолями разместили разного размера зеркала¹⁹ в рамках из мореного тополя с резными вызолоченными украшениями. Зеркала

Ил. 1. О. Монферран, А. Тур. Кресло. Тополь (фанеровка), хвойные породы (основа), резьба, токарная работа, морение, золочение; ткань. 100×64×64 см. 1827–1828 гг. Государственный Эрмитаж

Ил. 2. О. Монферран, А. Тур. Стол. Тополь (фанеровка), хвойные породы (основа), резьба, токарная работа, морение, золочение. 79×143×82 см. 1827–1828 гг. Государственный Эрмитаж

по рисункам Монферрана сделал мастер Гут²⁰. Кроме того, термометр и два каминных прибора в станке «черного папельного дерева», а также пару плевательниц изготовила фирма братьев Гамбс²¹.

За качеством товара Монферран следил сам. Уже при заключении подрядов оговаривалось, что древесина должна быть просушенной, «без синевы» (т. е. без гнили) и без сучков. Архитектор лич-

но проверял сначала образцовые изделия (октябрь 1827 г.), а затем (март 1828 г.) готовые гарнитуры для комнат Марии Федоровны²². Лишь после того, как маэстро рапортовал о приемке продукции, производители получали деньги, однако не все. Часть средств удерживалась в качестве гарантии и выплачивалась позже. Так, в распоряжении для Гоф-Интендантской конторы от 11.12.1828 г.

читаем: «Сего числа предписано /.../ удержанные у мебельного мастера Тура /.../ в залог годовой ответственности по сделанию мебели /.../ 1000р. выдать ему с распискою в книге залогов»²³.

Несмотря на то что изображений Желтой гостиной обнаружить не удалось, документы Временной Строительной комиссии (1827–28)²⁴, а также «Опись вещам, находившимся до пожара в комнатах половины покойной Государыни Императрицы Марии Федоровны» (1838)²⁵, позволяют представить облик комнаты. Обширное, почти квадратное в плане, пространство Желтой гостиной было увенчано бронзовой золоченой люстрой «с лебедями» из 48 свечей, расположенных вокруг обруча. Стены покрывали резные вызолоченные панели работы В. Бабкова и И. Петрова, пространство между которыми мастер Тимофеев обил «желтой материей с белыми цветами». Такой же материей обили мебель. Лепное убранство гостиной выполнили Е. и К. Балины, Т. Дылев, С. Железнов, Дубинкин, М. и А. Соколовы, И. Тарабарин. Двери гостиной изготовил В. Бабков, а резные вызолоченные украшения к дверям и окнам создали К. Кузнецов и В. Захаров. На окнах гостиной висели шторы из желтого марселина на подкладке «фламского полотна» с шелковыми шнурами и кистями, а в простенках между окнами находились зеркала и консоли. На консолях, по центру, на пьедесталах серого мрамора стояли фарфоровые золоченые вазы «с ландшафтами», а по бокам от ваз – бронзовые золоченые канделябры на 12 свечей в виде фигур крылатых Слав с венками. Такие же канделябры стояли на каминах из искусственного мрамора, которые сделал мастер Э. Мадерни в центре западной и восточной стен. Зеркала над каминами создавали бесконечный ряд отражений. По краям каминов стояли канделябры, а между ними под стеклянными колпаками – бронзовые золоченые часы. Диана и Аполлон украшали одни часы, Муза других «играла» на лире рядом с крылатым Купидоном. Рядом с каминами располагались экраны с желтым атласом, ящики для дров и каминные приборы. Напротив окон стоял большой диван, а перед ним – преддиванный «восьмиугольный» стол с парой шандалов на 4 свечи. Вокруг стола и вдоль стен расположились три десятка кресел и стульев из мореного тополя. В целом гостиная была решена в желтой цветовой гамме с использованием большого количества позолоты, отражавшей лучи солнца и огоньки полутора сотен свечей, умноженных зеркалами.

Мария Федоровна скончалась в конце 1828 г., вскоре после завершения отделки комнат. При пожаре дворца в 1837 г. интерьеры сгорели, однако значительную часть имущества удалось спасти. На период восстановления дворца всю мебель вывезли в Таврический дворец, где в 1838 г. была составлена вышеупомянутая «Опись». Она зафиксировала утраченные и спасенные предметы с указанием повреждений вещей. В отношении

Желтой гостиной сообщается об утрате люстры с лебедями, каминных приборов и двух консолей. Однако сохранились часы, канделябры, фарфоровые вазы и все предметы мебельного гарнитура, только «у одного кресла спинка с локотниками отломана»²⁶.

При восстановлении дворца на месте комнат Марии Федоровны архитектор А. П. Брюллов (1798–1877) создал «1-ю Запасную половину», предназначенную для дочери Николая I Марии Николаевны и ее мужа герцога М. Е. Лейхтенбергского, свадьба которых состоялась 2 июля 1839 г. Еще раньше, к 20 июня, следовало завершить отделку интерьеров, поэтому широко использовалось спасенное при пожаре дворцовое имущество, в том числе мебель. В состав «половины» вошла анфилада из пяти парадных залов с (залы № 283–287) полотнами батальной живописи. Эти интерьеры вошли в историю Зимнего дворца как Залы военных картин.

В зал № 5, который находился на месте Желтой гостиной, поместили спасенный гарнитур, некогда стоявший в этих же стенах. Меблировку помещения в 1859 г. отразила «Опись мебели, убранству и прочим вещам Камер-Цалмейстерской части», которая показала, что в зале находились 17 кресел, 6 стульев и диван, обитые «желтой штофною материею», а также 2 (!) «восьмиугольных» стола²⁷. Данные «Описи» подтверждает акварель Э. П. Гау 1862 г. (ил. 3). Художник зафиксировал картины Ф. Байкова, П. Суходольского, Г. Виллевалде на стенах зала, а также его меблировку. В левой части акварели заметны два стола, расположенные в простенках между окнами. Как отмечалось выше, изначально в гарнитуре гостиной был один преддиванный «восьмиугольный» стол, совершенно излишний в зале батальной живописи. Поскольку масштабные строительные работы велись спешно и с экономией средств, то, вероятно, было решено изготовить второй стол и заменить парой столов сгоревшие консоли. При этом новый стол могли заказать тому же Туру, принимавшему активное участие в восстановлении дворца. В зале с картинами столы-консоли играли важную роль. На них парно стояли канделябры на девять свечей в виде амуров; поток света усиливали зеркала. Таким образом, в любое время суток зал освещался с одной стороны, что важно для восприятия живописи. Очередная зимнедворская опись в 1889 г. зафиксировала столы-консоли на прежнем месте. К этому времени число кресел в зале сократилось до 14, а мебель в анфиладе обили «малиновой штофной материей», что способствовало цельности интерьерного ансамбля²⁸.

С точки зрения мебельного искусства гарнитур Желтой гостиной относится к широкому кругу парадной дворцовой мебели. До настоящего времени кресла и стулья сохранили окраску мореного тополя и основные элементы декора. Спинки кресел (см. ил. 1) имеют обивку – черта скорее француз-

Ил. 3. Э. П. Гау. «5-й Зал военных картин» в Зимнем дворце. Акварель. 1862. Государственный Эрмитаж

ской мебельной школы, нежели русской. Царга кресел и стульев имеет особую форму. Ее передняя планка ниже остальных, что формирует глубокое гнездо для вкладного сиденья. Эта особенность мебели Монферрана подмечена Т. Б. Семеновой, которая пишет: «Такой тип царги не встречается на других образцах мебели из Зимнего дворца и может рассматриваться как характерный конструктивный прием архитектора»²⁹. Сохранившиеся элементы декора представлены листьями аканта, шарами на локотниках и стилизованными головками лебедей на задней части спинок. Элегантные изгибы лебединых шей, локотников, задних ножек и опор спинок придают профилям кресел и стульев особую выразительность, наглядно демонстрируя замену традиционного для XVIII в. фронтального восприятия мебели объемным. Тщательная проработка не только передних, но и задне-боковых поверхностей предметов, несомненно, обогатила художественный образ.

Столы из гарнитура, именуемые в документах «восьмиугольными», относятся к типичным преддиванным столам первой половины XIX в. Они имеют массивные прямоугольные столешницы со «срезанными» углами, которые покоятся на двух опорах-колоннах, объединенных в нижней части плинтсом, опирающимся на мощные «львиные лапы» (см. ил. 2). На светлой поверхности столов заметны следы морения древесины. К сожалению, проведенная в XX в. зачистка поверхности столов сделала их светлее, а также повлекла утрату резного декора на подстолях. До настоящего времени резьба – листья лавра и аканта, пальметты – сохранилась на колоннах и плинтсе.

От большого дивана имеются две боковины, однако он хорошо виден на акварели Гау (см. ил. 3). Диван имеет форму лады. «Богатый» резной декор спинки включает рога изобилия – один из распространенных мотивов в мебели Монферрана. Ножки дивана завершаются «сдво-

енными» львиными «лапами», которые переключаются с аналогичным мотивом ножек столов. Боковины дивана украшены стилизованными головками лебедей, в сильно увеличенном масштабе повторяющими декор кресел и стульев. Как уже отмечалось, «лебеди» украшали и утраченную люстру Желтой гостиной. Таким образом, единство декоративных мотивов способствовало цельному решению интерьера.

Правомочен вопрос о стилистической принадлежности гарнитура. По конструктивным и декоративно-пластическим особенностям предметы мебели восходят к ампиру. Используемые мотивы декора – акантовые и лавровые листья, пальметты, головки лебедей, рог изобилия и лапы животных – часто встречаются как в произведениях Монферрана, так и в работах его учителей – Персье и Фонтена. Вместе с тем избыточность декора, несколько тяжеловесные пропорции столов и дивана, усложненная конструкция кресел позволяют говорить об отходе от строгих канонов «александровского» ампира и отнести мебель к «позднему» или «николаевскому» ампиру.

Итак, изучение архивных документов и памятников – предметов мебели – позволило атрибутировать мебельный гарнитур и проследить историю его создания. Несмотря на то что на рубеже 1820–30-х гг. эволюция стиля ампира приблизилась к логическому завершению, О. Монферрану удалось найти оригинальные решения для своих произведений. В основе достижений мастера, кроме его собственного таланта, усматривается синтез нескольких начал: достижений русского и французского мебельного искусства, архитектурных особенностей дворцовых покоев, а также личных вкусов Николая I. Данное исследование затрагивает сравнительно малоизученную грань творчества Монферрана в области прикладного искусства и приоткрывает полузабытые страницы истории Зимнего дворца.

Примечания

- 1 Инвентарные номера ЭРМБ (912–916, 911, 917, 918, 1196, Э 3044, Э 3051, ОНП 26).
- 2 Шуйский В. К. Огюст Монферран. История жизни и творчества. М. ; СПб., 2005. С. 254.
- 3 Шуйский В. К. Карло Росси. СПб., 2001. С. 114 ; *Он же*. Огюст Монферран. История жизни и творчества. М. ; СПб., 2005. С. 253–254.
- 4 Collard F. Regency Furniture. Woodbridge, Suffolk, 2000. P. 132.
- 5 Ботт И. К. Царскоесельская мебель и ее коронованные владельцы. СПб., 2009. С. 205.
- 6 См.: Плявский В. И. Эрмитаж. История и архитектура зданий. Л., 1974. С. 99.
- 7 Эрмитаж. История строительства и архитектура зданий. Л., 1989. С. 138–139.
- 8 См.: Русская мебель в Государственном Эрмитаже. Альбом / сост. и авт. текста Т. М. Соколова, К. А. Орлова. Л., 1973 ; Семенова Т. Б. О некоторых гарнитурах мебели по проектам К. Росси и О. Монферрана из Зимнего дворца // Прикладное искусство Западной Европы и России : сб. науч. тр. Л., 1999. С. 218–230 ; Гарманов И. А. Неизвестные работы В. Бренны и О. Монферрана для Овального зала императрицы Марии Федоровны // Сообщения Гос. Эрмитажа [вып.] LXII. СПб., 2004. С. 36–44 ; Шуйский В. К. Огюст Монферран... С. 253–325.
- 9 Российский государственный исторический ар-

- хив (РГИА). Ф. 469. Оп. 12, ч. 3. Д. 127. Л. 14–18.
- 10 Там же. Л. 16
- 11 См.: Семенова Т. Б. Указ. соч. С. 221.
- 12 См.: Федосеева О. А. Мебель для императорских дворцов // За кулисами парадной жизни. Поставщики императорского двора : Каталог выставки. СПб., 2013. С. 313.
- 13 РГИА. Ф. 470. Оп. 3 (159/593), 1827–28 гг. Д. 23, 24.
- 14 Там же. Оп. 2 (106/540), 1838 г. Д. 167. Л. 182–219.
- 15 Кроме Желтой гостиной, Тур выиграл торги на изготовление мебели для Проходной комнаты № 13 (на месте зала № 297).
- 16 РГИА. Ф. 470. Оп. 3 (159/593), 1827–28 гг. Д. 23. Л. 55.
- 17 Там же. Д. 24. Л. 124.
- 18 Там же. Л. 172.
- 19 Там же. Д. 23. Л. 320–321.
- 20 Там же. Л. 98–99.
- 21 Там же. Л. 190.
- 22 См.: Гарманов И. А. Указ. соч. С. 38 ; РГИА. Ф. 470. Оп. 3 (159/593), 1827–1828 гг. Д. 24. Л. 61.
- 23 РГИА. Ф. 470. Оп. 2 (106/540), 1838 г. Д. 167. Л. 421.
- 24 Там же. Оп. 3 (159/593), 1827–28 гг. Д. 23, 24.
- 25 Там же. Оп. 2 (106/540), 1838 г. Д. 167. Л. 182–184.
- 26 Там же. Л. 182.
- 27 Там же. Ф. 469. Оп. 12, ч. 3, 1859 г. Д. 1361. Л. 1–4.
- 28 Архив Государственного Эрмитажа (АГЭ). Ф. 1. Оп. 6 «К». Ед. хр. 32, 48, 51.
- 29 Семенова Т. Б. Указ. соч. С. 224.

УДК 930.323.376

ЭТАПЫ СТАНОВЛЕНИЯ СУЛТАНА ХАН-ГИРЕЯ, АДЫГСКОГО ПРОСВЕТИТЕЛЯ И ОБЩЕСТВЕННОГО ДЕЯТЕЛЯ

А. Р. Психомахова

Медицинский колледж № 4 Департамента здравоохранения г. Москвы
E-mail: amina@lianet.ru

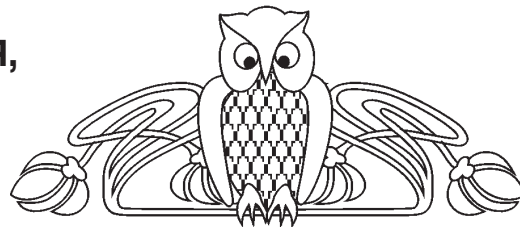
В отечественной историографии вновь приобрели актуальность историко-биографические исследования. В статье прослеживаются периоды жизни и деятельности адыгского просветителя и общественного деятеля С. Хан-Гирея, раскрываются этапы его становления, а также его общественно-публицистическая деятельность. На основе проведенного анализа в статье отстаивается тезис о прогрессивности взглядов просветителя.

Ключевые слова: просветитель, культура, политика, адыги, народы, война, Кавказ.

The Timeline of Sultan Khan-Girey, the Adyghe Enlightener and Public Figure

A. R. Psychomachova

Historical and biographic studies are gaining relevance in national historiography. In this article, the timeline of the Adyghe enlightener and

public figure Sultan Khan-Girey is traced, and also his public and publicistic activity is revealed. The progressive views of the enlightener are asserted on the basis of the carried-out analysis.

Key words: enlightener, culture, policy, adyghe, nations, war, Caucasus.

Ситуация сегодня в национальных районах страны показала важность учёта всех сторон решения национального вопроса в процессах урегулирования межнациональных конфликтов. Актуальность исследования связана также с проблемой взаимоотношений власти и общества, которая продолжает оставаться одной из основных в гуманитарных исследованиях. Изучение опыта прошлого в организации взаимоотношения граждан и власти представляет практический интерес. Сегодня общество и власть нуждаются в позитивном диалоге, поэтому обращение к истории гражданских инициатив приобретает особую актуальность.

Важную роль в культурном развитии региона играла местная интеллигенция, особое место

по праву принадлежит Султану Хан-Гирею (или Крым-Гирей-Мамет Гиреевич Хан-Гирей). Родился он в 1808 г. в ауле Тлюстен-Хабль (близ Краснодара) в семье, относившейся к знаменитому хамышейскому племени¹. Его отец, Махмат Крым-Гирей-Хан, был убежденным сторонником России. Под влиянием новороссийского генерал-губернатора Ришелье отец перешел на сторону России и поселился на правом берегу Кубани у Павловского поста согласно предписанию Ришелье от 24 октября 1811 г. № 4095². При этом он сохранил свой левобережный аул, где оставалась проживать часть его подвластных.

За заслуги перед царским правительством Махмат-Крым-Гирей был удостоен золотой медали с надписью и золотой саблей. Согласно строго соблюдавшемуся в то время в знатных адыгейских семьях обычаю ребенка отдали на воспитание аталыку в Шапсугии. Воспитание Хан-Гирея у аталыков, по всей вероятности, прервалось неожиданной смертью отца, погибшего от ран, нанесенных его врагами. По данным Л. И. Лаврова, Махмат-Крым-Гирей скончался 4 апреля 1821 г. «Видимо, благодаря тому, что мальчик находился у аталыка, он спасся от врагов во время разграбления отцовского дома»³. По сообщению В. П. Бурнашева, малолетний Хан-Гирей по завещанию отца был отправлен в Тифлис к главнокомандующему Кавказским корпусом А. П. Ермолову. Надо полагать, что В. П. Бурнашев сделал это сообщение со слов самого Хан-Гирея, которого он лично хорошо знал⁴.

Завещание отца Хан-Гирея в отношении своего сына свидетельствует о том, что Махмет Крым-Гирей был убежденным сторонником сближения адыгов с Россией. Отдавая перед своей смертью наказ отправить Хан-Гирея к генералу А. П. Ермолову, Махмет Крым-Гирей хотел, чтобы его сын получил светское образование. А. П. Ермолов благосклонно принял сына Махмет Крым-Гирея. Помимо заслуг отца, Хан-Гирей привлек внимание Ермолова и своими личными способностями. А. П. Ермолов направил своего воспитанника для продолжения образования в Петербургский кадетский корпус.

Окончив успешно военное училище, Хан-Гирей в чине офицера принимал участие в 1826–1828 гг. в Русско-персидской войне, в 1828–1829 гг. – в Русско-турецкой войне и в 1830–1831 гг. – в военных действиях в Польше. За боевые заслуги он был награжден медалью и произведен в поручики. В конце 1829 г. С. Хан-Гирей вернулся в Петербург. Здесь он представил царю прошение хамышейских феодалов о принятии их «в покровительство России». Эти материалы впоследствии были направлены на имя главнокомандующего на Кавказе И. Ф. Паскевича. К нему поехал и сам Хан-Гирей. Однако просьба представителей хамышейцев тогда не была удовлетворена. «Хан-Гирей, – пишет Т. Х. Кумуков, – хотел в какой-то степени оказать положительное влияние на ход политического развития адыгов». Вскоре после этого Хан-Гирей был зачислен в лейб-

гвардию Кавказского горского полуэскадрона. В 1830 г. эскадрон принял участие в подавлении польского восстания. В 1832 г. Хан-Ган вернулся из Польши в чине штаб-ротмистра.

Он неоднократно обращался к Николаю I с проектами о преобразовании родного края. В 1836 г. С. Хан-Гирей, находясь в лейб-гвардии Кавказско-горского полуэскадрона, представил для изучения в Генеральный штаб свои «Предложения о средствах приведения черкесов в гражданское состояние кроткими мерами, с возможным избежанием кровопролития». Он предложил варианты по решению кавказской проблемы: введение судопроизводства и проведение просветительской работы.

В 1837 г. Хан-Гирей вернулся на Кавказ с особой миссией для организации встречи горских депутатов с Николаем I. Ему было поручено, помимо организационной части, задание «начертать проект положения об управлении горскими народами, которое в покоряющихся горских обществах установлено быть может. В положении этом, сколько возможно, менее должно быть допущено отступлений от коренных обычаев горцев (не противных общественному порядку и благоустройству), но, вместе с тем, оно должно заключать достаточные ручательства в постепенном развитии образованности народа, в смягчении его нравов и сближении его с российским населением края»⁵.

Султан Хан-Гирей очень скоро предал А. А. Вельяминову «Проект положения об управлении горскими народами», содержащий обзор черкесских племен и различные варианты по благоустройству Закубанского края. В 1837 г. он был произведен в чин полковника и получил придворное звание флигель-адъютанта. В том же году он с секретным заданием направляется на Северный Кавказ. Задание заключалось в противодействии английским эмиссарам Джеймсу Станиславу Беллю и Джону Лонворту, ведущим подрывную работу против России среди черкесов. 20 июля 1838 г. Хан-Гирей вновь обращается к командующему Отдельным Кавказским корпусом Е. А. Головину. В записке «Краткое изложение о предварительных мерах к устройству закубанских мирных племен» им были предложены реформы в управления адыгов. При этом он настаивал на необходимости обустройства контролируемых территорий. Следующий документ, составленный по поручению Николая I, озаглавлен: «Адыги и все близкие к ним племена».

Эти документы содержали предложения о преобразовании родного края. В них поставлен вопрос о просвещении адыгов, об открытии школ и обучении детей, как дворян, так и крестьян, создании и введении письменности⁶. Царь был доволен этим «соглашением» и подарил ему драгоценный перстень, полушутя назвав его «черкесским Карамзиным»⁷. Но труд этот был похоронен в архивах военного ведомства. Из-за этого «Записки о Черкесии» и в советские годы

долгое время оставались неизвестными для исследователей. Лишь в 1958 г. научный сотрудник Центрального военно-исторического архива В. А. Дьяков случайно наткнулся в научно-справочной библиотеке названного архива на рукопись сочинения Хан-Гирея⁸.

В 1984 г. преподаватель кафедры истории Кабардино-Балкарского государственного университета М. Б. Нагоев в Государственном историческом музее, в фонде барона Г. В. Розена, нашел заключительную главу⁹. Такой длинный путь пройден данным произведением, рекомендации которого не были использованы для принятия мер по приведению в гражданское состояние черкесов.

Несмотря на карьерный рост и благополучную военную службу, Хан-Гирей в конце 1840-х гг. решает выйти в отставку. Причиной этому послужил кризис его политических взглядов. Он принимал деятельное участие в действиях правительства до тех пор, пока верил, что русский царизм мирным путем разрешит кавказский вопрос и будет способствовать переходу адыгского народа на путь демократического общественно-политического и культурного развития. Уповав на благодеяние Николая I, Хан-Гирей предлагал правительству проект по внутреннему устройству адыгских племен, сам лично вел агитационную работу среди соплеменников, ратуя за союз Кавказа с Россией, но все его усилия и надежды оказались тщетны. Юношеские иллюзии со временем сменились трезвым взглядом на лицемерную политику царя. Это привело Хан-Гирея к пересмотру своего положения при дворе, которое показалось ему теперь двусмысленным. Все эти обстоятельства вынудили его покинуть Петербург и вернуться на родину.

Султан Хан-Гирей был одним из эрудированных людей для того периода истории. Он владел арабским и некоторыми тюркскими языками, отлично знал русский и свой родной язык. Хан-Гирей был знаком с известным литератором Н. И. Гречем, редактором и издателем «Сына Отечества», и посещал его литературные четверги.

Кроме трудов по истории черкесского народа, Хан-Гирею принадлежат работы по мифологии и этнографии черкесов: «Вера, нравы и обычаи, образ жизни», «Мифология черкесских народов» и художественные очерки: «Князь Пшьской Аходягоко», «Наезд Кунчука», «Бесленей Абат»¹⁰. Появление научных трудов и художественных очерков Хан-Гирея было целым событием. Если до сих пор публика была знакома с Кавказом со слов русских и других иностранных путешественников, офицеров и должностных лиц, то теперь в качестве автора выступал черкес, изнутри знающий нравы и обычаи, историю и культуру своего народа.

Деятельность Хан-Гирея как писателя, собирателя произведений устного народного творчества до сих пор не изучена. Рассматривая его произведения, мы старались исходить из понимания его социальных позиций, играющих иногда главную роль в толковании им многих

исторических событий, некоторых обычаев и нравов. Естественно, что социальное положение не могло не сказаться на его творчестве. Но каких бы взглядов он ни придерживался, его произведения представляют большой научный и художественный интерес и являются неоценимым вкладом в развитие черкесской культуры. Хан-Гирей по праву считается одним из зачинателей черкесской национально-художественной литературы.

В его произведениях «Черкесские предания»¹¹, «Биографии знаменитых черкесов» он показывает свою заинтересованность в благополучии родины и глубокую симпатию к своему народу и его культуре, что, естественно, приводит автора к некоторой идеализации жизни и нравов черкесского народа, особенно, когда речь идет об аристократической его части. Как писатель Хан-Гирей сформировался под влиянием русской и западно-европейской литературы, что прежде всего сказывается в его работе.

Если в адыгском фольклоре описание природы занимает незначительную часть, то в произведениях Хан-Гирея пейзаж играет большую роль. В цикл «Черкесские предания» входит ряд новелл, носящих реалистичный характер. Главной темой очерков и рассказов Султан Хан-Гирея выступала тема Родины и патриотизма.

Вопросы добра и зла – эти вечные вопросы – разрабатываются Хан-Гиреем исходя из особенностей национальных представлений. Показательна в этом плане новелла «Канлы» («Кровавый убийца»). Хан-Гирей постоянно работал над созданием образа черкеса, сочетающего в себе государственный ум с лучшими качествами горца – храбростью, силой и отвагой. К этой проблеме он возвращается и в своем художественном очерке о Бесленей Абате – одном из представителей Шапсугского племени¹². Вообще Бесленей Абат – личность историческая. Хан-Гирей, описывая его, явно симпатизирует ему, выделяя, прежде всего, мужественного горца, и ничего не говорит о нем как о владельце крепостных. В своем очерке Хан-Гирей рисует картину жизни черкесского общества, разгорающуюся в нем классовую борьбу. Несмотря на свое социальное положение, Хан-Гирей отмечает как положительное явление то, что шапсуги окончательно освободились от крепостной зависимости. В этом сказывается демократичность его взглядов. Хотя автору не всегда удается скрыть свои классовые позиции, Хан-Гирей остается объективным в передаче исторических событий и основных моментов из деяний знаменитых представителей черкесского народа, описанных им в серии очерков.

В период пребывания Хан-Гирея на Кавказе был написан очерк «Князь Пшьской Аходягоко». Очерк замечателен тем, что в нем использованы предания народа, его поверья. Автор особо подчеркивает значение традиций, народного творчества в художественном мышлении народа, в его воспитании.

Большинство художественных произведений Хан-Гирея основано на подлинных событиях, имевших место в жизни бжедугов. Хан-Гирей написал рассказ о знаменитом джигите Кунчуке. Этот рассказ отличается от других его произведений и своей проблематикой, и художественной формой. В основе рассказа лежит народное сказание¹³.

Султан Хан-Гирей вошел в историю черкесского народа не только как писатель, но и как выдающийся историк, этнограф, собиратель устного народного творчества¹⁴. В своих трудах «Вера, нравы, обычаи, образ жизни черкесов» и «Мифология черкесского народа» он исследовал вопросы общественного и бытового устройства, при этом отмечал, что препятствием в экономическом благосостоянии видит отсутствие государственности. Также препятствием является то, что «...земледелец под защитой ружья обрабатывает свою землю», а труженика земли поджидает «непрестанная опасность, сопровождающая его в течение всей жизни»¹⁵.

Султан Хан-Гирей отмечал, что в условиях войны не могла нормально развиваться торговля, которая способствовала бы улучшению жизни и выводу черкесов на новый уровень взаимоотношения с соседями. «Торговля, – пишет Хан-Гирей, – один из величайших источников богатства народного, конечно, не может быть обширна и значительна там, где нет спокойствия и тишины, где все подвержено буре войны и где насилие знатного воина лишает слабейших собственности, и в Черкесии не может быть обширной торговли в настоящем положении там и дел и образа жизни»¹⁶. По мнению Хан-Гирея, необходимы меры правительственной финансовой поддержки развития торговли и ремесленного производства, а также строительства экономико-административного центра, который укрепит связь северокавказских народов с Россией, что будет способствовать освоению гражданственности.

Особенно много внимания уделил Хан-Гирей изучению своеобразия адыгской культуры, музыки, хореографии, песен, сказаний. Он впервые дал полную классификацию песенного творчества адыгского народа и научно исследовал его характер и отличительные особенности. Велики его заслуги перед литературой адыгов; он по праву является одним из ведущих представителей черкесской культуры, ярким представителем романтизма первой половины XIX в.

Умер он в конце 1842 года. О причинах его смерти известно единственное предположение В. П. Бурнашева. «Однажды, – пишет он, – утолив жажду прохладительным и здоровым кумысом, Гирей почувствовал потребность предаться сну, он действительно заснул с улыбкой на устах, но с тем, чтобы уже не проснуться: мюридисты умертвили его отравленным кумысом»¹⁷. По свидетельству С. Давлет-Гирея, С. Хан-Гирей похоронен в родовом имении Султанский курган в десяти верстах от Екатеринодара.

За семь лет научной деятельности Хан-Гирей

написал 8 содержательных работ, которые не потеряли научной ценности по сей день. Описывая общественный строй, материальную и духовную культуру, современный ему быт адыгов, их хозяйство, Хан-Гирей всегда обращался к историческому прошлому, указывал на произошедшие изменения, которые происходили в жизни адыгов под влиянием социальных, экономических и политических обстоятельств региона. Произведения Хан-Гирея до сих пор остаются первоисточником для исследователей истории и этнографии адыгов, черкесов и кабардинцев.

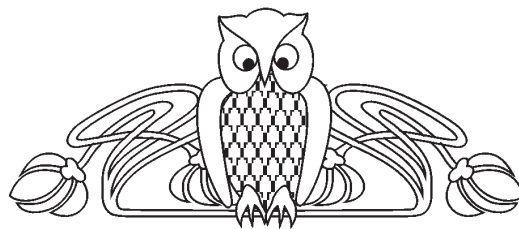
Примечания

- 1 См.: *Вершигора А. Д.* Имена Хан-Гирея, Адиль-Гирея и их отца Войскового старшины Ханука // *Культура и быт адыгов*. Майкоп, 2001. Вып. IX. С. 63–80.
- 2 См.: *Туганов Р. У.* Хан-Гирей. Новые материалы и некоторые концепции // *Из истории феодальной Кабарды и Балкарии*. Нальчик, 1989. С. 214, 215.
- 3 *Лавров Л. И.* Эпиграфические памятники Северного Кавказа на арабском, персидском и турецком языках : в 3 ч. Ч. 2. Надписи XVIII–XX веков. М., 1968. С. 176 ; *Косвен М. О.* Адыгейский историк и этнограф Хан-Гирей // *Косвен М. О.* Этнография и история Кавказа. М., 1961. С. 184.
- 4 См.: *Бурнашев В. П.* Из воспоминаний петербургского сторожила // *Заря*. 1871. № 4. С. 37.
- 5 Архив Государственного Карачаево-Черкесского историко-культурного и природного музея-заповедника (далее – ГКЧ И-К и П М-3). Ф. 10. Д. 343. Л. 2.
- 6 См.: *Кумуков Т. Х.* Хан-Гирей. Нальчик, 1968. С. 45.
- 7 ГКЧ И-К и П М-3. Ф. 10. Д. 343. Л. 4.
- 8 Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 38. Оп. 7. Ед. хр. 5. Ч. 1. Л. 62 ; *Дьяков В. А.* Записки о Черкесии, сочиненные Хан-Гиреем // *История СССР*. 1958. № 5. С. 174.
- 9 Отдел письменных источников Государственного исторического музея (ГИМ ОПИ). Ф. 6. Ед. хр. 74. Л. 1–53 ; Ед. хр. 75. Л. 1–31.
- 10 См.: Черкесские предания // *Русский вестник*. 1841. № 2 ; Вера, нравы, обычаи, образ жизни черкесов // *Русский вестник*. 1842. № 1 ; Князь Канбулат // *Русский вестник*. 1844. № 10–11 ; Бельский Аббат // *Кавказ*. 1847. № 42–48 ; Князь Пшьской Аходягоко // *Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа*. 1893. № 17.
- 11 «Черкесские предания» впервые увидели свет в 1861 г. Подготовка рукописи к печати и комментарии к ней с биографическим очерком об авторе принадлежит кавказоведу Ад. Берже. В 1866 г. «Черкесские предания» были опубликованы на немецком языке в Лейпциге.
- 12 См.: *Хан-Гирей*. Бельский Аббат // *Кавказ*. 1837. № 42–47.
- 13 См.: *Хан-Гирей*. Наезд Кунчука // *Кавказ*. 1846. № 37–38.
- 14 *Косвен М. О.* Указ. соч. С. 184–209.
- 15 *Хан-Гирей*. Черкесские предания. Нальчик, 1989. С. 170.
- 16 *Хан-Гирей*. Записки о Черкесии. Нальчик, 1992. С. 247.
- 17 *Бурнашев В. П.* Указ. соч. С. 37.

УДК 94 (47). 081

ИСТОРИЯ ФОРМИРОВАНИЯ КОНЦЕПЦИИ ЗЕМСКОЙ РЕФОРМЫ: «СООБРАЖЕНИЯ ПО ПРОЕКТУ О ЗЕМСКИХ УЧРЕЖДЕНИЯХ» Н. А. МИЛЮТИНА

Саратовский государственный университет
E-mail: morozovaen@mail.ru

Е. Н. Морозова

Статья посвящена одному из важных сюжетов в подготовке земской реформы – замечаниям Н. А. Милютин на валуевский предварительный проект земских учреждений (Первоначальный очерк). Выявлена полемическая заостренность «Соображений» Милютин, отстаивающего свою модель реформы местного самоуправления.

Ключевые слова: земство, земские учреждения, органы местного самоуправления, проекты реформы, П. А. Валуйев, «Соображения» Н. А. Милютин, Первоначальный очерк, компетенция, пределы власти, децентрализация, выборы, имущественный ценз.

**The History of the Development of Zemsky Reform
Concept: «Observations on Zemsky Establishing Project»
by N. A. Milyutin**

Е. N. Morozova

The paper focuses on one of the important aspects of zemsky reform preparation – N. A. Milyutin's observations on Valuev's preliminary draft of zemstvo establishment (Preliminary Essay). The polemic sharpness of Milyutin's «observations» that occurred due to promoting his own self-governance model has been traced.

Key words: zemstvo, zemstvo establishment, self-governance bodies, reform projects, P. A. Valuev, «observations» by N. A. Milyutin, Preliminary Essay, competence, authority limits, decentralization, elections, property census.

Важное место в истории формирования концепции земской реформы занимают «Соображения по проекту о земских учреждениях» (далее – «Соображения») Н. А. Милютин¹. Этот документ появился в мае 1862 г. как ответ на «Очерк положения о губернских и уездных земских учреждениях» (далее – «Первоначальный очерк») П. А. Валуйева. Полемическую заостренность «Соображений» можно понять, только зная предысторию возникновения первой модели местного самоуправления, подготовленную Н. А. Милютиным и Комиссией о губернских и уездных учреждениях.

В апреле 1861 г. руководство Министерства внутренних дел (министр С. С. Ланской и временно исполняющий должность товарища министра Н. А. Милютин) было отправлено в отставку. Все работы в сфере местного самоуправления, которые велись в милютинской комиссии, были переданы П. А. Валуйеву. Его предварительный

проект («Первоначальный очерк») обсуждался в Особом совещательном собрании². По свидетельству С. М. Середонина³ на майском заседании этого собрания были зачитаны «Соображения по проекту о земских учреждениях» сенатора Н. А. Милютин. В этом документе обращают внимание на себя его слова, которые, казалось бы, не имеют отношения к критике конкретного проекта. Милютин утверждал, что «устройство земских учреждений» должно повлечь за собой важные изменения в предметах ведомства губернских правлений и других присутственных мест», которые «необходимо преобразовать... одновременно с открытием земских учреждений»⁴.

Далее Н. А. Милютин указывал, что он передал П. А. Валуйеву свой первоначальный проект в апреле 1861 г., заключающий в «себе предположения как о земских учреждениях, так и о прочих губернских административных установлениях»⁵. По его убеждению, «скорейшее разрешение» этих вопросов «составляет... одну из самых настоятельных потребностей для упрочения порядка во внутреннем управлении...»⁶

Эти суждения Милютин, во-первых, должны были напомнить членам Совещательного собрания о том, что «первоначальный проект» является его детищем; творение же Валуйева он называет «предварительным проектом», или «Очерком Положения о земских учреждениях»⁷.

Во-вторых, сенатор настоятельно рекомендовал реализовать реформу местного управления, подготовленную возглавляемой им Комиссией о губернских и уездных учреждениях на основе принципа административной децентрализации.

Н. А. Милютин не только обнаруживал знакомство с произведениями А. де Токвиля. Современники вспоминали, что книги известного французского историка являлись его настольными книгами. В заметках П. Д. Стремоухова содержится упоминание о том, что в 1859 г. в Петербурге он читал «замечательную в рукописи статью об административной централизации, приписываемую Н. А. Милютину, которая представляла собой отражение идей знаменитого французского историка», где рассматривались вопросы «об административной централизации и ее влияния на нашу государственную жизнь; о разобщенности общественных сил и дальнейшем их развитии между собой и к государству». Автор воспоминаний подчеркивает, что эти вопросы «волновали общество не менее вопроса об освобождении крестьян»⁸.

Проблема административной децентрализации занимала умы всего российского образованного общества, в том числе и представителей правящей элиты. Однако каждый из них понимал сущность этого термина по-своему, исходя из представлений о взаимоотношениях верховной власти и местного управления. По этому поводу известный юрист Н. И. Лазаревский писал, что «органы самоуправления всегда являются децентрализованными органами местного управления, в этом, по-видимому, никто не сомневается, но не всякое децентрализованное учреждение есть орган самоуправления. Децентрализация возможна и в учреждениях казенной администрации»⁹.

Милютину обвиняли в фанатичной вере в государство, в «гуверментализме», который заключался в том, «что только неограниченная государственная власть способна совершить это чудо: голодных рабов сделать сытыми и счастливыми людьми... т. е. заменить один вид рабства другим – феодальную зависимость государственным рабством, характерным для эпохи первоначального накопления»¹⁰. Известный дореволюционный юрист В. М. Гессен определял «гувернаментализм» как «отличительную черту полицейского государства», которому свойственна «неимоверная многопредметность административной деятельности, регламентация мельчайших подробностей народной жизни, мелочная и назойливая опека над подданными – одним словом то, что немцы называют *Vielregiererei* (гувернаментализм)»¹¹.

С. С. Секиринский считает, что братьям «Милютиным была ближе бонапартистская Франция с характерными для нее централизацией управления и авторитарными методами социальной политики “демократического цезаризма”, осуществлявшейся под эгидой надклассовой императорской власти в соответствии с принципом: “Все для народа, ничего посредством народа”»¹².

Безусловно, взгляды Н. А. Милютина на роль государства заслуживают отдельного исследования. Но можно заметить, что Милютин действительно являлся сторонником сохранения неограниченной самодержавной власти. Но обвинения «в фанатичной вере в государство» вряд ли вполне справедливы. Будучи сторонником политической централизации, он признавал главенствующую роль правительства в определении курса и направления реформ. Вместе с тем Милютин убеждал правительство пойти на решительный шаг, не ограничиваясь паллиативными преобразованиями. В «Соображениях» он отмечал: «Даруя новые учреждения, которых желают благонамереннейшие люди в России, едва ли было совместно с достоинством и пользой Правительства умалывать значение сего важного государственного акта. Предполагаемые учреждения не могут и не должны иметь характера политического; их значение собственно административное, и вот почему нет причины, как я смею думать, основать

новый закон исключительно на недоверии или преувеличенных опасениях»¹³.

Н. А. Милютин и его окружение единственно возможное средство коренного изменения организации власти в России видели в административной децентрализации местного управления. Проблему децентрализации они рассматривали в двух аспектах: в области административной и хозяйственно-распорядительной, касавшейся «местных интересов и нужд», отмечая «существенно различный характер собственно правительственных и земских учреждений». Вследствие этого местное управление рассматривалось как состоящее из двух различных по своей природе частей, которые должны основываться на разных принципах и иметь разную компетенцию. Казенная администрация должна была заниматься делами государственными. Земские учреждения – органы самоуправления – рассматривались как часть местного управления, ведавшая делами «местного интереса»¹⁴. В проекте были выявлены причины низкой эффективности работы административных учреждений, где отсутствовало четкое разделение компетенции учреждений, подведомственных одной власти¹⁵. В частности, губернское правление, являвшееся высшей полицейской властью в губернии, должно было заниматься охраной «общественного спокойствия, благочиния, безопасности личной и имущественной». Эффективность работы губернского правления снижалась из-за огромного числа дел, которые очень часто совпадали с делами канцелярии губернатора, палат (Казенной, Государственных имуществ и Судебной) и различных губернских комитетов¹⁶.

По первой части милютинского проекта все административно-полицейские учреждения, находившиеся в ведении Министерства внутренних дел, сливались в один орган – губернское правление под председательством губернатора, состоявшее из пяти отделений: распорядительного, судебно-полицейского, врачебного, строительного, межевого, соответственно существовавшим губернским комитетам и управам. В состав этого учреждения также должны были войти вице-губернатор, непреременный член, и члены, заседающие лишь по особым делам: губернский врачебный инспектор, губернский инженер, губернский землемер. Несмотря на старое название «губернское правление», этот орган был абсолютно новым по своей сути, в компетенцию которого передавались все дела упраздненных комитетов и комиссий. Это привело бы к сокращению почти наполовину бюрократического аппарата, улучшению делопроизводства, ликвидации ненужной бумажной волокиты, множественности инстанций, то есть тех недостатков, о которых так много говорилось в официальных докладах и получило отражение в различных формах общественного мнения¹⁷.

Объем полномочий нового губернского правления был ограничен делами исполнительными:

по надзору за выполнением законов правительства, местами и лицами; охране общественного порядка; наблюдению за исправным отправлением повинностей; охране народного здоровья; надзору за строительной частью в губернии.

Вторая часть реформы местного управления была связана с выделением круга хозяйственных дел и передачей их в руки земских учреждений.

Предметами ведения земских учреждений должны были стать местные дела губернии и уезда. Впервые уезды в этих проектах выступают как отдельные хозяйственные единицы. Именно это и позволяло создать двухуровневую систему местного самоуправления. Эти учреждения строились на буржуазных принципах имущественного ценза, гласности, выборности. В основе избирательной системы лежал принцип пропорционального представительства от сословий. Значительные льготы предоставлялись людям с высшим образованием.

Земскому самоуправлению предоставлялось право заниматься местными хозяйственными делами. В их ведение передавалась часть дел из «бюрократических инстанций». Земским учреждениям вверялись те части земского хозяйства, которые требовали «ближайших экономических распоряжений»: обязанности «губернского комитета о земских повинностях, особого присутствия комитета по земским повинностям, комиссии народного продовольствия, приказа общественного призрения», дела строительной и дорожной комиссий, большая часть сооружений в губерниях¹⁸.

Пределы власти земских учреждений, по мнению Н. А. Милютин, должны определяться только законом. Однако в кругу вверенных им дел земские учреждения должны действовать самостоятельно. Степень самостоятельности, которую предлагал дать земским учреждениям Милютин, была чрезвычайно велика. Он считал, что общество не нуждалось в мелочной опеке и могло самостоятельно управлять местными делами¹⁹.

Проектируя местное управление на основе децентрализации и выделяя в нем две самостоятельные части: административно-полицейскую и хозяйственно-распорядительную, строившихся на разных принципах, Н. А. Милютин пытался найти компромиссный вариант, который бы позволил объединить интересы государства и местного самоуправления. Он не мог не понимать, что государственные и земские дела тесно переплетаются. Несмотря на то важное значение, которое Н. А. Милютин придавал земско-хозяйственным учреждениям, все же по проекту они не составляли абсолютно самостоятельной единицы. Земская реформа являлась лишь частью реформы местного управления. Связующим звеном между органом административно-полицейской власти – губернским правлением и губернским земским присутствием – должен был явиться губернский совет под председательством губернатора, состоявший в подавляющем большинстве из ко-

ронных чиновников и председателя губернского распорядительного комитета. Создание такого координационного органа помогло бы смягчить те многочисленные конфликты, которые последовали сразу после введения Положения 1864 г. между местной администрацией, казенными учреждениями и органами земского самоуправления²⁰.

Идеи Н. А. Милютин о создании координирующего совета опередили свое время. Они были использованы в работе Кахановской комиссии. Схожий вариант был осуществлен земской реформой 1890 г., создавшей Присутствия по земским делам.

Таким образом, «Соображения» Н. А. Милютин были написаны не столько с позиций критики валуевских «Первоначальных очерков», сколько в защиту собственного проекта, который даже не рассматривался в высших инстанциях. Вообще следует заметить, что «Соображения» написаны виртуозно, и недаром официальные записки, принадлежавшие перу Н. А. Милютин, называли «шедеврами деловых бумаг»²¹.

По форме «Соображения» напоминают обычные бюрократические отзывы. Но здесь, в отличие от других документов, очень чувствуется личное неравнодушное отношение автора к рассматриваемым вопросам. Н. А. Милютин неоднократно возвращался к уже высказанным им мыслям, пытаясь убедить оппонентов в правильности своих идей. И формальные «реверансы» валуевскому произведению («все изложенные соображения заключают в себе... не столько возражения на представленный проект, сколько разъяснения основных положений оного, дабы облегчить дальнейшие по этому предмету работы») не могут затемнить истинного отношения автора к Первоначальному очерку. За обтекаемыми фразами стоит неприятие представленного проекта и чувствуется обида Н. А. Милютин как за свой огромный труд, пропавший втуне, так и за дело, к которому отнеслись недостаточно серьезно.

В своих «Соображениях» Н. А. Милютин указывал на необходимость проведения земской реформы, с которой, «быть может, связано все будущее развитие России»²². Главные ее причины, по мнению Милютин, заключались в том, что правительство должно освободиться от «бремени заочного управления», значительную часть компетенций последнего следовало передать органам земского самоуправления. Вне отраслей «собственно-правительственной деятельности, – считал Милютин, – остается обширный круг местных интересов, большей частью мелочных, так сказать, обыденных и для Высшего Правительства не важных, но составляющих насущную потребность местного населения»²³. В. А. Нардова справедливо заметила, что «начала самоуправления были выгодны самому правительству, т. к. позволили ему передать общественному управлению некоторую часть дел, с которыми все сложнее было справляться государственному аппарату»²⁴.

Н. А. Милютин утверждал, что земским учреждениям необходимо придать «действительное и серьезное значение». В этом случае «не трудно будет оградить, самым тщательным образом, права и привилегии центральной власти», т. к. «земское управление как чисто местное, очевидно не может и не должно нисколько касаться государственных дел, ни интересов государственной казны, ни суда, ни, наконец, полиции исполнительной, сего главного органа центральных учреждений»²⁵.

В качестве важной причины введения земских учреждений Н. А. Милютин называл «противодействие анархическому брожению умов», ибо земства смогли бы «притянуть к себе значительную часть» «благонамеренных», «действительных элементов нашего общества». В этом случае, как считал сенатор, земства можно сравнить «с предохранительными клапанами паровой машины»²⁶. Милютин убеждал правительство, что ограничения в компетенции будущих земских учреждений приведут к проявлению неудовольствий и столкновений²⁷.

Но главная причина преобразований, по мнению Н. А. Милютина, заключалась в необходимости проведения кардинальной реформы местного управления, составной частью которой являлась земская реформа, о чем говорилось выше.

Н. А. Милютин обратил внимание на недостатки в электоральной системе валуевского проекта. Несмотря на обтекаемую формулировку, он выступал против многих норм порядка выборов: «Признавая весьма рациональными принятые по этому предмету основания, я полагаю, однако же, что они требуют еще значительного развития, а поэтому желательно бы допустить их лишь как первоначальное указание, не стесняя составителей окончательного Положения в применении и развитии принятых начал»²⁸.

Сама трехкуриальная система выборов не вызвала у Милютина особых сомнений. Но соглашаясь в целом с принципом поземельного ценза, на котором строилась первая курия, основанного «на числе душевых наделов», «общим мериллом для приблизительной оценки», Милютин все же верно заметил, что в некоторых районах, где не было крепостного права, а также в Литовских губерниях «нужно найти другой способ оценки»²⁹.

Бывший глава Комиссии о губернских и уездных учреждениях выступал против явного преобладания дворян-землевладельцев, доказывая, что в лесных и степных местностях несправедливо принимать в расчет все количество земель, «не включая, ни пространств необработанных, ни тундр, ни болот, ни вообще земель неудобных (о которых в нынешней редакции проекта вовсе не упоминается)»³⁰.

Милютин предрекал, что регионы с «обширными пространствами пустопорожней земли, составляющие несколько сот тысяч десятин», в соответствии со ст. 15 проекта, будут испытывать значительные затруднения при выборах в

первую курию. Естественным следствием такого поземельного ценза, строящегося лишь на общем размере помещичьих имений, в малонаселенных районах станет значительное число гласных, которое «может превзойти даже самое число владельцев»³¹.

Возражения Милютина вызвали и нормы представительства во второй курии (ст. 16 «Первоначального очерка»). Он критиковал П. А. Валуюева за устранение из избирательного процесса купцов третьей гильдии, которые, по его мнению, «составляют почти исключительно все торговое сословие в малых городах». Он вообще считал неудачным принципом имущественного ценза, (принятом в «Первоначальном очерке»), величину торгового капитала. Милютин предлагал во второй курии изменить способ оценки имущества и сделать «мерилом избирательного ценза» не торговый капитал, а «сумму платимого налога»³².

Наиболее серьезные возражения Милютина вызвал способ формирования третьей, крестьянской курии. По валуевскому проекту правом голоса обладали лишь представители сельской администрации. По этому поводу Милютин писал, что «не могу не выразить искреннего убеждения, что допущение к крестьянским выборам одних должностных лиц из крестьян (старшин и старост) было бы крайне несправедливо» и нарушило бы принцип мирского устройства. Кроме того, «отвлечение всех старост и старшин от их прямых обязанностей и одновременный призыв их в одно центральное место едва ли будут удобны в практическом отношении»³³. (В скобках заметим, что Государственный совет отменил норму представительства в третьей курии лишь от сельской администрации.)

Милютин, будучи сторонником равного представительства от сословий в земском управлении, заметил, что проект лишь формально строит земские учреждения на принципах всесословности. «Условия для поступления в звание гласных для городских, и особенно крестьянских обществ, крайне ограничены», – писал автор «Соображений». Усиление сословности, по его мнению, «не вызвано практическими потребностями» и «не согласно ни с духом всего предшествующего законодательства, ни с нашими правами и понятиями». Он полагал, что правила о крестьянских выборах «составлены лишь для временно-обязанных крестьян и не могут иметь буквального применения ни к государственным, ни к удельным крестьянам, имеющим особое управление»³⁴. Он предлагал изменить порядок выборов для крестьянства, избирая гласных от 5–10 дворов, ссылаясь на нормы собственного проекта об Общем учреждении уездной полиции 1860 г.³⁵

Далее, по его мнению, «право, даруемое дворянам и землевладельцам быть представителями городских и сельских обществ» (ст. 23), не распространяется на лиц, «которые окончили курс в высших учебных заведениях». Поскольку

Милютин был сам сторонником льгот для людей с высшим образованием, этот пункт валуевского проекта вызвал его резкие возражения. Он считал, что «подобное постановление, даже выраженное в скрытой форме, возбудило бы крайнее изумление и огорчение самых благомыслящих людей в России»³⁶.

Заметим, что Совещательное собрание вообще исключило людей с высшим образованием, имеющих льготный имущественный ценз, из числа избирателей.

Н. А. Милютин подверг критике ст. 36, по которой председательство в исполнительных органах возлагалось на губернских предводителей дворянства. Он считал, что новая должность отвлечет предводителей дворянства от «выполнения своих непосредственных обязанностей»³⁷. Вместе с тем Милютин был уверен, что руководство земскими комитетами (управами) губернскими и уездными предводителями дворянства полностью бы подавило всякую самостоятельность новых учреждений, сделав их своеобразным придатком корпоративных дворянских органов. Милютин предложил распространить выборный принцип и на председателей губернских и уездных комитетов (управ)³⁸.

В целом бывший глава Комиссии об уездных и губернских учреждениях дал крайне резкую оценку избирательной системе, предложенной П. А. Валуевым, увидев ее истинную суть, скрывающуюся за внешне верной формулировкой. «Применение выборного начала к администрации, – писал Н. А. Милютин, – только тогда может быть действительно и полезно, когда выборные лица уполномочиваются к самостоятельной и серьезной деятельности», что даст возможность привлечь «к участию в управлении живые силы населения»³⁹. По мнению Милютина, такого истинного выборного начала в валуевском «Первоначальном очерке» не существовало. В результате осуществления подобного проекта земские органы превратятся «в орудия произвола местных второстепенных властей, прикрывая своим невольным и безгласным участием самые вопиющие злоупотребления»⁴⁰.

Милютин полемизировал с Валуевым не только по положениям предлагаемого «Первоначального очерка», но и с его взглядами, высказанными в докладе от 8 марта 1862 г. по поводу компетенции земств. Милютин подчеркивал, что важнейшим предметом ведения новых учреждений должно стать «все земское хозяйство», но не только губернские земские повинности, о которых писал в своем докладе министр внутренних дел.

На самом деле Милютин возражал против превращения земства в продолжателя фискальной политики правительства. Передача в компетенцию земства только губернских повинностей, по мнению Милютина, «ограничит деятельность сословных представителей». Свою мысль он

аргументировал тем, что «цифра губернских земских повинностей равняется одной пятой части общего итога земских сборов» и из этой незначительной суммы «едва ли не большая часть состоит из окладных расходов и мелочных статей, не требующих никакой хозяйственной распорядительности»⁴¹. Милютин подчеркивал, что в этом случае, деятельность «земских учреждений будет чисто механическая и, конечно, не удовлетворит цели их образования»⁴².

Это же замечание Милютина касалось и натуральных повинностей, ибо «наибольшая часть оных налагается для удовлетворения государственным потребностям и поэтому влияние местных властей может быть распространено не на исчисление повинностей», а на их раскладку. Последняя, доказывал Милютин, «очень редко подлежит изменениям», и поэтому роль земских учреждений в данном случае будет не только формальной, но и может привести «к усилению раздражения и возбуждать резкие столкновения»⁴³.

В полемике с П. А. Валуевым Н. А. Милютин высказывал новаторские взгляды в сфере земских финансов. В «Соображениях» впервые в истории подготовки земской реформы он ввел понятие «земский бюджет», под которым он понимал ту «сумму земских сборов, которая ныне в ней собирается и в ней же расходует»⁴⁴.

В отличие от Податной комиссии, которая занималась подготовкой новых Уставов о земских повинностях, Милютин выступил с более радикальным предложением: оставить в составе земского сбора ту часть сбора государственного, который бы шел непосредственно на нужды самой губернии, что существенно бы увеличило земские доходы. Он доказывал, что «весьма было бы прискорбно» изъять 4/5 земского сбора (от 15 до 20 млн рублей) из ведения земства. Милютин подчеркивал, что «государство едва ли что-нибудь от этого выиграет, а земство потеряет ту именно часть своего хозяйства, которая более всего требует ближайших попечений и благонамеренной деятельности сословных представителей». Он предлагал обратиться в Министерство финансов с предложением «уничтожить или изменить нынешний особый государственный сбор, но не устранять земские учреждения от прямого расходования сумм по строительной, дорожной и другим частям»⁴⁵.

Милютин предлагал расширить сферу ведения земских учреждений и передать в его руки «постройки всякого рода», «устройство и содержание дорог и дорожных сооружений», а также почтовые станции. Именно таким образом будет «полнее и действительное участие земского управления в хозяйственных распоряжениях»⁴⁶.

Особое место в «Соображениях» Милютина занимает критика валуевских Первоначальных очерков в части степени и пределов власти земских учреждений. Милютин соглашался, что необходимо «отвратить всякое стремление»

земских учреждений «выйти из указанных законом пределов». Он объясняет это тем, что в России, «к сожалению, еще не вполне развиты понятия о законности»⁴⁷. Далее, бывший глава Комиссии о губернских и уездных учреждениях, казалось бы, одобрял ст. 49 «Первоначального черка», по которой губернатор имел право приостановить исполнение всякого постановления земских учреждений, «противных законам или общим пользам государства»⁴⁸. Однако следующее замечание сводило это согласие на нет. Автор подчеркивал, что, «без сомнения, эта статья будет применяться лишь в редких и крайних случаях», ибо основным принципом деятельности земских учреждений должен быть принцип самостоятельности их действий в «кругу вверенных им дел». Милютин настаивал на точном «поименовании» всех случаев, подлежащих утверждению и наблюдению местной и центральной администрации. Он прозорливо замечал (и это впоследствии доказала история земских учреждений), что без такого «ясного указания» «самостоятельность земских учреждений не будет достаточно обеспечена» и столкновения между казенной администрацией и земством сделаются неизбежными⁴⁹. Сенатор считал, что прерогативы губернатора должны ограничиваться утверждением земских смет и раскладок, а также «в случае бездействия земских учреждений распорядиться собственной властью на счет виновных»⁵⁰.

Только такой «необходимый и минимальный надзор», по мнению Милютина, даст земским учреждениям «наибольший простор в действиях собственно распорядительных», только так «пробудится полезная деятельность местных учреждений» и «устаноятся правильные отношения между учреждениями полицейскими и хозяйственными»⁵¹.

Н. А. Милютин одобрил ст. 52–53, по которым губернатор отдавал распоряжения о созыве земских собраний и имел право открывать и закрывать их сессии.

Однако полемика коснулась ст. 58, гласившей, что губернатор имел право участия в губернских собраниях с правом совещательного голоса. Н. А. Милютин доказывал, что даже ныне «законодательство устраняло начальников губерний от участия в губернских дворянских собраниях» и это «охраняло взаимные отношения и достоинство обеих сторон». Кроме того, Милютин считал излишними ст. 70–72, по которым начальник губернии утверждал резолюции губернских собраний о предании своих членов суду или временном устранении от должности, так как эти дела должны подлежать рассмотрению судебной, но не административной власти⁵².

В целом, суммируя отношение Н. А. Милютина к «Первоначальному очерку», можно заключить, что, по его мнению, валуевский проект не имел «действительного и серьезного значения, которое должно быть дано земским учреждени-

ям». Избирательная система не дала бы возможности привлечь к работе «живые силы» населения. Критические замечания Милютина должны были доказать, что по проекту создавались формально самостоятельные органы, не имеющие ни детально разработанных предметов ведения, ни действительной самостоятельности, составляя инородное тело, не связанное с другими органами местного управления.

Этот законопроект, по мнению Н. А. Милютина, основан «исключительно на недоверии и преувеличенных опасениях». Он призывал правительство не делать ошибки, создавая безвластные второстепенные учреждения, каких много, что несовместимо «с достоинством и пользой правительства».

Но в целом суть полемики Н. А. Милютина с П. А. Валуевым заключалась в защите собственного проекта, по которому земские учреждения должны были стать частью местного управления в России.

Примечания

- ¹ В. В. Гармиза, упоминая о «Соображениях» Н. А. Милютина, ссылается на рукописный вариант этой записки, находящейся в Российском государственном историческом архиве (далее – РГИА). Ф. 1275. Д. 33. Еще один ее рукописный вариант хранится в фонде Милютиных с датировкой 1861–1862 гг. (см.: РГИА. Ф. 869. Оп. 1. Д. 397). Печатный оттиск записки с грифом Комитета министров имеется в Отделе рукописей Российской национальной библиотеки (далее – ОР РНБ). Ф. 379. Корнилов Ф. П. Д. 269). В. В. Гармиза, практически полностью процитировав «Соображения» Н. А. Милютина, ограничился замечанием о некоторой эволюции его взглядов в сторону либерализации реформы. См.: *Гармиза В. В.* Подготовка земской реформы 1864 года. М., 1957. С. 136. Этот факт вполне объясним, ибо исследователь считал, что «первоначальные основания проекта земской реформы были составлены комиссией при Валуеве» и «под его общим руководством». Он находит, что «Комиссия Милютина не обнаружила желания учредить самоуправление даже в местных хозяйственных делах... она ограничилась лишь частичными поправками дореформенного строя местного управления, не сумев подготовить коренную реформу». См.: *Гармиза В. В.* Указ. соч. С. 145. Однако анализ указанных «Соображений» показывает его тесную связь с предыдущими проектами Милютина и Комиссии о губернских и уездных учреждениях, создавшими первую модель земского самоуправления в России.
- ² См.: *Морозова Е. Н.* Подготовка земской реформы : проекты П. А. Валуева (март – июль 1862 года) // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения. 2012. Т. 12, вып. 4. С. 82–90.
- ³ *Середонин С. М.* К столетию Комитета министров (1802–1902). Исторический обзор деятельности Комитета министров : в 3 т. Комитет министров в царствование императора Александра Второго (1855 февраля

- 19 – 1881 марта 1). СПб., 1902. Т. 3, ч. 2. С. 324. См. также: *Гармиза В. В.* Указ. соч. С. 243.
- ⁴ ОР РНБ. Ф. 379. Корнилов Ф. П. Оп. 1. Д. 269. Л. 13.
- ⁵ Там же.
- ⁶ Там же.
- ⁷ Там же. Л. 1.
- ⁸ *Стремоухов П. Д.* Заметка одного из депутатов первого призыва // *Русская старина*. 1900. Т. 102, кн. 4. С. 140. Следует заметить, что Н. А. Милютина весьма интересовали все те дискуссии, которые шли в прессе. В его архиве сохранился рукописный вариант замечаний на статью В. П. Безобразова «Аристократия и интересы дворянства» (см.: РГИА. Ф. 869. Оп. 1. Д. 70).
- ⁹ *Лазаревский Н. И.* Самоуправление // *Мелкая земская единица*. СПб., 1903. С. 41. О современном понимании терминов «централизация» и «децентрализация» см.: *Лаптева Л. Е.* Региональное и местное управление в России (вторая половина 19 века). М., 1998. С. 17–18; *Арановский К. В.* Государственное право зарубежных стран. М., 1999. С. 467–474; *Институты самоуправления: Историко-правовое исследование / под ред. Л. С. Мамута*. М., 1995. С. 5.
- ¹⁰ *Цейтлин С. Я.* Земская реформа // *История России в XIX веке: Б.м., б.г. Т. 3*. С. 131.
- ¹¹ *Гессен В. М.* Вопросы местного управления. СПб., 1904. С. 10.
- ¹² *Секиринский С. С.* Петр Александрович Валуев // *Российские консерваторы*. М., 1997. С. 162–163.
- ¹³ ОР РНБ. Ф. 379. Корнилов Ф. П. Оп. 1. Д. 269. Л. 7.
- ¹⁴ *Морозова Е. Н.* У истоков земской реформы. Саратов, 2000. С. 177–189.
- ¹⁵ РГИА. Ф. 908. Оп. 1. Д. 123. Л. 45.
- ¹⁶ Материалы, собранные для высочайше учрежденной Комиссии о преобразовании губернских и уездных учреждений. СПб., 1870, 1872. Отдел административный. Ч. 1, отд-ние 5. С. 236.
- ¹⁷ В подготовке такого рода кардинальных преобразований высшего губернского органа Комиссия об уездных и губернских учреждениях ссылалась на проекты местного управления, подготовленные Комитетом 1826 г., в котором деятельное участие принимал М. М. Сперанский. Но в отличие от Комитета 1826 г., который создал проекты на основе четкого выделения трех «отраслей государственной власти» – хозяйства, суда и полиции, основанных на единых принципах, Комиссия Милютина не могла затрагивать вопросов судопроизводства. См.: Материалы, собр. для Комиссии... Отдел админ. Ч. 1, отд-ние 5. С. 156–157.
- ¹⁸ РГИА. Ф. 869. Оп. 1. Д. 397. Л. 36–37.
- ¹⁹ См.: *Львов Г. Е., Полнер Т. И.* Наше земство и 50 лет его работы. 13-е изд. М., 1917. С. 9.
- ²⁰ См.: *Земское самоуправление в России. 1864–1918: в 2 т.* М., 2005. Т. 1. С. 145.
- ²¹ *Джанишев Г. А.* Эпоха Великих реформ. Исторические справки. 10-е изд., посмертное, доп. СПб., 1907. С. 342.
- ²² ОР РНБ. Ф. 379. Корнилов Ф. П. Оп. 1. Д. 269. Л. 2.
- ²³ Там же.
- ²⁴ *Нардова В. А.* Городское самоуправление в России в 60-х – начале 90-х гг. XIX в. Правительственная политика. Л., 1984. С. 14–15.
- ²⁵ ОР РНБ. Ф. 379. Корнилов Ф. П. Оп. 1. Д. 269. Л. 2.
- ²⁶ Там же. Л. 1–2
- ²⁷ Там же. Л. 4.
- ²⁸ Там же. Л. 10.
- ²⁹ Там же.
- ³⁰ Там же. Л. 10–11.
- ³¹ Там же. Л. 10
- ³² Там же. Л. 10–11
- ³³ Там же. Л. 12.
- ³⁴ Там же. Л. 11.
- ³⁵ Там же. Л. 12.
- ³⁶ Там же.
- ³⁷ Там же. Л. 13
- ³⁸ Там же.
- ³⁹ Там же.
- ⁴⁰ Там же. Л. 2.
- ⁴¹ Там же. Л. 2–3.
- ⁴² Там же.
- ⁴³ Там же. Л. 3.
- ⁴⁴ Там же. Л. 5–6.
- ⁴⁵ Там же. Л. 4–6.
- ⁴⁶ Там же. Л. 4.
- ⁴⁷ Там же. Л. 7
- ⁴⁸ Там же.
- ⁴⁹ Там же. Л. 8
- ⁵⁰ Там же.
- ⁵¹ Там же. Л. 9.
- ⁵² Там же. Л. 7–10.

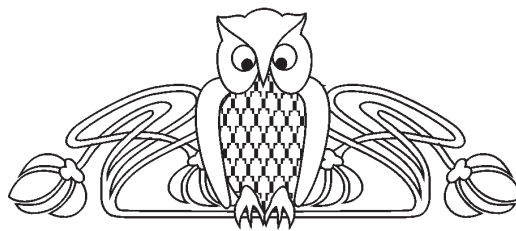

УДК 355.47(470)(09)+929 Милютин

Д. А. МИЛЮТИН О ЗАРУБЕЖНОЙ ТЕОРИИ ВОЕННОЙ ГЕОГРАФИИ

К. В. Белов

Саратовский государственный университет
E-mail: belovkv70@mail.ru

Статья посвящена сравнительному анализу сочинений зарубежных военных теоретиков российским военным историком, учёным-статистиком, одним из основателей «русской школы» военной статистики, будущим военным министром-реформатором Д. А. Милютиним, в своём фундаментальном двухтомном труде «Первые опыты военной статистики». В работах, в которых изучалось устройство вооружённых сил держав конца XVIII – первой половины XIX в., отсутствовал комплексный подход в исследовании военного потенциала государств. Впоследствии труд «Первые опыты военной статистики» стал одной из основных научно-исследовательских работ в Императорской Военной Академии, «кузнице» военно-научных кадров Российской империи, а также учебником и теоретической базой для методологии военно-статистических исследований, основанных на позитивизме.

Ключевые слова: военная география, «русская школа» военной статистики, Императорская Военная Академия, «пруско-немецкая военная школа», «Первые опыты военной статистики», театр военных действий, концепция «позиционной системы», комплексный подход

Dmitrii A. Miliutin on Foreign Theory of Military Geography

K. V. Belov

The paper is devoted to the comparative analysis of foreign military theoreticians' works by the Russian military historian, statistician, one of the founders of «The Russian school» of military statistics and future Minister for War and reformer Dmitrii A. Miliutin in his fundamental two-volume work «First Experiments in Military Statistics». The works which dealt with descriptions of state armed forces in the 18th – the first half of the 19th centuries lacked a complex approach in the study of the state military potential. Later, the work «First Experiments in Military Statistics» became one of the main research works in the Imperial Military Academy – a forge of military academic cadres of the Russian Empire as well as a manual and a theoretical foundation of the methodology of military statistical studies based on positivism.

Key words: military geography, «The Russian school» of military statistics, Imperial Military Academy, «Prussian-German military school», «First Experiments in military statistics», theater of military operations, concept of «positioning system», complex approach.

Дмитрий Алексеевич Милютин, представитель блестящей плеяды видных российских государственных и военных деятелей-реформаторов 60 – 70-х гг. XIX столетия, в то же время являлся военным историком и учёным-статистиком, одним из создателей «русской школы» военной статистики¹.

Свою научно-исследовательскую деятельность Д. А. Милютин начал в должности профессора кафедры военной географии Императорской

Военной Академии². Он предоставил руководству в 1846 г. справку о литографировании обновлённого курса данной дисциплины³. За одиннадцатилетний период работы там (с 1845 по 1856 г.) Дмитрий Алексеевич опубликовал свои военно-статистические сочинения, в том числе основной труд – «Первые опыты военной статистики»⁴. По сути дела, сочинение «Первые опыты военной статистики» явилось базой, где были заложены идеологические и теоретические основы российской геополитики⁵.

Тщательно проанализировав публикации западноевропейских теоретиков в области военной географии, Д. А. Милютин в отдельную группу выделил работы представителей «пруско-немецкой военной школы», задающих тон в развитие всей военной науки. Эти сочинения он подразделил, в свою очередь, на две подгруппы. К первой он отнёс сочинения, авторы которых обращали внимание в основном на природно-территориальный фактор и считали, что такая военная наука должна была являться доскональным описанием изучаемых местностей, что могло бы повлиять в тактическом плане на боевые действия⁶. Сюда же Д. А. Милютин отнёс труд известного военного деятеля Пруссии А. Роона⁷ «*Militairische Landbeschreibung von Europa*», опубликованный в 1837 г., вошедший в сборник «*Handbibliothek für Offiziere*»⁸. Роон считал, что задача военной географии заключалась в том, что каждое государство должно иметь такое топографическое описание своей территории, которое позволило бы правильно передислоцировать войска, обеспечить их снабжение. Д. А. Милютин критически отнёсся к работе Роона, полагая, что эти излишние топографические подробности не помогли бы в проведении военной компании⁹. Изучаемая местность как предполагаемый театр военных действий могла бы измениться например, прокладыванием железных и шоссейных дорог, осушением болот или, наоборот, затоплением местности, сооружением мостовых и паромных переправ, возведением крепостей, систем мощных оборонительных, заградительных сооружений и т. д.

Во вторую подгруппу Д. А. Милютин включил тех учёных, которые создали общетеоретические труды, основанные не только на топографических описаниях, но и на данных из общей физической и политической географии, касавшихся военной сферы деятельности¹⁰. К этой

подгруппе Д. А. Милютин отнёс работу австрийского подполковника Ф. фон Рудторфера «Военная география Европы в таблицах», изданную в 1835 г. Данный труд, переведённый на русский язык, был напечатан в 1837 г. (в 1839 г. вышло более полное издание работы в виде справочника)¹¹. Рудторфер, как и Роон, попытался расширить содержание военной географии как науки, включив сведения из сферы статистики. Он, представивший, по мнению Д. А. Милютина, верные сведения о составе и устройстве вооружённых сил исследуемых государств, рекомендовал изучать, помимо топографических данных, также пространство, состав населения в целях наилучшего ведения боевых действий¹².

В особую группу Д. А. Милютин выделил тех военных исследователей, которые стремились придать военной географии статус самостоятельной науки. К числу таких сочинений он относил работу прусского капитана Г. Беникена «Элементы военной географии Европы», опубликованную в 1821 г. и переведённую на русский язык. Дмитрий Алексеевич считал, что эта работа являлась единственной в своём роде, потому что её автор верно указал цель изучения военной географии, предметом которой являлось изучение территориальных особенностей государств. Это давало возможность более точно определить боевые силы и средства в целях успешного ведения боевых действий. Однако российский военный исследователь заметил, что в работе Г. Беникена были даны неполные сведения о каждом исследуемом государстве (перечислены пограничные крепости и естественные рубежи, внутренние крепости и оборонительные линии, состав вооружённых сил), взятые из общей географии. Недостаток этой работы заключался в том, что она содержала одни географические факторы, не дававшие полного представления о вооружённых силах и средствах, имеющихся у различных государств¹³.

Д. А. Милютин также проанализировал труд «Geographie physique, historique et militaire» французского военного теоретика Теофила Себастьяна Лавалле, вышедший в 1836 году¹⁴. Оригинальность его работы заключалась в том, что он предлагал изучать земную поверхность, основываясь на важных естественных рубежах (бассейны рек, хребты гор, лесные массивы и прочее), служивших с давних времён границами между государствами, которые в разные исторические периоды нарушались в ходе войн. Поэтому, как считал Лавалле, необходимо внимательно отслеживать территориальные изменения в каждый историко-хронологический период¹⁵. Труд французского учёного оказался оригинальным в теоретическом плане, но бесполезным в практическом применении, ибо смешение значительного количества разнообразных исторических и географических сведений не оказало позитивного влияния на военное искусство.

Д. А. Милютин подверг критическому анализу сочинение британского генерала-майора

Г. Ллойда (1729–1783 гг.) «Memoires politiques et militaires»¹⁶. Автор изложил своё видение о стратегических особенностях границ таких государств, как Франция, Австрия, Турция, Россия и США. Необходимо отметить, что военный теоретик из «туманного Альбиона» опубликовал свой труд во второй половине XVIII века и с тех пор многое в военном искусстве изменилось. Д. А. Милютин считал его ярким сторонником концепции «позиционной системы», в которой отстаивались преимущества обороняющейся стороны¹⁷. Г. Ллойд преувеличивал выгоды находящихся в обороне и полагал, что занятие сильно укреплённой позиции могло бы защитить целую страну.

Внимание Д. А. Милютина привлёк труд «Grundsätze der Strategie» эрцгерцога Карла-Людвига-Иоанна (1771–1847 гг.), известного австрийского военного деятеля, полководца, сына императора Леопольда II Габсбурга¹⁸. Как непосредственный участник войн семи антифранцузских коалиций он в анализе театра военных действий в Южной Германии 1796 г. изложил свои теоретические идеи: о влиянии местности на действия противоборствующих армий и охране важнейших коммуникаций. Эрцгерцог в своих стратегических изысканиях, имеющий односторонний характер, не упомянул политических, тактических, статистических, нравственных и прочих аспектов в своём анализе театра военных действий. Очередное сочинение эрцгерцога «Geschichte des Feldzuges von 1799 in Deutschland und in der Schweiz» Д. А. Милютин оценил по достоинству. Автор скрупулёзно исследовал обширный театр военных действий, начав с географического обзора (Южная Германия, долина Дуная, Альпийский регион вместе с Северной Италией) и закончив его критическим анализом. Такой труд по способу изложения и по методике исследования мог бы стать примером для описания любого театра боевых действий. По его мнению, необходимо было уделить особое внимание охране сообщений с тыловыми пунктами снабжения действующей армии. Д. А. Милютин был уверен, что работа эрцгерцога принесёт больше пользы для развития истории военного искусства, чем для анализа действительного театра боевых действий¹⁹.

Особое внимание Д. А. Милютин уделил географическому аспекту в работе «Memoires écrits a St. Helene, par G. Gourgaud et Ch. Montholon» Наполеона Бонапарта, проанализировавшего один из своих победоносных походов в Северной Италии кампании 1796 г.²⁰ В отличие от сочинения эрцгерцога труд Наполеона не содержал серьёзных обобщённых стратегических суждений. Здесь в основном присутствовали отдельные оценки различных географических объектов местности. Д. А. Милютин считал, что Наполеон допустил ряд ошибок. В частности, у бывшего императора, изучавшего средства обороны Северной Италии против Австрии и считавшего в политическом аспекте Апеннинский полуостров единым це-

лым, практически отсутствовали соображения, которые можно было бы применить в первой половине XIX века. Например, Ломбардия в том веке как одна из провинций современной Италии рассматривалась как территория, находящаяся в составе империи Габсбургов. Д. А. Милютин подчеркнул, что все сведения существенно изменились с 1796 г. и все стратегические замечания Наполеона устарели²¹.

Критический анализ трудов зарубежных авторов, представленный Д. А. Милютиным, позволяет сделать следующие выводы: во-первых, несмотря на различия, труды немецких авторов являлись по своей сути элементарными учебниками для военных школ, сборниками, наподобие военно-географических словарей, содержащих огромную массу фактов, взятых из общей физической и политической географии, предназначенных исключительно для справок военным специалистам. Во-вторых, большинство исследователей, которые стремились придать военной географии статус науки как специальной и самостоятельной, не достигли своей цели, так как ограничились изучением в основном лишь одного территориально-географического фактора, приходили к односторонним выводам²². В-третьих, за исключением только немногих трудов иностранных военных учёных, служащих образцами описания театров боевых действий с критическим анализом стратегического значения географических данных, все исследования в основном могли относиться к изучаемой ими эпохе, к другим историческим периодам они, естественно, не могли быть применимы. Д. А. Милютин критически отнёсся к мнению западноевропейских военных исследователей, заключавшемуся в том, что главной задачей являлась разработка справочно-информационных материалов и их сбор по использованию местностей в стратегических и тактических целях. Необходимо отметить, что во многих публикациях зарубежных, а также и отечественных исследователей XIX века, изучавших устройство вооружённых сил какой-либо державы, отсутствовал комплексный, критический подход в исследовании военной составляющей государств.

Примечания

- ¹ Воспоминания генерала-фельдмаршала графа Д. А. Милютина. 1843–1856 / под ред. проф. Л. Г. Захаровой. М., 2000. С. 143–144, 158–161, 171–172, 449–450; Воспоминания генерала-фельдмаршала графа Д. А. Милютина. 1860–1862. М., 1999. С. 198, 200; Милютин Д. А. Дневник. 1876–1878. М., 2009. С. 469–470; Милютин Д. А. Дневник. 1879–1881. М., 2010. С. 342.
- ² Шилов Д. Н. Государственные деятели Российской империи 1802–1917 гг. Биобиблиографический справочник. СПб., 2002. С. 416.
- ³ Отдел рукописей Российской государственной библиотеки (ОР РГБ). Ф. 169. Карт. 17. Ед. хр. 9. Л. 5.
- ⁴ Милютин Д. А. Первые опыты военной статистики : в 2 кн. Типография военно-учебных заведений. СПб., 1847–1848 ; Исторический очерк Николаевской Академии Генерального Штаба / составил Генерального Штаба генерал-майор Н. П. Глиноецкий. СПб., 1882. В особом приложении. С. 9–10, 20.
- ⁵ ОР РГБ. Ф. 169. Карт. 80. Ед. хр. 10.
- ⁶ Homeyer G. Beytrage zur militair geographie. Berlin, 1802 ; Venturini C. Lehrbuch der militair-geographie der Oestlichen Rheinlander. Leipzig, 1802 ; Adolf C. Lehrbuch der militair-geographie von Europa. Berlin, 1831.
- ⁷ Роон Альбрехт Теодор Эмиль (1803–1879 гг.), граф, прусский генерал-фельдмаршал, с 1850 г. член Комитета по реорганизации армии Королевства Пруссия, с 1859 г. её военный министр, с 1861 г. по морским делам, а в 1871–1872 гг. глава прусского кабинета министров // Милютин Д. А. Дневник. 1873–1875. М., 2008. С. 425.
- ⁸ Энциклопедический словарь. Т. XXVII / изд. Ф. А. Брокгауз и И. А. Ефрон. СПб., 1899. С. 95.
- ⁹ Милютин Д. А. Первые опыты военной статистики. Кн. 1-я. СПб., 1847. С. 9.
- ¹⁰ Hahnzog L. Lehrbuch der militair-geographie von Europa. Magdeburg, 1823 ; Meinecke F. Allgemeines lehrbuch der geographie, fur militair schulen und gynmasien. Berlin, 1836 ; Malchus C. Handbuch der militair geographie, oder erd und staaten kunde von Europa, mit specieller beziehund auf Kriegsfurung. Stuttgart, 1833 ; Andre C. Handbuch der politischen erdbeschreibung, nach Balbi vervollstandigt hinsicht auf topographie, handel und militair geographie. Braunschwig, 1835.
- ¹¹ Рудторфер Ф. Военная география Европы в таблицах. В 4 тетр. 1–4. (В переводе испр. и доп. г.-м. бар. Л. И. Зедделером.) Изд. Я. Брифа. В тип. К. Вингебера. СПб., 1837–1839.
- ¹² Милютин Д. А. Указ. соч. С. 13.
- ¹³ Там же. С. 17.
- ¹⁴ Lavallee T. Geographie physique, historique et militaire. Paris, 1836. Ed. "Charpentier", 596 p.
- ¹⁵ Милютин Д. А. Указ. соч. С. 19.
- ¹⁶ Генерал Генри Ллойд. URL: http://www.hrono.ru/biograf/bio_l/lloyd_genri.html (дата обращения: 17.11. 2014).
- ¹⁷ Милютин Д. А. Указ. соч. С. 24.
- ¹⁸ Карл-Людвиг. URL: <http://nekropole.info/ru/Karl-Ljudvig-05.09.1771> (дата обращения: 19.11. 2014).
- ¹⁹ Милютин Д. А. Указ. соч. С. 27.
- ²⁰ Там же. С. 27 ; Энциклопедия военных и морских наук. Т. II. / сост. под гл. ред. засл. проф. Ник. Ак.-ии Ген. Штаба, г.-л. Г. А. Леера. СПб., 1885. С. 610–611.
- ²¹ Милютин Д. А. Указ. соч. С. 28.
- ²² Там же. С. 30.

УДК 34(091).084.8

ОТНОШЕНИЕ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПАРТИЙ К РОССИЙСКОМУ КООПЕРАТИВНОМУ ДВИЖЕНИЮ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА

И. Н. Коновалов

Саратовская государственная юридическая академия
E-mail: i.n.konovalev@mail.ru

В статье анализируется отношение политических партий России к кооперативному движению на этапе его массового развития в начале XX века. В центре внимания автора партии социалистов-революционеров и кооперативных реформистов, которые проявляли наибольший интерес к кооперации. В меньшей степени кооперацией интересовались социал-демократы, кадеты и другие партии.

Ключевые слова: политические партии, кооперативное движение, кооперативный реформизм, рабочая и крестьянская кооперация.

The Attitude of Political Parties to the Russian Cooperative Movement at the Beginning of the XX Century

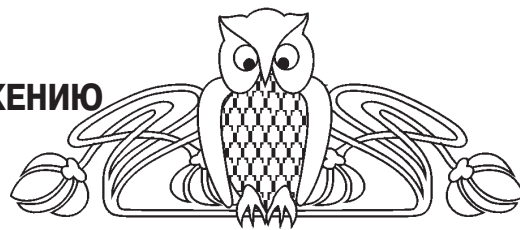
I. N. Konovalev

In the article, the attitude of political parties of Russia to the cooperative movement at a stage of its mass development at the beginning of the XX century is analyzed. In the center of the author's attention is the party of revolutionary socialists and cooperative reformists who were mostly interested in the cooperation and, to a lesser extent, social democrats, cadets and other parties.

Key words: political parties, cooperative movement, cooperative reformism, workers and peasants cooperation.

Вплоть до начала XX в. деятельность российской кооперации не выходила за рамки внутренних «материально-организационных» проблем. Во главе кооперативов и их союзов стояли либеральные, но вполне благонадежные по отношению к существующему строю земцы и сельская интеллигенция. Правительство через Государственный банк финансировало кооперативы, но в то же время держало их под наблюдением полиции и контролем инспекции мелкого кредита. Позже к кооперативному руководству начинают приходить более радикальные деятели, а сама кооперация – испытывать интерес со стороны различных партийных групп, от конституционных демократов до социал-демократов.

Повышение интереса к кооперативным учреждениям со стороны политических организаций наблюдается с середины 1900-х гг., когда кооперативное движение в деревне приобретает массовый характер. Наиболее активно использовали кооперативы в своих политических целях социалисты-революционеры, кооперативные реформисты и в несколько меньшей степени социал-демократы. Для кадетов и других буржуазных партий работа

в сельскохозяйственных кооперативах не представляла большого интереса и носила рекламный, эпизодический характер в форме думских запросов и выступлений.

Партия социалистов-революционеров большое внимание в своей стратегии и тактике уделяла крестьянской кооперации. Ее программа, составленная В. М. Черновым и принятая первым съездом в 1905 г., предусматривала, что «в вопросах общинного, муниципального и земского хозяйства партия будет стоять... за коммунальную, земскую, а равно и государственную политику, благоприятствующую развитию коопераций на строго демократических трудовых началах»¹.

Важным этапом в разработке кооперативной политики социалистов-революционеров стала первая общепартийная конференция в августе 1908 г. В ее резолюциях отмечалось, что «сельские организации эсеров должны работать в кооперативах, не давая захватывать их партиям и элементам, враждебным социализму». Конференция призвала членов партии «вступать в существующие кооперативы и вытеснять из них элементы, враждебные трудящемуся крестьянству... или, по крайней мере, парализовать их влияние на ход дела в кооперативных учреждениях». Особое внимание конференция обратила на образование сельскохозяйственных обществ малого района, дающих возможность трудящемуся населению спланироваться и организовываться². В извещении о пятом съезде совета партии социалистов-революционеров (1909 г.), прозвучавшем на конференции, отмечалось, что «необходимо установить более тесную связь между партийными товариществами, работающими в кооперативах, и партийными организациями»³.

Таким образом, первая общепартийная конференция социалистов-революционеров разработала в целом достаточно конкретную программу кооперативной политики в деревне. Трудовая кооперация, уверяли они, не уведет крестьян от демократии, не столкнет их с рабочими, но отвратит от стихийных неорганизованных выступлений, будет способствовать сплочению и накоплению сил. Не отрицая того, что кооперация может смягчить недовольство в деревне, они в то же время подчеркивали, что она своей повседневной практикой будет давать крестьянству достаточно поводов не забывать о коренном противоречии крестьянства с господствующими классами, так как сам рост кооперации «состоит в непрерывной борьбе с эксплуатацией»⁴.

После поражения в Первой русской революции (1905–1907 гг.) в партии эсеров одновременно с идейным начался и организационный кризис. В ее недрах возникли группы «инициативного меньшинства» и «Почин». Группа «инициативного меньшинства» была образована в Париже Я. Л. Делевским (Юделевским), (Волиным) и В. К. Агафоновым (Сиверским). Единственно эффективным средством политического освобождения России, на их взгляд, мог быть только террор, проводимый инициативным меньшинством, взгляды которого были подвергнуты резкой критике со стороны руководства эсеровской партии.

Группа «Почин» выражала настроения и взгляды противоположного, правого, крыла партии. Их разделяли видные члены партии, теоретики и практики кооперативного движения: А. В. Меркулов, Н. В. Чайковский, А. А. Николаев, В. А. Кильчевский, Е. С. Канчер. В июне 1912 г. группа выпустила первый и единственный номер одноименного журнала, в котором подробно излагалась платформа правых в кооперативном движении. В ней говорилось, что «партийная тактика в отношении кооперации во многом устарела и не отвечает требованиям действительности»⁵.

Позже секретарь заграничной делегации ЦК партии «починовец» И. Бунаков (И. И. Фундаминский) писал, что «эсеровская программа отводила большое место кооперации только после “земельного переворота” и явно недооценила ее бурного роста до этого момента, тем более в условиях политической реакции этот “общественный грех” народникам следует искупить. Они должны взять на себя роль идейного вдохновителя и практического вождя кооперативного движения. Старая формула народничества через земельную реформу к кооперации должна быть заменена новой: через кооперацию к земельной реформе...»⁶

В кооперативной политике эсеров особое значение придавалось использованию «легальных возможностей». Первостепенная роль отводилась «воссозданию различных форм кооперации».

Состояние кооперативов в значительно меньшей степени интересовало российских марксистов. Свое негативное отношение к кооперации в условиях капитализма они высказали в 1890-е годы. Тогда В. И. Ленин выступил с резкой критикой народников, видевших в крестьянских кооперативах самостоятельный путь социалистического преобразования сельского хозяйства: «различные формы улучшения, в том числе насаждение и развитие кооперативов, ничего существенно не изменяет, а, напротив – должны усилить и развить капиталистическое хозяйство»⁷.

Свои выводы о сущности крестьянской кооперации в условиях капитализма В. И. Ленин противопоставлял одновременно и воззрениям эсеров, которые поддерживали кооперативные идеи народничества. В работе «Революционный авантюризм» он критикует идею эсеров о том, что

в условиях капитализма возможно организовать коллективное ведение сельскохозяйственного производства, используя при этом в качестве одного из промежуточных звеньев на пути к «коллективизму» (то есть социализму) кооперативы⁸.

В работе «О продовольственном налоге» В. И. Ленин, как бы суммируя свои научные выводы о сущности сельскохозяйственной кооперации в условиях капитализма, снова подчеркивал, что «кооперация мелких товаропроизводителей... неизбежно порождает капиталистические отношения, содействует их развитию, выдвигает на первый план “капиталистиков”, то есть сельских богачей, им дает наибольшую выгоду»⁹.

Таким образом, ни в 1907 г., ни значительно позже у левого крыла социал-демократов не было конструктивной программы развития кооперации. Многим из них было неясно, какое место она занимает в революционном движении. Лишь после проведения ЦК РСДРП в марте и апреле 1908 г. совещаний социал-демократов, работавших в кооперативах, картина несколько прояснилась. Партия выработала программу использования кооперации в антиправительственных целях. Однако ее члены обязывались принимать активное участие только в рабочих потребительских кооперативах. Вскоре между двумя партийными фракциями стали проявляться серьезные разногласия.

Обострение полемики по поводу работы в кооперации объяснялось усилением ликвидаторских тенденций среди меньшевиков. Основным камнем преткновения стал вопрос о принципе партийной нейтральности кооперативов, который выдвигался ликвидаторами и вызвал активное неприятие большевиков¹⁰. Другой причиной разногласий было то, что меньшевики видели в распространении кооперативов средство к организации масс. Большевики же считали, что если кооператив не носит «партийной окраски», то он является «даже вредным, так как способствует развитию буржуазных стремлений в населении»¹¹.

Впервые обстоятельная характеристика кооперативного движения была дана меньшевиками в московской газете «Столичное утро», которая напечатала статью Н. Валентинова «Проблема завтрашнего дня». К числу будущих проблем, требующих заблаговременного обсуждения, автор относил вопрос о кооперации в деревне. Он считал, что «ни для одной партии не могут быть безразличны явления, совершающиеся вокруг нее». По мнению Н. Валентинова, «кооперативное движение является экономически положительным и желательным фактором объединения индивидуальных крестьянских хозяйств»¹². Его точку зрения полностью разделяли меньшевики, ушедшие в годы реакции на работу в кооперативы – М. Л. Хейсин, В. Ф. Тотоминанц, Б. Р. Фроммет, Н. М. Орлов, Н. И. Лобанев, А. А. Зайцев и др. Большинство из них встали в дальнейшем на позиции кооперативного реформизма. Современные исследователи выделяют в

нем два основных направления – кооперативный социализм и кооперативизм (синдикализм)¹³. Кооперативный реформизм был наиболее развит в рабочих потребительских кооперативах и руководящих кооперативных органах. Несмотря на острую полемику по поводу нейтральности кооперативов между меньшевиками эсерами и кооперативистами, они активно сотрудничали во многих городских кооперативных организациях, МСПО, Отделении Комитета. Примером такого сотрудничества являлись совместная подготовка и проведение в 1913 г. совещания представителей потребительских обществ Петербургского района (Петербургская, Новгородская, Олонецкая, Псковская губернии и город С.-Петербург).

Программа совещания включала текущие вопросы кооперативной работы: обсуждение проекта устава союза потребительских обществ района, отношение местных земств к союзу, борьба с потребительским барышничеством. Накануне совещания организационная комиссия, в состав которой входили представители различных политических направлений: социалисты-революционеры-починовцы (А. В. Меркулов, Е. С. Канчер, Н. В. Чайковский), меньшевик-ликвидаторы (Б. Р. Фроммет, Н. И. Лобанев, Н. М. Орлов, А. А. Зайцев), кооперативные социалисты (С. Н. Прокопович, М. Л. Хейсин, В. Ф. Тотомианц), кооперативисты (А. С. Токарев, В. П. Варыбин, В. А. Поссе, П. П. Богданов-Шестенок), провела 8 заседаний. На них присутствовали члены комиссии и делегаты от обществ потребителей Петербургского района числом от 30 до 70 человек¹⁴. Охранное отделение и С.-Петербургский градоначальник Г. М. Драчевский считали, что «политические партии задались целью объединить в союзе все потребительские общества Петербургского района, чтобы вести под его прикрытием пропаганду своих идей»¹⁵. Несмотря на противодействие полиции, под давлением Главного управления землеустройства и земледелия совещание было разрешено. Оно состоялось 30 декабря 1913 г. Итогом работы совещания явилось создание союза потребительских обществ Петербургского района. Выступая на нем, вернувшийся из псковской ссылки М. Л. Хейсин говорил, что «рабочая кооперация есть одна из форм классовой борьбы пролетариата за социализм». Другой докладчик – В. А. Поссе – призвал участников совещания к борьбе с «потребительским барышничеством»¹⁶. Однако большинство делегатов из провинции высказались против этого положения.

Особое внимание совещание уделило развитию крестьянской кооперации. В его заключительной резолюции отмечалось, что «крестьянская кооперация важна как единственно возможная в современных условиях форма организации крестьянства, так как она дает возможность встретить им начавшийся политический подъем нераспыленными, организованными и накопить

необходимый опыт в коллективном отстаивании своих нужд»¹⁷.

Кроме социалистических партий, к кооперации проявили интерес и некоторые буржуазные партии. Учитывая положительное общественное мнение относительно кооперации, а также ее экономическую силу, они внесли соответствующие изменения в свои программы.

Так, конституционно-демократическая партия и партия демократических реформ предусматривали «развитие мелкого кредита, установление условий, благоприятных для процветания кооперации, обществ, союзов и вообще всякого рода объединений, направленных на улучшение земледелия»¹⁸. Члены партии кадетов и демократических реформ, избранные в IV Государственную Думу, вошли в состав кооперативной группы и голосовали за новый кооперативный закон, предложенный кооператорами.

В 1914 г. депутат Думы лидер кадетов П. Н. Миллюков встал на защиту новгородских кооператоров – членов партии С. Хлопова и Н. Чмутова. Они обвинялись начальником новгородского жандармского управления в организации в 1912 г. «крестьянских братств, целью которых являлось сплочение сознательных крестьян для борьбы с правительством и проведение в жизнь программы партии социалистов-революционеров». По указанию губернатора председатель правления Белозерского общества потребителей С. Хлопов и член правления Н. Чмутов были исключены из его состава. В результате ходатайства П. Н. Миллюкова они были восстановлены в своих правах¹⁹. Однако систематической работы в кооперативах буржуазные партии, не имеющие прочной поддержки в деревне, не проводили.

В сравнении с рабочей кооперацией крестьянская кооперация была меньше втянута в политическую борьбу. Об этом свидетельствуют материалы Департамента полиции, губернских жандармских управлений, отчеты губернаторов. Если в губернских городах и тем более в столицах (Москве и Петербурге) уже к 1908–1910 гг. не было ни одного рабочего кооператива, соблюдающего «нейтралитет» или проповедующего невмешательство в политику, то в деревне основная масса крестьянства долгое время оставалась нейтральной. Этому во многом способствовала охранительная политика, проводимая правительством. Так, распоряжением товарища министра внутренних дел генерала Г. М. Курлова все полицейские ведомства с 5 апреля 1909 г. приступили к составлению поименных списков неблагонадежных лиц, вошедших в состав кооперативных правлений и советов. Одним из первых в регионе был проверен, считавшийся неблагонадежным, Новоузенский уезд Самарской губернии. Однако оказалось, что из 236 членов правлений и советов только 8 человек (3,3%) внушали сомнения в политической благонадежности²⁰. В Новгородской губернии насчитывалось 150 кооперативов с 736 членами.

Из них, по данным охранительного ведомства, 131 (17,8%) представлял опасность для государства. Число неблагонадежных в составе правлений кооперативов не превышало 39 человек, или 5,3 % от общего количества членов²¹.

Подобные проверки в течение 1909–1910 гг. прошли в Пермской, Нижегородской, Казанской, Астраханской, Оренбургской, Вятской, Архангельской и других губерниях России. В случае непредставления списков полиция закрывала кооперативы. По итогам губернских проверок в марте 1911 г. директору Департамента полиции была подготовлена записка, в которой говорилось, что «деятельность сельских кооперативных учреждений, благодаря материальной заинтересованности участвующих в них крестьян, является чисто экономической. Политически неблагонадежные лица в составе кооперативов заметного влияния не имеют, и использовать общественные деньги на нелегальные цели вопреки воле благонадежного большинства не могут»²². Из общего числа 11432 зарегистрированных в стране кооперативных учреждений неблагонадежные лица имелись в 750 кооперативах (6,5%), что составляло не более 1560 человек, то есть по 2 человека на кооператив²³.

Таким образом, данный сюжет из истории политических партий и кооперации представляет несомненный интерес для исследователей. Он расширяет и дополняет наши представления о недостаточно известных аспектах деятельности партий и российской кооперации в начале XX века. Вместе с тем подтверждается мнение, что влияние партий на сельскохозяйственные кооперативы было эпизодическим. Для организационной и пропагандистской работы они в основном использовали кооперативные съезды и совещания, на которые со всех губерний России съезжались делегаты от различных кооперативных учреждений. Причем делегации от крестьянских кооперативов были самыми многочисленными. В кулуарах съездов проводились встречи, партийные совещания, распространялась нелегальная литература. Более планомерную работу в среде крестьянских кооперативов проводили социалисты-революционеры,

которые пытались использовать кооперативные учреждения в политических целях.

Примечания

- ¹ Чернов В. М. Конструктивный социализм. М., 1997. С. 110.
- ² Российский государственный исторический архив (далее – РГИА). Ф. 23. Оп. 7. Д. 575. Л. 133, 133 об.
- ³ Там же.
- ⁴ Ерофеев Н. Д. Социалисты-революционеры // История политических партий России. М., 1994. С. 173.
- ⁵ Государственный архив Российской Федерации (далее – ГА РФ). Ф. 102. Оп. 119. Д. 376. Т. 1, ч. 1. Л. 181, 183.
- ⁶ Ерофеев Н. Д. Указ. соч. С. 173.
- ⁷ Ленин В. И. «Что такое «Друзья народа» и как они воюют против социал-демократов (ответ на статьи «Русского богатства» против марксистов)» // Полн. собр. соч. 5-е изд. : в 55 т. Т. 1. С. 243.
- ⁸ См.: Ленин В. И. Революционный авантюризм // Полн. собр. соч. Т. 6. С. 396.
- ⁹ Ленин В. И. О продовольственном налоге // Полн. собр. соч. Т. 43. С. 225.
- ¹⁰ См.: Балдин К. Е. Рабочее кооперативное движение в России во второй половине XIX – начале XX века : автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Иваново, 1993. С. 39.
- ¹¹ ГА РФ. Ф. 102. 1908. Д. 121. Л. 11.
- ¹² Валентинов Н. Проблема завтрашнего дня // Столичное утро. 1907. 6 окт.
- ¹³ См.: Балдин К. Е. Указ. соч. С. 39, 40.
- ¹⁴ РГИА. Ф. 1284. Оп. 188. Д. 262. Л. 1, 2, 5; ГА РФ. Ф. 102. Оп. 243. Д. 16 (1). Л. 9, 9 об.
- ¹⁵ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 243. Д. 16 (1). Л. 9 об.
- ¹⁶ РГИА. Ф. 1284. Оп. 188. Д. 262. Л. 40 об., 41.
- ¹⁷ Там же. Л. 40 об.
- ¹⁸ Программы политических партий и организаций в России конца XIX – начала XX вв. Ростов н/Д, 1992. С. 65.
- ¹⁹ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 124. Д. 154. Л. 11, 18 об.
- ²⁰ Там же. 1908. Д. 121. Т. 3, ч. 2. Л. 144.
- ²¹ Там же. Л. 272.
- ²² Там же. Оп. 119. Д. 376. Т. 2, ч. 1. Л. 64 об., 65.
- ²³ Там же. Л. 71, 71 об.

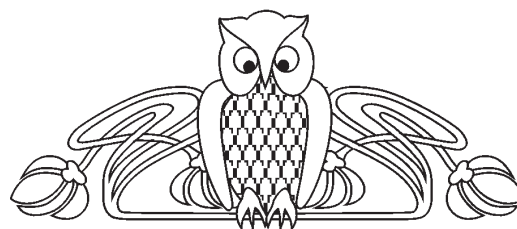
УДК 94(100)»1914/19»

500-ЛЕТИЕ СО ДНЯ ТРАГИЧЕСКОЙ ГИБЕЛИ ЯНА ГУСА И РУССКОЕ ОБЩЕСТВО В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ¹

А. Н. Галямичев

Саратовский государственный университет
E-mail: galyamichev57@mail.ru

Автор статьи рассматривает особенности восприятия русским обществом наследия великого чешского мыслителя Яна Гуса

в годы Первой мировой войны и выявляет причины резкого всплеска интереса к его личности и учению в России в 1914–1918 гг.

Ключевые слова: Ян Гус, Первая мировая война, русское общество.

The 500-year Anniversary of Jan Hus' Tragic Death and the Russian Society during the First World War

A. N. Galyamichev

The author of the article considers the peculiarities of the Russian society's perception of the great Czech philosopher Jan Hus' heritage during the First World War and identifies the causes of the sudden surge of interest towards this personality and doctrine in Russia in 1914–1918.

Key words: Jan Hus, First World War, Russian society.

6 июля 2015 г. исполняется 600 лет со дня трагической гибели Яна Гуса. Не только на его родине, где День памяти Гуса отмечается ежегодно, но и во многих других странах мира будет отдана дань уважения отважному чешскому мыслителю, осмелившемуся в начале XV в. бросить вызов духовному диктату Римско-католической церкви и отдавшего жизнь за идеалы свободы, добра и справедливости.

Памятные мероприятия пройдут и в нашей стране, хотя, по всей вероятности, по своему размаху и общественному резонансу они будут уступать тому, что было сделано в России сто лет назад, когда человечество отмечало 500-летие со дня гибели Гуса на Констанцском соборе.

Центром юбилейных мероприятий стала Москва, где уже в июне 1914 г. состоялся торжественный митинг, организованный Русско-чешским вспомогательным обществом, а на Поклонной горе был зажжён поминальный костёр в честь Гуса.

Газета «Русские ведомости» сообщала: «Местом костра избрана самая высокая точка Поклонной горы, на земле крестьян деревни Фили. Общество (имеется в виду Русско-чешское вспомогательное общество. – А. Г.) намерено купить эту землю и назвать её Констанцем по имени места сожжения Яна Гуса и ежегодно 22 июня повторять праздник сожжения костра»².

После начала войны, в 1915 г., в Москве было создано Русско-чешское общество имени Яна Гуса³. В ходе торжественных мероприятий 1915 г. по инициативе общества был установлен бюст Яна Гуса в здании Московского университета на Моховой улице⁴.

Митинги и собрания, посвящённые 500-летию гибели Гуса, прошли также в Петрограде, Киеве, других городах Российской империи.

1915-й и следовавшие за ним годы были отмечены всплеском интереса к личности и учению Яна Гуса в России, что выразилось в небывалом росте количества публикаций о нём: никогда прежде и никогда впоследствии на страницах русских изданий история Гуса и гуситов не занимала такого видного места, хотя гуситская проблематика неизменно принадлежала к числу приоритетных на всём протяжении истории российской славистики.

Многочисленные публикации о Гусе появились на страницах самых разных периодических

изданий: трудов Российской Академии наук⁵, сборников исторических и культурно-просветительских обществ⁶, столичных⁷ и провинциальных⁸ газет.

Не только в столицах⁹, но и в других городах России (Казани, Пскове, Тамбове, Ростове Ярославском¹⁰) вышли выполненные на разном профессиональном уровне книги о жизни и деятельности Гуса.

Этот огромный интерес к наследию вождя освободительного движения чешского народа XV в. был обусловлен рядом причин.

Главная из них состояла в том, что фигура Гуса оказалась удивительно созвучной тем мотивам, которые, с точки зрения русского общественного мнения, казались основанием для вступления нашей страны в войну, масштабы и разрушения которой не шли ни в какое сравнение с войнами предшествующих столетий.

Фигура Гуса воспринималась как ярчайшее воплощение, с одной стороны, идеи славянского братства, а с другой – вековой борьбы славянских народов против немецкой агрессии, угрозы утраты национальной самобытности, государственно-политического и духовного порабощения славян.

Из строк статей русских публицистов и опубликованных речей общественных деятелей вырисовывается яркая картина характера восприятия наследия Гуса в России в годы Первой мировой войны.

«В истории нет, кажется, образа более близкого к великой “злобе” наших дней, к нашим мечтам и мукам, чем образ Яна Гуса»¹¹.

«Нам – хоть раз в году нужно вспомнить не огонь костра Гуса, а огонь его проповеди, проникнуться его заветами, что в единении славянства наша общая сила и слава, наше будущее, наша свобода, наша самобытность, наша самостоятельность. Вечная память Гусу и да здравствует единение славянства!»¹²

И наконец: «Да будет же бессмертна светлая память великого и праведного Иоанна Гуса... Да будет благословенна его светлая память сугубо в настоящие дни героической борьбы Руси Святой и её союзников против соединённых сил врагов наших, предки которых (немцы) зажгли констанцкий костёр, чтобы задушить свободу славянского духа, но зарево этого пожара дало свой жаркий отблеск в Чехии и подало сигнал к восстанию всего чешского народа за правду Божию и за своё народное право.

Есть одна военная песня гуситов, очень популярная у новейших чешских патриотов, начальные слова которой содержат в себе следующий смысл: “Вы, воины Божии и Его закона, просите у Бога помощи и уповайте на Него, что с Ним всегда окончательно победите”. Эта песня в своё время возбуждала мужество гуситских воинов во главе с непобедимым вождём их Жижекю и поднимала их военный дух к победам.

Да увенчается и наша усердная молитва к Господу победоносным для нас концом нынешней мировой войны, ибо и Русь Святая воюет за правду Божию – веру Христову, за право и справедливость всех народов, за свободу и осуществление и своих народных вожделений»¹³.

Среди тех факторов, которые способствовали пробуждению интереса к наследию Гуса в нашей стране в годы Первой мировой войны, определённое место занимали и целенаправленные усилия правительственных кругов.

Основываясь на настроениях части чешской общественности, в особенности чехов, постоянно проживавших в России, правительство и императорский двор рассматривали Чехию в качестве одного из возможных направлений усиления внешнеполитических позиций Российской империи.

Среди русских чехов после начала мировой войны неоднократно высказывалась мысль о приглашении на чешский престол представителя династии Романовых. Основанием для неё был тот факт, что император Франц-Иосиф, в отличие от всех своих предшественников, не счёл нужным короноваться в Праге чешской королевской короной (короной святого Вацлава) и, таким образом, формально оставил чешский престол свободным¹⁴.

Однако едва ли эти моменты могли играть существенную роль, тем более что русофильские настроения отнюдь не преобладали в стане деятелей чешского общественного движения, возглавивших в годы Первой мировой войны борьбу за восстановление независимого чешского государства, которая увенчалась созданием в 1918 г. Чехословацкой Республики.

Фигура Гуса – борца за правое дело, не устранившегося выступить против тёмных сил, не надеясь на лёгкую и скорую победу, оказалась очень близкой и привлекательной сокровенным чувствам думающих русских людей, мучительно искавших смысл и оправдание тех трагических событий, которые происходили на западных рубежах России.

Ярким свидетельством этому является судьба священника Александра Вознесенского, составителя сборника «Послания магистра Иоанна Гуса»¹⁵, который был издан в 1903 г. и до настоящего времени остаётся наиболее полным сводом источников о жизни, деятельности и учении Гуса на русском языке.

Вернувшись после служения в Праге в Россию (его результатом стало появление «Посланий магистра Иоанна Гуса»), А. Вознесенский стал полковым священником, оставив о себе добрую память редким мужеством на поле боя и душевным отношением к солдатам.

Жизнь Александра Вознесенского оборвалась 6 августа 1915 г. у деревни Даугишки на территории современной Литвы, ровно через месяц после 500-летия со дня гибели Яна Гуса¹⁶.

В его судьбе, как в капле воды, отразилось причудливое переплетение духовных исканий

России и наследия великого чешского мыслителя и патриота.

Примечания

- 1 Статья подготовлена на основе доклада, прочитанного автором 13 ноября 2014 г. на научной конференции «Первая мировая война в судьбах России и Саратовского края и документальное наследие».
- 2 Русские ведомости. 26(13) июня 1914 г.
- 3 Материалы о деятельности общества хранятся в Центральном историческом архиве Москвы в личном фонде историка, архивиста и публициста, одного из его основателей И. С. Беляева. См.: URL: http://mosarchiv.mos.ru/uslugi/spravochniki_po_fondam/Putevoditel-lichnye/SIAM.htm (дата обращения: 20. 11. 2014).
- 4 Итоги торжественных мероприятий были подведены в отдельном издании: Ян Гус. Московские юбилейные торжества в память 500-летия его кончины. 1415–1915 / Русско-Чешское общество его памяти в Москве. М., 1916.
- 5 См.: *Квачала И.* Первые философские занятия Яна Гуса и новое критическое издание сочинений Виклефа // Известия Отделения русского языка и словесности Российской Академии наук. 1915. Т. 20, кн. 3. С. 126–138.
- 6 *Кораблёв В. Н.* Ян Гус и чешское национальное движение // Славянские известия. 1915. № 12–13. С. 141–143; Пятьсот лет со дня кончины Яна Гуса // Исторический вестник. 1915. № 8. С. 661–663. В 1916 г. юбилею трагической гибели Яна Гуса был посвящён специальный том периодического издания Петроградского славянского благотворительного общества «Славянские известия» (Пг., 1916. Кн. 1).
- 7 См.: *Анд-ъ В.* Ян Гус, 6 июля 1415–1915 // Новое время. Иллюстрированное приложение. 1915. № 14107. С. 196–197; *Грот К. Я.* К предстоящему 500-летию мученической смерти великого славянина Яна Гуса // Новое время. 1915. 17.05 / 30.05; Торжества в память Яна Гуса // Новое время. 1915. 22.06 / 5.07; *Вергун Д. Н.* К 500-летию мученичества Гуса // Новое время. 1915. 23.06 / 6.07; Памяти Гуса // Новое время. 1915. 24.06 / 7.07; *Пальмов И. С.* Ян Гус // Чехословак. Пг. 1915. 25.06 / 8.07.
- 8 См.: *Маркевич А. И.* Великий славянин : к пятистолетию мученической смерти Яна Гуса // Южное слово. Симферополь, 1915. 23 июня; Великий славянский мученик. К 500-летию со дня кончины Гуса // Рижский вестник. 23.06.1915. № 148.
- 9 См.: *Кораблёв В. Н.* Славянский мученик Ян Гус из Гусинца. Пг., 1915; *Романовский В. Е.* Ян Гус. М., 1915; *Белгородский А. В.* За что боролся и пострадал Ян Гус. Пг., 1916; *Жилина-Дьяконова Е.* Борец за правду, славянский учитель Ян Гус. М., 1916; *Рабинович И.* Как боролись чехи с немцами за права своей народности. Пг., 1916. К работам русских авторов тесно примыкает издание в русском переводе обстоятельнейшего жизнеописания Гуса чешского историка В. Флайшганса : *Флайшганс В.* Ян Гус. М., 1916.
- 10 См.: *Волнин Н. К.* Ян Гус. Ростов Ярославский, 1915; *Серебрянский Н. И.* Ян Гус, его жизнь и учение.

- Псков, 1915 ; Сингалевич С. П. Ян Гус и возрождение Чехии в XV веке. Казань, 1915 ; Норцов А. Н. Славянин Гус, немец Лютер и последствия реформации. Тамбов, 1917.
- ¹¹ Ардов Т. Будьте Гусами, чехи! // Утро России. 1915. 21 июня. С. 2.
- ¹² Беляев И. С. К 500-летию кончины Яна Гуса // Русский архив. 1915. Кн. 2, вып. 8. С. 400.
- ¹³ Нравственная личность Иоанна Гуса и его историческое дело. Речь профессора И. С. Пальмова в торжественном собрании Общества распространения религиозно-нравственного просвещения в духе православной церкви, 29-го ноября 1915 года. URL: <http://zaistinu.ucoz.ru/news/2009-04-23-728> (дата обращения: 20.11.2014).
- ¹⁴ В меморандуме, переданном делегацией русских чехов Николаю II 4 сентября 1914 г. во время приёма в Царском Селе, содержались следующие строки: «У нас чехов одна мечта, которую наши представители имели уже счастье высказать Вашему Величеству в Москве. Эти наши желания мы повторяем вновь: “Да воссияет свободная и независимая корона Святого Вацлава в лучах короны Романовых. Да хранит Вас, Государь, и вашу Августейшую семью Господь Бог. Многие лета!”» (Цит. по: Муратов А. А. Две аудиенции русских чехов у Николая II в августе 1914 года // Славянский сборник. Саратов, 2011. Вып. 9. С. 42).
- ¹⁵ Послания магистра Иоанна Гуса, сожжённого римскою курией в Констанце 6 июля 1415 года / пер. с чешск. и лат. А. Вознесенского. М., 1903.
- ¹⁶ О жизни и судьбе А. Вознесенского см.: Кострюков А. Подвиг русского военного духовенства в годы Первой мировой войны. URL: http://e-vestnik.ru/analytics/voennoe_duhovenstvo_v_pervoy_mirovoy_voynе_8185/ (дата обращения: 20.11.2014).

УДК 070(470+571):94(560)|1914/1918|

РУССКАЯ ПЕРИОДИЧЕСКАЯ ПЕЧАТЬ О ГУМАНИТАРНОЙ КАТАСТРОФЕ В ОСМАНСКОЙ ИМПЕРИИ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

В. А. Чолахян

Саратовский государственный университет
E-mail: vcholakhyan@yandex.ru

В статье на материалах русской периодической печати рассматривается трагическая судьба армянского народа, подвергнутого в годы Первой мировой войны депортации и геноциду. Автор анализирует причины и этапы геноцида, раскрывает механизм уничтожения армянского населения.

Ключевые слова: Первая мировая война, периодическая печать, депортация, беженцы, геноцид.

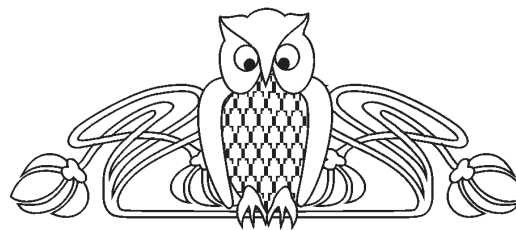
Russian Periodicals on the Humanitarian Crisis in the Ottoman Empire During the First World War

V. A. Cholakhian

The article, based on Russian periodic press, deals with the tragic fate of the Armenian people who were subjected to deportation and genocide during the First World War. The author analyzes the causes and stages of the genocide, reveals the mechanism of the Armenian population's destruction.

Key words: First World War, periodicals, deportation, refugees, genocide.

Первая мировая война предопределила специфику вооружённых конфликтов XX столетия, включая систематические нарушения правил и обычаев войны: массовое интернирование, депортацию целых народов, геноцид и т. п. Одним из наиболее ярких проявлений антигуманного характера Первой мировой войны было проведе-

ние турецкими властями уничтожения армянского населения этой страны.

В настоящей статье автор ставит перед собой задачу рассмотреть, как русская периодическая печать откликнулась на трагедию армян в Османской империи и какую роль она сыграла в поддержке жертв геноцида. Основным объектом исследования явились российские газеты и журналы, предоставлявшие информацию о событиях на Кавказском фронте Первой мировой войны и о вовлечённых в кровавую мясорубку армянах. Среди них – «Русские Ведомости», «Петербургские (Петроградские) Ведомости», «Русское Слово», «Летопись», «Речь», «День», «Новое Время» и др. Наиболее полно и широко освещалась гуманитарная катастрофа в Османской империи в армянских русскоязычных изданиях – «Армяне и Война» (Одесса, 1916 г.) и «Армянский Вестник» (Москва, 1916–1918 гг.).

В годы Первой мировой войны армянское население Османской империи подверглось массовой депортации со своей исторической родины. Несмотря на все усилия турецких властей скрыть следы преступлений, мировой общественности стали известны многочисленные факты их злодеяний. Публикации в русской периодической печати в 1915–1916 гг. проливают свет на многострадальную, трагическую участь армянского народа в годы Первой мировой войны.

Известный русский социолог и историк М. М. Ковалевский в журнале «Вестник Европы» отмечал, что «начиная с 14 в., когда Армения потеряла свое государственное существование,

её судьбы стали тесно зависеть от судеб мусульманского Востока и его заправил – турок и персов. Чтобы избежать преследований, им приходилось выселяться массами в теперешнее Закавказье, так как турки и персы жестко мстили им за то содействие, какое они оказывали русским войскам...»¹

После Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. в Сан-Стефанский договор по настоянию русского правительства была включена специальная статья (16), предусматривавшая гарантии безопасности армянского населения. В частности, в ней отмечалось, что «Блистательная Порта обязуется осуществить без замедления улучшения и реформы, вызываемые местными потребностями в областях, населенных армянами, и оградить безопасность последних от курдов и черкесов»². В Берлинском договоре, в статье 61, контроль за проведением реформ возлагался на европейские державы³.

Однако турецкий султан Абдул Хамид не собирался выполнять решения Берлинского договора. Более того, турецкие власти разрабатывали планы всеобщей резни армян, которые вылились в массовые убийства в 1895–1896 гг., в результате которых погибло около 300 тыс. армян. Известный политический деятель России А. И. Гучков, объехавший в 1896 г. почти всю Западную Армению, в беседе с корреспондентом газеты «Кавказское слово» вспоминал, что «всюду после резни находил ужасный покой – покой кладбища. Редкие селения армян, которых здесь в то время было много, не было сожжено, население перебито...»⁴

В начале XX в. российское правительство в лице министра иностранных дел России С. Д. Сазонова и заместителя на Кавказе И. И. Воронцова-Дашкова вновь вернулось к политике покровительства турецким армянам при сохранении территориальной целостности Османской империи. В докладной записке по армянскому вопросу, направленной Сазоновым Совету министров в 1912 г., отмечалось: «Если немцам и туркам нужна Армения без армян, если им необходимо уничтожение армянского клина, если они хотят истребить барьер, существующий между нашими мусульманами и курдами, и турками, задача России воссоздать во что бы то ни стало этот барьер между турками и курдами и нашими татарами»⁵.

С началом Первой мировой войны на крайне правом фланге Кавказского фронта в Батумской области турецкие войска в ноябре 1914 г. перешли в наступление при поддержке восставшего аджарского мусульманского населения. Следствием турецко-аджарского мятежа стала насильственная смерть значительной части армянского населения Батумской области Российской империи. Зверства мятежников и турецких войск не были вызваны какими-либо агрессивными действиями со стороны батумских армян. Их уничтожали именно по национальному признаку. Активное и непосредственное участие в этих преступлениях принимали члены турецкой «Специальной организации» (тур. *Teskilat-I Mahsusa*). По своей сути

они представляли собой полувоенные отряды профессиональных диверсантов, состоявшие из идейных пантюркистов и панисламистов. Формально они не являлись ни солдатами, ни жандармами, ни полицейскими⁶.

После разгрома турецких армейских частей и иррегулярных формирований «Специальной организации» в Батумской области в 1915–1916 гг. состоялись военно-полевые суды над мятежниками. Многочисленные показания свидетелей обвинения подтверждали наличие турецких чётников как организаторов и направлявшей силы массовой резни христианского армянского населения⁷. Местные мусульмане, поддавшись пропаганде иллюзорных идей пантюркизма и панисламизма, стали смертоносным орудием в руках лидеров «Специальной организации». Кровавые события в Батумской области в конце 1914 г. фактически явились первым актом драмы, известной впоследствии как геноцид армян⁸.

В ходе наступления турецких войск на центральном направлении Кавказского фронта в ноябре 1914 г. картина повторилась: спасаясь от физического уничтожения, десятки тысяч армянских беженцев из районов Басена, Баззета, Диадина, Алашкерта и Карсской области устремились в Закавказье. К началу 1915 г. из Западной Армении и Ирана перебрались в российское Закавказье (преимущественно в Эриванскую и Тифлисскую губернии) 49,8 тыс. армян⁹.

Графиня Александра Толстая в феврале 1915 г. работала в Игдыре (Закавказье) в 7-м полевом врачебно-питательном отряде Всероссийского земского союза. Вот как она описывала свои впечатления об армянских беженцах: «Судьба занесла меня в Игдырь, маленькое, грязное армянское местечко у подножия Арарата. Большинство беженцев – женщины и дети. Мужчин очень мало – несколько стариков. Грязные, истощенные, почти все больные, едва прикрытые какими-то яркими, цветистыми и грязными лохмотьями, люди эти производят ужасающее, угнетающее впечатление.

И подумать только, что, таким образом одетые, они должны были сделать 150–200 верст, причем им пришлось перевалить через горы, где снег лежит на аршин и где 15–20 градусов мороза! Всего, по словам местных жителей, через Игдырь прошло от 30-ти до 40 тысяч.

С помощью переводчицы, так как армяне турецкие подданные не говорят по-русски, они кое-что рассказывают мне о своей судьбе. Как только началась война, курды стали проявлять по отношению к армянам беспощадную жестокость: мужчин убивали, женщин забирали... Большая женщина рассказала, как у нее на глазах убили мужа, детей... А у ее родственницы перерезали мужа, отца, братьев... Она умоляла курдов и ее убить, но они ответили, что еще нужна им, и забили ее»¹⁰.

В другой корреспонденции «Русских Ведомостей» «Армяне – беженцы» отмечалось, что

«первые беженцы появились в конце октября... Но этот поток был ничтожным сравнительно с тем, который хлынул в декабрьские дни, когда обходное движение турок заставило наши войска в иных местах всего лишь на 10 дней отодвинуться назад в пределы России. Но этих 10 дней было достаточно, чтобы тысячи жизней были загублены. А десятки тысяч людей разорены дотла... Эчмиадзинский съезд определил статистические итоги этого движения в 9 000 семей и 60 000 душ армян»¹¹.

Далее автор корреспонденции проводит приблизительные подсчёты стоимости утраченного беженцами-армянами имущества. «Турецкие армяне не только многосемейные, но и многоземельные, и потому гораздо богаче скотом и хлебом, чем их сородичи в России. 8500 хозяйств имели перед уходом имущества, по самым скромным подсчетам, на сумму не менее 15 млн рублей... Из этого имущества они спасли имущества лишь на сумму 116 тыс. рублей»¹².

Подобного содержания корреспонденции в 1915 г. стали всё чаще появляться на страницах российских газет и журналов. Они не только создавали определённое настроение у русских читателей, но и призывали к организации помощи армянским беженцам. В августе 1915 г. газета «Русские Ведомости» отмечала, что «Россия полна сейчас беженцами, которые взывают о помощи, которых нельзя оставить на произвол судьбы... Не нужно забывать, что беженцев, пришедших в декабре и январе, приютило армянское крестьянство, у которого они съели все запасы. Теперешних, которых в 2,5 раза больше, кормить нечем. Пожертвования поступают, но их не может хватить. Люди гибнут от голода... Чтобы спасти эту массу людей, необходима помощь со стороны государства, иначе от этих 200 тысяч скоро не останется и половины»¹³.

Редакция газеты «Речь» в 1916 г. открыла прием пожертвований в своей конторе, дабы «дать возможность наилучшим образом устроить судьбу оставшейся части армянского народа, вынесшего на своих плечах так много тягот войны и каким-то чудом уцелевшего от разгрома, начатого турками после отступления русских войск от Вана»¹⁴.

Таким образом, российская печать с самого начала военных действий на Кавказском фронте Первой мировой войны разоблачала антиармянские действия турецких войск, курдов и местных мусульман, направленные на безжалостное истребление армян не только в Западной Армении на территории Османской империи, но и на временно оккупированных землях российского Закавказья.

В периодических изданиях 1915 г. особое место занимали военные аспекты, в частности, вопросы участия армян в армиях воюющих стран. Известно, что в Османской империи было мобилизовано на войну около 100 тыс. армян. В статье «Армяне в турецкой армии» отмечалось, что «с самого начала войны военный министр Энвер-

паша озаботился армян-рекрутов направлять в европейские, месопотамские и сирийские корпуса, подальше от родных мест и притягивающей русской границы. Однако при жалкой организации турецкой системы комплектования водворить всех армян слишком далеко не удалось, и довольно большая группа их к началу войны оказалась в полках 3-й армии, оперирующей против России.

В начале войны в батальонах 3-й армии находилось от 80 до 100 аскеров-армян. По примеру Австрии, выставляющей солдат-славян в самой передней линии, в турецкой армяне-солдаты также были на первой линии. Поставленный лицом к смерти, не имеющий возможности отойти назад или бежать вперед, такой солдат дорого продаст свою жизнь, а потеря его только уменьшит начальству заботу о «подозрительных» солдатах.

Вкрапленные небольшими партиями армяне-аскеры лишены были возможности перебежать к нам. Всякая попытка бегства в сторону неприятеля во время боя ввиду отдаленности врагов друг от друга является невозможной; пробежать 4000 шагов от своих до русских окопов, когда по всей линии несетя с обеих сторон ураган свинца, было бы чудом. Обычно армян в окопах держали только днем, выставляя головных – наблюдателей из своих, так что всякий, сделавший попытку даже перейти бруствер окопа, бывал тут же убит; на ночь армян отводили назад, приставляя к ним караул.

Однако даже при этих условиях были перебежчики; отдельные смельчаки темной ночью пробирались до наших окопов, но здесь их ждала участь не лучше: не зная языка, не умея ответить на оклик часовых, такие смельчаки погибали от пули своих же братьев. Но уже тот, кто проходил все эти испытания, доходил до наших линий целым (а таких всё же было немало)... Язык креста был единственный понятный для наших солдат; только им могли выразить пленные свое братство»¹⁵.

После поражения турецких войск под Сарыкамышем в январе 1915 г. главнокомандующий Энвер-паша, оправдываясь и пытаясь спасти свой престиж, обвинил армян в предательстве национальных интересов Турции. В феврале против османских армян были предприняты чрезвычайные меры: многие армянские солдаты турецкой армии были арестованы и расстреляны, а у гражданского населения было конфисковано оружие, разрешённое им с 1908 г. Посол США в Турции Генри Моргантау охарактеризовал это разоружение как прелюдию к уничтожению армян: «Прежде чем уничтожить армян, нужно было их обезоружить»¹⁶.

«Русские Ведомости» в 1915 г. так писали о судьбах армянских солдат, призванных в турецкую армию: «По султанскому приказу “Ираде” все армяне-солдаты разоружались и отправлялись на дорожные работы... Вскоре все призванные были заключены в тюрьмы, в караван-сарай и казармы.

Ночью группами по несколько человек их выводили за город и, объявив, что за симпатии к русским они подлежат смертной казни, расстреливали, а трупы сбрасывали в реку...»¹⁷

В публикации газеты «Кавказ» также отмечалось, что «организованное дело “оберегания населения от русского влияния” началось с “Ираде”, коим предписывалось разоружить солдат-армян, значительная часть которых, кстати сказать, после разоружения была перебита. Затем в Арчеше и окрестностях около 1000 мужчин были связаны группами по несколько человек в каждой, выведены в пустынную местность и расстреляны или сброшены в пропасть. То же самое турки намеревались сделать в Ване и Шатахе. Известно, однако, что местные армяне, раздобыв оружие, вступили с насильниками в борьбу и продержались свыше месяца до прихода наших войск...»¹⁸

Корреспондент журнала «Заря» побывал в Ване в мае 1915 г., взятом русскими войсками совместно с армянскими добровольцами. «Слезы армянских вдов, плач и рыдание полуголодных и полунагих детей, стенания стариков и старух открывают перед вами страницы новой истории человеческих злодеяний, что сказания о зверствах Нерона, Калигулы, Аттилы, Тамерлана и им подобных бледнеют перед ужасной повестью о турецких и курдских зверствах, выгнавших из родных сел и городов этих несчастных людей.

Теперь ликование армян вполне понятно для своих единовверных братьев. Естественно, что народ, перенесший столько адских мучений от полудиких властителей своих, охвачен восторженной радостью, найдя, наконец, долгожданное покровительство. Слово “рус” (русский) для каждого турецкого армянина стало заветным словом. Велика теперь его радость, когда он видит над собой знамя “руса”»¹⁹.

В течение 1915 г. «Русские Ведомости» неоднократно освещали положение на русско-турецком фронте. «Неожиданное отступление русских войск в июле 1915 г. вызвало паническое бегство 200 000 человек, поголовную резню всех оставшихся и попавших в руки турок и курдов, потерю всего имущества, гибель тысяч детей и слабосильных взрослых в пути и на новых местах от истощения».

«И резня, и бегство были так ужасны, что один простой дружинник-армянин, человек глубоко верующий, при виде этой картины сказал: “Я не знаю теперь, есть ли Бог!”».

«Статистика смертности была заведена в Эчмиадзине с 30 июля 1915 г. До 11 августа, то есть за 13 дней, в день умирало 60 детей и 45 взрослых. Две-три тысячи исхудалых старух, пожилых женщин и маленьких детей – это все, что осталось от 100-тысячного населения плодородной Мушской долины»²⁰.

В заметке «Раны Армении» отмечалось, что «цвет армянской интеллигенции арестован и понемногу умерщвляется в неволе... Крестьяне не

выходят из полосы погромов всюду, где звучит в Турции армянская речь..., не говоря уже о местностях, захваченных войной или близких к району военных действий. В Константинополе – не прекращающееся состояние христианского погрома... Патриарха, который явился к Талаату в здание Порты и пытался умиловить этих зверей, избили и выгнали вон. Церкви в Константинополе, в которых укрывались несчастные, оставшиеся без крова, разгромлены и сожжены.

Болгария и Греция полны армянами-беженцами. Наполняется ими вновь и Россия. Цифры для одной только России называются все более и более ужасные. Сначала говорили о 75-ти тысячах, потом – о 100, потом – о 150; теперь говорят о 200 тысячах беженцев»²¹.

Для придания законности массовым репрессиям по отношению к армянам и, несмотря на предупреждение стран Антанты, парламент (меджлис) Османской империи в спешном порядке, по представлению министра внутренних дел Талаата-паши, принял 30 мая 1915 г. закон «О депортации», предписывавший военному командованию подавлять вооружённое сопротивление населения и депортировать подозреваемых в измене и шпионаже²². Хотя в законе армяне не упоминались, именно для них он был принят. Решение о депортации предусматривало охрану выславшихся и компенсацию утерянного имущества, однако на деле ни одно из этих условий не выполнялось.

В беседе с послом США в Османской империи Г. Моргентау министр внутренних дел Талаат весьма откровенно раскрыл причины депортации и истребления армян. «Во-первых, они обогатились за счёт турок. Во-вторых, они хотят господствовать над нами и создать отдельное государство. В-третьих, они открыто поощряют наших врагов. Они помогали русским на Кавказе, и наши неудачи там по большей части объясняются их действиями»²³.

На каждое из этих утверждений у посла нашлось достаточно возражений. «Первое заявление было попросту признанием того бесспорного факта, что армяне были более работающими и способными, чем недалекие и ленивые турки. Его обвинения в том, что армяне плели сети заговоров против турок и открыто выражали симпатии их врагам, при беспристрастном рассмотрении сводились к одному: армяне постоянно обращались к европейским державам с просьбой защитить их от грабежей, убийств и издевательств. Армянская проблема, как и любая расовая проблема, была результатом вековой несправедливости и угнетения»²⁴.

Циничное заявление Талаата о том, что «я больше сделал за три месяца для решения армянской проблемы, чем Абдул-Хамид за тридцать лет», свидетельствует о наличии у младотурок определенной программы истребления армян»²⁵.

Депортация армян по всей Османской империи проводилась примерно по одному сценарию. Вна-

чале власти собирали здоровых мужчин, заявляя, что доброжелательно настроенное правительство исходя из военной необходимости готовит переселение армян в новые места проживания. Собранные мужчины выводились из населённых пунктов в пустынные места и уничтожались с использованием огнестрельного и холодного оружия. Затем начиналось переселение стариков, женщин и детей: караваны армян направлялись вглубь империи, в Месопотамию и Сирию, где для них создавались специальные лагеря. Армяне уничтожались как в местах своего проживания, так и по пути в ссылку; они подвергались нападениям турецкого сброда и черкессо-курдских разбойничьих банд. Вследствие этого до мест назначения доходила лишь небольшая часть депортированных. Но и дошедшие до пустынь Месопотамии не были в безопасности; известны случаи, когда депортированные армяне выводились из лагерей и вырезались тысячами в пустыне. Отсутствие элементарных санитарных условий, голод и эпидемии стали причиной гибели сотен тысяч людей²⁶.

В книге А. Мандельштама «Судьба Оттоманской империи» приводятся конкретные сведения о депортации армян. «Вопреки лживым заявлениям турецкого правительства, не было никакого армянского бунта или революции. Армяне взяли в руки оружие лишь тогда, когда они увидели угрозу резни, подчиняясь естественному желанию продать свои жизни дорожке насколько возможно.

Из 18 000 изгнанных из Харпута, Эгина, Токата и Сиваса только 350 достигли Алеппо, а из 19 000 высланных из Эрзерума осталось 11... И если, несмотря на эти сложности, часть сосланных всё же достигала места назначения, это просто потому, что нужно было доказать европейскому мнению прибытие, по меньшей мере, хотя бы некоторого количества армян и также потому, что было очевидно, что оставшиеся в живых погибнут в своем новом местопребывании»²⁷.

«Не менее ужасным было положение армян в местах их назначения, где они надеялись найти хотя бы смягчение своих страданий. Было ли это в Султанье, вредной для здоровья пустыне вилайета Конья, в районах Алеппо, Гама и Дама, или в их наиболее крупном сборном пункте Дерэль-Зоре – они продолжали подвергаться такому обхождению, которое не оставляло ни малейшего сомнения в намерениях властей их истребить»²⁸.

Журнал «Армяне и война» в 1916 г. свой первый номер полностью посвятил подведению итогов репрессий по отношению к армянам в Турции. «Ни один из прежних армянских погромов, не исключая погрома 1895–1896 гг., не может идти в сравнение с тем, что свершилось над армянами в дни великой войны. Все население Турецкой Армении, насчитывавшее до войны около двух миллионов, подверглось систематическому искоренению. Значительная его часть, преимущественно мужчины, перебиты, причем для сбережения патронов, которых в то время у турок было мало, людей большей

частью предавали смерти способом наиболее экономическим: запирали в помещение и сжигали. Другая часть, преимущественно дети и девушки, обращены насильственно в ислам. Наконец третья – выслана в отдаленные места Месопотамии и Аравии; выселение производилось с таким расчетом, чтобы как можно больше народа погибло в пути от голода, жажды, лишений: у людей отнимали обувь, одежду и деньги, им не выдавали никакого определенного пайка. Естественно, что путь через горы из Эрзерума, Сиваса, Байбурга к Алеппо и Мосулу превратился в самый настоящий путь смерти. Сотни тысяч остались навсегда в ущельях и на перевалах Тавра»²⁹.

В том же номере была опубликована выдержка из речи министра иностранных дел России С. Д. Сазонова в Государственной Думе в связи с взятием русскими войсками Эрзерума. «За время, последовавшее за отступлением наших из Вана, турки удесятерили свои жестокости по отношению к армянам. Мне уже раньше приходилось упоминать перед вами о неслыханных мучениях этого несчастного народа. Под благосклонным оком союзной Германии турки, по-видимому, намерены осуществить свою давнишнюю мечту о полном истреблении армянского населения, не поддающегося влиянию мусульманской массы и, таким образом, служащего помехой германским планам экономического и политического подчинения себе Турецкой империи...»³⁰.

В мае 1916 г. «Биржевые Ведомости» в связи с проходившим в Петрограде Армянским съездом по проблемам беженцев и жертв войны писали: «... Судьба армян – судьба беспримерная... с армянским народом произошло то, чего не произошло ни с одним из народов в нынешней войне. Обреченный – он принимал на себя удары борьбы, как мяч, принимающий удары палки. Его бросало из стороны в сторону. “Исторические” преследования, которым армяне подвергались в Турции в мирные времена, стали поистине ужасными в последующие два года. Их вырезали курды, их изгоняли турецкие власти, их лишали имущества, земли, средств пропитания. И оставшиеся в живых остатки армянского населения бросились бежать в сторону, где они рассчитывали найти приют, помощь и сострадание, – в Россию. Наши войска уже заняли значительную часть Турецкой Армении и освободили армянскую землю от турецкого владычества. Но эта земля оказалась “очищенной” от живого населения, бежавшего в страхе и ужасе на север...»³¹

В разговоре с послом США в Османской империи Г. Моргентау министр внутренних дел Талаат в декабре 1915 г. заявил, что «мы уже избавились от двух третей армян. Их не осталось в Битлисе, Ване и Эрзеруме. Ненависть между турками и армянами сейчас достигла такой степени, что мы просто вынуждены с ними покончить. Если мы этого не сделаем, они будут мстить. Наша армянская политика является твердой и ее ничто не изменит. Армян не будет в Анатолии, если

хотят, пусть живут в пустыне, но только не здесь. Да, возможно, мы делаем ошибку, но никогда не будем сожалеть об этом»³².

В результате геноцида армян, осуществленного младотурками в годы Первой мировой войны, погибло около 1,5 млн человек, более 600 тыс. стали беженцами. Они рассеялись по многим странам мира, пополнив собой уже имевшиеся и образовав новые армянские общины. В многовековой многострадальной истории армянского народа до Первой мировой войны было немало примеров насилия, репрессий и перемещений. Однако никогда раньше завоеватели не ставили перед собой цель физического уничтожения армянского населения и его полного изгнания.

Российская печать, в том числе и армянская русскоязычная, не переставала в эти судьбоносные годы давать тревожные обзоры и далеко не оптимистические комментарии по поводу развития событий в Турецкой (Западной) Армении и в Османской империи в целом – в зависимости от общественно-политической ориентации того или иного органа печати. Прогрессивные газеты и журналы сочувствовали армянам, оказавшимся в горниле жестокой бойни из-за интересов великих держав, поддерживали армянский народ в его законных, справедливых требованиях освобождения родины.

Между тем в 1916 г. после занятия русскими войсками Эрзерума в Государственной Думе и в официальной прессе стали говорить не об автономной Армении, а об аннексии тех территорий Азиатской Турции, которые завоеваны... «Если план аннексии Армении и является для кого-то неприятным ударом (не считая, конечно, Турции и Германии), – то только для мечтавших об автономии армянских патриотов. Проект 1912 г. вызвал в Армении самые розовые надежды. Эти надежды расцвели еще пышнее в начале войны, когда говорилось даже о независимой Армении... Действительность принесла армянским патриотам немало горьких разочарований – будущее сулит им, вероятно, еще больше»³³.

Правительством Турции, вопреки многочисленным историческим документам, в том числе и материалам периодической печати, вот уже на протяжении ста лет продолжает отрицать факт массового уничтожения армян в Османской империи в годы Первой мировой войны, утверждая, что они погибли в результате военных действий. Документальные свидетельства первого геноцида XX столетия показывают, что запланированное, массовое уничтожение полутора миллионов людей, вопреки всем нормам человеческого морали, не может быть оправдано ни при каких обстоятельствах, ни по какой причине. Полтора миллиона армян – это непреложный факт для всего мирового сообщества – не могли раствориться бесследно. Так же как преднамеренный геноцид почти шести миллионов евреев в гитлеровской Германии во время Второй мировой войны нельзя причислить к «военным потерям», так и убийство

полутора миллионов армян нельзя, при всем желании, списать на «суровость войны».

Примечания

- 1 Вестник Европы. 1915. Т. 3, № 6.
- 2 История дипломатии : в 2 т. М., 1963. Т. 2. С. 137.
- 3 Там же. С. 151.
- 4 Кавказское слово. 1916. № 263. 27 нояб.
- 5 Сазонов С. Д. Воспоминания. М., 2002. С. 211.
- 6 См.: *Джемаль-паша*. Записки 1913–1919 гг. Тифлис, 1923. С. 39–41.
- 7 Российский государственный военно-исторический архив (далее – РГВИА). Ф. 13138. Оп. 1. Д. 770. Л. 3, 66.
- 8 См.: *Мартirosян Д. Г.* Трагедия батумских армян. Просто резня, или Предвестник армянского геноцида? // Родина. 2010. № 4. С. 68–71.
- 9 См.: *Киракосян Д. Ж.* Младотурки перед судом истории. Ереван, 1986. С. 442.
- 10 Русские Ведомости. 1915. № 30. 10 февр.
- 11 Там же. 1915. № 84. 14 апр.
- 12 Там же.
- 13 Там же. 1915. № 179. 4 авг.
- 14 Речь. 1916. 13 февр.
- 15 Армянский Вестник. 1916. № 22.
- 16 *Моргентау Г.* Трагедия армянского народа. История посла Моргентау. М., 2009. С. 241.
- 17 Русские Ведомости. 1915. № 105. 9 мая.
- 18 Кавказ. 1915. № 153. 8 июля.
- 19 Заря. 1915. № 21.
- 20 Русские Ведомости. 1915. № 219, 229, 256.
- 21 Там же. № 179. 4 авг.
- 22 См.: Первая мировая война. Энциклопедический словарь. М., 2014. С. 374; *Fuat Dündar*. Pouring a People into the Desert. The «Definitive Solution» of the Unionists to the Armenian Question // A Question of Genocide : Armenians and Turks at the End of the Ottoman Empire. P. 276–284.
- 23 *Моргентау Г.* Указ. соч. С. 264.
- 24 Там же.
- 25 Там же. С. 268.
- 26 См.: *Моргентау Г.* Указ. соч. ; *Дж. Гуайта*. Крик с Арарата. Армин Вегнер и геноцид армян. М., 2005 ; *Morgan J.* The History of Armenia People. From the Remotest Times to the Present day. N. Y., 1949 ; *Toynbee A. J.* The Extermination of Armenians. The Time History of the War. L., 1916 ; Геноцид армян и русская публицистика. Ереван, 1998 ; Русские источники о геноциде армян в Османской империи. 1915–1916 годы (сборник документов и материалов). Вып. 1. Ереван, 1995 и др.
- 27 Цит. по: Русские источники о геноциде армян в Османской империи. 1915–1916 годы... С. 83.
- 28 Там же.
- 29 Армяне и война. 1916. № 1.
- 30 Там же.
- 31 Биржевые Ведомости. 1916. 17 авг.
- 32 *Моргентау Г.* Указ. соч. С. 264–265.
- 33 Летопись. 1916. № 4.

УДК 94(47)084

ПОЛИТИКА УКРАИНИЗАЦИИ НА СТАВРОПОЛЬЕ В 1920–1930-Е ГОДЫ. ЗАМЫСЛЫ, ОСУЩЕСТВЛЕНИЕ, ИТОГИ

В. З. Акопян

Пятигорский государственный лингвистический университет
E-mail: zaven2005@yandex.ru

Настоящая статья посвящена проблеме осуществления советской украинизации на Ставрополье в 1920 – начале 1930-х гг. Автор выясняет замыслы, особенности, воплощение, итоги и последствия этой политики в казацком регионе Северного Кавказа.

Ключевые слова: Северный Кавказ, Ставрополье, украинцы, украинизация, национальное меньшинство, национальное самосознание, деукраинизация, ассимиляция.

The Ukrainization Policy of the Stavropol Territory in the 1920–1930s. Plans, Implementation, Results

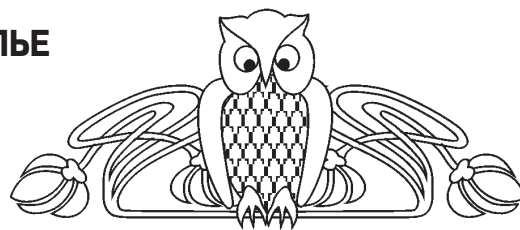
V. Z. Akopyan

This article is devoted to the problem of the Soviet Ukrainization of the Stavropol territory in the 1920s and early 1930s. The author explains the plans, peculiarities, implementation, results and consequences of this policy in the Non-Cossack region of the North Caucasus.

Key words: North Caucasus, Stavropol territory, Ukrainians, Ukrainization, national minority, national identity, de-Ukrainization, assimilation.

В отечественной исторической литературе начиная с 1933 г. и до позднего перестроечного времени редко можно встретить какое-либо упоминание о политике советской украинизации. На освещение этой темы был наложен негласный запрет. И только в последнюю четверть века в контексте истории казачества возник интерес к ней, но только по Кубани и Дону. По Ставрополью эта тема не стала объектом внимания. Отсюда задача – выяснить замыслы, особенности, воплощение и итоги «мнимой» украинизации в самом центре Северного Кавказа.

В статье рассматривается преимущественно только та часть территории нынешнего Ставропольского края РФ, которая в досоветский период входила в состав одноименной губернии, а с 1924 по 1930 г. – в Ставропольский округ. В эти пределы не входил ряд южных (в том числе Кавказские Минеральные Воды – КМВ) и западных (Кочубеевский, ранее Невиномысский) районов Ставропольского края, которые относились к Кубани и Тереку. В отличие от последних Ставропольская губерния имела крестьянское, а не казацкое население, сложившееся в результате колонизации Центрального Предкавказья (XVIII–XIX вв.). Значительная часть переселенцев прибыла на указанную территорию из Екатери-

нославской, Киевской, Полтавской, Харьковской, Черниговской и др. губерний.

Накануне Первой мировой войны Ставропольская губерния состояла из Александровского, Святокрестовского, Благодарненского, Медвеженского, Ставропольского уездов и территорий кочевых народов.

После автономизации горцев оставшиеся от бывшей Терской области отделы (Георгиевский, Кизлярский, Моздокский, Пятигорский) были объединены в 1921 г. в Терскую губернию, а отделы приобрели статус уездов. Из состава Ставропольской губернии в Терскую был передан Святокрестовский (Прикумский) уезд.

В 1924 г. был образован объединенный Северо-Кавказский край (СКК) с центром в г. Ростове-на-Дону, куда вошли все регионы Юга России, включая Ставропольскую и Терскую губернии, преобразованные в округа. В новой конфигурации границ Ставропольский округ объединял десять районов: Александровский, Благодарненский, Дивенский (ранее Митрофановский, ныне Апана-сенковский), Вигодленский (ныне Ипатовский), Курсавский, Медвеженский (Красногвардейский), Московский (Изобильненский), Петровский, Ставропольский, Туркменский. В Терский округ входили города КМВ и 16 районов, в том числе Арзгирский, Ессентукский и др., где также осуществлялась украинизация. В 1930 г. окружное деление ликвидировалось, а входившие в него укрупненные в результате слияний районы были непосредственно подчинены СКК. Такая конфигурация сохранилась к декабрю 1932 г., когда неожиданно резко была прекращена украинизация на Юге России.

Данные о численности украинцев зависели не только от политической конъюнктуры на том или ином этапе, но и от этнической идентификации самого населения. До 1926 г. в официальных документах Ставропольской губернии (округа), данных краевой украинской секции ВКП(б) численность украинцев оценивалась в 123 тыс. человек¹. И только в отчете Ставропольского губисполкома (1922), предвосхищая итоги переписи 1926 г., сообщалось о 250 тыс. человек². Кстати, в начале 1920-х гг. по всему Югу России украинское население ориентировочно оценивалось в 1 млн человек. В соответствии с феноменальными результатами (по украинцам) Всесоюзной переписи населения 17 декабря 1926 г. в Ставропольском округе проживало 454,5 тыс. русских, 245,7 тыс.

украинцев и десятки тысяч представителей другой национальности, численность каждой из которой не превышала 10 тыс. человек³. Почти аналогичная ситуация имела место и в соседнем Терском округе, часть территорий которого (КМВ, Прикумье и др.) впоследствии была возвращена в Ставропольский край. Здесь погрешность между «прогнозами» и данными переписи оказалась еще большей. Так, на заседании нацменколлегии Терского окружкома ВКП(б) 19 февраля 1926 г. ее члены Лобановский и Суходольский, изучавшие состояние «украинской работы» в округе, сообщали, что по округу «выявлено» 50 тыс. украинцев⁴, в то время как в соответствии с переписью населения в Терском округе русские составляли 375,5 тыс., украинцы – 195 тыс. Все остальные национальные группы по своей численности уступали украинцам.

По всем округам и автономиям Северо-Кавказского края перепись зафиксировала 3,1 млн украинцев – на 700 тыс. меньше русских (3,8 млн)⁵.

Этнические украинцы проживали во всех районах Ставропольского округа, но особенно по их численности выделялись Курсавский (80,6% украинцев), Виноделенский (74,3%), Дивенский (69%), Благодарненский, Петровский и Медвеженский районы. Большинство этих районов позднее будут определены как территории сплошной украинизации. Из других районов Ставрополья со значительным украинским населением, но не входивших в округ, выделялись Ессентукский (88,6% украинцев), Степновский (55,6%), Суворовский (54,2%), Левкумский (51,5%) районы Терского округа и Невинномысский район (86,6%) Армавирского округа⁶.

Разработанная центральными и краевыми властями политика украинизации предусматривала: преобразование русских школ и других просветительных учреждений в украинские; создание украинских подразделений при властных структурах; переход работы государственных и общественных учреждений украинских районов и сельсоветов на родной язык; подготовку национальных кадров; организацию издательского дела на украинском языке.

Украинизация на Юге России объяснялась целым комплексом причин, в их числе:

1) манифестация «ленинской национальной политики», противопоставленная украинизации периода кратковременной «буржуазной» государственности на Украине и культурно-национальной автономии украинского населения в ряде европейских стран;

2) формирование симпатии к СССР у многомиллионного украинского населения Чехословакии, Румынии и прежде всего Польши (5 млн украинцев составляли 15% населения) с тем, чтобы направить их национальное движение в необходимое русло;

3) украинизация как альтернатива присоединению к УССР большей части Юга России

(для недопущения самой постановки вопроса об изменении границ украинцам в крае был присвоен статус «национального меньшинства»);

4) стремление сталинской команды заручиться поддержкой украинской элиты в борьбе с оппозицией, выступавшей в духе «революционного империализма»;

5) в обмен на реализацию культурно-языкового самоопределения получение хлеба из богатого зернового региона⁷.

Наконец, самая главная, на наш взгляд, причина – желание властей *покончить с казачьей сословностью*. Начавшаяся украинизация на Кубани должна была расчленивать казачество на этнических русских и украинцев, что облегчило бы завершение уничтожения сословности в обществе. Советская власть позволила казачеству проявить свою украинскую этничность, по всей видимости, считая, что «сословное сознание» казаков представляет для нее большую опасность, чем принадлежность их к украинской национальности.

Но если последняя причина являлась решающей в осуществлении украинизации на Юге России, то значит, на территории Ставрополья, где проживало не казачье, а крестьянское население, для демонстрации права наций на самоопределение можно было лишь имитировать эту политику. Ситуация изменится лишь в 1929 г., когда в политике украинизации на Ставрополье появится указанный выше «утилитарный интерес». Но в разгар нэпа привычных к настоящему крестьянскому труду ставропольских крестьян не надо было стимулировать к труду национальными лозунгами и «рідной мовой» – им был достаточен бухаринский лозунг «Обогащайтесь!». То есть на Ставрополье можно было украинизацию проводить «нормально», без авральных методов и кампанейщины, в соответствии с волеизъявлением самого населения. С такой позицией собственно выступал первый секретарь Северо-Кавказского крайкома А. И. Микоян.

«Мы приняли, – говорил Микоян, – ... важное решение, которое, может быть, и не приведет к поголовной украинизации, но даст возможность выбирать населению тот язык, который ему ближе, это нейтрализует украинские элементы»⁸. В то же время он предлагал занять очень деликатную позицию в данном вопросе, предоставив возможность самому населению решать, на каком языке говорить и писать. «Мы насильно заставлять проводить украинизацию не будем... Мы каждому предоставляем по своей воле выбирать, какой язык ему ближе»⁹. Однако Москва требовала от краевого руководства максимально ускорить темпы украинизации. В этой связи партийный руководитель края предостерегал Центр о нецелесообразности ее форсирования, так как само «украиноязычное» население относится к этому неоднозначно. «По отношению к украинизации, – писал А. И. Микоян В. И. Молотову в конце 1925 г., – крайком не находил полной под-

держки среди всего украинского населения. Этим и объяснялись недостаточная энергичность и решительность в этом вопросе. Значительная часть казаков и крестьян с украинским происхождением настолько обрусела, что возврат к украинизации для себя не допускает. Это одна группа. Вторая же группа считает: «Мы не украинцы и не великороссы, мы кубанцы», а третья группа – это та, которая желала украинизироваться в отношении школ, языка и пр.»¹⁰. Микоян отмечал, что украинизацию следует проводить только в отношении последней группы. И совсем недопустима политика «навязывания украинизации по отношению к первым двум группам, не желающим слышать об украинизации»¹¹.

Начальный этап украинизации на Ставрополье оказался незаметным, краткосрочным и безрезультативным. Первый импульс к началу этой политики выявился в начале 1922 г., когда по линии губОНО на 1922–23 гг. было запланировано создать «для просвещения украинцев» 12 школ 1-й ступени, 6 школ ликбеза, 8 изб-читален, 4 народных дома и клубов¹². Об этом плане до конца 20-х гг. не вспоминали. Только в 1927 г. в ряде сел Вишневого района (например, в с. Большая Джалга) вновь решено было приступить к украинизации, но безрезультатно¹³.

Как украинцы Ставрополья относились к предоставленному им праву самим выбирать язык?

Еще в июле 1921 г. в отчете Ставропольского губисполкома сообщалось: «Малороссы, населяющие в значительном числе некоторые волости уездов Ставропольского, Александровского, Благодарненского, Медвеженского, являются значительно русифицированными, и просвещение среди них ведется почти исключительно на русском языке»¹⁴. В 1924 г. в газетной заметке А. Коротина отсутствие какого-либо прогресса в «украинской работе» мотивировалось не только отсутствием желания со стороны населения, но и другими объективными причинами: «Среди украинского населения политпросвет и школьную работу наладить на родном языке не удастся из-за отсутствия преподавателей. Соцвос ограничился тем, что направил в украинские школы учебники литературы на украинском языке»¹⁵.

Упомянувшиеся Коротиним «украинские школы», скорее всего, были только по названию. Да и сам автор этого не скрывал, говоря, что наладить их работу «не удастся».

О нежелании украинцев Ставрополья сохранять свою национальную идентичность, обучать детей на «рідній мові» сообщал исполняющий обязанности инспектора по делам наименьшинств Ставропольского окрону в своей докладной записке от 7 сентября 1925 г. в окружную комиссию при окрисполкоме по улучшению быта нацмен. Он докладывал, что из украинцев, проживающих «в нескольких селах районов: Дивенского, Петровского, Вишневого, Курсавского, Медвеженского, Благодарненского и в нескольких

аулах Туркменского, всего 123 тыс. чел., огромное большинство ассимилировалось с преобладающим великорусским населением, утратило чистоту украинского языка и бытовые особенности украинской народности и даже протестует против ведения среди них просветительской работы на украинском языке»¹⁶.

В другой части доклада его автор, возвращаясь к «украинской теме», справедливо предлагал: «Несомненно, правильной постановкой вопроса здесь было бы – предоставить полную возможность желающим украинцам получать просвещение на родном языке. В этих видах окрону разослало по районам, где есть «украинские» села, достаточное количество более или менее популярной литературы на украинском языке – в библиотеки и избы-читальни, а часть – непосредственно для раздачи населению на руки, чтобы дать возможность украинцам знакомиться с книжками на их родном языке. Это, конечно, паллиативная мера. Если ставить вопрос о планомерной и последовательной организации просвещения на украинском языке среди украинцев Ставрополья, которых имеется все же весьма значительное число, хотя многие из них уже и овеликороссились, то на это дело необходимо, прежде всего, иметь средства, на которые можно было бы пригласить инструкторов и учителей – украинцев – и через них вести работу. На первых порах нужен был бы инструктор-украинец в составе аппарата окрону и по 2–3 учителя украинца, которые могли бы начать дело с украинскими школами в районах Ставрополья, постепенно можно было бы подыскать и подготовить, при их посредстве, учителей для этой работы из местной среды»¹⁷.

Действительно, большинство ставропольских украинцев являлись выходцами тех малороссийских губерний империи, где языковые и этнокультурные границы между русскими и украинцами были весьма «хрупкими». В период совместного проживания на Ставрополье два народа еще больше сблизились.

Но очень странным выглядело такое явное отсутствие импульсов к украинизации со стороны «малороссов».

В современном интернет-пространстве в качестве примера нежелания самого украинского населения отдавать детей в украинскую школу часто встречается следующее высказывание родителей: «Такой украинизации не треба, на що ломать дитину, хай им бис, хай учат по-русски»¹⁸.

В нежелании самого украинского населения отдавать детей в украинскую школу имелось два взаимосвязанных мотива. Во-первых, для жизненной перспективы детей, для будущей их карьеры в огромной стране целесообразнее им обучаться в русской школе. Во-вторых, украинские школы имели слабую материальную базу, работал неквалифицированный педагогический состав и т. д.

Но все же главное состояло в недоверии крестьян к новой власти, приход которой сопро-

вождался репрессиями и голодом, унесшим жизни многих ставропольцев. Сельчане опасались, что политика украинизации является временной, носящей конъюнктурный характер. Поэтому они свою «украинскость» сохраняли в закрытом пространстве родного села. Занавесь этого мира приоткрывалась во время народных праздников, когда скромные крестьяне проявляли свою природную «шыристь» и многословие на смешанном «суржике». По сообщению «Известий ВУЦИК» (12 августа 1926 г.), в украинских селах Ставрополья на август 1926 г. не действовала ни одна украинская школа, но сельчане, как и раньше, «бьют гопака и поют “Ще не вмерла Украина”, что местным населением “считалось” за действительно современное украинское»¹⁹.

«Данные» интуиции подкреплялись позицией местной «русской власти» (не в смысле ее этнического происхождения, т. к. она состояла из русских, украинцев, евреев и др.), в абсолютном большинстве своем настроенной негативно, если не сказать враждебно, к украинизации. Более того, некоторые местные работники, может быть, из благих побуждений, доверительно предупреждали сельчан, что эта политика не имеет перспективы и будет иметь серьезные отрицательные последствия для самого населения. «Среди работников мест нет уверенности, – в деликатной форме признавал краевой партийный печатный орган, – что проведение украинизации является бесспорным делом»²⁰. Секретарь одной сельской ячейки заявлял: «Уже партия украинизацию гонит по шее»²¹.

О такой позиции чиновников позднее сообщал официальный орган Ставропольского райкома ВКП (б), райисполкома и райпрофсожа «Власть Советов». В заметке М. Южного «Что мы будем делать?» говорится о том, что в Вигоденском районе «работники противятся введению украинского языка, считая, что это нецелесообразно. В последнее время ряд местных работников старается уехать из пределов района. “Нам нечего здесь делать. Язык нам непонятен, пусть здесь остаются украинцы”»²².

В Терском округе вместо чиновников в работу по украинизации включили и беспартийный актив. «Известия ВУЦИК» (12 августа 1926 г.) поместили такое сообщение парткома Арзгирского района: «В течение последних лет наша организация проводит агитацию и пропаганду среди крестьян на украинском языке, используя для этого крестьян-украинцев, потому что население лучше понимает украинский язык, чем русский. Мы считаем, что нужно полностью украинизировать наш район, украинизировать партийные ячейки, чтобы приблизить их к крестьянству»²³.

Какую роль во всей этой мнимой украинизации играли украинские партийные секции, национальная инспектура в системе органов просвещения и уполномоченные исполкомов?

Именно эти политические институты являлись важнейшими инструментами, рычагами,

приводными ремнями в осуществлении политики украинизации. Через них власть осуществляла рекрутирование наиболее активной и компетентной части «национальной элиты» в формировавшуюся в стране номенклатурную систему. Украинские партийно-государственные структуры должны были мобилизовать население для решения утилитарных задач – сдачи хлеба, коллективизацию и т. д. Однако партия столкнулась с тем, что в самый ответственный момент (раскулачивание, коллективизация) многие национальные работники в определенной степени пытались транслировать интересы населения, а не власти. Вот почему в начале 1930-х гг. они были ликвидированы.

В апреле 1925 г. Первое краевое совещание украинских работников, проходившее в Краснодаре, приняло решение: «Для ведения украинской работы... организовать секции при Крайкоме, Кубокружке, Армавирском, Черноморском, Ставропольском и Донском округах»²⁴. Аналогичные решения принимались по советской линии и ОНО. После долгих обсуждений Северо-Кавказский крайком ВКП(б) 30 июня 1925 г. утвердил бюро украинской секции в составе Ф. Чапала (секретарь), Е. Калюрника, Н. Кисель, С. Бондаренко, Л. Монастырского, А. Лисогора и Петруненко. В 1925 г. на учете краевой секции числилось 1180 украинцев²⁵.

Создание бюро украинской секции фактически положило начало плановой работе среди украинского населения в масштабе края, но не на Ставрополье. Национальная партийная секция, уполномоченные окрисполкома, инспектора окроно в Ставропольском и Терском округах формально существовали, но никакую реальную работу не вели. Причем эти работники числились по совместительству. И только в конце 20-х гг. была образована Национальная комиссия Ставропольского окрисполкома, которая весной 1930 г. предложила «немедленно выделить уполномоченных по работе среди национальных меньшинств в Благодарненском, Вигоденском, Дивенском, Курсавском и Ставропольском райисполкомах и Ставропольском горсовете»²⁶. За исключением последних двух райисполкомов все остальные уполномоченные должны были заниматься украинизацией.

В украинском вопросе на Ставрополье и Терске в период нэпа имел место своеобразный компромисс: власть имитировала политику украинизации, а население украинских сел продолжало жить своей привычной, можно сказать, украинской жизнью. Их дети ходили в русские школы, но, возвращаясь домой, переходили на родной «смешанный» суржик, отличный и от литературного русского и от официального языка УССР. Русские чиновники видели в нем диалект русского языка, а его носителей рассматривали этнографической группой русского народа, в свою очередь, представители украинской интеллигенции и члены национальных секций – диалектом украинского

языка. Причем каждая сторона ссылалась на авторитет ученых-лингвистов.

Так, например, секретарь краевой украинской секции Ф. Чапала отмечал, что «очень часто приходится слышать, что на Кубани или на Ставрополье нет украинского языка; что там украинцы говорят или на русском языке, или на каком-то “местном наречии”. Однако целый ряд серьезных обследований и научных выводов советских ученых (например, данные проф. Миртова) установили, что язык украинцев нашего края и украинцев Советской Украины является однородным»²⁷. А. В. Миртов (1886–1966) – ученый-филолог, специалист в области диалектологии – в 20-е гг. работал в донских вузах. Его работа «Украинцы на Дону» была признана ценным трудом для классификации донских говоров. Но так как советская наука находилась под опекой агитпропа, то исход любой научной дискуссии в полной мере зависел от решения партии.

С конца 20-х гг. начался «великий перелом», укрепивший тоталитарные основы общества. Новая волна украинизации, непосредственно затронувшая Ставрополье, находилась в прямой зависимости от начавшейся политики раскулачивания и тотальной коллективизации. Ставя задачу превратить сельчан в прикрепленных к земле батраков, власть в качестве вознаграждения за потерю статуса «единоличника» предлагала украинцам право на родной язык. В этом и состоял на новом этапе смысл «политического значения украинизации».

В передовой статье официального органа крайкома ВКП (б) «Украинизацию в крае необходимо провести в жизнь» ее автор, скрывающийся за инициалами «М. М.», задает вопрос: «Для нас чрезвычайно важно выяснить – какие социальные категории являются носителями украинского языка?». И отвечает на поставленный вопрос, что таковыми являются в основном беднота и середняки. «Мало смешиваясь с русским населением, они [т. е. беднота и середняки] в большей чистоте сохранили украинскую речь. Больше ассимилировался кулак»²⁸. Из этих простых посылок формальной логики М. М. делает следующий вывод: «Определение социальных категорий, использующих родной язык, приводит нас к политической задаче: чтобы приблизиться к бедняку, середняку – надо ввести украинский язык в низовых органах советского управления. В этом отношении слова “советизация” и “украинизация” органов власти можно рассматривать как синонимы»²⁹. Все четко и просто!

Вооруженный такой установкой секретарь украинской секции Ф. Чапала писал: «Выяснение социальных категорий, сохранивших свой родной язык, и отношение различных слоев станицы и села к украинизации, т. е. переводу работы советов, судов и т. д. на их родной украинский язык, приводит нас к серьезной политической и практической задаче: 1) приблизиться к основному

производителю хлеба – середняку и нашей *опоре – бедноте* [выделено в самом тексте. – В. А.]; 2) через посредство просвещения на родном языке ускорить темп культурного развития украинских трудящихся масс Северного Кавказа. Кроме того, введение в наши советские учреждения украинского языка в тех районах, где живут украинцы, значительно ускорит советизацию станицы»³⁰.

Почти полное сходство приведенных материалов, возможно, свидетельствует, что автор один и тот же. Но не это важно. Важно то, что в них акцентируется внимание на взаимосвязи коллективизации и украинизации. Ставрополье как крестьянский регион в полной мере подходило под новую мотивацию, проявившуюся в политике украинизации.

22 декабря 1928 г. бюро крайкома ВКП(б) поручило крайисполкому разработать план украинизации 37 районов, в которых украинцы составляли от 56 до 95% по отношению к общему числу населения того или иного района. Предполагалось украинизировать эти районы в течение трех лет³¹.

Этим критериям соответствовали Благодарненский, Вигоделенский, Дивенский, Ессентукский, Курсавский, Медвеженский, Невинномысский, Петровский районы, которые после упразднения в 1930 г. округов напрямую подчинились Ростову-на-Дону. Еще в нескольких других районах не хватало 2 или 3%, чтобы попасть в список украинизированных районов. Но после согласования между краевыми и окружными властями из вышеназванных районов Ставрополья, входивших в три округа, в первоочередной список сплошной украинизации вошли только четыре: Вигоделенский и Курсавский (Ставропольский округ), Ессентукский (Терский округ), Невинномысский (Армавирский округ). Во всех остальных районах, в том числе Благодарненском, Петровском и Медвеженском Ставропольского округа, в украинских селах предусматривался перевод школ на украинский язык³².

Прошел год с момента принятия постановления крайкома, но, как отмечалось в официальной газете окружкома и окрисполкома («Власть Советов»), работа по украинизации «с мертвой точки не сдвинулась». Даже в селе Б. Джалга Вигоделенского района, с которого должна была начаться украинизация, все осталось на бумаге. Заметка в окружной газете о том, как выполняется поставленная партией задача, так и называлась «Украинизация на бумаге»³³. Единственно, что было сделано, – создана комиссия по украинизации при окружкоме ВКП(б) и составлен план ее работы.

Воз «украинизации» остался на исходной позиции, как в басне И. Крылова «Лебедь, щука и рак». «Лебедем» был секретарь крайкома³⁴, рвущийся вслед за ЦК к высотам коммунизма, путь к которому проходил через тернии украинизации (в том, что это временная политика, то есть короткий отрезок пути, никто не сомневался). В роли

«щуки», по всей видимости, – окружная власть, которая доживала свои последние месяцы³⁵. А вот в роли «рака», пятащегося назад, – местные чиновники, над головами которых уже повис «дамоклов меч».

Секретариат крайкома ВКП(б), 22 декабря 1929 г. вновь обсудивший вопрос «Об украинизации советского аппарата в крае» и принявший постановление, констатировал, что прошлогодняя директива крайкома ВКП(б) об украинизации в крае не выполнена. Указывалось, что «в результате перевыборов советов в составе президиумов советов произошло понижение украинцев на 4,1% и председателей советов украинцев на 4,9%; в райисполкомах в 1927 г. украинцев было 21,1%, а в 1929 г. – 18,1%. Окружкомы ВКП(б) (Черноморский, Сальский, Ставропольский, Терский, С. – Донецкий, Кубанский, Донской, Армавирский) недооценили политического значения украинизации и не учли того факта, что перевод всей работы в районах с украинским населением на родной язык (украинский) является могучим средством активизации вовлечения трудящихся украинских масс в социалистическое строительство в станице (сплошная коллективизация, кооперирование и т. д.)»³⁶. (Слова в цитате выделены мной. – В. А.).

Тем совслужащим, кто сознательно или несознательно «недооценил политического значения украинизации», как «могучего средства активизации вовлечения трудящихся украинских масс в социалистическое строительство», будет навешен ярлык «великодержавных шовинистов», действовавших в интересах кулака.

Появился повод заменить чиновников, выстулавших не столько против украинизации, сколько против раскулачивания и насильственной коллективизации. Но и для новых руководящих «украинских» кадров на всякий случай (если они в украинизации будут видеть не средство достижения цели, а саму цель) был заготовлен не менее опасный ярлык «украинского национализма». В периодической печати все чаще муссировался тезис: при обострении классовой борьбы является «неизбежным и обострение национального шовинизма», так как он является «прекраснейшим средством» в руках врагов советской власти.

Автор статьи Л. в окружной газете отмечал, что «планомерная украинизация трех районов – Виноделенский, Курсавский и Дивенский встречает сопротивление со стороны работников аппарата... Все это, – продолжает Л., – умело использует кулак, уверяя, что советская власть против украинизации. Отпора этим проявлениям великодержавного шовинизма нет, несмотря на то что Крайком отметил, что “в округах, подлежащих украинизации, до сих пор не поставлена в должной мере борьба с проявлениями великодержавного шовинизма, с одной стороны, и украинского национализма – с другой”». Что же делать с теми, кто срывает «планомерную» украинизацию? – вопрошал автор. И сам же отвечал на поставленный

вопрос: «Надо больно ударить по рукам тех, кто не выполняет эту важнейшую партийную директиву [украинизацию], кто не понимает значения работы среди национальностей»³⁷.

Пресса (естественно, по заданию сверху) искала виновных в срыве украинизации уже не только среди сельских и даже районных бюрократов, но и чиновников окружного уровня. Корреспондент Шершенко в статье под названием «Срывают работу» перечислил тех, кто виновен в срыве украинизации: «Окружная комиссия по украинизации при Окружном не может наладить планомерной работы из-за возмутительного отношения ряда организаций и учреждений. Разосланного учреждения календарного плана никто выполнять не хочет, представители учреждений на заседания комиссии не являются. В этом отношении особенно отличаются Крайсоюз ПО, Окрсуд и прокуратура. Представитель Окружного партии тоже никогда не заглядывает на заседания комиссии»³⁸.

Это уже был «камень в огород» ответственного секретаря Ставропольского окружного ВКП(б) Александра Семеновича Картукова (1890–1941), назначенного на этот пост в 1929 г. Перечисленные в срыве украинизации правоохранительные органы, вероятно, лояльно относились к «кулакам», а окружное отделение Северо-Кавказского Краевого союза потребительских обществ не содействовало вовлечению единоличников в колхозное строительство.

Корреспондент М. Южный в той же газете в заметке «Что мы будем делать?», естественно, получив руководящие указания, ответил на им же поставленный вопрос: «Нужно немедленно обеспечить район опытными работниками, знающими украинский язык, а также и учебными пособиями для кружков по самоподготовке и удовлетворить желание русофилов, убрав их из района»³⁹.

Действительно, на лето 1930 г. в округе было запланировано проведение 2-месячных курсов для 60 учителей украинских школ 1-й ступени Соцвоса и ликбеза при окроне. По сообщению Юр. Самко, на «курсы принимаются учителя и оканчивающие в текущем году девятилетки с педуклоном, владеющие разговорным украинским языком – со всех районов Ставропольского округа. Курсанты будут обеспечены общежитием и стипендией в размере 30 руб.»⁴⁰. Что касается инспекторов районо и заведующих опорными школами украинизированных районов, то для них были предусмотрены краевые курсы.

На лето и осень 1930 г. также была запланирована организация сети кружков для ликвидации украинской неграмотности среди работников советских и других организаций в украинизированных районах округа с охватом 1050 сельскохозяйственных работников и 90 райработников. Не проведя еще эти масштабные курсы, окружная комиссия по украинизации планировала в неда-

леком будущем открытие украинского отделения или введение украинского языка как предмета при сельхозтехникуме, в проектируемом агропедвузе, в медтехникуме и в других учебных заведениях. На очереди, сообщал автор С. в своей корреспонденции: «украинский театр, кинофильмы с украинскими надписями, украинские радиогазеты и т. д. и т. п.»⁴¹. В свою очередь, окружное ОНО брало обязательство «полно и своевременно обеспечить украинской книгой, журналом, газетой все учреждения и отдельных жителей... укомплектовать украинские школы учителями и пособиями, удовлетворяющими научно-педагогические требования и отвечающими особенностям Северного Кавказа». При этом ставилась задача довести «процент украинской книги в украинских районах... до 80 по отношению к русской»⁴².

Но все это планы. А какие были конкретные результаты? Окружной печатный орган сообщал о следующих достижениях: «Из культпросветучреждений по Виноделенскому району вели преподавание по-украински 11 групп школ 1 ступени и ликбезы, введен украинский язык как предмет в школе, частично вели на украинском языке работу две хаты-читальни. Недавно приступили к работе кружки по ликвидации неграмотности среди работников соваппарата»⁴³. Любопытно, что для усиления видимости достигнутых результатов вместо количества украинизированных школ сообщалось о количестве групп.

Но может быть успешно работали языковые курсы? Судя по информации из прессы, запланированные курсы были просто проигнорированы. Те редкие слушатели из числа ответственных работников, которые там изредка появлялись, просто отсыпались после трудового дня. Не забудем, шла коллективизация, и весь советский и партийный аппарат занимался «возвращением» крестьян в колхозы, откуда многие из сельчан вышли, поверив Сталину и партии, что коллективизация должна быть добровольной. Вспомним, как, по Шолохову, Макар Нагульный «изучивал» по ночам «англицкий язык», мечтая о мировой революции. Украинский язык в этих проектах был далеко не в первой десятке. Но, возможно, Макар его уже изучил, ведь он уже успел «все науки превзойти». Осталось только в интересах мировой пролетарской революции освоить язык Шекспира.

Итак, осуществление плана украинизации по Виноделенскому (первоочередному), Курсавскому и Дивенскому районам было провалено. Такая же примерно ситуация имела место в Ессентукском, Невинномысском и Курсавском районах Ставрополя. В связи с этим сроки «начала и конца» украинизации были перенесены и совмещены с годом окончания первой пятилетки. Для Виноделенского района устанавливались сроки с 1929/30 по 1931/32 гг., для Курсавского, Дивенского районов и украинских сел других районов – 1931/32–1932/33 гг.

Газета «Власть Советов» в материале «Осуществим украинизацию в срок» сообщала: «В настоящее время ОкрОНО выработало новый план украинизации Ставропольского округа по следующим направлениям: а) перевод работы культпросветучреждений на украинский язык; б) подготовка кадров работников; в) создание условий, способствующих распространению украинской грамотности и украинской культуры»⁴⁴. План предусматривал «развитие украинской группы 1 ступени в Виноделенском районе и открытие 105 новых групп по округу и перевод школ на украинский язык преподавания». И наконец, еще об одном плане окрону: «В отношении украинских ликбезов и школ малограмотных в 1930/31 году предполагается охватить ими 10 тысяч человек, а в следующем году 11 тысяч и в этом же году закончить ликвидацию неграмотности. Украинские хаты-читальни и ДСК (Дома социальной культуры) начнут работать в 1930/31 г.»⁴⁵.

В соответствии с постановлением президиума Национального совета Северо-Кавказского крайисполкома от 19 июля 1931 г. и в развитие постановления президиума крайисполкома от 27 июня 1931 г., и во изменение постановления президиума крайнацсовета от 21 апреля 1931 г. райисполкомам 12 районов края (в том числе Виноделенскому, Ессентукскому, Невинномысскому и Курсавскому) предлагалось «к 1 января 1932 г. украинизировать аппараты отдельных станичных и сельских советов с преобладающим количеством украинского населения, а также аппараты всех организаций этих станичных и сельсоветов, обеспечив соответствующие районные организации работниками, знающими украинский язык, и свое непосредственное руководство работой по украинизации»⁴⁶.

В указанных районах райисполкомы под персональную ответственность их председателей обязывались «применительно к настоящему постановлению пересмотреть свои планы работ по украинизации с тем, чтобы украинизацию в основном закончить к 1 сентября с. г. во всех государственных, кооперативных и общественных организациях и учреждениях». И далее предлагалось «райисполкомам поименованных выше районов обеспечить реальное осуществление планов по украинизации необходимыми средствами как за счет дополнительных ассигнований по станичным и районным бюджетам, так и за счет привлечения средств хозяйственных организаций. Предложить КрайФУ при рассмотрении районных бюджетов предусмотреть расходы на украинизацию»⁴⁷.

Трудно предположить, что в деле украинизации наступивший 1932 г. был бы намного успешнее, чем в предыдущие годы. Тем более что сама краевая комиссия по украинизации, в феврале 1932 г. рассмотревшая ход выполнения решения Северо-Кавказского крайкома об украинизации, признала ее провал⁴⁸. Отношение к украинизации резко меняется. Украинский

фактор не сыграл своей роли в нейтрализации сопротивления сельского населения политике раскрестьянивания. Наоборот, наибольшее противодействие раскулачиванию и коллективизации как раз оказали села и районы, в которых она проводилась. По мнению властей, теперь уже украинский фактор выступал тормозом в деле строительства социализма.

Как только оппозиция была побеждена, Сталин, теперь уже позиционируя себя лидером «великого русского народа», воспринимался украинскими националистами в качестве своего главного оппонента. Опасаясь потерять доверие номенклатуры, сталинское руководство пошло ей навстречу по вопросу украинизации.

Постановлением ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 14 декабря 1932 г. «О хлебозаготовках на Украине, Северном Кавказе и в Западной области» украинизация объявлялась как противоречащая «культурным интересам населения» и «немедленно» прекращалась⁴⁹.

Наиболее чувствительной деукраинизация оказалась по линии народного образования. Коллегия Наркомпроса 13 февраля 1933 г. в соответствии с «постановлениями директивных органов»⁵⁰ утвердила план мероприятий по окончательному переводу работы «украинизированных» просветительных учреждений с украинского языка на русский⁵¹.

В том же месяце заведующий Северо-Кавказским крайоно П. С. Милославский направил в региональные ОНО циркуляр, в котором потребовал «немедленно приостановить дальнейшую украинизацию, теперь же переводя на русский язык делопроизводство, работу разных курсов, издания газет, листовок и пр.»⁵².

Этноязыковая близость между двумя восточнославянскими народами, вековое совместное с русскими проживание на Ставрополье интенсифицировало этнотрансформационный процесс с тенденцией перехода значительной по численности группы населения украинского происхождения в русское этническое сообщество. Это явление усиливалось и по причине «горячего дыхания горского, шире – мусульманского Юга», в результате чего еще больше нивелировались имевшиеся на уровне повседневности различия. К тому же стержневая линия партии большевиков была направлена на построение такого общества, при котором после ликвидации сословных различий исчезнут и национальные.

При последующих всесоюзных переписях населения основная масса жителей Ставропольского края, имевших украинские корни, отнесла себя к русскому населению, сохраняя при всем этом (особенно в селах и станицах) особую смешанную русско-украинскую культуру, язык, обычаи и неповторимый характер. После распада СССР процесс естественной ассимиляции украинцев еще более усилился. Если в 1920-е гг. свою принадлежность к украинской национальности указа-

ло более трети всего населения, то по последней переписи 2010 г. – только 30,4 тыс. (1,1%)⁵³. В настоящее время большинство людей, знающих о своем этническом происхождении, не считают это весомым обстоятельством, чтобы отнести себя к украинскому народу.

Примечания

- 1 Государственный архив Ставропольского края (далее – ГАСК). Ф. Р-299. Оп. 1. Д. 250. Л. 69–69 об.
- 2 См.: Отчет Ставропольского Губернского Исполнительного комитета V созыва VI-му Губернскому Съезду Советов Рабочих, Крестьянских и Солдатских Депутатов Ставропольской губернии. 1922 год. Ставрополь, 1922.
- 3 См.: Всесоюзная перепись населения 17 декабря 1926 г. М., 1928. С. 83–85.
- 4 Государственный архив новейшей истории Ставропольского края (далее – ГАНИСК). Ф. 5938. Оп. 1. Д. 5. Л. 136.
- 5 См.: Всесоюзная перепись населения 17 декабря 1926 г. С. 83–85.
- 6 ГАСК. Ф. Р-299. Оп. 1. Д. 250. Л. 69–69 об.; Булгакова Н. И. Сельское население Ставрополья во второй половине 20-х – начале 30-х годов XX века: изменения в демографическом, хозяйственном и культурном облике: дис. ... канд. ист. наук. Ставрополь, 2003.
- 7 См.: Акоюн В. З. Общее и особенное в причинах украинизации на Юге России и Украине // Украинцы юга России: проблемы истории, культуры, социально-экономического развития: материалы междунар. науч. конф. Ростов н/Д, 3–4 октября 2013 г. / отв. ред. акад. Г. Г. Матишов. Ростов н/Д: Изд-во ЮНЦ РАН, 2013.
- 8 Советский Юг. 1925. 19 июля.
- 9 Центр документации новейшей истории Ростовской области (далее – ЦДНИРО). Ф. Р.-7. Оп. 1. Д. 127. Л. 7.
- 10 Там же.
- 11 Там же.
- 12 См.: Отчет Ставропольского Губернского Исполнительного комитета V созыва...
- 13 См.: Власть Советов. 1930. 18 апреля.
- 14 Отчет Ставропольского Губернского Исполнительного комитета V созыва...
- 15 Советский Юг. 1924. 5 дек.
- 16 ГАСК. Ф. Р-299. Оп. 1. Д. 250. Л. 69–69 об.
- 17 Там же.
- 18 МIRONIN С. «Голодомор» на Руси. URL: <http://www.litmir.net/br/?b=134694&p=1> (дата обращения: 15.06.2014).
- 19 Цит. по: Сергийчук В. I. «Українізація Росії». Політичне ошуканство українців російською більшовицькою владою в 1923–1932 роках. Київ: Українська Видавнича Спілка, 2000. С. 144.
- 20 Ленинский путь. 1929. № 1. С. 63.
- 21 Там же.
- 22 Власть Советов. 1930. 28 мая.
- 23 Цит. по: Сергийчук В. I. Указ. соч. С. 143.
- 24 ЦДНИРО. Ф. Р.-7. Оп. 1. Д. 113. Л. 62–63.

- ²⁵ ЦДНИРО. Д. 180. Л. 2 ; См.: *Акопян В. З.* К истории создания национальных украинских секций при Северо-Кавказском краевом комитете ВКП(б) // КЛИО. Журнал для ученых. № 6(78). СПб., 2013. С. 68–73.
- ²⁶ См.: *Власть Советов.* 1930. 18 апр.
- ²⁷ *Известия Северо-Кавказского Крайисполкома.* № 6. 1929. 31 марта. С. 47.
- ²⁸ *Ленинский путь.* № 1. 1929. Январь. С. 63.
- ²⁹ Там же.
- ³⁰ *Известия Северо-Кавказского Крайисполкома.* 1929. № 6. 31 марта. С. 46–48.
- ³¹ См.: *Ленинский путь.* 1929. № 1. Январь. С. 63.
- ³² См.: *Молот.* 1931. 12 авг.; *Власть Советов.* 1930. 28 мая.
- ³³ См.: *Власть Советов.* 1930. 18 апр.
- ³⁴ С января 1928 г. по декабрь 1930 г. пост секретаря Сев.-Кав. Крайкома ВКП(б) занимал А. А. Андреев (1895–1971), а в 1931–1934 гг. – Б. П. Шеболдаев. Ему будет поручено в декабре 1932 г. «похоронить» украинизацию в СКК. Эта роль не помогла ему впоследствии избежать сталинской гильотины за попытку сменить вождя Кировым на партийном съезде в 1934 г.
- ³⁵ Претендентов на эту роль было достаточно много: М. И. Стакун в 1927–1929 г. – ответ. секретарь Ставропольского окружного комитета ВКП(б); С. С. Захаров в 1925–1927 гг. – ответ. секретарь Ставропольского окружкома; в 1928–1930 гг. – ответ. секретарь Терского окружкома; А. А. Каргуков в 1929–1930 гг. – ответ. секретарь Ставропольского окружкома ВКП(б) и др.
- ³⁶ *Известия Северо-Кавказского Крайкома ВКП(б).* 1930. № 1(78). С. 27.
- ³⁷ *Власть Советов.* 1930. 28 мая.
- ³⁸ Там же.
- ³⁹ Там же.
- ⁴⁰ Там же.
- ⁴¹ Там же.
- ⁴² Там же.
- ⁴³ Там же.
- ⁴⁴ Там же.
- ⁴⁵ Там же.
- ⁴⁶ *Молот.* 1931. 12 авг.
- ⁴⁷ Там же.
- ⁴⁸ ГАРО. Ф. Р-1185. Оп. 3. Д. 548. Л. 36–37.
- ⁴⁹ Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 3. Д. 2025. Л. 42–42 об.
- ⁵⁰ Первым документом, положившим начало деукраинизации, стала телеграмма ЦК от 8 декабря 1932 г. // ЦДНИРО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 1249. Л. 10–11.
- ⁵¹ ГАРО. Ф. Р-64. Оп. 3. Ед. хр. 77. Л. 12.
- ⁵² Там же. Л. 16.
- ⁵³ Население Ставропольского края. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/> (дата обращения: 08.08.2014).

ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ И МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

УДК [94+902] (3) [652]

МАТЕРИАЛЫ ИЗ ГОРОДИЩА САИРХЕ В КОНТЕКСТЕ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ КОЛХИДЫ И АХЕМЕНИДСКОГО ИРАНА

Т. Ю. Шашлова

Саратовский государственный университет
E-mail: tatyana.shashlova2014@yandex.ru

В данной работе к исследованию взаимоотношений Колхиды и ахеменидского Ирана привлекаются материалы из городища Саирхе – самой восточной точки древней Колхиды. В результате археологического изучения памятника были найдены предметы торевтики и ювелирные изделия, свидетельствующие о существовании культурных и дипломатических контактов этих территорий с ахеменидским миром. Найденные же при исследовании городища архитектурные остатки могут проливать свет и на политический статус Колхиды в составе Персидской империи.

Ключевые слова: Саирхе, Колхида, ахеменидский Иран, торевтика, ювелирные изделия.

Artifacts from the Sairhe Settlement in the Context of the Relationship Between Colchis and Achaemenid Iran

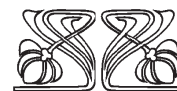
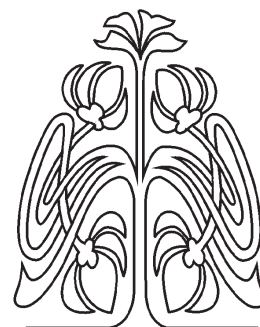
T. Yu. Shashlova

In this paper, the study of the relationship between Colchis and Achaemenid Iran involved materials from settlement Sairkhe – the easternmost part of the ancient Colchis. As a result of archaeological study of the monument were found toreutics items and jewelry, indicating the existence of cultural and diplomatic contacts with the Achaemenid world. The architectural remains also found in this settlement may shed light on the political status of Colchis as a part of the Persian Empire.

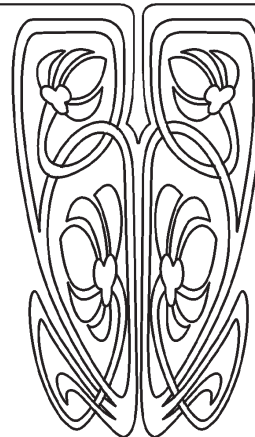
Key words: Sairkhe, Colchis, Achaemenid Iran, toreutics, jewelry.

Городище Саирхе расположено в 200 км от берега моря и в древности было самой восточной точкой Колхиды. Археологическое изучение памятника проводилось в 1960–1980-е гг. По результатам исследований на грузинском языке вышла монография Д. Ш. Надирадзе. На русском языке доступен автореферат докторской диссертации, послужившей основой для этой книги¹. В ходе проведенных исследований был получен материал, свидетельствующий о контактах этих территорий с ахеменидским миром.

Реконструкция взаимоотношений Колхиды и ахеменидского Ирана практически целиком строится на археологическом материале. Как и Вани, Саирхе был центром одной из колхидских скептухий. Однако, в отличие от Вани, материалы из которого часто привлекаются к изучению колхо-персидских отношений, памятникам из Саирхе в этом смысле уделено значительно меньше внимания. Исследователи обычно просто указывают на наличие связей этих территорий с ахеменидским миром. Некоторые предметы из Саирхе упоминаются в общих работах, посвященных вопросам взаимоотношений Колхиды и ахеменидского Ирана. Так, Ф. Кнаусс и Ю. Воронов упоминают об архитектурных остатках из этого городища, имеющих прототипы в персидской дворцовой архитектуре². Отдельные памятники материальной культуры, в которых также прослеживается персидское влияние (предметы торевтики и ювелирные украшения), приводятся рядом авторов, изучавших

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

вопросы колхо-персидских взаимоотношений³. Наличие связей Саирхе с восточным миром отмечает и один из главных исследователей этого памятника Д. Ш. Надирадзе. Некоторые предметы из Саирхе, имеющие отношение к ахеменидскому миру, рассматриваются и в ряде работ, не посвященных специально вопросу о колхо-персидских взаимоотношениях⁴.

Предметы персидского импорта в Саирхе не столь многочисленны, как в Вани, однако полученный материал представляется весьма интересным. Первые находки изделий ахеменидского стиля встречаются уже в погребениях первой половины V в. до н. э. Из богатого погребения № 13, принадлежавшего представителю местной знати, происходят золотая пластина и серебряный кубок со сценой нападения льва на быка, а также несколько серебряных фиал⁵.

Серебряный кубок относится к довольно редким изделиям, на которых изображены процессии идущих животных. Практически идентичный сосуд происходит из Уляпского кургана № 1. Схожие по форме кубки также были найдены в Вани и в составе клада Ахалгори, на севере Грузии. Для этих сосудов характерно наличие четко очерченного кольца, иногда с каннелюрами, в месте соединения тела сосуда с горлом. Такая форма, скорее всего, была заимствована из тореvтики Малой Азии, поскольку аналогичные изделия известны только на территории Лидии (Сарды, Икизтепе), а также в составе клада ахеменидских сосудов, найденного в 1970-х гг. близ Синопы⁶.

Изображенная на сосуде и золотой пластине сцена терзания львом быка имеет восточное происхождение. Она известна еще из ассирийского искусства и широко использовалась в ахеменидском Иране. На востоке она имела религиозное значение. Впоследствии этот художественный мотив широко распространяется в античном мире. При этом он теряет свой первоначальный сакральный смысл и выполняет уже чисто декоративную функцию. Аналогичный сюжет представлен и на золотой диадеме из Вани. Одноипность ахеменидского искусства подчас делает невозможным определить место производства изделия, однако некоторые особенности изображения тел животных на кубке из Саирхе позволяют предположить, что этот сосуд был сделан в Колхиде⁷.

Три серебряные фиалы также происходят из этого погребения. Фиалы ахеменидского стиля были широко распространены в античном мире. Они встречаются как на территории Персидской империи (Сузы, Персеполю, Малая Азия, Армения), так и на землях, не входивших в состав державы (Фракия, Македония) и даже весьма отдаленных от нее (Италия и Сицилия)⁸. Ахеменидские серебряные фиалы были широко распространены и на Кавказе. Они были найдены в погребениях в Вани, Итхвиси, в составе нескольких кладов, а также на восточном берегу Понта (в некрополях Пичвнари и Ахул-Абаа, в

окрестностях Диоскуриады). Многочисленность находок фиал подобного типа дала исследователям основание предполагать, что на Кавказе находились местные центры по их производству.

В Саирхе была найдена также и стеклянная фиала середины V в. до н. э. Она происходит с «культурной площадки» и, скорее всего, была одним из ритуальных подношений⁹. Стеклянная посуда в Персидской империи считалась дорогим и статусным предметом. Наряду с сосудами из золота она использовалась знатью, а также в дворцовом церемониале персидского царя (Arist., Ach. 72–73). Аналогичные стеклянные фиалы были найдены на территории Восточной Грузии (в инвентаре богатого погребения могильника Алгети)¹⁰, на Северном Кавказе и в Эфесе¹¹.

Из склепа № 8 могильника Саирхе происходит и золотой браслет с вогнутой спинкой¹². По составу инвентаря склеп датируется первой половиной IV в. до н. э.¹³ Окончания браслета выполнены в виде скульптурных головок барана. Браслет отличается высоким качеством исполнения, реалистичностью изображения. Аналогичные браслеты происходят из богатого погребения в Вани (т. н. «погребение знатной колхидянки»). Правда, окончания браслетов из Вани сделаны в виде головок льва, быка и газели¹⁴. Подобные украшения известны и из других регионов: из Суз, Персеполя, с о. Кипр.

Браслеты с зооморфными окончаниями были весьма популярными в античном мире. На территорию Грузии они проникают в V в. до н. э. и бытуют довольно длительный период времени – вплоть до II в. до н. э.¹⁵ Эти браслеты выполнялись из различных металлов (серебра, бронзы, железа), однако наиболее распространены были браслеты из бронзы и железа. Прогнутая спинка в качестве детали декора также появляется в V в. до н. э., но выходит из употребления значительно раньше – в начале IV в. до н. э.¹⁶

Браслеты из Вани и Саирхе отличаются от других зооморфных браслетов, найденных на территории Грузии. Они сделаны из золота и для них характерно высокое качество исполнения, реалистичность изображения животных. Браслеты выполнены в лучших канонах так называемого ахеменидского дворцового стиля и, по единодушному мнению ученых, были произведением одной из центральных мастерских державы¹⁷. Массивные золотые украшения, к которым относятся и указанные браслеты, являлись статусными предметами и вряд ли могли быть объектом торговли¹⁸. Более вероятен другой путь их попадания в среду колхидской знати: они могли быть дипломатическими дарами. Ксенофонт в «Анабасисе» упоминает, что золотые браслеты относились к числу наиболее ценных даров персидского царя (Xen. Anab. I, II, 27).

Другая любопытная находка также происходит из склепа № 8 – это золотые подвески (или медальоны) с изображением Ахура-Мазды. Под-

вески относятся к середине IV в. до н. э. Они были найдены в конском захоронении и использовались в качестве украшения конской сбруи¹⁹.

Находка подобных подвесок представляется весьма интересной. В литературе было высказано мнение, что эти медальоны были дарами персидского царя²⁰. Однако более вероятно, что они являются свидетельством проникновения иранских верований в восточные области Колхиды. Особая роль огня в погребальных ритуалах в Саирхе, отмечаемая многими исследователями²¹, также может служить дополнительным аргументом в пользу этой точки зрения.

Изображение Ахура-Мазды, или крылатого ангела, на подвесках из Саирхе отличается от тех изображений, которые мы знаем в каноническом персидском искусстве (на цилиндрических печатях и рельефах из Персеполя). Оно выглядит более грубым и схематичным. Вместо одной пары крыльев, которая обычно встречается в Персии, на подвесках из Саирхе изображены три пары крыльев. Отличия от канонического изображения Ахура-Мазды, некоторая грубость и схематичность изображения на подвесках может быть косвенным аргументом в пользу местного их изготовления.

В соседней с Колхидой кавказской Иберии иранские верования ощущаются гораздо более сильно. Там были найдены алтари огня²², предметы, предположительно связанные с культом Митры²³, а также квадратное сооружение, похожее по своему плану на Каабу Зороастра в Накше и Рустаме²⁴. Верховное божество возникшего в III в. до н. э. Иберийского царства представляет собой не что иное, как местное воплощение Ахура-Мазды²⁵. В эти территории, т. е. в восточную Грузию, иранские верования проникают в конце V–IV вв. до н. э. Вполне возможно, что в какой-то момент они достигают и восточных областей Колхиды.

Все эти ювелирные изделия и предметы торевтики отражают определенные контакты восточной Колхиды с ахеменидским миром. Однако что представляли собою эти контакты? В современной историографии мнения исследователей на этот счет разделились. Одни ученые рассматривают предметы ахеменидского стиля в Саирхе как результат торговых связей с Ираном²⁶. Другие видят в них проявление культурных и религиозных контактов²⁷. Было высказано также мнение, что столовая посуда из драгоценных металлов и массивные ювелирные украшения являются дипломатическими дарами, которые персидские правители преподнесли местной колхидской элите²⁸. Наконец, еще одна группа ученых считает возможным на основании находок ахеменидских предметов в Саирхе говорить о политической включенности Колхиды в персидскую державу²⁹.

По нашему мнению, одних только предметов материальной культуры для признания политической зависимости Колхиды от ахеменидского Ирана недостаточно. Более показательны в этом

отношении архитектурные остатки из Саирхе, о которых речь пойдет ниже.

Предметы ахеменидского стиля в Саирхе вряд ли могли быть и объектом торговли, поскольку посуда из драгоценных металлов, а также высококачественные ювелирные изделия считались статусными предметами. Более вероятно, что подобные находки являются отражением дипломатических контактов восточных областей Колхиды с ахеменидским миром.

Согласно данным античной нарративной традиции, обмен дарами широко использовался в Персидской империи как средство установления дипломатических связей (Herod. III. 20–21, VII. 116; Xen. Anab. I. 2. 27). Различного рода дары преподносились за какие-либо услуги, а также в знак особого благорасположения персидского царя или его чиновников. В отношении Колхиды мы можем предполагать существование дипломатических контактов не только с персидским центром, но и с местными сатрапами Малой Азии и Закавказья.

Культурные связи с ахеменидским миром выразились в заимствовании в местной торевтике и ювелирном деле популярного в персидском искусстве сюжета – сцены нападения льва на быка. Изготовление местными мастерами изделий с этим сюжетом свидетельствует о существовании спроса на подобную продукцию у колхидской элиты. Другим проявлением подобных контактов является распространение иранских верований на восточные области Колхиды. Этот род влияний, вероятно, происходил через посредство соседних с Колхидой иберийских областей.

Наличие на Кавказе местных центров по производству фиал ахеменидского типа также является свидетельством тесных связей между двумя регионами. Анализ стилистических особенностей этих фиал показывает, что данные художественные веяния распространялись, скорее всего, из Малой Азии³⁰. Наличие культурных, а возможно и торговых отношений с ахеменидским миром отражают и находки мелких ювелирных изделий, таких как золотая лунообразная серьга из погребения № 1. Подобные серьги признаются типичными образцами ахеменидского искусства³¹.

На политический статус Колхиды в составе Персидской империи определенный свет могут проливать архитектурные детали из Саирхе. Речь идет об остатках каменного храма, обнаруженного здесь в середине XX в.

Ф. Кнаусс в своей работе упоминает, что из Саирхе происходит капитель в виде двойной протомы льва характерного ахеменидского типа³². Ю. Воронов, помимо капители, указывает и на сохранившиеся массивные базы колонн, а также отмечает, что это было «огромное сооружение», украшенное «мощной колоннадой»³³. Базы колонн по своим пропорциям совершенно идентичны образцам, известным из Персеполя, и очень близки к ним по мощным пластичным очертаниям протомы³⁴.

Точки зрения исследователей на датировку этого здания расходятся. Капитель в виде двойной протомы льва западными исследователями датируется позднеахеменидским временем³⁵. Отечественные ученые датируют сохранившиеся капители и базы колонн либо рубежом V–IV вв. до н. э., либо вовсе концом VI–V вв.³⁶ Последняя, ранняя, датировка, основанная только на стилистическом сходстве баз колонн с материалами из Персеполя, представляется несколько сомнительной. Здание, копирующее персепольские образцы, вполне могло быть построено и в более позднее время, особенно учитывая тот факт, что для ахеменидского искусства и архитектуры всегда были характерны строгая каноничность и стандартизация форм.

По общепринятому мнению, эти архитектурные детали были остатками храма, посвященного местным богам плодородия³⁷. Такой вывод был сделан на основании находок там культовых предметов в форме мужских гениталий. Однако большие размеры здания, наличие колонных залов и большая схожесть сохранившихся баз колонн с материалами из Персеполя могут поставить под сомнение интерпретацию этого здания как храма. Не исключено, что оно могло быть и зданием официальным. Такое мнение выглядит более оправданным в свете недавних находок в Центральном Закавказье сразу двух ахеменидских дворцов³⁸.

К сожалению, сам план этого сооружения до сих пор не опубликован³⁹, а потому у нас нет возможности окончательно разрешить вопрос о том, к какому типу здания относились данные архитектурные остатки. Однако выяснение этого момента, как нам кажется, имеет ключевое значение в вопросе о политическом статусе Колхиды по отношению к Персидской империи.

Примечания

- 1 См.: *Надирадзе Д. Ш.* Саирхе – древнейший город Грузии : автореф. дис. ... д-ра ист. наук / Ин-т истории и этнографии им. И. А. Джавахишвили. Тбилиси, 1991. URL: <http://cheloveknaauka.com/v/20347/a/#?page=1> (дата обращения: 06.12.2014).
- 2 См.: *Knauss F.* Ancient Persia and the Caucasus // *Iranica Antiqua*. 2006. Vol. XLI. P. 92 ; *Воронов Ю. В.* Колхида в железном веке // *Научные труды* : в 7 т. Т. 1. Сухум, 2006. С. 99.
- 3 См.: *Брагвадзе З.* Иран при Ахеменидах и древняя Колхида // *Культуры степной Евразии и их взаимодействие с древними цивилизациями*. СПб., 2012. С. 380–384 ; *Воронов Ю. В.* Указ. соч. С. 95–100 ; *Bill A.* Achaemenids in the Caucasus? // *Achaemenid Impact in the Black Sea. Communication of Powers*. Aarhus. 2010. P. 15–28 и др.
- 4 См.: *Treister M. Yu.* The Toreutics of Colchis in the 5th–4th Centuries BC Local Traditions, Outside Influences, Innovations // *ACSS*. 2007. Vol. 13. P. 67–107 ; *Makharadze G., Saginashvili M.* An Achaemenian Glass Bowl from Sairkhe, Georgia // *JGS*. 1999. Vol. 41. P. 11–17.
- 5 См.: *Брагвадзе З.* Указ. соч. С. 381–382. Рис. 1.
- 6 См.: *Treister M. Yu.* Op. cit. P. 75. Fig. 5.
- 7 *Ibid.* P. 81–83, 101.
- 8 См.: *Sideris A.* Achaemenid Toreutics in the Greek Periphery // *Ancient Greece and Ancient Iran. Cross-Cultural Encounters*. Athens, 2008. P. 339–353.
- 9 См.: *Брагвадзе З.* Указ. соч. С. 381.
- 10 См.: *Иессен А. А.* Ранние связи Приуралья с Ираном // *СА*. 1952. Т. XVI. С. 211.
- 11 См.: *Makharadze G., Saginashvili M.* Op. cit. P. 16.
- 12 См.: *Гогоберидзе Н.* Браслеты и гривны Грузии. Тбилиси, 2003. С. 13.
- 13 Там же.
- 14 Там же. С. 14.
- 15 Там же. С. 108.
- 16 Там же, С. 7.
- 17 См.: *Rehm E.* The Classification of Objects from the Black Sea Region Made or Influenced by the Achaemenids // *Achaemenid Impact in the Black Sea. Communication of Powers*. Aarhus, 2010. P. 169.
- 18 См.: *Трейстер М. Ю.* Влияния ахеменидской культуры в Южном Приуралье. М. ; Бонн, 2012. С. 281.
- 19 См.: *Надирадзе Д. Ш.* Указ. соч. С. 16.
- 20 См.: *Bill A.* Op. cit. P. 24.
- 21 См.: *Надирадзе Д. Ш.* Указ. соч. С. 40 ; *Брагвадзе З.* Указ. соч. С. 381.
- 22 См.: *Licheli V.* Caucasian Iberia and Achaemenids // *Причерноморье в античное и раннесредневековое время*. Ростов н/Д, 2013. P. 116.
- 23 *Ibid.* P. 116–117.
- 24 См.: *Knauss F.* Op. cit. P. 89.
- 25 См.: *Брагвадзе З.* Указ. соч. С. 381.
- 26 См.: *Надирадзе Д. Ш.* Указ. соч. С. 37.
- 27 См.: *Брагвадзе З.* Указ. соч. С. 381–382.
- 28 См.: *Tsetsckhladze G. R.* Colchis and the Persian Empire : the problems of their Relationship // *Silk Road Art and Archaeology*. Tokyo, 1992. Vol. 3. P. 11–49.
- 29 См.: *Knauss F.* Ancient Persia... P. 92.
- 30 См.: *Knauss F.* «Medismos» in Kolchis // *Zurück zum Gegenstand. Festschrift für Andreas E. Furtwängler*. Langenweißbach, 2009. P. 297.
- 31 См.: *Брагвадзе З.* Указ. соч. С. 381.
- 32 См.: *Knauss F.* Ancient Persia... P. 92.
- 33 *Воронов Ю. Н.* Указ. соч. С. 99.
- 34 Там же.
- 35 См.: *Knauss F.* Ancient Persia... P. 92.
- 36 См.: *Воронов Ю. Н.* Указ. соч. С. 99.
- 37 См.: *Лордкипанидзе Г.* Колхида в VI–II вв. до н. э. Тбилиси, 1978. С. 130–131.
- 38 См.: *Knauss F.* Ancient Persia... P. 89 ; *Knauss F., Gagoshidze I., Babaev I.* A Persian Propyleion in Azerbaijan. Excavations at Karakamirli // *Achaemenid Impact in the Black Sea. Communication of Powers*. Aarhus, 2010. P. 111–122.
- 39 См.: *Knauss F.* Ancient Persia... P. 92.

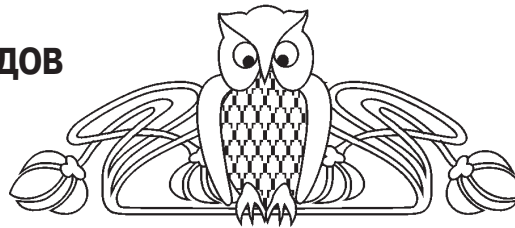
УДК 94(3)

ВНУТРЕННЯЯ ПОЛИТИКА ПЕРВЫХ АРШАКИДОВ

А. С. Балахванцев

Институт востоковедения РАН, Москва

E-mail: balakhvantsev@gmail.com

В статье рассматриваются взаимоотношения между первыми Аршакидами и греческим, а также иранским населением Парфии и Гиркании. Отмечается, что при Аршаке I и его непосредственных преемниках их власть в данном регионе носила характер военной оккупации. Делается вывод, что только при Фраате I и Митридате I конфликт с местным населением был улажен, что создало условия для быстрого роста могущества Парфянского государства.

Ключевые слова: Аршакиды, Парфиена, Гиркания, Аршак I, Фраат I, Митридат I.

The Internal Policy of the Early Arsacids

A. S. Balakhvantsev

The article dwells upon the relations between the early Arsacids and the Greek and Iranian population of Parthyene and Hyrcania. It is noted that during the rule of Arsaces I and his immediate successors their power in this region was a kind of military occupation. It is concluded that it was only during Phraates I and Mithridates I reign that the conflict with the local population was settled, and the conditions for rapid growth of the power of the Parthian state were provided.

Key words: Arsacids, Parthyene, Hyrcania, Arsaces I, Phraates I, Mithradates I.

Исследователи, занимающиеся процессом становления Парфянской державы, в основном концентрируются на внешнеполитических событиях этого периода и практически не уделяют внимания внутренней политике первых Аршакидов. Между тем без выяснения истории взаимодействия завоевателей-парнов с оседлым земледельческим и городским населением Парфии и Гиркании невозможно понять, как в кратчайшие, по меркам истории, сроки маленькая Парфия¹ превратилась в одну из четырех сверхдержав Древнего Мира.

К моменту завоевания Аршаком I селевкидских сатрапий Парфии и Гиркании ок. 238 г. до н. э.² на этих территориях проживали как иранцы, так и греки. К числу первых относились парфиены, гирканцы, тапуры и марды, предки которых обитали в этих краях еще в доахеменидскую эпоху. Последнее племя заслужило у античных авторов репутацию воинственного, варварского и разбойничьего народа³. Эллины появились здесь вместе с Александром Македонским и осели в основном в городах. В Парфии это была ее столица Гекатомпил⁴, а также Сотейра, Каллиопа, Харита, Ахайя⁵; в Гиркании – Тамбрак, Сиринок и Ахриана⁶.

Для правильного понимания отношений, сложившихся у Аршака I с населением завоеван-

ных областей, необходимо обязательно принять во внимание следующие факторы. Во-первых, селевкидское государство вовсе не было колониальным обществом⁷, в котором, как считают многие историки, установилось господство этноса завоевателей⁸. В действительности социальные классы селевкидского времени были полиэтничны, что не позволяло согласиться с мнением о совпадении социального деления с этническим⁹. Неудивительно, что местное население не имело никаких оснований видеть в парнах своих освободителей от господства греко-македонян. Во-вторых, начало контактов парнов с населением этих сатрапий восходит к более ранней эпохе, когда кочевники, пользуясь незащищенностью северных границ державы Селевкидов и слабостью местных властей, добились для себя права в определенное время совершать набеги на Гирканию, Несайю и равнины парфиенов, а также захватывать там добычу¹⁰. Поэтому местные жители не ждали от незваных гостей ничего хорошего. В-третьих, ни Парфиена, ни Гиркания не были готовы принять у себя пришедших с Аршаком кочевников. В самом деле, Парфиена была невелика и настолько бедна, что ахеменидские и селевкидские цари со своими армиями стремились как можно скорее ее миновать, так как область не могла прокормить их воинов даже короткое время¹¹. Гиркания, напротив, была весьма обширной и плодородной страной, богатой вином, хлебом, смоквами (инжиром) и медом¹². Но появление здесь кочевников с их стадами угрожало превращением полей, садов и виноградников в одно большое пастбище. Закономерно, что и Парфиена, и Гиркания оказали захватчикам ожесточенное сопротивление. Обессилев из-за постоянной войны с лишившимися своей земли, но не желавшими покоряться парфиенами и гирканцами¹³, Аршак ок. 230 г. до н. э. был разбит Селевком II Каллиником и потерял все завоеванные территории¹⁴.

Разгром Антиоха III египтянами в битве при Рафии в 217 г. до н. э. предоставил Аршаку I отличную возможность взять реванш. Парны вновь вторглись в Парфиену и захватили селевкидские земли вплоть до Каспийских ворот – горного прохода Сар-и Дара в 12 км к юго-востоку от Эйванеки¹⁵. Между тем Антиох III даже после заключения мира с Птолемеем IV не смог сразу же направиться на Восток, так как до 214 г. до н. э. царю пришлось бороться с мятежным сатрапом

Ахеем в Малой Азии. Естественно, что Аршак I попытался воспользоваться полученной передышкой. Если верить данным Юстина, согласно которым основатель Парфянского государства активно строил крепости (*castella*) и основывал города (*civitates*)¹⁶, то можно прийти к выводу, что отношения Аршака I с его новыми-старыми подданными претерпели разительные изменения. В самом деле, урбанизация была бы невозможной без активного участия местного населения, которое, в отличие от парнов, было хорошо знакомо с городской жизнью. Однако мне уже приходилось отмечать, что источник эпитомы Помпея Трога – Аполлodor из Артемиды – следовал официальной парфянской традиции, в которой история представляла собой, какой ее хотели видеть правящие круги Парфии, а факты учитывались лишь в той степени, в которой они не противоречили желаемому¹⁷. Именно этими обстоятельствами и объясняется то, что источник наделяет Аршака I царским титулом, которым он никогда не обладал, и приписывает вождю парнов образ действий, характерный для типичного эллинистического правителя. Реальная картина «градостроительства» Аршака I проглядывается в описании основанного им города Дара¹⁸, соответствующего современному Кара Ших Тепе на южных склонах хребта Гекчедаг¹⁹. Этот «город» был созданием не рук человеческих, а природы, и, по сути, являлся просто скалой-убежищем, которые существовали в различных областях Ирана и Средней Азии²⁰. Естественно, что для его «сооружения» ни местные жители, ни их опыт не требовались. Единственное мероприятие Аршака, которое не могло обойтись без привлечения специалистов из числа эллинов, – начало чеканки собственной монеты²¹ – общей картины никак не меняет.

О том, что политика Аршакидов в отношении завоеванного населения не изменилась ни на йоту, свидетельствует и выбранный Аршаком II способ борьбы с армией Антиоха III, который в 209 г. до н.э. приступил к реставрации селевкидской власти на Востоке. Сын и наследник Аршака I мог бросить против Антиоха свою превосходную конницу, чтобы она тревожила вражескую пехоту на марше и нападала на отряды фуражиров. Однако Аршак не захотел рисковать своими соплеменниками и вместо этого прибегнул к тактике «выжженной земли». Отданный им приказ о разрушении подземных каналов (*канатов*) и колодцев, являвшихся основой ирригации в Парфии²², обрекал здешних крестьян на разорение и голодную смерть. В такой ситуации они должны были ждать прихода войск Антиоха как избавления от неминуемой гибели. Действия Аршака II наглядно продемонстрировали, что он, по сути, являлся не правителем Парфии, а только вождем парнов, что его власть в Парфии и других селевкидских сатрапиях была просто военной оккупацией.

Естественным следствием подобного порядка вещей оказалось отсутствие поддержки со стороны местного иранского населения.

Казалось бы, что такому заключению противоречит факт серьезного сопротивления, с которым Антиоху пришлось столкнуться при переходе через Эльбурс и в Гиркании. Между тем широко распространенное мнение, что основным его противником в горах и самой Гиркании были парфяне²³, не имеет опоры в тексте Полибия, который именует врагов Антиоха просто варварами²⁴. Сначала они пытались остановить селевкидскую армию на перевалах, а потом организовали оборону Сиринок. Скорее всего, ими были те самые горные племена тапуров и мардов, с которыми пришлось сражаться еще Александру Македонскому²⁵. Впрочем, они выступали не столько за Аршака II, сколько против любого, кто пытался проникнуть в их дом.

Отдельно стоит упомянуть об отношениях между Аршаком II и эллинами. Хотя нет оснований считать, что резня греков в Сиринке²⁶ была организована по приказу Аршака II²⁷, последний нес за нее полную политическую ответственность, так как это было делом рук его фактических союзников. Поэтому не будет слишком рискованным предположить, что эллины воспринимали парнов и их вождя как своих злейших врагов. Ввиду сказанного выше не удивительно, что Аршак II проиграл войну с Антиохом III и не сумел сохранить за собой ни Парфии, ни Гиркании²⁸.

Таким образом, неудачи первых правителей Парфии были связаны с тем, что они оказались не в состоянии привлечь местное население на свою сторону. Внутренняя политика Аршака I и Аршака II, то, с какой легкостью после поражений от Селевкидов они уходили к апасиакам за Окс (Узбой), их самопрезентация на монетах в образе вождей кочевников, а не правителей земледельцев²⁹ – все это заставляет признать, что сельское и городское население Парфии и Гиркании рассматривалось ими только в качестве военной добычи.

Однако удача еще раз улыбнулась ранним Аршакидам, когда в 190 г. до н.э. Антиох III потерпел сокрушительное поражение от римлян в битве при Магнесии. Селевкиды утратили все свои владения к северу и западу от Тавра и должны были выплатить победителям огромную контрибуцию, что привело к резкому ослаблению их государства. Естественно, что парны не преминули воспользоваться удачно сложившимися обстоятельствами. Не позднее правления Фраата I (ок. 176–171 гг. до н.э.) в их руках оказалась Гиркания. Судя по прекращению работы селевкидского монетного двора в Гекатомпиле, сразу после смерти Антиоха IV³⁰ в 164 г. до н.э. ее судьбу разделила и Парфия.

Безусловной заслугой Фраата I, его брата и наследника Митридата I было осознание того

факта, что без преодоления конфликта с местным оседлым населением невозможно думать не только о новых завоеваниях, но даже о сохранении прежних. Прежде всего, Аршакиды отказались от практики размещения своих соплеменников-парнов на завоеванных землях. Это видно хотя бы из того, что связанные с парнами могильники концентрируются на берегах Оха (Сумбара-Атрека) и в северо-западных предгорьях Копетдага³¹ и не встречаются на территориях к югу от Эльбурса и Нишапурских гор. Уже в действиях Фраата I можно разглядеть меры, предпринятые в интересах оседлого населения Гиркании, – покорение народа мардов, известных своими разбойничьими повадками³², что делало их опасными соседями для живших на равнине гирканцев. Стремление Фраата стабилизировать ситуацию перевесило даже то, что марды были союзниками его деда Аршака II. Постепенно нормализуются и отношения с эллинами, начинается процесс эллинизации верхушки парфянского общества. Об этом можно судить по имени одного из полководцев Митридата I, в 141 г. до н.э. назначенного царем командовать армией в только что захваченной парфянами Вавилонии, – Антиоха, сына Арьябузана³³. Вряд ли бы он занял свой пост, будучи моложе двадцати лет. Следовательно, дети парфянской знати начинают получать при рождении греческие имена не позднее 60-х гг. II в. до н.э., т. е. еще до захвата Мидии. Возможно, что Антиох был плодом смешанного брака, и Арьябузан дал сыну эллинское имя из-за матери-гречанки.

Результаты этих серьезных изменений во внутренней политике сказались уже в правление Митридата I. Нормализация отношений с эллинами, парфиянами и гирканцами позволила ему использовать материальные и людские ресурсы завоеванных областей для покорения Мидии и Месопотамии на западе и успешного наступления на Греко-Бактрию на востоке, что превратило Парфию в мировую державу.

Примечания

- ¹ Здесь и далее под Парфией понимается государство, возникшее в результате завоевания вождем парнов Аршаком I селевкидских сатрапий на северо-востоке Ирана.
- ² См.: Балахванцев А. С. Аршак I или Андрагор : кто был основателем Парфянского государства? // Восток (Oriens). 2013. № 3. С. 19–20.
- ³ Curt. VI. 5. 11; Arr. Anab. III. 24. 2.
- ⁴ О локализации этого города, ставшего впоследствии столицей Парфии, см.: Hansman J. The Measure of Hecatompylos // J. of the Royal Asiatic Soc. 1981. P. 3–9.
- ⁵ App. Syr. 57.
- ⁶ Polyb. X. 31. 5–6, 14.
- ⁷ См.: Бокшанин А. Г. Парфия и Рим : в 2 ч. М., 1960. Ч. I. С. 138, 155 ; Левек П. Эллинистический мир. М., 1989. С. 75.

- ⁸ См.: Тарн В. Эллинистическая цивилизация. М., 1949. С. 133 ; Edson Ch. Imperium Macedonicum : The Seleucid Empire and the Literary Evidence // Classical Philology. 1958. Vol. 53(3). P. 156, 164 ; Will É. Histoire politique du monde hellénistique (323–30 av. J.-C.)¹. Nancy, 1966. T. 1. P. 243 ; Préaux C. Le monde hellénistique: la Grèce et l'Orient (323–146 av. J.-C.). P., 1978. P. 680 ; Briant P. Colonisation hellénistique et populations indigènes. La phase d'installation // Klio. 1978. Bd. 60(1). P. 92 ; Walbank F. W. The Hellenistic World. L., 1993. P. 14–15, 63, 65, 125 ; Кошеленко Г. А. Греческий полис на эллинистическом Востоке. М., 1979. С. 32, 49 ; Frye R. N. The History of Ancient Iran. München, 1984. P. 173 ; Маринович Л. П. Александр Македонский и становление эллинизма // Эллинизм : экономика, политика, культура. М., 1990. С. 90–91.
- ⁹ См.: Балахванцев А. С. Восточная политика Александра Македонского и Селевкидов : разрыв или преемственность? // Древнейшие государства Восточной Европы. 2012 год : Проблемы эллинизма и образования Боспорского царства / под ред. А. В. Подосинова и О. Л. Габелко. М., 2014. С. 309–310.
- ¹⁰ Strab. XI. 8. 3.
- ¹¹ Ibid. 9. 1.
- ¹² Ibid. 7. 2 ; Curt. VI. 4. 21.
- ¹³ Strab. XI. 9. 2.
- ¹⁴ См.: Балахванцев А. С. Великое противостояние : Селевк II Каллиник и Аршак I // Вестн. ВГУ. 2015. № 1. С. 9–10.
- ¹⁵ См.: Walbank F. W. A Historical Commentary on Polybius. Vol. II. Oxford, 1967. P. 232.
- ¹⁶ Just. XLI. 5. 1.
- ¹⁷ См.: Балахванцев А. С. Селевк II Каллиник и Парфия // Межгосударственные отношения и дипломатия в античности / под ред. О. Л. Габелко. Казань, 2000. С. 213.
- ¹⁸ Just. XLI. 5. 2–4.
- ¹⁹ См.: Kiani M. Y. Parthian sites in Hyrcania : the Gurgan plain. Berlin, 1982. P. 47.
- ²⁰ Curt. VI. 6. 23–24, VII. 11. 1–3 ; Arr. Anab. IV. 18. 4–5, 21. 2.
- ²¹ См.: Sellwood D. G. An Introduction in the Coinage of Parthia 2nd ed. L., 1980. P. 20–24.
- ²² О роли таких подземных каналов в водоснабжении территорий, прилегающих к центральным пустыням Ирана, см.: Петров М. П. Иран (физико-географический очерк). М., 1955. С. 83–84 ; Walbank F. W. A Historical Commentary. P. 236.
- ²³ См.: Debevoise N. C. A Political History of Parthia. Chicago ; L., 1969. P. 17–18 ; Бокшанин А. Г. Указ. соч. С. 202–203 ; Кошеленко Г. А., Гаубов В. А. Монетное дело Парфии при Аршаке II // Проблемы истории, филологии, культуры. 2012. № 4. С. 26.
- ²⁴ Polyb. X. 29–31.
- ²⁵ Curt. VI. 5. 11–21 ; Arr. Anab. III. 23–24.
- ²⁶ Polyb. X. 31. 11.
- ²⁷ См.: Wolski J. Seleucid and Arsacid Studies. Kraków, 2003. P. 68.

- ²⁸ Балахванцев А. С. Парфянский поход Антиоха III // Восток (Oriens). 2015. № 1. С. 12.
- ²⁹ См.: Gaslain J. Le bachlik d' Arsace Ier ou la representation du nomade-roi // Bulletin of Parthian and Mixed Oriental Studies. 2005. Vol. I. P. 9–30.
- ³⁰ См.: Houghton A., Lorber C., Hoover O. Seleucid Coins. A Comprehensive Catalogue. Pt. 2. Vol. I. N. Y.; L., 2008. P. 694.
- ³¹ См.: Балахванцев А. С. Среднеазиатские дахи в IV–

- II вв. до н. э.: происхождение, хронология и локализация // Средняя Азия от Ахеменидов до Тимуридов: археология, история, этнология, культура: материалы междунар. науч. конф., посвящ. 100-летию со дня рождения А. М. Беленицкого / под ред. В. П. Никонорова. СПб., 2005. С. 65–66.
- ³² Just. XLI. 5. 9.
- ³³ См.: Sachs A. J., Hunger H. Astronomical Diaries and Related Texts from Babylonia. Wien, 1996. Vol. III. P. 134–135.

УДК [94+327](410+560)|15/16|

ДИПЛОМАТИЯ И ДИПЛОМАТЫ АНГЛИИ В ОСМАНСКОЙ ИМПЕРИИ (начальный этап сотрудничества)

Л. Р. Сабитова

Саратовский государственный университет
E-mail: Sabitovalliya90@mail.ru

В статье рассматривается деятельность первых английских дипломатов в Стамбуле. Миссия внешнеполитических эмиссаров Лондона на территории Османской империи, в период её расцвета, представлена и освещена автором в тесной связи с региональными интересами английской Левантской компании.

Ключевые слова: Англия, Османская империя, английская дипломатия, Ближний Восток, Левантская компания.

English Diplomacy and Diplomats in the Ottoman Empire (Beginning of Cooperation)

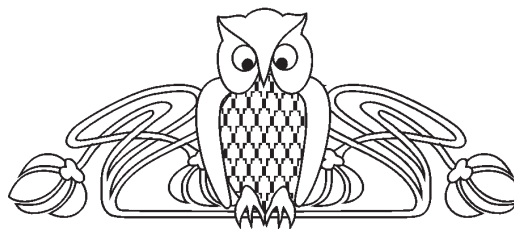
L. R. Sabitova

The article deals with the activity of the first English ambassadors in Istanbul. The mission of London's diplomatic representatives in the Ottoman Empire, at the peak of its prosperity, is described by the author in close connection with the regional interests of the English Levant Company.

Key words: England, Ottoman Empire, English diplomacy, Middle East, Levant Company.

Гибель христианской Византии (1453) и рождение мусульманской Османской империи привели к быстрому и радикальному изменению внешней политики европейских государств. Могущественная Порта, подчинившая себе огромные территории Балкан и Восточного Средиземноморья (Левант), в качестве влиятельной силы региональной и глобальной политики выступила как основной торговый и военно-политический конкурент Испании, Португалии, а позже – Франции, Голландии и Англии. Принимая этот геополитический вызов, каждая из европейских стран разрабатывала и осуществляла на практике собственную стратегию «восточной политики».

Королевство Англия, открывшее и оценившее богатство Ближнего Востока в эпоху Крестовых походов, одно из первых установило

выгодные торговые и дипломатические отношения с Османской империей. На этом сложном пути правящей элите островной державы и ее региональным эмиссарам пришлось навёрстывать отставание от конкурентов-европейцев, среди которых наибольшую угрозу представляла Франция (XVI–XVIII вв.), а потом – Россия (XVIII – начало XIX в.). Как известно, главным итогом этой конкуренции к середине XIX столетия стало доминирование Англии. По этой причине небезынтересно проследить трансформацию деятельности английских посланников в Стамбуле – главных проводников влияния Лондона на Ближнем Востоке. Особое внимание привлекает их деятельность на ранней стадии проникновения в этот регион, то есть в XVI–XVII столетиях.

Исторически главным стимулом, побудившим Англию активизировать внешнеполитический курс в Восточном Средиземноморье и на Ближнем Востоке, было желание напрямую торговать с Левантом (Сирия, Ливан), через территорию которого шли торговые коммуникации, издавна связывавшие Европу и Азию. В Средние века и в эпоху Раннего Нового времени роль посредника в этой системе экономических отношений играли итальянские торговые республики (Венеция, Генуя). Однако уже в начале XVI столетия отдельные английские купцы направляли в Средиземное море свои корабли, владельцам и капитанам которых даже удавалось получить временные привилегии от турецких властей¹. Подобные эпизодические контакты с османами при возможности получать восточные товары через посредников-христиан по-прежнему не требовали от Лондона скорейшего установления официальных отношений со Стамбулом. Однако опережающая легитимация франко-турецких дипломатических отношений и подписание договора о Капитуляциях (1535), в котором правительство Сулеймана Великолепного предоставило французам ряд торговых привилегий, сильно обеспокоили англичан. Состоявшиеся

перемены означали для них, что отныне национальные торговые кампании должны были вести свои операции только через французских агентов. В этой ситуации для королевы Елизаветы Тюдор (1558–1603) было крайне важно восстановить независимость английской торговли, избавиться её от унижительной французской опеки, получить собственные Капитуляции со стороны Порты. Для достижения этой цели в 1577 г. в турецкую столицу был отправлен английский эмиссар Уильям Харборн. Успешно преодолев интриги прочно обосновавшихся при султанском дворе французов и венецианцев, он сумел добиться от султана Мурада III предоставления своей стране привилегий, аналогичных тем, которые ранее получила Франция.

В планы англичан входило также намерение создать постоянное представительство в Стамбуле для защиты английских интересов. Однако перспектива возложить тяготы его содержания на государственную казну бережливых политиков из Лондона отнюдь не прельщала. По мнению королевы и её советника, опытного дипломата Ф. Уолсингема, взять на себя необходимые расходы могли английские купцы, организованные в частную корпорацию. Такой структурой стала Левантийская (Турецкая) компания. Королевский патент ограничивал её численный состав двенадцатью участниками. Другим английским купцам торговать во владениях султана было строго запрещено. Компания наделялась широкими полномочиями, включая возможность принимать свои внутренние законы, не противоречащие государственным актам. Её товары должны были перевозиться исключительно под английским флагом. Таким образом, Левантийская компания являла собой настоящее «государство в государстве»². В 1581 г. королева Елизавета выдала Левантийской компании патент на право торговли во владениях «Великого Сеньора»³. В 1583 г. Харборн получил статус первого дипломатического представителя Англии при Дворе турецкого султана. Тем самым, Лондон закрепил успех торгово-экономических переговоров с Высокой Портой установлением с ней дипломатических отношений на постоянной основе.

Последующие годы были временем укрепления английского присутствия в Стамбуле. Дипломатические эмиссары Лондона были нацелены в своей деятельности на решение двух стратегических задач. Во-первых, по заданию королевы и Тайного совета они пытались втянуть Порту в войну с враждебной Испанией. Во-вторых – стремились как можно сильнее ослабить французское влияние во владениях султана. Англичан явно не устраивала ситуация, заставлявшая других поданных христианских государств осуществлять здесь свою торговую деятельность под французским флагом и находиться под защитой французских консулов⁴. Однако разгром «Великой Армады» (1588) быстро снизил для англичан уровень

испанской угрозы. К тому же усилия в этом направлении их дипломатов – Уильяма Харборна (1583–1588), а также его преемника Эдварда Бартона (1588–1597)⁵ – не увенчались успехом. Более плодотворной для Лондона оказалась реализация второй, сугубо экономической цели. Под давлением его эмиссаров Стамбул, ссылаясь на принцип открытости, подтвердил право английских купцов на торговлю под собственным флагом в границах Османской империи⁶. В ходе переговоров представители Левантийской компании преодолели ожесточённое сопротивление французов, которые подчеркивали, что их отношения с османами изначально должны были использоваться на благо всего христианского мира. Невзирая на эти объяснения, англичане активно пытались перетянуть под своё покровительство торговых представителей других стран. При этом на противников нового, антифранцузского торгового альянса оказывалось прямое давление. Его примером стало так называемое «голландское дело», в рамках которого вплоть до 1612 года шло ожесточённое соперничество Англии и Франции за право влияния на ближневосточную торговлю этой небольшой европейской страны. В конечном итоге, Амстердам сумел получить от правительства султана собственные капитуляции⁷.

Особую роль в укреплении позиций Лондона на турецком Ближнем Востоке сыграли, помимо торговых и дипломатических эмиссаров, английские пираты. Располагая в Средиземном море быстроходными, хорошо вооружёнными кораблями с опытными командами, они регулярно нападали на французские, венецианские и даже турецкие суда. Жалобы на их действия регулярно поступали Елизавете, однако английская королева объявила «королевских пиратов» вне закона. Впрочем, такие решения свидетельствовали лишь о том, что заинтересованные правящие круги островного государства не препятствовали борьбе флибустьеров за английское господство на средиземноморских торговых коммуникациях⁸. В эпицентре тревожных событий находилась и Левантийская компания. В отличие от Лондона, её руководители заняли в отношении пиратов более акцентированную позицию. В частности, английский посол в Стамбуле был уполномочен пресечь акции пиратов, которые были направлены против союзной, турецкой стороны. В 1606 г. позиции англичан в Турции были поставлены под угрозу потоплением судна «Королевский купец», направлявшегося из североафриканских провинций султана с грузом даров в столицу. Ответственность за неприятный инцидент Компания возложила на своего посла в Стамбуле, которому было отказано в выплате жалованья. Компания потребовала также у Лондона его немедленной замены⁹.

Несмотря на всю серьёзность инцидента, разрыв отношений между Англией и Османской империей не состоялся. По мнению турецкого правительства, англосаксы по-прежнему оста-

вались реальным противовесом и союзником по отношению главного противника Стамбула на море – Испании. Важным и примиряющим обстоятельством для турок выступала также конфессиональная ориентация Англии – протестантизм, который противопоставлял её католическому, не менее враждебному для них, Риму. К тому же Англия наладила в турецких владениях сбыт качественных европейских товаров, а также являлась экспортёром образцов континентальной технической мысли, прежде всего огнестрельного оружия и военных технологий.

Огромную роль в сглаживании постоянно возникающих между странами конфликтных ситуаций, безусловно, играли личные качества английских эмиссаров. Как правило, это были люди незаурядных интеллектуальных способностей и большого дипломатического таланта. Доверие к ним в Стамбуле доходило до такой степени, что они наделялись правом представлять Османскую империю на мирных переговорах с другими христианскими государствами¹⁰. Как правило, английские дипломаты на турецкой службе успевали зарекомендовать себя людьми политически индифферентными и преданными интересам Порты. Впрочем, их миссия в Стамбуле, как и в других городах Османской империи, была направлена в основном лишь на поддержание дружественных отношений с Портой, а также на обеспечение новых привилегий для Левантской компании. Жёсткая колониальная стратегия Англии, диктовавшая иные правила дипломатической игры, в этот период начала активно реализовываться в других географических широтах – в Новом Свете и в Индии.

Добившись максимально выгодных преференций со стороны османских властей, лондонские купцы наращивали свою активность в регионе. Англичанин, посетивший в 1672 г. турецкую Смирну (Измир), в своих записках подробно охарактеризовал деятельность «необычной королевской компании», которая отвечала за торговлю с Левантом. В частности, он отметил её корпоративный, закрытый характер. По словам очевидца, в компанию «никого не принимают извне, только сыновей или учеников купцов-основателей». Путешественник обратил особое внимание на демократичность английского торгового сообщества, в котором «не было единоначалия, а решения принимались большинством голосов». Им же были отмечены некоторые другие, несвойственные для обычных коммивояжеров функции компании. По его словам, участники Левантской компании «представляют посла, которого монарх отправит в Порту, направляет консулов в Смирну и Алеппо, выбирает отправляемые в Левант товары. Компания выплачивает жалованье послу и консулам и выделяет средства на содержание английского посольства»¹¹. Следует отметить, что приведённые характеристики полностью соответствовали действительности. На ранней стадии дипломатических отношений Англии и Османской империи

(конец XVI – начало XVII в.) их политическая составляющая нередко обуславливалась и подкреплялась необходимостью развития межгосударственных торгово-экономических связей. Именно временем появления на территории Османской империи структур Левантской компании следует датировать рождение особой, внеевропейской посольской, системы Англии, в рамках которой престиж столичного дипломата обеспечивался не столько призрачным авторитетом далёкого, к тому же христианского монарха, но, в первую очередь, влиянием и деньгами региональной торговой компании. Подобная связь, впрочем, изначально запланированная с внешнеполитической службой английской короны, выражалась, в частности, в процедуре назначения посла в Стамбул, в его инструкциях, выплате жалованья, наконец, в обязанности и полномочиях, которыми английский дипломат наделялся перед отъездом на далёкий мусульманский Восток.

Практическое функционирование английского дипломатического аппарата на территории Османской империи в рамках XVII столетия складывалось в следующих направлениях.

На рубеже XVI–XVII вв., в последние годы правления королевы Елизаветы Тюдор, персоны английских послов в Стамбуле, как это и было запланировано, выбирались из числа нескольких претендентов, которых предлагала Левантская компания. Как правило, эти люди успевали до этого побывать в турецкой столице в качестве купцов или секретарей посольства. Поначалу английские монархи (Елизавета, Яков Стюарт), которые осуществляли окончательный выбор претендента на столь ответственный дипломатический пост, внимательно прислушивались к мнению и рекомендациям Компании. Однако по мере того как англичане укрепляли свое политическое влияние в Османской империи, и авторитет королевства перестал напрямую зависеть от личных качеств посла, представители новой правящей династии Стюартов (Карл I, Карл II) получили возможность, не особенно церемонясь, «проталкивать» на этот выгодный и хорошо оплачиваемый пост исключительно собственные креатуры. В 1641 г. Парламент предоставил Компании право утверждать кандидатуры послов для работы в Турции, но это право не было переутверждено и ратифицировано парламентариями после Реставрации (1661). Четких правил по отбору и утверждению данной категории английских дипломатов не существовало вплоть до начала XVIII столетия, когда в Лондоне утвердилась новая правящая династия (Ганноверов).

После своего назначения в Стамбул английский посол получал два набора инструкций: от короля и Компании. Первый «пакет наставлений» носил формальный, чисто процедурный характер, и содержал общие указания, а именно поддерживать добрые отношения с представителями других дипломатических миссий, защищать интересы христианства, а также регулярно отсылать в Лон-

дон отчеты о своей деятельности, дабы вовремя получать дополнительные рекомендации. В официальных наставлениях Компании звучали более конкретные требования, в частности, они ориентировали посла всемерно защищать интересы английской торговли и сохранять все полученные ранее привилегии¹².

Отдельных комментариев заслуживают полномочия английского посла, которыми он наделялся в пределах Османской империи. Они были достаточно обширными и сложными для точного выполнения. В частности, под его юрисдикцию попадали все англичане, оказавшиеся на территории Турции и в её многочисленных провинциях, включая Левант.

Английский посол, резиденция и аппарат которого располагались в Стамбуле, находился на полном содержании Левантийской компании. Он получал жалование от Компании, которое по мере укрепления английских экономических позиций в регионе систематически увеличивалось. В 1660 г. оно составляло 10 тысяч золотых испанских пиастров ежеквартально. Ещё 2 тысячи пиастров и 300 фунтов в год английский посол получал от Компании дополнительно, в качестве командировочных и бонуса для перемещения по Турции и для поездки в Англию. Дополнительным источником доходов для дипломата являлась фиксированная доля от суммы платежей, изымаемых в пользу Левантийской компании: 30% штрафных сумм за нарушения торгового законодательства Компании; 20% от стоимости налогов на товары, доставленные в Турцию внешними торговыми агентами Компании; суммы консульских сборов, налагаемых на коммерческую деятельность региональных английских факторий. Также английский посол мог рассчитывать на по-восточному щедрую сумму от турецкого султана. Помимо всего прочего, несмотря на то что Компания предписывала послу не заниматься коммерческой деятельностью лично, для дипломатов не существовало прямого запрета покупать и с выгодой для себя сбывать драгоценности и вина, осуществлять валютные спекуляции или оказывать надлежащую протекцию представителям знатных армянских, греческих и еврейских семейств, готовых за нее платить. Все перечисленное отнюдь не является полным списком доходов, на которые мог надеяться обладатель поста английского представителя в Османской империи. По этой причине многие представители английской аристократии мечтали, как можно скорее, заполучить эту синекуру, чтобы поправить своё материальное положение.

В штат английского посольства в Стамбуле, помимо персоны самого посла, были включены должности секретаря и казначея, которые также назначались Компанией, а потому были неподконтрольными правительству. Внутри этой бюрократической иерархии действовали собственные правила замещения должностей. Так, на ранней стадии функционирования английского посоль-

ства в Стамбуле (рубеж XVI–XVII вв.) смена посла неизменно приводила на этот пост секретаря посольства. В посольстве также существовала должность капеллана, который одновременно был смотрителем библиотеки.

В работе английского посольства в Стамбуле принимали участие местные наёмные кадры. Среди них наиболее важной признавалась роль драгоманов (переводчиков). Они являлись не только связующим звеном между послом и турецкими министрами, но должны были также играть роль агентов, разведчиков в пользу англичан. Однако, учитывая, что их контингент был мал (три человека) и вынужденно набирался из числа подданных султана, их деятельность была неэффективной. К тому же эти люди могли уже быть шпионами, как султана, так и послов других стран. Как правило, драгоманов были выходцами из квартала Перы, где жили венецианцы, и будучи католиками более симпатизировали французам. Последние, в отличие от англичан, добились в области подготовки «специальных кадров» на турецкой территории больших успехов. Так, в 1670 г. французы отправили партию мальчиков на учебу в монастыри капуцинов Смирны и Стамбула с тем, чтобы они хорошо изучили турецкий язык. В будущем их собирались направить на работу переводчиками. Англичане поступили наоборот: они отправили на обучение в Оксфорд греков, чтобы наладить подготовку драгоманов на своей родине. Впрочем, этот эксперимент не удался, и переводчиками английского посольства в Турции вплоть до начала XIX столетия оставались подданные султана¹³.

Для охраны английского посольства в Стамбуле дипломаты были вынуждены нанимать местных янычаров. Помимо драгоманов и воинов-янычар, на территории посольства ежедневно появлялся мусульманский священник («эффенди»), который помогал составлять официальные письма на турецком языке. Посольство содержало большой штат технического персонала (рабочих, слуг), поскольку его территория и здание были постоянно открыты для посещения высокопоставленных визитёров, путешественников. Резиденция посла должна была также убедительно демонстрировать богатство и силу Англии в глазах турок и других дипломатических представительств, расположенных в Стамбуле¹⁴.

Аристократический уклад и светский образ жизни, разумеется, не мешали высокопоставленным английским дипломатам выполнять задания влиятельной Левантийской компании. В частности, в круг их постоянных задач входили переговоры коммерческого характера. Однако в рамках XVII столетия ближневосточное направление британской внешней политики, как уже отмечалось выше, не являлось основным. Оставаясь вспомогательным, этот вектор политики склонял английских дипломатов к подписанию с турецкой стороной дружественных, ни к чему не обязывающих договоров, которые поддерживали

престиж английской короны. В столь благой и расслабляющей ситуации такие обязательные качества дипломатов, как энергия, проницательность, личная инициатива, были забыты. К примеру, английского посла, лорда Уинчилси, в 1660 г. описывали как добродушного господина, носившего бороду на турецкий манер и любившего поговорить. Именно этим, совершенно не дипломатическим талантом, он расположил к себе тогдашнего Великого визиря. Впрочем, в большинстве своём английские послы в Стамбуле оставались людьми умными и даже амбициозными. Многие – провидчески – желали держать руку «на пульсе» ближневосточных дел. Однако такая активность сразу наталкивалась на бездействие Лондона и на строгий контроль со стороны Левантской компании, которая желала возврата под свой контроль торговых факторий, научившихся за годы гражданской войны обманывать свое руководство, и подтверждения капитуляционных прав.

Ситуация начала меняться после Славной революции (1688), когда Англия, постепенно оправившись от внутренних потрясений, стала подумывать о более решительной континентальной политике, направленной против Голландии и Франции. Этот поворот предполагал активизацию деятельности английского представителя в Османской империи. В частности, посол получил указания способствовать заключению мира между Портой и Священной Римской империей, чтобы перенаправить австрийские силы против наиболее сильного противника англичан – Франции. Однако убедить султана прислушаться к мнению Англии, как и прежде в отношении Испании, оказалось весьма затруднительно.

Столетие присутствия английского посла в Стамбуле превратило эту персону в уважаемого, но достаточно безликого эмиссара дружественной державы, а также в искушённого торгового агента, который не любит вмешиваться в большую политику. Между тем могущество Османской империи, добытое кровопролитными войнами на Западе (Священная Римская империя, Испания, Польша, Венеция) и на Востоке (Иран), стало ослабевать. В 1683 г. турки потерпели поражение от австрийцев и поляков под Веной, которое предредило падение их влияния в делах европейской политики. С этого момента «восточная угроза» Европе со стороны Турции начала неизбежно трансформироваться в «восточный вопрос», то есть в банальный сюжет о принципах и участниках дележа османского территориального наследства на Балканах и на Ближнем Востоке. Ну, а султанский дворец всё более напоминал шумный «восточный базар», главными участниками которого становились европейские дипломаты, втянувшиеся в ожесточенную борьбу интересов, из которой временно победителем выходили французы. Именно представителя Версаля в дипломатических кулуарах Стамбула вежливо называли «вице-султаном». Об этом засилье французов в 1690 г. писал и ан-

глийский посол сэра Джон Трамбулл, сообщая в Лондон, что «Турция уже давно идёт на поводу у французских интересов»¹⁵.

На рубеже XVII–XVIII вв. внешнеполитический курс Англии в отношении Османской империи начинает стремительно подстраиваться к «духу времени». Этому повороту способствуют внутренние события в самой Англии. Завоевания революционной эпохи, после окончательного ухода с политической арены Стюартов (1714), воплотились в колоссальные достижения в сфере политики, экономики и культуры. Страна, пережившая потрясения революции и гражданской войны, в очередное столетие вступила не просто окрепшей, но и претендующей на новые, ведущие роли в мировой и европейской политике. Разумеется, за пределами самой Англии, например в Стамбуле, необходимость изменения внешнеполитических приоритетов была осознана не сразу. Проблема заключалась еще и в том, что, в отличие от своих зарубежных коллег, английские дипломаты не имели достаточных финансовых ресурсов для выполнения новых стратегических задач. Реализация политических интересов постоянно нуждалась в деньгах, поскольку на практике речь шла о поездках по стране, о подкупе чиновников, вербовке агентов среди местного населения, о налаживании «неформальных» связей с послами других государств. Деньги на эти малоопытные цели Левантская компания давать отказывалась. Она соглашалась иметь и оплачивать политических агентов в Марселе, Белграде и Вене, однако турецкие морские коммуникации, которые часто попадали под контроль пиратов, и сухопутные – под контролем агентов австрийского императора – прижимистых негоциантов пока интересовали лишь в рамках старых соглашений. Оплачивать и подписывать новые они также не собирались. Вдобавок ко всему к концу XVII в. почти на треть сократилось жалованье английского посла, что также сковывало его инициативу и возможности действовать. При этом король (Вильгельм II Оранский), занятый войнами со сторонниками Стюартов, даже не задумывался о том, чтобы увеличить финансирование посольства в Стамбуле¹⁶.

В политическом плане Османская империя по-прежнему оставалась для Англии «дипломатическим захолустьем». Даже финансовые выгоды дипломатического турне на Восток, о которых упоминалось выше, не всегда приносили пользу. Случалось так, что некоторые послы не выносили тягот путешествия в Стамбул и умирали, не добравшись до турецкой столицы. Многих убивал климат. Некоторые дипломаты так и не сумели понять, а главное – принять специфику местного образа жизни, и постарались быстрее вернуться домой. Редкий английский дипломат, оказавшись в Стамбуле, находился на посту посла больше пяти лет. Мало кто из них успел выполнить какую-то важную задачу, оставаясь при султанском дворе пассивным наблюдателем событий. Тем не менее, говоря о событиях

рубежа XVII–XVIII вв., следует отметить успешные действия в Стамбуле лорда Паджета (1694–1702) и сэра Роберта Саттона (1702–1716)¹⁷.

Лорд Паджет был участником Карловицкого конгресса (1699). В этот период английский дипломат немало сделал для того, чтобы Порты и члены антитурецкой Священной лиги пришли, наконец, к мирному соглашению. Его заслуги на поприще миротворчества были вынужден признать даже французский посол, барон де Ферриоль¹⁸. Должное авторитету англичанина отдали также турки, которые щедро наградили его перед отправкой на родину. Принимая следующего английского посла, турецкий султан Ахмед III заметил: «англичане – наши старые добрые друзья... Мы не забудем их помощь при Карловице»¹⁹.

Деятельность преемника Паджета, сэра Роберта Саттона, подробно освещена в его собственных «Депешах»²⁰. Его миссия совпала с обострением франко-русского соперничества в Стамбуле и пребыванием в Османской империи шведского короля Карла XII, который после поражения под Полтавой (1709) был вынужден просить убежища у султана. Саттон предлагал своему правительству поддержать Россию и противодействовать дипломатии Франции и Швеции, провоцировавшей русско-турецкий конфликт. Однако министры королевы Анны Стюарт (1702–1714) были не готовы к решительным действиям в этом направлении. К тому же их больше интересовали перипетии уже начавшейся войны за испанское наследство, в которой – против французов и баварцев – принимали участие и английские войска под командованием выдающегося полководца, герцога Мальборо (1650–1722). Тем не менее английский посол выступил посредником в начавшихся русско-турецких переговорах. Известный русский дипломат П. П. Шафиров описывал Саттона как умного и последовательного политика, внесшего существенный вклад в заключение мира. В итоге английский дипломат получил солидное денежное вознаграждение от царя Петра I²¹.

Деятельность Паджета и Саттона открывает собой новый этап дипломатической активности англичан в Османской империи. С этого момента она носит ярко выраженный политический характер, поскольку не связывается, как в прошлые годы, с традиционной для англичан стратегией улучшения торгово-экономических отношений с Портой. С начала XVIII столетия персона английского посла в Стамбуле, расставшегося с патриархальной опекой Левантской компании и получившего мощную поддержку колониального Лондона, приобретает тот дипломатический вес, с которым уже невозможно не считаться.

Примечания

¹ Willan T. S. Some Aspects of English Trade with the Levant in the Sixteenth Century // *The English Historical Review*. 1955. Vol. 70, № 276. P. 399–404.

² Wood A. C. A History of the Levantine Company. Oxford University Press, 1935. P. 11–12.

³ См.: Патент или привилегии, пожалованные Ее Величеством сэру Эдварду Осборну, Ричарду Стейперу и некоторым другим купцам Лондона для торговли во владениях Великого султана в 1581 г. URL: <http://www.vostlit.info> (дата обращения: 12.03.2013).

⁴ Horniker A. L. Anglo-French Rivalry in the Levant from 1583 to 1612 // *The Journal of Modern History*. 1946. Vol. 18, № 4. P. 289.

⁵ Edward Barton to Murad III, November 30, 1588 / Barton E., Pears E. The Spanish Armada and the Ottoman Porte // *The English Historical Review*. 1893. Vol. 8, № 31. P. 460.

⁶ Horniker A. L. William Harborne and the Beginning of Anglo-Turkish Diplomatic and Commercial Relations // *The Journal of Modern History*. 1942. Vol. 14, № 3. P. 309.

⁷ Dumont J. Corps universel diplomatique du droit des gens. Amsterdam, 1728. Vol. 3, part 2. P. 205–214.

⁸ Донесение венецианского посла Дж. Капелло от 6 октября 1597 г. URL: <http://www.vostlit.info> (дата обращения: 12.03.2013).

⁹ Horniker A. L. Anglo-French Rivalry in the Levant from 1583 to 1612 // *The Journal of Modern History*. 1946. Vol. 18, № 4. P. 301.

¹⁰ В 1597 г. сэр Эдвард Бартон сопровождал султана в Венгерской военной кампании, а в 1623 г. сэр Томас Роу представлял Турцию на переговорах с Польшей.

¹¹ Chardin J. Travels into Persia. London, 1686. P. 4–6.

¹² Wood A. C. The English Embassy at Constantinople, 1660–1762 // *The English Historical Review*. 1925. Vol. 40, № 160. P. 533–534.

¹³ Berridge G. R. English dragomans and oriental secretaries: the early nineteenth century origins of the anglicization of the British embassy Drogmanat in Constantinople // *Diplomacy & Statecraft*, 2003. Vol. 14, № 4. P. 137–138.

¹⁴ Wood A. C. The English Embassy at Constantinople, 1660–1762 // *The English Historical Review*. 1925. Vol. 40, № 160. P. 540.

¹⁵ Trumbull to Shrewsbury, 1 July 1690. State Papers, Foreign, Turkey, 20 [Электронный ресурс] URL: <http://gale.cengage.co.uk> (дата обращения: 12.03.2013).

¹⁶ Wood A. C. The English Embassy at Constantinople, 1660–1762 // *The English Historical Review*. 1925. Vol. 40, № 160. P. 537.

¹⁷ Lane M. The Diplomatic Service under William III // *Transactions of the Royal Historical Society*. 1927. Vol. 10. P. 108.

¹⁸ Ferriol to Louis XIV, 4 April 1700 // *Correspondance du Marquis de Ferriol, Ambassadeur de Louis XIV à Constantinople*. Anvers, 1870. P. 108.

¹⁹ Ahmed III to R. Sutton, 1702. // *Hammer M. Histoire de l'Empire Ottoman*. Paris, 1841. Vol. 2. P. 42.

²⁰ См. Sutton R. The Dispatches of Sir Robert Sutton, Ambassador in Constantinople (1710–1714) / ed. by A. N. Kurat. L., 1953.

²¹ Coroban C. British Reactions to Charles XII's Stay in the Ottoman Empire // *Revista Română de Studii Baltice și Nordice*. 2011. Vol. 3, iss. 1. P. 50.

УДК 94 (410) | 18 |

ОБРАЗ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ НА СТРАНИЦАХ «THE EDINBURGH REVIEW» В ПЕРИОД 1802–1812 гг.

В. С. Ерёмин

Саратовский государственный университет
E-mail: fuzzystone@gmail.com

В статье рассматриваются образы Российской империи в журнале «The Edinburgh Review» в период с 1802 по 1812 г. Особое внимание уделено пространственно-климатическим, потестарным образам, а также стереотипам восприятия иностранцами российского общества.

Ключевые слова: история Великобритании, образы России, «The Edinburgh Review».

The Image of the Russian Empire in the Columns of «The Edinburgh Review» During 1802–1812

V. S. Eremin

The author of this article studies the images of the Russian Empire in periodicals «The Edinburgh Review» in the period from 1802 to 1812. Particular attention is paid to the space-climatic, Potestarian images and stereotypes of foreigners about Russian society.

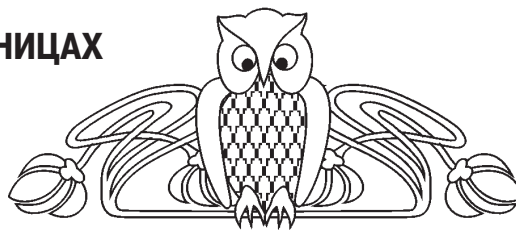
Key words: history of the United Kingdom, images of Russia, «The Edinburgh Review».

Шотландский ежеквартальник «The Edinburgh Review» по праву являлся одним из наиболее влиятельных периодических изданий своего времени. Несмотря на формально литературно-критическую направленность обзора, первый главный редактор Фрэнсис Джеффри и его авторы не считали самоцелью освещать лишь художественные произведения. Читатели журнала из обзоров «The Edinburgh Review» могли пополнить свои знания по истории, юриспруденции, химии, астрономии, хитросплетениям политики и мн. др.

Джеффри и его коллеги избрали вигский политический курс, имея при этом за плечами солидный багаж идей шотландских просветителей, который подпитывался духом романтизма.

Совершенно особое место в редакционной политике издателей «The Edinburgh Review» занимала литература путешествий¹, в которой априорно заложено стремление автора донести до читателей свое представление о «Другом».

Конечно, исследование путевого образа «Другого» далеко не новый жанр в историографии, здесь есть своя традиция, свои общеметодологические установки. Обращается внимание и на необходимость учитывать нюансы взаимодействия в процессе формирования образа «Другого» первоначальной психологической и социокультурной установки и реалий путешествия, и на взаимосвязь формируемого тем или иным автором

образа «Другого» с зигзагами внешней политики. Следует брать во внимание разницу между первоначальным впечатлением и представлениями, сформированными на основе пережитого, зафиксированными, обработанными, «подготовленными к публикации», и то, что образ страны и образ народа, социума тесно переплетены (даже когда автор преднамеренно их различает). Чем выше динамика путешествия, чем более автор чувствует себя свободным в правилах описания «Другого», чем менее автор обязан что-то описывать, а делает это на добровольной основе, не особенно заботясь о нарративе как о «побочном продукте» путешествия, чем, наконец, ниже собственно рефлексивные возможности автора, тем выше стереотипичность образа и т. д.²

Но мы в случае с «The Edinburgh Review» имеем дело не с анализом собственно авторского восприятия «Другого», а с анализом «эрзац-образов», суррогатов восприятия «Другого», предлагаемых читателям авторами обзоров ежеквартальника. Шотландские публицисты выступают в данном случае в роли неких «тьюторов», наставников-консультантов, которые на свой вкус уже отобрали для читателя самое интересное или важное и даже оставили некоторые свои собственные акценты и комментарии.

Эдинбургские публицисты, стараясь осветить как можно большее количество стран и регионов планеты, также не обошли вниманием и Россию, Российская империя предстает на страницах издания и как главный герой обзоров, и как действующее лицо второго плана. Авторов обзоров интересуют не только живописные заметки путешественников, но и их мнения о военном, экономическом потенциале России, о её внешней политике, участии в военно-политических блоках и роли в новой системе европейских отношений. Отсюда и многоаспектность того образа России и русских, который мог сформировать у себя в сознании английский читатель, ознакомившись с рядом выпусков «The Edinburgh Review».

Мы сейчас сосредоточим внимание главным образом на природно-климатическом и потестарном (как деперсонифицированном, так и персонифицированном) образе России, который предлагали своим читателям редакторы «The Edinburgh Review» в годы Наполеоновских войн.

В представлениях о России можно выделить несколько уровней³. Во-первых, это архетипы «варварской» страны, проявляющиеся особенно,

когда речь идет о восточных окраинах государства. Стереотипы о деспотичном характере власти и рабском состоянии основной массы населения, о таких чертах русского «национального характера», как лень, корыстность, склонность к обману. И наконец, собственно «образы», отрефлексированные индивидуальными мнениями. Особенно это касается персонифицированного образа власти, к примеру, в лице императора Петра I или деперсонифицированного восприятия столичного общества в целом.

Шотландские публицисты особенно любили обращать внимание читателей на личности русских императоров или на описания столицы России. Санкт-Петербург – не просто «окно в Европу», но и еще «окно в Россию», через которое путешественники попадают в другой мир. Что же касается правителей России, то их оценки динамичны, зависят от политической конъюнктуры: пример тому – изменения акцентов в восприятии Александра I после 1812 г., который стал своеобразной точкой бифуркации в эволюции образа России на страницах «The Edinburgh review».

За первую четверть XIX в. Российской империи на страницах «The Edinburgh Review» посвящено 32 обзора, кроме того, в среднем в каждом втором номере журнала она, так или иначе, упоминается. Среди публикаций в период с 1802 г. по 1812 г. лишь три целиком и полностью посвящены Российской империи. Это обзоры на следующие произведения: «Картины Петербурга»⁴ Генри Сторча, «Путешествие по южным провинциям Российской империи в 1793–1794 гг.»⁵ профессора Петра Симона Палласа, «Очерки о внутренней силе, военных и военно-морских силах Франции и России; с примечаниями относительно их нынешних связей, политических влияний, и будущих проектов»⁶. Следует отметить, что последний обзор относится скорее к области внешней политики Великобритании и заостряет внимание на внешнеполитических аспектах положения дел в Европе в период Наполеоновских войн.

Среди других текстов особенно выделяются обзоры литературы о путешествиях, в которых освещаются отдельные части Российской империи. К таковым относятся: «Северное лето: или путешествие вокруг Балтики через Данию, Швецию, Россию и часть Германии в 1804 г.»⁷ Джона Карра, «Очерки путешествия по России и Швеции в 1805, 1806, 1807, 1808 гг.»⁸ Роберта Керра Портера, «Путешествия в разные страны Европы, Азии и Африки. Часть первая – Россия, Татария и Турция»⁹ Эдварда Даниэла Кларка.

К отдельной группе обзоров можно отнести очерки, посвященные вопросам международной политики. В них Россия также выступает частым фигурантом, но они были опубликованы уже после 1812 г., когда авторитет Российского государства на международной арене значительно возрос, в связи с чем её образ претерпевает изменения.

Обзор на книгу «Путешествие из Москвы через Пруссию, Германию, Швейцарию, Францию

и Англию»¹⁰ Н. М. Карамзина не представляет для нас интереса в контексте заявленной темы, поскольку посвящен описанию Европейских государств. Но факт внимания шотландских обозревателей к данной работе является небезынтесным.

Особое впечатление как на авторов обозреваемых книг, так и на шотландских издателей производят пространственно-климатические характеристики Российской империи. Размеры территории колоссальны и поражают воображение. В обзоре на книгу «Очерки путешествия по России и Швеции в 1805, 1806, 1807, 1808 гг.» Роберта Керра Потера¹¹ автор, а вслед за ним и обозреватели «The Edinburgh Review», красочно описывает путешествие зимой из Петербурга в Москву. Пейзаж, который английский путешественник наблюдал из окна кибитки, для него выглядит чудовищнее арабской пустыни. На пути Потер не встречал ни человека, ни даже следов его пребывания, или хотя бы дерева. Один лишь снег тянулся до самого горизонта. У него было ощущение, что он затерялся где-то в море, далеко от большой земли¹². Из-за плохих дорог постоянно ломаются повозки, которые просто не приспособлены к ним.

В статье, посвященной «Очеркам о внутренней силе, военных и военно-морских силах Франции и России»¹³, образ бесконечной пустыни приобретает границы, что, впрочем, не делает масштаб Российской империи меньше: «Её границы наполовину омываются несудоходными океанами, другая половина населена азиатскими народами и кочевыми племенами, и лишь Балтика и Черное море подвластны (Судоходству. – В. Е.), а остальные части государства и вовсе недоступны. Только Западную границу необходимо охранять, и Европа не может организовать ни одной силы, которая бы смогла оказать влияние на эту четверть государства, <...> её ресурсы огромны и безграничны»¹⁴. Несмотря на подобный масштаб, обозреватели «The Edinburgh Review» поправляют автора книги, оптимистично утверждая, что в случае крайней необходимости подобную силу организовать все же возможно. Таким образом, они показывают призрачность мнения о непобедимости России.

Отдельно стоит выделить описания столицы Российского государства, чей образ резко контрастирует с образом провинции.

Уже во втором номере «The Edinburgh Review» в обзоре на сочинение Генри Сторча «Картины Петербурга» столица Российской империи представляется как прецедент небывалого строительства, в котором «так много искусственного и слишком мало природы»¹⁵. Город Петра Великого – беспримерное вложение средств и труда, заточивших Неву в узкие берега и облачив все внутреннее пространство города в гранит. На месте, где некогда располагались финские хижинки в окружении болот, разместились голландские сады с теплицами, в которых выращивают экзотические плоды из тропиков.

В уже упомянутой выше работе «Очерки путешествия по России и Швеции» Р. К. Потера Петербург, где «каждый дом выглядит словно дворец», также производит неизгладимое впечатление на автора. Недостроенный храм, «посвященный Казанской Божьей Матери», поражает своей задумкой автора. По его заверению, после завершения строительства собору уготована судьба встать в один ряд с лучшими храмами Рима и Лондона¹⁶. Незаконченный архитектурный шедевр настолько изумляет путешественника, что он сравнивает его с лучшими примерами архитектуры античности. Поразил Р. К. Потера и Эрмитаж, заставив его отметить гений и талант Петра I.

Общество Санкт-Петербурга также заметно выделяется по отношению к населению остальных городов. Сторч в «Картинах Петербурга» рисует идиллический образ жителей столицы. Редакторы «The Edinburgh Review» связывают подобную идеализацию с тем, что автор произведения слишком долго прожил в Петербурге. Тем не менее рабочие столицы, несмотря на нищету, представляют собой наиболее одаренных, счастливых и богатых людей относительно представителей низов других столиц Европы. Женщины даже самого низкого положения всегда используют румяна, которые по заверению обозревателей издания не очень хорошо сочетаются с их естественной красотой.

Образ столичного общества пересекается со стереотипным образом национального характера русских: «Рассеянность и праздность – наиболее характерная черта для представителей среднего класса Петербурга. Их тяга к изобилию несовместима с экономией. Гостеприимство – полностью русская добродетель, правда её эффект зависит от наличия средств. Восемьсот фунтов в год – минимальная сумма, которая позволит любой семье удовлетворить свои аристократические замашки. Общественное положение и благосостояние гражданина имеет приоритет по отношению к благородному происхождению»¹⁷. В объяснении подобного парадокса авторы обращаются к Ш. Монтескье, который видел в этом особенности «деспотичного правительства, где все достоинства исходят от правителя и власти»¹⁸. «Клубы столицы – особое место, где могут присутствовать и мужчины, и женщины, а также представители знати и коммерсанты. При этом все посетители подобных заведений обладают “безупречными манерами”»¹⁹.

Р. К. Потер, судя по его «Очеркам», испытал своеобразный шок, попав после Зеландии в «прекрасный на первый взгляд» Кронштадт, где вокруг него заперстрили «бороды, смуглые люди, кепки, военная униформа, ротонды и треск языка, услышанного впервые»²⁰. Торговцы и владельцы лавок Петербурга вызывают недоумения у Потера. Они специально завышают цену на свои товары для иностранцев, хотя готовы уступить, в случае если путешественнику знакомы особенности местного ведения торговли.

Двоякость Санкт-Петербурга проявляется не только в красоте города, изысканности манер нобилитета и жадности наживы торговцев. Столица империи – беспримерный образчик стремительной модернизации, затеянной еще Петром I, которая контрастирует с отсталостью низших слоев города. В обзоре на «Очерки» Р. К. Потера шотландские обозреватели подчеркивают этот момент. Недостроенный Казанский собор представлен «как пример невероятных трудовых затрат страны, в которой низшие классы находятся на положении рабов или крепостничества»²¹. Потер, а за ним и редакторы «The Edinburgh Review», подчеркивает, что рабочие пригнаны сюда из различных территорий страны. Зимой, когда устанавливаются морозы, они возвращаются к себе обратно, дожидаясь более «добродушного времени года»²². Авторы обзора заостряют внимание, «что трудности в их труде связаны с тем, что трудятся они в одиночку», т. е. не прибегают к техническим ухищрениям. Это демонстрирует цивилизационную отсталость России: «То, что в Англии легко сделают с помощью одной лошади, с небольшой помощью механических устройств, здесь будет достигнуто силами числа нескольких мужчин. Столько бесполезного труда, о котором только и остается жалеть»²³. По мнению автора, нужно всего четверть от того числа людей, которые трудятся здесь с помощью рычагов и веревок, и с некоторой помощью технологических изобретений работа будет легко закончена в половину срока²⁴.

Еще больше отсталость подчеркивается при описаниях российской провинции. Так, Тверь – город торговли, в котором с трудом можно найти гостиницу, «даже без пустяковых удобств»²⁵. Здесь манеры местного населения грубы, и даже «за неумелый ремонт кибитки требуют 30 рублей»²⁶.

Авторы обзора на путевые заметки Р. К. Потера отмечают, что если петербургская знать более «цивилизована», одевается по последней моде и соответствует привилегированному образу жизни, то в Москве она «пребывает в варварской помпезности»²⁷. Хотя сам Портер возмущен распространённым мнением, что гостеприимство является «симптомом варварства». В подтверждение своих слов он отмечает, что «нигде не встречал таких изысканных манер»²⁸. Хотя его несколько смущает тяга знати к содержанию при своем дворе «карликов и дураков» для развлечения, которых одевают по последней моде в одежду из дорогих материалов²⁹.

Что же касается, южных окраин Российской империи, освещенных в раннем обзоре на книгу «Путешествие по южным провинциям Российской империи в 1793–1794 гг.»³⁰ профессора Петера Симона Палласа, то они заметно отстают от центра, прозябают в нищете. Обозреватели «The Edinburgh Review» усматривают причины бедственного положения Крыма, который не так давно был присоединен к России, в резкой

политике правительства, исповедующего иную религию. При этом они видят в «южной колонии» колоссальный потенциал³¹.

Отношения между различными прослойками населения в Российской империи предстают в достаточно стереотипном свете. Исключением является лишь образ общества Петербурга, иллюстрированного Г. Сторчем, где достоинства жителей города ставятся выше происхождения, но и там обозреватели «The Edinburgh Review» снова оговариваются, что подобная ситуация характерна для деспотий, а сам автор излишне идеализирует столицу, в которой прожил долгое время. В остальном образ рабского положения основной массы населения «кочует» из одного обзора в другой. В статье, посвященной «Очеркам» Потера, авторы «The Edinburgh Review» заостряют внимание на происхождении архитектора Казанского собора А. Н. Воронихина, который был «раньше рабом графа Строганова. Но дворянин – из уважения к таланту – дал ему свободу»³². В том же обзоре шотландские публицисты из «The Edinburgh Review» дают обобщающую характеристику всего общества Российской империи: «У невежественных людей, в которых только проявляется цивилизация, мы видим неприкрытую корысть. Они не готовы делиться вещами, поскольку не видят в этом преимущества. Даже те, кто получил привилегию образования и изысканного общества, не лишены этого “унижающего недостатка”. Но есть и такие, кто осознают собственную подлость, которая проглядывается при смене масок, ведь их земельные арендаторы “стонут от угнетения”»³³.

Характеристика социальной сферы жизни Российского государства отсылает нас к образам власти. Российская империя – место, где господствует деспотизм. Её интересы «полностью формируются правительством и не связаны с мнением народа»³⁴.

В книге «Северное лето: или путешествие вокруг Балтики через Данию, Швецию, Россию и часть Германии в 1804 г.»³⁵ Джона Карра авторов обзора интересует лишь политическая история конца XVIII – начала XIX в., а именно «анекдоты» вокруг правления Екатерины II и интриги при дворе, связанные со смертью Павла I. В отношении императрицы обозреватели воспроизводят «новые анекдоты», которые представил на их суд Дж. Карр в своем труде. В частности, небезынтересно описание деликатного решения вопроса со странными сектантами, практикующими среди своих адептов кастрацию «во спасение» (авторы, скорее всего, ведут речь о секте скопцов). Их идеи были настолько популярны, что якобы становились угрозой вымирания для общества³⁶. Не менее любопытна и история жестокой расправы над яковинскими эмиссарами, которые добились широких симпатий среди низов Петербурга. Они были схвачены, помещены в сумасшедший дом, где к ним применялись пытки, после чего они были отпущены в новом качестве умалишенных

на свободу³⁷. При этом авторы обзора, не забыв намерения Павла I переориентировать внешнюю политику России с Англии на Францию и посылку им казаков в индийский поход, довольно безапелляционно заявляют, что этот император был «наиболее сумасшедшим из всех деспотичных правителей России, которых заботит лишь воплощение их капризных фантазий»³⁸.

Многоликость России проявляется еще и в комбинации антагонистических противоположностей внутри неё. Гений архитектора «вчерашнего раба» Казанского собора А. Н. Воронихина соседствует с варварскими пристрастиями московской знати держать для развлечения в качестве прислуги «карликов»; беспримерная целеустремленность, выраженная в небывалом строительстве Санкт-Петербурга с технологической отсталостью; нищета окраин империи с лоском и роскошью столицы.

Необходимо отметить, что в целом образ Российской империи стереотипичен. При этом у редакторов «The Edinburgh Review» есть своя четкая позиция, которая корректирует мнения и описания авторов книг. Если общество и правящие круги «идеализируются» или же, наоборот, наполнены «анекдотами», обозреватели об этом обязательно напомнят, скорректировав общее представление.

Примечания:

- 1 Проявлять любовь к книгам такого рода Ф. Джеффри и его коллеги начали с первого номера «The Edinburgh Review». В обзоре книги Уильяма Хантера «Путешествие в 1792 г. через Францию, Турцию и Венгрию в Вену» авторы поспешили сообщить об этом своим читателям: «Мы придерживаемся того мнения, что книги о путешествиях заслуживают большей степени внимания, пропорционально их достоинству, чем другие произведения более заурядной и простой композиции. И мы должны быть склонны, таким образом, в ходе нашего начинания смягчить в их пользу строгие правила отбора, которые руководили нами по отношению к другим жанрам литературы» (*Demata M. Prejudiced Knowledge : Travel Literature in the Edinburgh Review // British Romanticism and the Edinburgh Review. Hampshire, 2002. P. 87*).
- 2 Подробнее см.: *Гладышев А. В. Путешествие из Франции в южную Россию в первой половине XIX в. // «Курорт» в дискурсивных практиках социогуманитарного знания : материалы междунар. науч. конф. (Пятигорск, 28–30 апреля 2007 г.). Пятигорск ; Ставрополь ; М., 2007. С. 42–57.*
- 3 О некоторых теоретических аспектах стратификации восприятий «Другого» на архетипы, стереотипы и, собственно, образы см.: *Гладышев А. В. Маленькая мушка в паутине // Ставропольский альманах российского общества интеллектуальной истории. Вып. 12. Ставрополь : Изд-во Ставроп. гос. ун-та, 2011. С. 50–66.*
- 4 *Storch H. The Pictures of Petersburg // The Edinburgh Review. Vol. I. Edinburgh, 1804. P. 317.*
- 5 *Pallas P. S. Travels through the Southern Provinces of the*

- Russian Empire, in the years 1793 and 1794. Translated from the original German of Professor, Counsellor of State to the Emperor of Russia, Member of the principal Literary Societies of Europe, & e.c. & e.c. Vol. II // The Edinburgh Review. Vol. III. Edinburgh, 1803. P. 150.
- ⁶ Sketches on the intrinsic Strength, Military and Naval Force of France and Russia; with Remarks on their present Connexion, Political Influence, and future Project. In two Parts // The Edinburgh Review. Vol. IV. Edinburgh, 1810. P. 55.
- ⁷ Carr J. A Northern Summer : or Travels round the Baltic, through Denmark, Sweden, Russia, and part of Germany, in the year 1804 // The Edinburgh Review. Vol. VI. Edinburgh, 1805. P. 394.
- ⁸ Porter R. K. Traveling Sketches in Russia and Sweden during the Years 1805, 1806, 1807, 1808 // The Edinburgh Review. Vol. XIV. Edinburgh, 1809. P. 182.
- ⁹ Clarke E. D. Travels in various Countries of Europe, Asia, and Africa. Part the First – Russia, Tartary, and Turkey // The Edinburgh Review. Vol. XVI. Edinburgh, 1810. P. 340.
- ¹⁰ Karamsin N. Travels from Moscow through Prussia, Germany, Switzerland, France, and England // The Edinburgh Review. Vol. III. Edinburgh, 1804. P. 325.
- ¹¹ Porter R. K. Traveling Sketches in Russia and Sweden during the Years 1805, 1806, 1807, 1808, by // The Edinburgh Review. Vol. XIV. Edinburgh, 1809. P. 182.
- ¹² Ibid. P. 192.
- ¹³ Sketches on the intrinsic Strength, Military and Naval Force of France and Russia ; with Remarks on their present Connation, Political Influence, and future Project. In two Parts. London, 1803 // The Edinburgh Review. Vol. XIV. 1809. P. 55.
- ¹⁴ Ibid. P. 67.
- ¹⁵ Storch H. The Pictures of Petersburg. P. 317.
- ¹⁶ Porter R. K. Traveling Sketches in Russia and Sweden during the Years 1805, 1806, 1807, 1808. P. 177.
- ¹⁷ Storch H. The Pictures of Petersburg. P. 309.
- ¹⁸ Ibid. P. 319.
- ¹⁹ Ibid. P. 319.
- ²⁰ Porter R. K. Traveling Sketches in Russia and Sweden during the Years 1805, 1806, 1807, 1808. P. 182.
- ²¹ Ibid. P. 173.
- ²² Ibid. P. 184.
- ²³ Ibid. P. 184.
- ²⁴ Ibid. P. 184.
- ²⁵ Ibid. P. 193.
- ²⁶ Ibid. P. 184.
- ²⁷ Ibid. P. 193.
- ²⁸ Ibid. P. 193.
- ²⁹ Ibid. P. 180.
- ³⁰ Pallas P. S. Travels through the Southern Provinces of the Russian Empire, in the years 1793 and 1794 // The Edinburgh Review. Vol. XIV. 1809. P. 150.
- ³¹ Ibid. P. 160.
- ³² Porter R. K. Traveling Sketches in Russia and Sweden during the Years 1805, 1806, 1807, 1808. P. 184.
- ³³ Ibid. P. 186.
- ³⁴ Sketches on the intrinsic Strength, Military and Naval Force of France and Russia. P. 64.
- ³⁵ Carr J. A Northern Summer : or Travels round the Baltic, through Denmark, Sweden, Russia, and part of Germany, in the year 1804 // The Edinburgh Review. Vol. XIV. 1809. P. 394.
- ³⁶ Ibid. P. 400.
- ³⁷ Ibid.
- ³⁸ Ibid.

УДК [94+77](410)18]

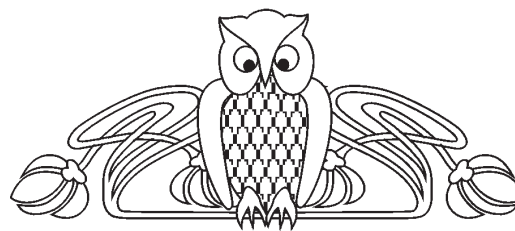
ЛОНДОНСКИЕ ТИПЫ НА КАРТИНЕ Ф. М. БРАУНА «ТРУД»

А. К. Костина

Саратовский государственный университет
E-mail: sandrine.kostina@gmail.com

Данная статья посвящена рассмотрению того, как будничные реалии периода промышленной революции нашли отражение в английском искусстве середины XIX в. Используя комментарий художника Ф. М. Брауна к картине «Труд», сочинение Т. Карлейля «Прошлое и настоящее», автор анализирует их взгляды на современность, на положение и внешние проявления отношений между разными социальными слоями общества.

Ключевые слова: Т. Карлейль, Ф. М. Браун, викторианская Англия, протестантская этика, трудовая деятельность, прерафаэлиты, искренность в искусстве.

London Characters in the Painting «Work» by F. M. Brown

А. К. Костина

The article is devoted to the consideration of how everyday life during the industrial revolution period was reflected in the mid-XIX century English art. Using F. M. Brown's comment on his painting named «Work», T. Carlyle's essay «Past and Present», the author analyzes their views on modern life, state and reflex of the relations between different social stratas.

Key words: T. Carlyle, F. M. Brown, Victorian England, protestant ethic, work life, Pre-raphaelites, sincerity in art.

Восприятие роли и места труда в жизни человека и общества широко обсуждалось викторианцами, в том числе таким мыслителем, как Томас Карлейль (1795–1881) – философом, который еще при жизни удостоился звания «пророка»¹. Его работы было принято называть «евангелием труда», в них автор утверждал и доказывал, что каждый человек послан в мир с особым назначением и должен быть ему, миру, полезен, в противном случае, «мы – не более как мусор, обременяющий землю»². Труд рассматривался Карлейлем как нечто возвышенное, «ибо есть извечное благородство и даже святость в труде»³. В этом вопросе шотландский мыслитель четко следовал кальвинистскому учению, уподоблявшему хорошо выполняемую работу лучшему способу служения Богу, демонстрируя «мощный пафос серьезной пуританской обращенности к миру, ... к мирской деятельности как к *долгу*»⁴.

Книга Т. Карлейля «Прошлое и настоящее», увидевшая свет в апреле 1843 г., содержала в себе критическую оценку британских реалий XIX в. Современная Англия напоминала писателю мифического царя Мидаса, от прикосновения которого все превращалось в золото, сверкающее, но бесполезное. Англия, столица империи, охватывающей почти четверть земного шара, не могла предоставить многим людям работу и пищу, самое необходимое для достойной жизни. А главную беду писатель видел в том, что люди не просто бедствуют, их жизнь лишена смысла и надежды на обретение этого смысла. На этом безрадостном фоне трудная, скудная жизнь людей средневековья виделась Карлейлю более осмысленной, а значит, более значимой. По замыслу автора книга должна была побудить читательскую аудиторию к движению от настоящего к будущему, которое вдохновлено идиллическим прошлым. Чтобы возвращение к утраченной гармонии свершилось, «должно произойти коренное и всеобщее изменение вашего обихода и строя жизни, должен произойти самый мучительный разрыв между вами и вашими химерами, роскошью и ложью, должно произойти чрезвычайно тягостное, почти “невозможное” возвращение к природе, к ее правде и целостности»⁵.

Схожим образом рассуждали на страницах своего журнала «Росток» молодые художники (самые выдающиеся среди них У. Х. Хант, Д. Г. Россетти и Д. Э. Миллес), объединившиеся в 1848 г. в так называемое «братство прерафаэлитов». Прерафаэлиты считали причиной бедственного положения Англии «наши железные дороги, наши заводы, наши шахты, наши шумные города, наши пароходы, а также те новшества, которые совершаются каждый день»⁶. Идеал они видели в деревенской жизни, которая диктовалась восходом и закатом солнца и сменой времен года, а значит, была близка природе. Причины неприятия индустриальных новшеств можно усмотреть в стремительном развитии промышленности, которая

изменила облик страны почти до неузнаваемости; викторианцы же стремились найти укрытие от «неистовых перемен и опасностей индустриального порядка в прошедших эпохах»⁷.

Мысль о святости труда, служения своему делу была узловой для прерафаэлитов. Эти художники обращались к теме трудовой деятельности неоднократно, иногда в рамках раскрытия традиционных библейских сюжетов (например, «Христос в родительском Доме», известная также как «плотницкая мастерская» Д. Э. Миллеса), иногда при обращении к реалиям общества периода индустриализации (У. Скотт «Уголь и железо»).

Форд Мэддокс Браун (1821–1893), один из соавторов «Ростка» и также художник, принявший роль старшего брата, хотя официально так и не вошедший в состав братства прерафаэлитов, поскольку «слова Братство Прерафаэлитов, или буквы PRB, казались ему <...> детскими или нелепыми»⁸. Так же как и собратья, Браун стремился выразить на своих полотнах критическое восприятие современности и считал, что задача художника – «стараться проникнуть в характер каждого актера (персонажа на картине), изучая их конечность за конечностью, рука за рукой, палец за пальцем, избегая неестественности и преувеличения, и стремиться к состраданию и чистоте чувства, с терпеливыми усилиями и абсолютной простотой сердца»⁹.

Картины Брауна – это скорее, «по-карлейлевски», героическое изображение рабочего класса с некоторым сатирическим «хогартянским»¹⁰ оттенком. В этом отношении показательна картина «Труд», ставшая одним из самых значительных произведений в творчестве художника. Создававшаяся одиннадцать лет (1852–1863) и представленная только на персональной выставке художника в 1865 г., эта картина стала не только иллюстрацией труда и социальных типов, но и своего рода исследованием современной жизни. Источники для написания картины могли варьировать от современных сочинений и вплоть до газет с отчетами о санитарных условиях в городе¹¹. Но наиболее важный среди них – «Прошлое и настоящее» Т. Карлейля, который представлен на картине. Большое значение художник придавал даже изображенным на картине плакатам, рекламным щитам и листовкам.

Специально для выставки художник написал комментарий к картине, несколько страниц в котором изложил истории большинства персонажей картины. Работа над «трудом всей его жизни» была начата в 1852 году. Предположительно идея создания пришла Брауну, когда он увидел группу рабочих землекопов на Хит-стрит в Хэмпстеде. Этот район еще в середине XIX в. был окраиной Лондона, но пережив стремительный подъем, уже считался одним из богатых районов столицы.

Земляные работы, увековеченные на полотне, были частью обширного проекта по расширению канализационной системы, призванного ликви-

дировать угрозу тифа и холеры, которая широко обсуждалась в прессе. Всего за три года до начала написания картины доктор Сноу, врач королевы Виктории, шокировал английскую общественность заявлением о том, что эти заболевания вызывались отнюдь не зловонными миазмами, а прежде всего скверной водой, смешанной с фабричными отходами и содержимым выгребных ям¹².

По воспоминаниям художника, в тот момент, когда он увидел колоритных землекопов, работающих под палящим солнцем, он решил доказать, что по внешним данным британский рабочий ничуть не уступает «рыбакам Адриатики, крестьянам из Кампании или неаполитанским *lazzaroni*» (общее название нищих и беднейших классов в Неаполе)¹³. И, более того, порой не уступает по телосложению античным статуям – фигура молодого землекопа в полосатой шапке «в расцвете мужественного здоровья и красоты»¹⁴ напоминает позу Аполлона Бельведерского из Ватикана.

Но в итоге этот замысел воплотился только в центральной композиции. В дальнейшем цель художника заключалась «в изображении типов, а не реальных лиц». Посему Форд Мэддокс Браун не ставил целью донести до зрителя имена натурщиков, за исключением двух реально существующих персонажей картины – Томаса Карлейля и Фредерика Денисона Мориса¹⁵. В остальном герои – землекопы и прохожие – это собирательные образы, подобные Бобусу Хиггинсу из «Прошлого и настоящего».

Второй по значимости после рабочих персонаж на картине – оборванец. Этот человек, смотрящий на окружающих сквозь оборванные поля своей шляпы, кажется одновременно и нелепым, и угрожающим. Он наверняка живет в одной из ночлежек «на Флауэр и Дин стрит, где полицейские ходят по двое и худшие головорезы окружают его»¹⁶. Он вовсе не приучен к труду или, как сказали бы Браун и Карлейль, занимается «неполезным трудом». Он продает звездчатку, которую прохожие покупали, чтобы составить букетики или же просто на корм своей домашней птице. Жители Лондона, подобные этому нищему продавцу, по-настоящему интересовали разве что автора «Тружеников и бедняков Лондона» Генри Мэйхью, который собрал немало материала о том, как трудились и как выживали обитатели трущоб, как этот продавец звездчатки¹⁷.

Подавляющее большинство викторианцев назвало бы эту работу «ниже некуда». Но, тем не менее, в своем комментарии к картине Браун ставит этого уличного продавца наравне с чернорабочим, поскольку он не сидит сложа руки и зарабатывает деньги честным трудом, а не совершает преступления, как его соседи по ночлежке в Спиталфилдз¹⁸. Количество уличных торговцев колебалось от тридцати тысяч и выше, а предлагаемый ими товар отличался широким ассортиментом¹⁹. Они продавали безделушки, крысиный яд, травы – корм для домашних живот-

ных, собранные в сельской местности (как этот торговец), фрукты и зелень, которая покупалась на рынке и затем перепродавалась по более высоким ценам. Вероятно, так и поступила торговка апельсинами, которую толкнул полицейский, и теперь большая часть товара падает на землю и, скорее всего, будет испорчена.

Действие картины разворачивается в самый разгар политической кампании – вдалеке можно видеть людей с вывесками, призывающими голосовать за Бобуса. Сам Бобус на картине не появляется, но о нем можно судить по памфлетам Карлейля. Бобус, «наш старый друг из «Прошлого и настоящего»²⁰, или колбасный фабрикант Бобус Хиггинс, – воплощение бесчестного бизнесмена, у которого нет иных достоинств и талантов, кроме степени денежного оборота в его деле²¹, который использует деньги, чтобы выставить свою кандидатуру на выборах. В видении Форда Мэддокса Брауна этот персонаж получил продолжение истории: теперь он использует свой капитал, чтобы выставить свою кандидатуру на выборах. Он нанял нескольких бездельников, чтобы те ходили с его плакатами и призывали голосовать за Бобуса Хиггинса. А сам он на данный момент активно пропагандирует употребление конины в пищу, предвосхищая французское общество Иппофагов²².

О ходе самой кампании можно судить по отсылкам к гравюре «пивная улица» Уильяма Хогарта, поклонником и последователем которого Форд Мэддокс Браун себя считал. С пивной улицей перекликаются и персонаж с лотком пива, и рабочий с кружкой в руке, «который делает свою работу и любит свое пиво»²³. Дама раздает брошюры, озаглавленные «Рай для рабочих, или Питье для жаждущих душ». Она занимается благотворительностью – трудом, вполне подходящим для благовоспитанной женщины, – и теперь участвует в движении за трезвость. В викторианскую эпоху были распространены «общества трезвости», участники которых, преимущественно женщины и дети, пытались остановить привычку рабочих употреблять алкоголь, поскольку видели в нем причины пьянства, насилия и преступности. Активистки, такие как эта леди, раздавали брошюры и листовки, посвященные вреду пива. Этот традиционный английский напиток для таких людей – землекопов из рабочего класса и других представителей низов – приносил и пользу. Пиво не только было намного чище так называемой питьевой воды из Темзы, в которую растущий город сливал все свои отходы, оно содержало ценные калории, витамины и минералы²⁴, давало ощущение сытости. Между тем настойчивые активистки требовали у работяг подписать бумагу, согласно которой они обязались отныне не брать в рот и капли алкогольного напитка. На картине показано, чем увенчаются усилия этой леди. Об этом можно судить по рабочему, который безразличный к призывам наслаждается своей кружкой пива.

Рядом с ним продавец пива, горбатый, низкорослый, с синяком под глазом, вульгарный внешний вид выдает в нем жителя Бирмингема. В предложенной Брауном биографии отмечено, что в детстве его морили голодом, но все же благодаря своей энергии мальчик выжил и даже с годами стал процветающим торговцем и уважаемым человеком. Эта история создания своей судьбы и карьеры почти в буквальном смысле из ничего созвучна идее «самопомощи», которая была популярна в Англии середины XIX века. Идеи самопомощи распространялись в виде статей и книг, в виде занимательных историй, герои которых попали «из грязи в князи», и руководств. Сэмюэл Смайлс, автор «Самоусовершенствования» утверждал, что лишь сам человек ответственен за свое будущее: люди обладают равными качествами и возможностями, но не каждый может воспользоваться ими в полной мере²⁵. Этот человек, каждый день продающий пиво на улицах Лондона, представляет собой пример самосовершенствования, человека, выросшего из заморенного голодом ребенка в «своего рода подобие героя»²⁶.

Работа леди, укрывшейся от палящего солнца под зонтиком, по остроумному замечанию Брауна, состоит в том, чтобы хорошо одеваться и красиво выглядеть для нашей – прохожих и зрителей – пользы²⁷. В то время как у нее есть все, что нужно для радости жизни, и – более того – то, что могло бы дать радость другим. Томас Карлейль в «Прошлом и настоящем» задал фабриканту Бобусу Хиггинсу вопрос: «чем более всего гордишься ты в самом себе, что рассматриваешь ты в себе с наибольшим удовольствием твоим умственным взором в часы размышления?»²⁸. Схожим образом художник взывает к леди, напоминая, что здоровье может ослабнуть, красота – увянуть и даже удовольствия со временем надоедят.

Посему Браун пытается в своем сочинении привлечь внимание прохожей к группе грязных ребятишек, которые, кажется, только шумят и путаются под ногами. Они – воплощение тысяч нищих детей, обитающих на улицах викторианского Лондона. Их мать умерла, возможно, от холеры или тифа (об этом говорит черная лента на плече младенца), а отец «без сомнения пьет и будет осужден полицейским судом за пренебрежение ими»²⁹. Старшая девочка лет десяти в платье с чужого плеча. На первый взгляд она может показаться невоспитанной, потому что бесцеремонно схватила за вихор проказника-брата, но Форд Мэдокс Браун замечает в ней «зародыш или рудимент хорошей хозяйки»³⁰, потому что к ней жмет младшая сестра и она является центром этого преждевременно осиротевшего семейства.

Особенно Браун обращает внимание на малыша с траурной повязкой, который выглядит «удивительно торжественно и умно <...> как, без сомнения, выглядит и ваш маленький херувим, когда он в этот момент спит в своей прелестной колыбели»³¹. Ребенка окружает множество людей

разного возраста, разных профессий и разных социальных слоев. Но любое дитя, будь оно рождено в богатой семье или в семье нищего, выглядит одинаково, и для художника это своего рода символ и надежда на большее равноправие и единство общества.

Пара на лошадях – джентльмен и его дочь. Браун сообщает, что это член парламента, вероятно, полковник армии с годовым доходом в пятнадцать тысяч фунтов и сворой гончих³². Казалось бы, Англия считалась «краем для высшего класса, страной по существу аристократической, где низшие классы уже смирились со своим положением и вполне вписались в систему»³³. И этот господин действительно как и прежде находится на вершине социальной иерархии, но оттеснен назад, поскольку не участвует в «полезном труде», точно так же как не может более приказывать людям наступиться, а потому дочери богатого господина не остается ничего иного, как предложить «объехать по другой дороге»³⁴. Браун объяснял, что скорее был заблокирован его разум, чем дорога³⁵. И, тем не менее, Браун замечает, что сей джентльмен кажется честным и искренним, вероятно, своего рода антиподом Бобуса, за которого призывают голосовать люди на улице. Он созерцает происходящее с сочувствием и интересом, но, вероятно, не сможет предложить миру ничего, кроме «пилюль», о которых писал Карлейль: «Какой-нибудь Парламентский Акт, какая-нибудь “целительная мера” или что-нибудь подобное, что могло бы быть принято, чем общественная болезнь была бы вполне поражена, побеждена, прекращена; так что, с вашей “целительной мерой” в кармане, вы могли бы спокойно торжествовать и впредь уже ничем не тревожиться»³⁶.

В углу картины, отдельно ото всех прохожих, стоят двое мужчин, которые «кажутся праздными, но на самом деле работают»³⁷ – преподобный Фредерик Деннисон Морис и Томас Карлейль. Эти интеллектуалы, «работники умственного труда», как их называет Браун, разделяли убеждение в том, что труд проверяет человека на прочность, совершенствует его и лишь благодаря трудолюбию человек может добиться многого в своей жизни и обрести спасение³⁸. Морис был одним из основоположников христианского социализма и создателем колледжа для рабочих. Морис считал, что, умея читать и писать, человек может затем совершенствовать себя. Но колледж позволял получать не только самые необходимые знания, но и профессию. Это образовательное учреждение, основанное в 1854 году, находилось на Ормонд стрит (о чем сообщает один из плакатов на стене) и готовило ремесленников: переплетчиков, граверов, ювелиров³⁹. Плата за прием в колледж составляла всего один шиллинг, а преподаватели и вовсе работали бесплатно. Среди известных учителей числились художественный критик Джон Рескин, преподававший рисование, художник Данте Габриэль Россетти, обучавший

искусству портрета и акварели, которого затем в 1858 г. сменил сам Форд Мэдокс Браун.

В «Прошлом и настоящем» Карлейль отметил, что «в работе заключается бесконечная значимость» и что человек, работая, совершенствует сам себя⁴⁰. Представители средних и низших классов не всегда были приучены к труду и порой зарабатывали на жизнь продажей мелких животных и растений как оборванец на картине или ношением рекламных щитов как процессия внизу по улице. Задачей преподавателей колледжа для рабочих было дать своим ученикам навыки полезного труда. Любопытно, что о вдохновителях своего полотна Браун также отзывается скорее с усмешкой, чем с почтением, не называя при этом по именам. Первый – «сформировал из нации схему, превратившую прежде воинственную гонку в упрямую пассивность», второй – ученый, автор, философ, педагог, уверенный в аксиоме, что «каждая единица человечества чувствует так же как все остальные вместе взятые»⁴¹.

Хотя замысел картины Брауна оказался далек от первоначального прославления британского рабочего – героя индустриального времени, были затронуты в характерной «хогартинской» манере многие социальные и моральные идеи викторианского общества середины XIX века, сам художник в комментарии к картине особенно отметил именно опыт общения с рабочими-землекопами – несмотря на сквернословие, «вы найдете их серьезными, умными мужчинами и много интересного почерпнете из разговора с ними, который, кроме того, содержит примерно столько же нравственности и чувства, сколько обычно встречается среди мужчин, занятых в активных и опасных сферах жизни»⁴².

Критик журнала «Атенеум» после персональной выставки художника назвал картину «блестящей, веской, цельной, досконально продуманной и тщательно проработанной; словом – совершенством во всех отношениях»⁴³. Первоначально преследовавший цель доказать, что викторианский чернорабочий достоин быть изображенным в искусстве, Форд Мэдокс Браун в результате создал своего рода сатирическую аллегория труда во всех его формах: от ручного до интеллектуального, от труда хорошо выглядеть и до труда нищего продавца, который работает, чтобы выжить. Более того, тесно связанное с религиозными и социальными идеями, воплощенными в сочинениях мыслителей XIX в., и вопросами, обсуждаемыми в викторианском Лондоне середины XIX в., полотно и комментарий к нему охватывают множество тем от санитарных условий до проблемы нищих и бездомных детей. Тем самым Форд Мэдокс Браун наиболее близок к критическому взгляду на современность, который проповедовали собраты-праерафаэлиты – изображение и вместе с ним текст, в котором художник обращается к своим героям (а в их лице – к читателям и зрителям картины), сделали замысел художника настолько ясным и «живым», насколько это возможно.

Примечания:

- 1 Олден-Уард М. Пророки XIX столетия. М., 1900. С. 12.
- 2 Ibidem.
- 3 Carlyle T. Past and Present. N. Y., 1912. P. 189.
- 4 Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма // Вебер М. Избранные произведения. М., 1990. С. 104.
- 5 URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Culture/karl2/01.php (дата обращения: 13.12.2014).
- 6 Ле Кар Л. Праерафаэлиты : модернизм по-английски. М., 2003. С. 46.
- 7 Лоуэнталь Д. Прошлое – чужая страна. СПб., 2004. С. 171, 179.
- 8 Marsh J. Insights the pre-raphaelite circle. L., 2005. P. 49.
- 9 Ibidem. P. 50.
- 10 У. Хогарт (1697–1764) – английский художник, прославившийся сатирическими произведениями, такими как «Модный брак», «Карьера проститутки» и др.
- 11 Prettejohn E. The art of the pre-raphaelites. L., 2010. P. 235.
- 12 Flanders J. The Victorian City : everyday life in Dickens London. L., 2012. P. 218.
- 13 Ford M. F. Ford Madox Brown. A record of his life and work. L., 1896. P. 189.
- 14 Ibidem. P. 189.
- 15 Ibidem. P. 195.
- 16 Ibidem. P. 190.
- 17 Пикард Л. Викторианский Лондон. М., 2011. С. 114.
- 18 Ford M. F. Ford Madox Brown... P. 190.
- 19 Пикард Л. Викторианский Лондон. С. 132.
- 20 Ford M. F. Ford Madox Brown... P. 194.
- 21 URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Culture/karl2/01.php (дата обращения: 13.12.2014).
- 22 Ford M. F. Ford Madox Brown... P. 194.
- 23 Ibidem. P. 189.
- 24 Goodman R. How to be a Victorian. L., 2013. P. 158.
- 25 Пикард Л. Викторианский Лондон. С.
- 26 Ford M. F. Ford Madox Brown... P. 193.
- 27 Ibidem. P. 191.
- 28 http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Culture/karl2/01.php (дата обращения – 13 декабря 2014 г.).
- 29 Ford M. F. Ford Madox Brown... P. 192.
- 30 Ibidem.
- 31 Ibidem.
- 32 Ibidem. P. 190.
- 33 Пикард Л. Викторианский Лондон. С. 101.
- 34 Ford M. F. Ford Madox Brown... P. 190.
- 35 URL: <http://www.manchestergalleries.org/ford-madox-brown/index.html> (дата обращения: 13.12.2014).
- 36 URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Culture/karl2/01.php (дата обращения: 13.12.2014).
- 37 Ford M. F. Ford Madox Brown. A record of his life and work. L., 1896. P. 190.
- 38 Праерафаэлиты : викторианский авангард (каталог). М., 2014. С. 48.

³⁹ *Le Kap J.* Прерафаэлиты : модернизм по-английски. М., 2003. С. 50.

⁴⁰ *Саймонс Дж.* Карлейль : жизнь и идеи пророка. URL: <http://www.marsexx.ru/lit/karlel-saimons.html> (дата обращения: 13.12.2014).

⁴¹ *Ford M. F.* Ford Madox Brown... P. 190.

⁴² *Ibidem.* P. 195.

⁴³ Прерафаэлиты : викторианский авангард (каталог). М., 2014. С. 48.

УДК 261.6

РЕТРОСПЕКТИВНЫЙ ВЗГЛЯД НА ФОРМИРОВАНИЕ ИДЕОЛОГИИ УЛЬТРАМОНТАНИЗМА

А. Г. Шестакова

Саратовский государственный университет
E-mail: ashestakova@mail.ru

В первой половине XIX столетия идеология ультрамонтанизма приобрела главенствующее положение в Римско-католической церкви. Догмат о непогрешимости папы стал высшей точкой ее развития. Это богословско-философское учение обрело такую власть не в последнюю очередь потому, что имело к тому времени многовековую историю. В статье рассматриваются основные вехи развития ультрамонтанизма.

Ключевые слова: ультрамонтанизм, Римско-католическая церковь, Григорий VII, концилиаризм, галликанизм.

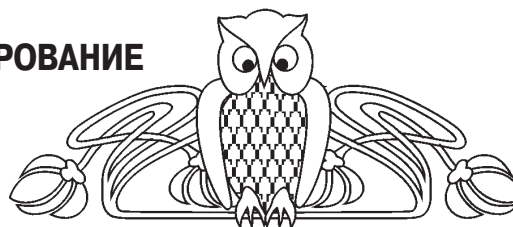
A Retrospect of the Formation of the Ultramontane Ideology

A. G. Shestakova

In the first half of the XIX century, the ideology of ultramontanism achieved dominance in the Roman Catholic Church. The dogma of papal infallibility marked the peak of its development. This theological and philosophical doctrine has gained such power, not least of all because it had a long history. This article analyses the main stages of the ultramontane ideology development.

Key words: ultramontanism, Roman Catholic Church, Gregory VII, conciliarism, gallicanism.

Проблема церковного авторитета наполнена двойным содержанием. С одной стороны, это чисто клерикальный вопрос, подразумевающий взаимоотношения между свободой верующих и догмой. Как отмечает в своём исследовании А. Карташев: «Возможность конфликта таится... не во внутреннем самосознании познающего, а в том внешнем воплощении, какое находит содержание догматической веры в охраняющем эту веру авторитете церкви»¹. Поэтому далее все зависит от того, насколько категоричен этот авторитет, какие юридические формы он принимает, что он подразумевает под дисциплиной, поскольку нарушение дисциплины влечет за собой санкции, которые могут приобретать разные степени жёсткости. В данном контексте церковный авторитет выступает как некая судебная инстанция, к тому же учитывая специфику Церкви, имеющая исключительное право на поощрение либо наказание. Абсолютизация церковного авторитета опасна тем, что, в

конечном итоге, решения принимаются людьми, которые могут ошибаться.

С другой стороны, понятие церковного авторитета смыкается с восприятием Церкви обществом, поскольку любая Церковь не существует сама по себе, но смыслом ее существования является определенная степень влияния на социум. Между тем вопрос о границе моральных и юридических прав Церкви остается пока открытым. Конфликтные ситуации, возникающие между Церковью и обществом на протяжении Нового и Новейшего времени, и являются следствием неопределенности в решении этого вопроса.

В XIX столетии Римско-католическая церковь попыталась вновь определить границы церковного авторитета, а вернее – узаконить отсутствие его границ. Конкретным отображением этого процесса стала поддержка ультрамонтанского течения, абсолютизовавшего власть папы римского. Таким образом, история этого течения актуальна не только с позиции чисто эцклезииологического интереса, но и с точки зрения необходимости осмысления проблемы церковного авторитета в обществе постмодерна, поскольку этот вопрос не имеет однозначного решения и в настоящее время.

Чтобы вкратце обозначить суть термина «ультрамонтанизм», воспользуемся характеристикой, данной известным богословом и историком церкви XIX века Ф. К. Краусом. По его мнению, ультрамонтанистом является тот, кто: 1) ставит идею Церкви как организации над собственно религиозным содержанием церкви; 2) таким образом, смешивает понятия «церковь» и «папа»; 3) считает, что в руках папы по праву сосредоточена не только духовная, но и светская власть². Относительно взаимоотношений Церкви и светских правителей вне Италии ультрамонтанисты резко осуждали независимость светской власти от Церкви, отдавая первой лишь прерогативы, касающиеся «благополучия настоящей жизни», такие как финансовые и военные дела, торговля, внешняя политика. Государство, по мысли ультрамонтанистов, – лишь тело, в то время как Церковь – его дух, и только гармония между этими

двумя составляющими способна подарить стране процветание³. С точки зрения взаимоотношений с другими ветвями христианства ультрамонтанисты однозначно придерживались главенства римской кафедры, причем не только первенства чести, но в первую очередь первенства юрисдикции⁴.

В соответствии с абсолютизированием высшего авторитета римского первосвященника ультрамонтаны допускали введение им вероучительных догматов без санкции церковного собора: «...так как с году на год, с месяца на месяц надо решать разные мнения, относящиеся к вере, – и так как созывание собора за собором сопряжено с большими неудобствами, то следует повиноваться решениям римской Церкви»⁵. Следует отметить, что данное утверждение противоречило ортодоксальному пониманию соборности Церкви. Как известно, «соборность» в понимании «кафоличности»⁶ является краеугольным камнем христианства. Термин восходит к Апостольскому Символу Веры, который в 381 г. был введен в Никейский Символ Веры Константинопольским Собором⁷. «Соборность» включает в себе универсальность Церкви, как в отношении пространства, так и в отношении времени⁸. Первоначально «кафоличность» подразумевала всю христианскую общину как единое Тело Христово, представляющую собой «множественность в единстве». Логическим выводом из этого стало признание большинством богословов постулата, что любое богословское мнение не может быть признано Истиной отдельным членом Церкви, но только всей общиной целиком – то есть собором. Таким образом, без признания приоритета соборности над отдельными епископскими кафедрами (в том числе и римской), исходя из первоначального значения данного термина, Церковь лишается Благодати и превращается в мирскую абсолютную монархию. Это и вменяли в вину ультрамонтанам православные и часть католических богословов.

Изначально термин «ультрамонтанизм», впервые упомянутый в XIII веке, подразумевал папу, который являлся не итальянцем и был избран «из-за гор» (то есть «из-за Альп») – буквально «*papa ultramontano*». Однако идеология ультрамонтанизма гораздо старше самого термина. Первым «ультрамонтанским» документом можно считать знаменитый «*Dictatus papae*» Григория VII (1075), который постулировал: «Только римский папа вправе называться вселенским... Одному папе можно в соответствии с потребностями времени издавать новые законы, образовывать новые епископства, капитулы преобразовывать в аббатства и, наоборот, делить богатые епископства и объединять бедные... Один папа может носить императорские регалии»⁹. «Диктат папы» и по сей день является одним из самых «одиозных» документов в истории Католической церкви, он стал своего рода «визитной карточкой» Ватикана. В историческом контексте обоснованием его появления стало разложение церковной дисциплины

в XI веке. Француз Э. Ланжерон так описывал ситуацию, предвещающую появление документа: «...христианство, бесспорно, идет к своей гибели. Вера все еще жива, но дисциплина умирает. Мораль духовенства постыдно приблизилась к светской. Прелаты и священники менее обеспокоены догматами Церкви, нежели своими доходами...»¹⁰ В частности, обыденными стали случаи симонии и браков священнослужителей. Последняя проблема, следует особо отметить, лишь на первый взгляд имела чисто церковное наполнение. Если же разобраться в ее сути, то окажется, что Римско-католическая церковь стремилась не допустить появления женатых священников из-за боязни потерять власть: путем заключения браков «слуги Христовы» накрепко связывали себя с «миром», то есть уже не могли быть целиком и полностью преданными интересам Святого престола. В связи с этим православные, а затем и протестантские богословы называли celibat исключительно «изобретением» Ватикана, поскольку Священное Писание не упоминает о безбрачии. Справедливости ради следует отметить, что этот вопрос неоднократно поднимался на Вселенских Соборах, однако четкого решения так и не получил.

Если вопрос о безбрачии священников принято было все же относить к сфере внутрицерковной дисциплины, то двенадцатое положение «Диктата папы», гласившее, что «папа вправе низлагать императоров», вызвало огромный отрицательный резонанс. По сути, претензии Святого престола на мировое господство были с этого момента оформлены юридически. Это стало главным поводом для конфликтов со светской властью в течение всей последующей истории Ватикана. Более того, внутри церкви сформировалось два антагонистических течения: сторонников и противников неограниченной власти папы, как в церковных, так и в светских делах. Спустя четыре столетия это привело к возникновению внутрицерковной «партии» конциляристов, заявившей о себе на Констанцском соборе (1414–1418). Конциляристами называли тех, кто являлся сторонником приоритета решений собора над решениями папы и, таким образом, не признавал абсолютной власти папы. Тогда же был впервые упомянут термин «ультрамонтанизм» в значении, близком к современному.

Необходимо отметить, что появление тех или иных базовых церковных документов всегда было обусловлено не только внутрицерковной необходимостью, но и внешними событиями. «Диктат папы» появился в момент усиления политического влияния Святого престола. Впоследствии папа Бонифаций VIII (1294–1303) попытался повторить успех Григория VII (1073–1085), издав в 1302 году буллу «*Unam Sanctam*». Последняя провозгласила теорию «двух мечей» в руках папы, воплощавших в себе духовную и светскую власть. Булла утверждала принципиальный приоритет церковной власти над светской: «...мы должны

признать совершенно определенно, что духовная сила превосходит в своем достоинстве и благородстве любую светскую власть постольку, поскольку божественное превосходит преходящее»¹¹. Касательно власти римского первосвященника булла провозглашала, «что каждое человеческое существо является подданным римского понтифика»¹². Весьма показательно, что в тексте использовалась характерная имперская риторика. Этот и последующие церковные документы дали основание исследователям называть Римско-католическую церковь духовной монархией, нежели исключительно религиозной организацией.

Однако утвердить господство римского первосвященника Бонифацию VIII не удалось: за два прошедших века политическая ситуация в Европе сильно изменилась. Франция и Англия быстрыми темпами набирали мощь и не оставили притязания Святого престола без своего внимания. Булла была расценена как «великая дерзость», посягательство на «священные права государей-помазанников». Бонифаций VIII по приказу французского короля Филиппа IV Красивого (1285–1314) был пленен и менее чем через год после издания буллы умер при невыясненных обстоятельствах. Его смерть возвестила окончание средневековой власти понтификов.

«Темные века» в истории папства ознаменовались Авиньонским пленением (1309–1377), а затем «великим расколом западной церкви» – когда на папские регалии одновременно претендовали несколько кандидатов. По причине состоявшейся дискредитации папской власти Констанцкий Собор завершился в 1418 году безоговорочной победой концилиаристов. По его итогам был принят декрет «*Haec sancta Synodus*», в котором декларировалось, что «собор... имеет свои полномочия от Христа, с чем должен считаться каждый член церкви, находящийся в любом чине и достоинстве, даже папском, и посему не может ему [собору] не подчиниться...»¹³ Лишь столетие спустя папство, оправившись от ударов и отстояв свой суверенитет, сумело аннулировать этот декрет буллой «*Pastor aeternus gregem*». В этом документе вновь утвердился тезис о приоритете папы.

Однако булла «*Unam Sanctam*» Бонифация VIII имела одно «отложенное», но крайне важное последствие, а именно документальное оформление галликанизма как теолого-политической проблемы. Впервые положения галликанизма были сформулированы в Прагматической санкции 1438 года. Она была издана Буржским церковным собором во Франции. Несмотря на то что спустя век ее денонсировали, семена были брошены и дали всходы в XVII столетии. В 1682 году собор французского духовенства зафиксировал очередной раунд борьбы между сторонниками и противниками неограниченной папской власти. Принятая на нём декларация содержала формулировку положений галликанизма как своеобразной «местечковой», то есть

французской антитезы ультрамонтанству. Следует отметить, однако, что термин «галликанизм» может употребляться и в общем смысле: как обозначение теолого-политического течения, утверждавшего равновеликость власти европейских государей и римских понтификов. Важно подчеркнуть, что, несмотря на его внешнюю схожесть с англиканством, галликанизм не объявлялся ересью, поскольку все же признавал в некоторых вопросах приоритет Святого престола, считая его «первым среди равных», – не менее, но и не более. Декларация 1682 года имела противоречивые итоги. С одной стороны, она ограничила власть папы во Франции (по крайней мере, формально), с другой стороны, дала толчок новому витку богословских споров, послуживших питательной средой для развития идеологии ультрамонтанского толка.

К XIX веку, времени своего наивысшего расцвета, ультрамонтанизм имел солидную базу теологических, правовых и социально-политических исследований. Являясь идеологическим преемником старинных теологических споров и церковных документов, ультрамонтанизм XIX столетия, однако, имел ярко выраженную отличительную черту: из богословской темы для дискуссий он превратился в общественное движение. При этом катализатором его развития на этот раз послужил не очередной церковный собор, как это было ранее, а социально-политическое событие чрезвычайной важности и мощи – Французская революция, которая радикально трансформировала европейскую цивилизацию. При этом дело было не только и не столько в политических катаклизмах. Европа, как писал консервативно настроенный современник этих событий, была «вдохновлена абсолютным либерализмом» и основывала свои конституции «на позорных принципах 1789 года... Абсолютный либерализм довел Церковь до состояния, в некоторых отношениях даже худшего, нежели то, в котором она находилась при языческих императорах»¹⁴. Прошедшее через революцию общество было достаточно подготовлено к тотальной секуляризации. Речь шла не просто о «падении нравов», как во время Григория VII, но о перестройке всей парадигмы мышления – в социуме, где господствовала буржуазная мораль, «больше не было пространства для непостижимого; это был мир, закрытый для чуда»¹⁵. Либерализм, «отрицающий сверхъестественность и признающий только чистый рационализм», правил бал на значительной части Европы начиная с конца XVIII столетия. Такой поворот в умах означал не просто ограничение власти папы, но ее ликвидацию, вследствие полной замены христианской теологии противоположной, по сути, идеологией либерализма.

Ответной реакцией Церкви стал новый этап развития ультрамонтанизма. Римско-католическая церковь вступила в решающую битву

за умы и влияние, поскольку многочисленные философско-политические и правовые концепции, развившиеся в рамках XIX столетия, опровергли уже не только светскую, но и духовную власть папы, тем самым окончательно подрывая его авторитет. Идейной сутью обновлённого ультрамонтанизма являлось, в первую очередь, обоснование абсолютного влияния римского первосвященника.

Богословские дискуссии, которые велись на протяжении всего бурного XIX столетия, сыграли ключевую роль в судьбе Святого престола и всей западноевропейской цивилизации. Их итогом стало принятие Вселенским собором в Ватикане, созванного усилиями папы Пия IX (1846–1878), догмата о папской непогрешимости (1870). Сам же ультрамонтанизм, исполнив свою высокую духовную миссию, навсегда покинул историческую сцену.

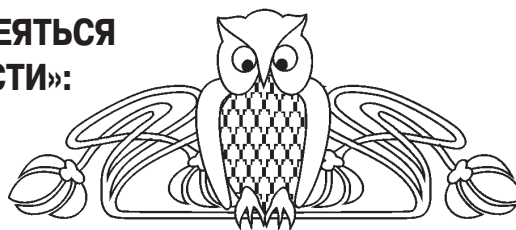
Примечания

- 1 *Карташев А.* Свобода научно-богословских исследований и церковный авторитет. URL: <http://www.golubinski.ru/ecclesia/kartashev/svoboda.htm> (дата обращения: 18.12.2014).
- 2 *Cit. by: Hauviller E.* Franz Xaver Kraus : ein Lebensbild aus der Zeit des Reformkatholizismus mit drei Autotypien und einem Anhang unveröffentlichter Briefe, Gedichte und kirchenpolitischer Schriftstücke zweite Ausgabe. München : J. F. Lehmann's Verlag, 1905. P. 100.
- 3 *Weber Th.* Staat und Kirche nach der Zeichnung und Absicht des Ultramontanismus. Breslau : A. Gosohorsky's Buchhandlung, 1873. P. 10–11.
- 4 *Cardinal Gibbons.* Catholic Christianity // Great Religions of The World. N. Y. ; L. : Harper & Brothers Publishers, 1912. P. 292.

- 5 Открытое письмо ультрамонтана-католика и поляка к редакторам русских и польских журналов. Варшава : Губернская тип., 1885. С. 20.
- 6 В русской культуре существует и другое понятие термина «соборность», развитое А. С. Хомяковым. Оно имеет «земное», а не «божественное» содержание, и расшифровывается как единство общины (первоначально крестьянской) и каждого отдельного человека. Сутью его является утверждение, что счастье в индивидуализме невозможно.
- 7 В Никео-Цареградском Символе Веры формула 9-го члена звучит так: «Верую в единую Святую Соборную (Кафолическую) Апостольскую Церковь».
- 8 *См.: Лосский В.* О третьем свойстве Церкви // Вестник Русского Западно-Европейского Патриаршего Экзархата. 1950. № 2–3. С. 58–67.
- 9 Диктат папы // Католическая энциклопедия. URL: <http://enc-dic.com/catholic/Diktat-pap-715/> (дата обращения: 09.11.2014).
- 10 *Langeron E.* Gregoir VII et les origines de la doctrine ultramontain. Paris : Lacroix, Verboeckhoven et Co., 1935. P. 23.
- 11 Unam Sanctam. Bull of Pope Boniface VIII promulgated November 18, 1302. URL: <http://www.papalencyclicals.net/Bon08/B8unam.htm> (дата обращения: 18.12.2014).
- 12 Ibid.
- 13 Haec sancta Synodus // Decaluwe M. Three Ways to Read the Constance Decree Haec Sancta (1415) // The Church, the Councils & Reform : The Legacy of the Fifteenth Century / ed. G. Christianson, T. M. Izbicki, Ch. M. Bellitto. The Catholic University of America Press, 2008. P. 126.
- 14 *Weber T.* Op. cit. P. 2–3.
- 15 *Groethuysen B.* The burgeois Catholicism vs. capitalism in eighteenth-century France. L. : Barrie & Rockliff : Cresset Press, 1968. P. 20.

УДК 94 (470)“16/18”

«НЕ ОСТАЕТСЯ НИЧЕГО ДРУГОГО КАК НАДЕЯТЬСЯ НА БОГА И ВЫПОЛНЯТЬ СВОИ ОБЯЗАННОСТИ»: А. ФОН ЭРЕНТАЛЬ И РАЗВИТИЕ АВСТРИЙСКО-РОССИЙСКИХ ОТНОШЕНИЙ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА

Е. В. Сироткина

Тамбовский филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ
E-mail: evgsirotkina@yandex.ru

Статья посвящена изучению основных этапов деятельности австрийского дипломата, в 1906–1912 гг. министра иностранных дел Австро-Венгрии, барона Алоиса фон Эрентала, анализу его взглядов на развитие австрийско-российских отношений и

результатам практической деятельности в этом направлении. Особое внимание автор обращает на то, что спровоцированный Австро-Венгрией Боснийский кризис, несмотря на все старания Эрентала сохранить дружеские связи с Россией, послужил основанием для вражды между двумя империями вплоть до Первой мировой войны.

Ключевые слова: австрийско-российские отношения, Боснийский кризис, Алоис фон Эренталь, Австро-Венгрия.

**«I Need to Trust in God and to Fulfill my Responsibilities»:
A. von Aehrenthal and Development of the Austrian-
Russian Relations in the Early Twentieth Century**

E. V. Sirotkina

The article examines the main stages of activity of the Austrian diplomat, the Minister of foreign Affairs of Austria-Hungary (1906 to 1912), Baron Alois von Aehrenthal, analyses his views on the development of the Austrian-Russian relations and the results of his work in this direction. The author pays special attention to the fact that the Bosnian crisis, provoked by Austria-Hungary, despite all Aehrenthal's efforts to maintain friendly relations with Russia, was the basis for enmity between the two empires until the First World War.

Key words: Austrian-Russian relations, Bosnian crisis, Alois von Aehrenthal, Austria-Hungary.

В результате Боснийского кризиса российско-австрийские отношения обострились до предела, а о министре иностранных дел Австро-Венгрии бароне Эрентале иначе как ругательными словами отныне в России никто и не вспоминал. Не чуждый антисемитизма министр иностранных дел Российской империи Александр Петрович Извольский, посчитавший, что Эренталь повел себя на переговорах в Бухлау нечестно, во всеуслышание даже кричал: «Грязный жид обманул!»¹

Прошло уже более 100 лет, но возникает ощущение, что «обида» так и осталась незабытой в России, во всяком случае, об Эрентале до сих пор зачастую пишут как об «обманщике», «интригане», «коварном противнике» России. А ведь Эренталь долгие годы, прожив в России, в самой Австрии прослыл «русофилом». Кем же на самом деле был Эренталь – самонадеянным авантюристом, ненавидевшим Россию, чьи безрассудные действия, в конечном итоге, привели монархию Габсбургов на порог войны с Россией, или решительным политиком, который последовательно защищал интересы Австрии и добыл для нее крупную дипломатическую победу?

Барон (с 1909 г. – граф) Алоис Лекса фон Эренталь родился 27 сентября 1854 г. в замке Гросскаль (Groß-Skal) в Богемии. Еврейских корней у него, вопреки мнению Извольского, не было. Эренталь был вторым сыном барона Иоганна Лекса Эренталья, немецко-богемского помещика, и его супруги – представительницы знатного богемского рода Тун-Гогенштайнов. Сразу после завершения юридического образования в университетах Бонна и Праги Эренталь начинает свою дипломатическую карьеру в качестве атташе в Париже. В 1878 г. он был переведен в Санкт-Петербург, где вскоре благодаря своим способностям и деловым качествам обратил на себя внимание посла Густава Кальноки, который, в конце концов, стал его другом, наставником и благодетелем. После своего назначения в 1881 г. на пост министра иностранных дел Австро-Венгрии Г. Кальноки вызвал молодого секретаря посольства в Вену и назначил его своим помощником. На Балльхаусплац Эренталь прослужил с

1883 по 1888 г. и курировал важнейшие вопросы внешней политики Австро-Венгрии, связанные с Россией и Балканами.

Уже в эти годы он приобретает славу про-российски настроенного политика. Эренталь, вопреки доминировавшему на Балльхаусплац прогерманскому курсу, придерживался убеждения, что Австрии необходимо поддерживать самые тесные контакты с Россией. При этом Россия должна была выступать в качестве противовеса от чрезмерной зависимости Австрии от Германии. У Эренталья оказалось мало сторонников, о чем свидетельствует его переписка с коллегами по дипломатическому цеху, в частности австрийским дипломатом Цвидинком.

12–15 августа 1889 г. проходил визит австрийского императора Франца Иосифа в Берлин, в ходе которого обсуждались вопросы, связанные с международными проблемами. Цвидинек в этой связи в письме от 15 августа 1889 г. к Эренталю, известному своими скептическими взглядами в отношении австрийско-германского союза и стороннику сближения с Россией, писал следующее: «О ходе встречи двух императоров в Берлине у нас здесь пока известно не больше, чем об этом можно прочитать в газетах. Несомненно там, особенно с германской стороны, всячески подчеркивается военная ценность союза. Если только я сумел правильно интерпретировать одно из положений Вашего письма, Вас беспокоит, что в Берлине намеренно раздувают раздор между нами и Россией, чтобы, таким образом, сделать невозможным понимание между нами. Я должен настаивать, что я в этом отношении в целом не разделяю Ваших взглядов, впрочем, возможно я заблуждаюсь. И все же мне кажется, что союз с Германией уже сослужил нам существенную службу, т. к. без него мы или были бы вынуждены уступить Балканы русским, или мы бы уже находились с ними в состоянии войны. Возможно, я заблуждаюсь, но тем не менее, я убежден, что Россия с самого начала имела своей целью всячески препятствовать самостоятельному государственному развитию этой нации (имеется в виду Болгария. – Е. С.) – в то время как для нас важнее всего то, чтобы независимая Болгария продолжала оставаться гарантией против успешного осуществления панславянских и великосербских планов. И так как эти противоречия не разрешены и не преодолены, я не верю, что было бы возможно даже *modus vivendi*² между нами и Россией, без подготовки нами этой в какой-то мере будущей базы для нападения»³.

Позднее в письме к Эренталю от 10 октября 1889 г. Цвидинек продолжил развивать тему австрийско-германских и австрийско-российских отношений: «Ваша точка зрения о том, что нам в наших отношениях с Россией необходимо отказаться от практики во всем придерживаться германского влияния – дала мне материал для самых серьезных размышлений. Абсолютно справедливо, что наши интересы совпадают не во всех без исключения

направлениях с Германией – и наоборот – исходя из этого мы всегда должны быть настороже по отношению к политике одностороннего использования союзнических отношений ради одной лишь милости нашей союзницы. Однако я убежден также, что мы в этом отношении не должны утрачивать бдительности и должны действовать всегда с соответствующей предусмотрительностью»⁴.

Тяжелая болезнь австро-венгерского посла в России барона Антона Волькенштейна вынудила последнего на длительное время оставить свой пост, а Эренталь получил назначение на пост первого советника посольства в Санкт-Петербурге (1888–1894 гг.). Спустя шесть лет, проведенных в Петербурге, он вновь возвращается в Вену (1894–1895 гг.), где в качестве правой руки Кальноки приобрел признание эксперта в делах России. После отставки в мае 1895 г. Кальноки с поста министра иностранных дел Эренталь был отправлен посланником в Румынию (1895–1896 гг.), а оттуда, наконец, получает назначение на пост посла Австро-Венгерской империи в Санкт-Петербурге (1899–1906 гг.).

За долгие годы пребывания в России Эренталь сумел хорошо изучить русский язык, серьезно увлекался русской литературой и вообще считался знатоком всего русского. Он сумел завоевать симпатии русского двора и самого императора Николая II. В свою очередь, Эренталь питал искренний интерес к России и был убежден, что Австро-Венгрия и Россия могут и должны сотрудничать. Барнгард фон Бюлов, с 1900–1909 гг. занимавший пост канцлера Германской империи, писал в 1906 г. своему императору Вильгельму II, что «многие при австрийском дворе, и особенно барон Эренталь, по-прежнему считают “Союз трех императоров” своим политическим идеалом»⁵.

На фоне напряженной внешнеполитической ситуации в мире в конце 1906 г. в Австро-Венгрии разразился министерский кризис. Вследствие постоянного нападков венгерских депутатов в делегациях парламента и острой критики со стороны мадьярской прессы прежний глава министерства иностранных дел Агенор Голуховский принял решение 22 октября 1906 г. подать в отставку. Два дня спустя его преемником был назначен барон Эренталь.

«Воистину тяжелое решение в наших отчаянных обстоятельствах принимать наследство Голуховского, – писал своему племяннику по поводу его назначения граф Франц Тун. – Но как же невыразимо труден твой пост: ты должен представлять общность, сохранять достойные уважения величие и престиж Габсбургской империи, но как же печально выглядит теперь эта общность, как много за последнее время из всего этого было принесено в жертву»⁶. В семейной корреспонденции нового министра иностранных дел можно обнаружить всего одно лаконичное замечание по поводу этого назначения в письме Эрентала к матери от 24 октября 1906 г.: «Твой старший сын

пойман старым императором. Не остается ничего другого как надеяться на Бога и выполнять свои обязанности»⁷. На следующий день Эренталем было написано еще одно письмо на этот раз наследнику австро-венгерского престола эрцгерцогу Францу Фердинанду, в котором он уже прямо говорил о своей «жертве»: «Принимая предложение, я должен был выдержать трудную борьбу со своей совестью и со своими убеждениями. Быть наследником Голуховского – бесконечно тяжелое бремя. Лишь вследствие существования Его Величества я принес эту патриотическую жертву, и мной, как верным слугой, заполнили брешь в надежде, возможно, еще сохранить положение и задержать дальнейшее соскальзывание по наклонной плоскости»⁸.

Первые годы пребывания на посту Эрентала (1906–1908 гг.) были относительно спокойным временем. В эти годы разрядка напряженности между Дунайской монархией и Россией относительно Балкан еще продолжала функционировать, и Вена в данный момент не нуждалась в активной поддержке со стороны своей союзницы Германии, пыталась проводить относительно самостоятельную внешнюю политику. Новый глава Балльхаусплац по своим взглядам во многом отличался от своего предшественника. В то время как Голуховский был убежденным сторонником сохранения существовавшего *status quo* в мировом порядке, энергичный и деятельный Эренталь выступал за проведение последовательной политики, направленной на усиление международных позиций монархии. Монархическо-консервативные взгляды Эрентала привели его к убеждению, что для сохранения стабильного международного положения Габсбургской империи ей необходимо сохранять самые тесные дружеские связи с Россией, а «как убежденный сторонник легитимного порядка и авторитета, он более всего поддерживал консервативные круги России, которые видели как в социалистических происках, так и в панславизме разрушительные силы»⁹.

В инструкции новому послу в России графу Леопольду Берхтольду Эренталь писал, что отношения Австро-Венгрии с Россией необходимо рассматривать исходя из двух позиций: с точки зрения проведения консервативной политики в Центральной Европе и с точки зрения Балканского вопроса. В Центральной Европе, по мнению Эрентала, Австрию и Россию объединяли общие интересы. «Первостепенное значение здесь, – подчеркивал Эренталь, – занимает солидарность монархических интересов Австро-Венгрии, России и Германии в деле общей защиты от социально-революционной волны, которая на сегодняшний день угрожает заполнить с востока Европу». Связующим звеном между ними оставался также «польский вопрос», так как все три центральноевропейские империи были заинтересованы в сохранении своих владений и в том, чтобы их «внутренний польский вопрос» не превратился в международный. Наконец, подчеркивал Эренталь, в позициях трех империй существовала

общность взглядов по вопросу о разоружении на Гаагской конференции¹⁰. Таким образом, Эренталь был убежден, что по-прежнему сохранялся потенциал восстановления «Союза трех императоров» и тем самым существовала возможность стабилизации ситуации в Центральной Европе.

Будучи лично знакомым с русской политикой, Эренталь несколько не обманывался на счет возможности легко и просто восстановить австрийско-российский союз. «У меня нет никаких иллюзий, – писал он, – относительно того, что император Николай – это лишь легко поддающийся влиянию и колеблющийся правитель; что господин Извольский имеет склонность к проведению дружественной политики в отношении к Англии и что растерянные либеральствующие и кокетничающие с панславизмом течения при царском дворе вновь могут всплыть на поверхность. Но все же хотелось бы со всеми предосторожностями, самым внимательным образом иметь в виду желательность дальнейшей консолидации наших с Германией отношений с Россией, хотя бы уже для того, чтобы воспрепятствовать угрозе закрепления англо-русской дружбы»¹¹.

Относительно Балканского, наиболее острого для Австрии и России вопроса, то здесь, по мнению Эренталя, с обеих сторон было сделано все для того, чтобы продолжиться политику мирного сотрудничества. «Что касается ближнего Востока (курсив автора. – Е. С.), – продолжал Эренталь, – то здесь следует отметить два этапа нашей политики. Во время посещения в начале 1897 г. императором Николаем Нашего Всемиловейшего Государя имел место быть общий *теоретический* обмен мнениями, который констатировал, что интересам обеих империй соответствует политика, направленная на сохранение *status quo* в Европейской Турции. Следующим шагом в этом позитивном направлении стало проведение конференции ведущих государственных деятелей осенью 1903 г. в Вене и в Мюрцштеге. Программа, получившая название по месту последнего проведения конференции, стала базисом, на котором с тех пор и осуществляются все мирные старания в Македонии. Я придаю большое значение продолжению этой акции в смысле существующей до сих пор союзнической политики с Россией»¹².

Эренталь, таким образом, был настроен на дальнейшее многостороннее сотрудничество с Россией, в том числе и на Балканском полуострове. Поддерживание политических связей с Россией позволило бы Австрии поддерживать более устойчивую систему международных отношений и одновременно дистанцироваться от Германии и ее становившейся все более агрессивной внешней политики.

Вехой в начале постоянного роста напряженности в австрийско-российских отношениях стал Боснийский кризис 1908–1909 гг. Австро-Венгерская империя стремилась прочно обосноваться на Адриатическом побережье и для этого ей необ-

ходимо было присоединить турецкие провинции Боснию и Герцеговину. Согласно XXV статье Берлинского трактата 1878 г., эти земли находились под управлением Австро-Венгрии, но формально оставались в составе Турции. Положение территорий, оккупированных Австро-Венгрией в 1878 г., в составе монархии было странным: ни Цислейтания, ни Транслейтания не захотели взять Боснию и Герцеговину под свою опеку, опасаясь дальнейшего обострения этнических и религиозных конфликтов – ведь население этих областей на 42% составляли православные сербы, на 21% – хорваты-католики и на 34% – босняки, т. е. славяне-мусульмане, чьи предки некогда под давлением турок приняли ислам. Однако аннексия Боснии и Герцеговины, т. е. их присоединение к Монархии не только де-факто, но и де-юре, могла бы, по мнению Эренталя, укрепить позиции Австро-Венгрии в стратегически важной части Балканского полуострова. И начавшаяся в это время Младотурецкая революция, предоставила для этого Вене все шансы.

19 августа 1908 г. на заседании кабинета министров Эренталь заявил, что настал выгодный момент для аннексии. По его словам, это можно было сделать, не вызвав серьезных внешнеполитических осложнений. Сблэзнь окончательно закрепить за Австрией дополнительные территории был велик, но вместе с тем существовали опасения, что следствием аннексии Боснии и Герцеговины могла стать конфронтация с Россией. В ответ на это Эренталь заявил, что сумеет достигнуть компромисса с русскими – и действительно 16 сентября на переговорах в моравском замке Бухлау с министром иностранных дел России А. П. Извольским ему удалось добиться от последнего обещания, что Петербург не станет возражать против присоединения Боснии и Герцеговины к Австро-Венгрии. Извольский писал своему помощнику Н. Чарыкову, что правительство Австро-Венгрии окончательно приняло решение об аннексии и рассчитывает на его признание Россией. «Решение Вены, – писал он, – в ближайшее время объявить об аннексии Боснии и Герцеговины представляется окончательным и бесповоротным. (Это) решение... не касается ни наших стратегических, ни экономических интересов»¹³. И на самом деле геополитическая ситуация на Балканах не должна была измениться кардинальным образом: Австро-Венгрия лишь окончательно забирала то, чем фактически уже владела 30 лет.

На встрече с Эренталем Извольский заявил, что Россия не станет возражать против аннексии Боснии и Герцеговины, если Австро-Венгрия, в свою очередь, поддержит требование Петербурга изменить статус Босфора и Дарданелл: все суда России и других государств Черного моря могли бы входить и выходить через Проливы при сохранении принципа закрытия Проливов для военных судов других наций. Эренталь согласился, поскольку

резонно полагал, что другие великие державы, в первую очередь Великобритания, не пойдут на встречу пожеланиям русских. Так и случилось.

Предметы сделки были неравноценны. Как справедливо отметил российский исследователь В. И. Хвостов: «Эренталь получал синицу в руки, а продавал он русским – журавля в небе»¹⁴. Аннексия после тридцатилетнего австро-венгерского управления Боснией и Герцеговиной была шагом, логически объяснимым, тогда как Россия Проливами никогда не владела и не могла самостоятельно решить вопрос, урегулированный на международном уровне¹⁵. Если Эренталь явился в Бухлау после двукратного рассмотрения вопроса об аннексии правительством и после переговоров со статс-секретарем по иностранным делам Германии Шёном и после встреч с итальянским министром иностранных дел Титтони, то Извольскому аналогичная работа еще только предстояла.

Тем временем 6 октября 1908 г. Франц Иосиф официально заявил об аннексии, в то время как реакция западных держав на инициативу России оказалось более чем сдержанной. Париж и Лондон показали русской дипломатии, «что дорога к мирному разрешению вопроса о Проливах идет из Петербурга не через Берлин – Вену, а через Лондон – Париж, и показали это в самой решительной форме, не оставлявшей место для каких-либо сомнений и колебаний»¹⁶.

Аннексия Веней Боснии и Герцеговины 8 октября 1908 г. стала причиной начавшегося Боснийского кризиса и вызвала резко негативную реакцию со стороны Сербии и России. В ответ на аннексию правительства Сербии и Черногории объявили в своих странах мобилизацию. Правящие круги обоих государств полагали, что Босния и Герцеговина – это исторически сербские провинции и должны быть интегрированы в общесербское культурное пространство. Сербия при этом рассчитывала на всестороннюю поддержку своей союзницы России.

Извольский заявил, что Эренталь обманул его в Бухлау. Тот факт, что глава русской дипломатии согласился с экспансионистскими планами Вены, касавшимися земель, на которые претендовала Сербия, вызвал бурю негодования среди славянофилов. Извольский подвергся резкой критике в Государственной думе, а общественность обвинила его чуть ли не в предательстве. Однако Россия, ослабленная войной с Японией и революцией 1905 г., не могла воевать – особенно с учетом того, что из Берлина прозвучали заверения в безоговорочной верности Германии союзу с Дунайской монархией.

Германия в ходе Боснийского кризиса безоговорочно встала на сторону своей союзницы. Канцлер Бюлов считал, что Извольский в Боснийском кризисе делал ошибку за ошибкой. Грубой ошибкой было то, что 15 сентября 1908 г. в Бухлау он не спросил Эрентала прямо и без обиняков, когда и в какой форме он намеревается предпринять аннексию Боснии и Герцеговины. Дальнейшей ошибкой

было то, что когда Эренталь поразил его аннексией, он не вернулся в Петербург, чтобы перед Думой и царем мужественно защищать свою политику. Вместо этого он комичным образом объездил все европейские столицы¹⁷.

22 марта 1909 г. германский посол в России граф Пурталес вручил российскому коллеге Извольскому предложения по разрешению кризиса, скорее напоминавшие ультиматум: России предлагалось немедленно и недвусмысленно ответить о согласии либо отказе признать аннексию Боснии и Герцеговины. Немецкий дипломат дал понять, что отрицательный ответ повлечет за собой нападение Австро-Венгрии на Сербию. Дополнительно было выдвинуто требование о прекращении дипломатической поддержки Сербии.

Общественность России целиком была на стороне балканских славян и требовала выступить в поддержку Сербии. Однако в Вене полагали, что Санкт-Петербург не осмелится пойти на вооруженный конфликт с Австро-Венгрией и не сможет воевать. «Русский медведь, – считал Эренталь, – будет рычать, но не укусит»¹⁸.

Эренталь оказал прав. Правительство признало, что Россия к войне не готова. Министр финансов был против принятия решения, могущего привести к войне, так как это было бы губительно для финансовой системы страны. Военный министр утверждал, что русская армия реорганизуется и находится не в том положении, в котором она могла бы предпринять серьезную военную кампанию. Совет министров единодушно решил принять германское предложение. Николай II телеграфировал кайзеру Германии Вильгельму II о согласии принять все германские требования. Это означало, что русская балканская политика потерпела полное фиаско, которое современники, памятуя о недавно неудачно завершившейся русско-японской войне, назвали «дипломатической Цусимой».

Лидер партии кадетов П. Н. Миллюков писал, что «ряд этих неудач – свидание в Бухлау, аннексия, австрийский и германский ультиматумы и безусловная сдача России, произвел огромное и тяжелое впечатление в русском обществе всех направлений»¹⁹. Действия Австро-Венгрии и Германии вызвали чувство глубокой вражды к Вене и Берлину и заставили тех, кто до сих пор колебался и сомневался, искать более тесного союза с западными державами, и особенно с Англией.

31 марта 1909 г. сербский посол в Вене передал Эренталу ноту, означавшую полное дипломатическое отступление Сербии. Боснийский кризис завершился. А 9 апреля 1909 г. Эренталь за заслуги перед отечеством получил титул графа.

Боснийский кризис и дипломатическое поражение России окончательно подорвали отношения Австро-Венгрии и России. Так же как и после окончания Крымской войны, Россия затаила глубокую обиду и окончательно оттолкнула от себя Австрию. Именно Австрию общественное мнение России сделало объектом своей ненависти.

В последние шесть лет перед Первой мировой войной европейская политика представляла собой череду почти непрерывных кризисов. Соперничество между двумя блоками – Антантой и Тройственным союзом – становилось все более острым. При этом в руководстве великих держав как по одну, так и по другую сторону геополитической баррикады не было единства. Практически в каждой европейской столице наблюдалось противостояние «ястребов» и «голубей», тех, кто считал, что лишь меч может разрешить противоречия между странами-конкурентами, и тех, кто предпочитал дипломатические методы.

В Австрии после завершения кризиса распространилась иллюзия «неуязвимости». Все чаще начали звучать голоса «ястребов», призывавших к проведению активной внешней политики. При этом одним из лидеров «умеренных» оказался граф Эренталь. Министр иностранных дел был реалистом и понимал, что большая война, особенно с Россией, может стать для Дунайской монархии последней. Своей позицией Эренталь нажил себе врага в лице начальника генерального штаба Австро-Венгрии Конрада фон Гетцендорфа, который рвался в бой, если не с Россией, то по крайней мере с Сербией или Италией. Францу Иосифу, не желавшему внешнеполитических обострений, пришлось даже осадить ретивого начальника генштаба, напомнив ему, что политика мира, которую проводит Эренталь, это его, императора, политика. Впрочем, сам Эренталь осознавал, что мир стоит на грани.

Уже будучи смертельно больным, Эренталь 12 декабря 1911 г. писал в секретной памятной записке об отношениях с Россией: «Император Николай возможно, конечно, из заложенных в основу его принципов монархических убеждений и оберегаемых сильных симпатий к всемирно-лучшей персоне Нашего к. и к. Апостолического Величества не отказался бы от совместных действий с нами, но у него слабый характер и он должен учитывать народные настроения...»²⁰ Скончался Эренталь 17 февраля 1912 г. от лейкемии.

Однозначно ответить на вопрос: какую роль сыграл Эренталь в окончательном ухудшении австрийско-российских отношений? – невозможно. Тот факт, что именно при Эрентале эти отношения окончательно испортились, можно считать примером горькой иронии истории. В этой связи следует указать на существующие противоречия, с которыми пришлось столкнуться Эренталю вскоре после того, как он занял пост главы внешнеполитического ведомства Австро-Венгрии. Эренталь на личностном уровне всегда испытывал расположение к России, однако как политика его постигло самое глубокое разочарование. Как решительный политик он не мог не воспользоваться сложившейся ситуацией и отказаться использовать стечение обстоятельств, благоприятных для укрепления

международных позиций своей страны. То, что Боснийский кризис 1908–1909 гг., спровоцированный Австро-Венгрией, едва не привел к крупномасштабной войне и послужил прологом к Первой мировой войне, вряд ли может быть подвергнуто сомнению. Однако судить поступки действующих лиц 1908 г., зная о том, что произошло шесть лет спустя, невозможно, ведь ни Эренталь, никто другой из его современников знать об этом не могли.

Примечания

- ¹ Шарый А., Шимов Я. Корни и корона : Очерки об Австро-Венгрии : судьба империи. М., 2011. С. 285.
- ² Временное соглашение.
- ³ Aus dem Nachlaß Aehrenthal. Briefe und Dokumente zur österreichisch-ungarische Innen- und Außenpolitik. 1885–1912 : in 2 teilen. Erster Teil / Hrsg. von S. Wank. Graz, 1994. S. 35.
- ⁴ Ibid. S. 36.
- ⁵ Die Grosse Politik der europäischen Kabinette. Sammlung der Diplomatischen Akten des Auswärtigen Amtes. Im Auftrage des Auswärtigen Amtes herausgegeben von. J. Lepsius, A. M. Barthold, F. Thimme. 3. Auflag. Bd. 22. Die österreichisch-russische Entente und Balkan. 1904–1907. Berlin, 1925. S. 50–51.
- ⁶ Цит. по: Skřivan A. Aehrenthal – das Profil eines österreichischen Staatsmanns und Diplomaten alter Schule // Prague Papers on the History of International Relations. Prag-Wien, 2007. S. 179.
- ⁷ Alois Aehrenthal an seine Mutter. Wien 24. 10. 1906 // Die Aehrenthals. Eine Familie in ihrer Korrespondenz. 1872–1911. Bd. 2 (1896–1911) / Hrsg. von Franz Adlgasser. Wien ; Köln ; Weimar, 2002. S. 915.
- ⁸ Aus dem Nachlaß Aehrenthal... Erster Teil. S. 410–411.
- ⁹ Hatsch H. Außenminister Alois Lexa Graf Aegrenthal (1854–1912) // Gestalter der Geschichte Österreichs. Bd. 2. Studien der Wiener Katholischen Akademie / Hrsg. H. Hatsch. S. 516.
- ¹⁰ Aus dem Nachlaß Aehrenthal. Briefe und Dokumente zur österreichisch-ungarische Innen- und Außenpolitik. 1885–1912 : in 2 teilen. Zweiter Teil / Hrsg. von S. Wank. Graz, 1994. S. 467.
- ¹¹ Aus dem Nachlaß Aehrenthal... Zweiter Teil. S. 468.
- ¹² Ibidem.
- ¹³ Извольский – Чарыкову. 16 сентября 1908 г. // Исторический архив. 1962. № 5. С. 123.
- ¹⁴ История дипломатии / под ред. В. И. Хвостова, В. А. Зорина. М., 1963. С. 653.
- ¹⁵ Игнатъев А. В. Внешняя политика России 1907–1914. М., 2000. С. 77.
- ¹⁶ Проливы. Сборник. М., 1923. С. 79.
- ¹⁷ Бюлов Б. Воспоминания. М., 1935. С. 350.
- ¹⁸ Tyler M. The European Powers and the Near East 1875–1908. Mineapolis, 1925. P. 205.
- ¹⁹ Миллюков П. Н. Балканский кризис и политика А. П. Извольского. М., 1910. С. 305.
- ²⁰ Aus dem Nachlaß Aehrenthal... Zweiter Teil. S. 760.

УДК 94:329.054.3

ДИПЛОМАТИЧЕСКОЕ ПРОТИВОСТОЯНИЕ В ПЕРИОД АНГЛО-СОВЕТСКОГО РАЗРЫВА (1927–1929 ГГ.)

В. Г. Цыплин

Саратовский государственный университет
E-mail: v.tsyplin@yandex.ru

В статье рассматривается дипломатическая борьба СССР и Великобритании в 1927–1929 гг., анализируются двухсторонние экономические отношения при урегулировании конфликта, показываются главные движущие факторы. Проводится анализ позиций ведущих западных стран и некоторых политиков в период англо-советского противостояния и в период деэскалации конфликта.

Ключевые слова: дипломатия СССР и Великобритании, англо-советские торгово-экономические отношения, урегулирование спорных вопросов, разрыв и восстановление дипломатических отношений.

Diplomatic Confrontation During the Anglo-Soviet Severance (1927–1929)

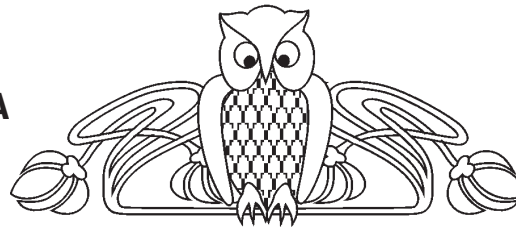
V. G. Tsyplin

The article focuses on the diplomatic struggle between the Soviet Union and Britain in 1927–1929, analyses the bilateral economic relations during the conflict settlement, displays the most important driving forces. The article analyses the positions of the leading Western governments and key politicians during the de-escalation of the conflict.

Key words: Soviet diplomacy, Soviet-British economic relations, conflict resolution, crisis in diplomatic relations, political negotiations.

В современной системе международных отношений Россия и Великобритания являются крупнейшими мировыми державами, которые во все времена оказывали значительное влияние на ход мировой истории. Исследование дипломатической истории взаимодействия СССР и Великобритании помогает политикам и дипломатам в XXI веке искать новые точки соприкосновения во взаимоотношениях этих двух государств.

Внешнеполитические стратегии Великобритании и СССР в рассматриваемый период диаметрально противоположны. Великобритании свойственны преемственность на протяжении довольно продолжительного периода времени, изменчивость и постоянная адаптация к преобразованиям новой исторической эпохи. А Советская страна сама противопоставляла себя Европе, когда руководство СССР, взяв за основу своей внешнеполитической деятельности принцип мирного сосуществования, на практике опиралось на принцип пролетарского интернационализма и на теорию «экспорта революций». Когда призрачная идея «мировой революции» была не реализова-

на, большевистское руководство стало пытаться нормализовать отношения с капиталистическими государствами.

Существует необходимость современного исследования и оценки фактов, которые способствовали и мешали переменам в англо-советских отношениях. Серьезным поводом нормальных отношений между СССР и Великобританией был факт близости и доступности англо-советской торговли.

В ходе совещания в ВКП(б), проведенного 6 мая 1926 года, был принят текст закрытого письма центральному комитету коммунистической партии Англии, который содержал инструкции английским коммунистам по их действиям в период стачки шахтеров. Там также рассматривался вопрос о создании единого фронта, объединившего II и Амстердамский Интернационалы. Кроме этого было положительно воспринято предложение Пятницкого о выделении компартии Англии «... на экстраординарные расходы в связи с забастовкой...» 20 тысяч золотых рублей¹.

Таким образом, с большой уверенностью можно утверждать, что Политбюро ВКП(б) находилось во главе международной кампании по поддержке бастующих горняков, оказывало всемерное содействие в сборе продовольствия и денежных средств для забастовщиков среди всякого рода сочувствующих в странах Европы (в период с мая по ноябрь 1926 года было послано 10 млн рублей). Зачастую суммы сначала отправлялись из госказны, а только потом уже собирались. Заметна была и деятельность ВКП(б) по недопущению вывоза угля в порты Англии, по организации собраний и митингов солидарности с английскими шахтерами².

В большинстве своем об этих действиях знали в широких народных массах населения СССР. В головах московских рабочих в 1927 году рождались интересные комбинации: «Может ли нам помочь Англия, когда на нас будет идти какая-нибудь страна, если не поможет, то почему? Каким образом могут поддержать нас английские рабочие в случае войны с СССР?». Но это, пожалуй, довольно редкий случай, когда Англия упоминается в качестве возможного союзника, да и то подразумеваются только английские рабочие³. Чаще можно было услышать сомнения в искренности международной солидарности трудящихся и в революционном задоре западного пролетариата: «Мы английским рабочим отчисляли свои

последние гроши, а теперь они никакой помощи в трудную минуту не оказывают... хотя бы демонстрацией рабочие делали, что ли...»⁴

Советская финансовая помощь бастующим шахтерам, усугублявшаяся еще и материальной подпиткой китайского национально-освободительного движения, рассматривалась руководством Англии как грубое вмешательство во внутренние дела страны, как попытка создать хаос, свергнуть правительство и поменять политический строй Англии. Летом 1926 года А. Н. Чемберлен назвал все эти действия СССР разжиганием революции, после чего радикально настроенные консерваторы с завидным постоянством стали требовать от У. Черчилля разрыва торговых и дипломатических отношений с СССР. Хотя СССР неоднократно, в том числе через передовицы газет, давал понять мировой общественности, что никаким образом не воздействует на национальное китайское правительство, а обвинения СССР в провальности политики Великобритании в Китае – попытки переложить ... с больной головы на здоровую⁵.

Английские консерваторы пытались всеми способами расширить результаты Локарнской конференции, которая завершилась подписанием восьми соглашений и арбитражных договоров, тем более, что «миротворческие заслуги» Чемберлена, Бриана и Штреземана были оценены Нобелевской премией мира. 26 июля 1926 года Комитет имперской обороны направил в Форин офис секретный меморандум, в котором рассматривались варианты защиты от «...опасности, идущей с Востока... от русских большевистских атак»⁶. Соотношение вооруженных сил СССР и его вероятных противников было в ту пору явно не в пользу СССР⁷. Но сформировать антисоветские блоки в виде «большого Локарно» с участием Германии, «малых Локарно» в составе Прибалтийских стран, «Северного Локарно» на базе Скандинавских стран, «Балканского Локарно» с участием государств этого региона они не смогли. А договор о ненападении и нейтралитете с Германией от 24 апреля 1926 года снимал напряженность. В ряде стран Европы началась антисоветская кампания, но одна страна не взяла себе в пример Англию, не порвала дипломатические отношения с СССР. «Все происходящее вызвало в Советском Союзе настроение, получившее название “военная тревога 1927 года”, что положило потом начало отсчета строительства в СССР мощных долговременных укреплений, которые получили неофициальное наименование “линия Сталина”»⁸.

Представители внешнеполитических ведомств Европейских государств свободно общались на эти темы, и возникали очень интересные конфигурации. Могла ли Великобритания заключить союз с Польшей против СССР в 1927 году? По мнению посла Франции в Польше Лароша – нет. Он объяснял это словами представителя МИДа Польши Залесского, что союза Польши

с Великобританией нет и быть не может, а все разговоры на эту тему выгодны немцам, которые заинтересованы в имитации подобной системы противовесов. В ходе встречи Г. В. Чичерина с министром иностранных дел Франции Брианом, которая состоялась 24 мая 1927 года, последний категорически заявил, что «...Франция ... имеет свою собственную русскую политику, не присоединится в этом конфликте к Англии и будет заботиться о сохранении мира»⁹.

Наталкивает на размышление план У. Черчилля о финансовом удушении СССР путем организации международного экономического фронта, ключевой замысел которого сводился к созданию мирового союза кредиторов России для предъявления срочных требований к СССР. Наибольшую активность проявляли владельцы национализированных предприятий в СССР, кредиторы, входившие в состав «Ассоциации британских кредиторов в России» под руководством Твида, руководители нефтяных монополий АИНК, «Роял датч-Шелл» во главе с Генри Детердингом. О попытке экономической интервенции против СССР говорилось в специально выпущенном манифесте «Ассоциации британских кредиторов в России», в котором содержались 12 доводов против предоставления кредита Советскому правительству и 12 пунктов, направленных на экономическую блокаду СССР¹⁰.

В феврале 1927 года Временный Поверенный в Делах СССР в Великобритании во время беседы с министром иностранных дел Великобритании О. Чемберленом говорил о готовности СССР нормализовать отношения, но английская сторона посчитала «...нежелательным вести переговоры при отсутствии уверенности в положительном их исходе» и реально не хотела договориться, выдвинув при этом признания довоенных и военных долгов СССР¹¹.

В марте 1927 года еще в дружественной обстановке по инициативе одного из лидеров английской лейбористской партии Гендерсона был устроен завтрак, на котором присутствовали: лидеры лейбористской партии – Макдональд, Клайнс, Робертс, Лэнсберн; с советской стороны – Первый секретарь полпредства СССР в Великобритании – Богомолов и член торговой делегации СССР в Великобритании Гермер. В ходе беседы касались вопросов финансирования английских коммунистов Коминтерном, его связи с Советским правительством, об отказе кантонцев с подачи СССР подписывать соглашение с Великобританией, ноты Чемберлена и «хорошего ответа на неё». Макдональд был необычно любезен. Его понимание международных отношений и искусство дипломатии было для неспециалистов необычным, а интуиция, на которую он полагался, на первый взгляд была исключительной. Так он пытался предостеречь Францию от её несправедливого курса в отношении Германии, предсказывая в противном случае приход к власти в этой стране

ультранационалистической реваншистской партии. Акценты, которые он расставлял при ведении переговоров с Советским Союзом, его поддержка англо-советского договора в кабинете и парламенте помогли преобразовать ранее неразрешимую проблему в реальное соглашение, которое, хотя и было отвергнуто следующим правительством, полностью изменило отношение к этой великой державе¹². Общение закончилось доброжелательно, стороны договорились встретиться в ближайшее время. Также доброжелательность была видна и в ходе беседы на обеде Временного Поверенного в Делах СССР в Великобритании с политическим деятелем Великобритании Бивербруком, который являлся владельцем газет «Дейли экспресс», «Ивингг стандарт» и «Санди экспресс». Кроме того, имел большой авторитет в консервативной партии. Это приглашение организовал член исполкома лейбористской партии Роберт Вильямс. Бивербрук сказал, что считает политику Черчилля вредной, сожалел, что английское общество не осведомлено о положении дел в СССР, что его приезду в Москву мешает категоричный протест Черчилля¹³.

О серьезности намерений правительства Великобритании свидетельствует увеличение численности расходов на военные ассигнования в 1927 году, они составляют 660 млн ф. ст.¹⁴ За счет них было построено множество военных кораблей. Непримиримые англо-американские противоречия продемонстрировала открывшаяся 20 июня 1927 г. Женевская конференция США, Великобритании и Японии, или, как ее еще называли в прессе, «крейсерская конференция Кальвина Кулиджа»¹⁵. «Главная цель британской программы разоружения состояла в дальнейшем укреплении английского господства на морях. Ограничение тоннажа линейных кораблей, калибра их крупных орудий и продление срока службы судов этого класса, помимо соображений экономии, диктовалось специфическими особенностями морской политики Англии»¹⁶.

После полицейских обысков и выемки документов в офисах акционерного общества «Аркус лимитед» и торгового представительства СССР в Лондоне 12 мая 1927 года, который проводился в течение 4 дней отрядом в составе английских полицейских, русских белогвардейцев, переводчиков Форин офис, общей численностью 200 человек, были найдены все «доказательства» в призывах к перевыборам парламента, к свержению правительства консерваторов и передаче власти рабочему правительству. Так писали на своих передовицах заинтересованные английские газеты. Хотя реально полицейским была поставлена задача с пристрастием искать мифический документ, якобы пропавший из военного ведомства, попутно взломать все сейфы, шкафы, железные двери и захватить всю секретную переписку¹⁷. А еще должны были подбросить фальшивые документы на бланках АРКОСа. Эта манипуляция

была поручена специальным агентам министра внутренних дел Джойнсона Хикса, которых он лично инструктировал. Уже позднее Хикс признал обыск неудачным: «нужных» документов обнаружено недостаточно, а исчезнувший документ был якобы уничтожен служащими АРКОСа в момент проникновения полиции в помещение¹⁸.

Сараевский выстрел произвел 7 июня 1927 года 19-летний Б. Коверда, когда был убит советский полномочный представитель в Польше П. Л. Войцеховский. Убийца оказался гражданином Польши, был связан с белоэмиграцией в Лондоне, а финансировался английской разведкой. Эту взаимосвязь подтверждали даже английские органы печати. Как вариант англичанами планировалась новая война СССР с буржуазно-помещичьей Польшей¹⁹.

После двухнедельных раздумий правительство Великобритании направило ноту НКВД с решением порвать дипломатические отношения с СССР, что привело к ухудшению отношений с другими европейскими государствами. На этом фоне правительство Великобритании еще раз попыталось поссорить СССР с Прибалтийскими государствами, Германией, Францией и Польшей. Но этим планам не суждено было сбыться²⁰. После разрыва советско-английских отношений интересы СССР в Великобритании представляла Германия, а защита интересов британских граждан в СССР стала осуществлять норвежская миссия. В связи с разрывом дипломатических отношений с Великобританией были прерваны взаимоотношения СССР с Канадой. Незамедлительно были отменены льготы по выдаче виз британским гражданам, а на транзитные визы стали предъявлять требования отдельного разрешения советского НКВД, это касалось даже консульского тарифа.

В середине 1927 года в прессе была обнародована разведывательная деятельность британской миссии в Москве. Была осуждена группа шпионов, большинство из них были приговорены к высшей мере наказания. В поддержании тесной связи с английской разведкой был уличен бывший царский офицер Эльвенгрэн, который прибыл в СССР по румынскому паспорту, а в ходе следственных действий его попыталась защитить Финляндская миссия в лице Артти, который делал даже запрос, хотя сам обвиняемый ни устно, ни письменно за этой защитой не обращался. Ему была инкриминирована диверсионная деятельность как на территории СССР, так и за границей против советских представителей²¹. В сентябре 1927 года выездная сессия военной коллегии Верховного суда СССР, которая заседала в Ленинграде, рассматривала дело 26 сотрудников английских спецслужб. По итогам этих судебных процессов была обнародована разведывательная деятельность миссии Великобритании в Москве, а ключевыми фигурами оказались глава миссии Роберт Ходжсон и секретарь Э. Чарнок.

Роберт Ходжсон, бывший глава британской миссии в Москве, занимался разведывательной деятельностью. Личным осведомителем Ходжсона был бывший работник Госбанка СССР Евреинов, расстрелянный в июне 1927 года. Последний передавал секретные сведения о финансовом положении СССР, о важнейших операциях Госбанка и т. д. На встречу к Евреинову Ходжсон приходил всегда сам, оставляя свой посольский автомобиль в одном из соседних переулков. После разрыва дипломатических отношений и выезда из СССР Ходжсон в интервью, помещенном в газете «Морнинг пост», подтвердил, что Евреинов «держал связь с британской миссией», то есть лично с ним²². Достаточно развитая и хорошо законспирированная разведывательная сеть находилась у секретаря миссии – Эдуарда Чарнока, возглавлявшего военную разведку. В 1926 году Чарнок привлекает к разведывательной работе своего старого знакомого, крупного капиталиста Прове, квартира которого превращается в явочную. В свою сеть Чарнок вербует сотрудников государственных органов и военнослужащих. Британский вице-консул в Москве Уэйт завербовал группу бывших колчаковских офицеров, пытался организовать взрывы в Кремле и в Большом театре. Консул в Ленинграде Престон занимался вербовкой агентов, а опыт вербовки приобрел во Владивостоке, будучи там тоже консулом²³. Констатацию фактов о непосредственном участии английских дипломатов в разведывательной деятельности против СССР можно продолжать.

И. В. Сталин использовал сложившуюся ситуацию для ужесточения карательной политики в СССР: так 6 июня 1927 г. была введена в действие печально известная 58-я статья УК СССР со всеми её пунктами, произошло свертывание новой экономической политики (НЭП) и в ноябре – декабре 1927 г. разгромлена троцкистско-зиновьевская оппозиция.

Спустя годы сложно даже как-то прокомментировать события 6 апреля 1927 года, связанные с нападением на советское полпредство в Пекине. Выполняя распоряжение английского генерала Сеттона и посла в Китае Майлза Лампсона, солдаты армии Чжан Цзолина при участии английских офицеров провели погромы и обыски в здании полпредства. 15 советских служащих целый месяц находились в полиции под угрозой военного суда. Фальшивки, которые выдавались за обвинительные документы, были сделаны небрежно: составлены по старой, уже не употреблявшейся в СССР орфографии, с большим количеством орфографических ошибок²⁴. Параллельно с этой акцией были совершены нападения на консульства СССР в Тяньцзыне и Шанхае. Такая синхронность говорит о едином плане, едином руководстве, едином центре, руководимом в том числе англичанами.

Не без участия ВМС Англии гоминдановскими военными было подавлено 13 декабря 1927 года революционное восстание в Кантоне

(Гуанчжоу) в Китае, которое произошло двумя днями раньше. Было разгромлено советское консульство, вице-консул А. И. Хассис и еще четыре сотрудника консульства были арестованы. После конвоирования по городу с табличкой «Русский коммунист. Каждый может делать, что хочет» они были расстреляны. Другие сотрудники консульства пробыли под арестом две недели, после чего через Гонконг, Шанхай и Японию вернулись в СССР.

В Германию в апреле 1928 года для встречи с Штреземаном с неофициальным визитом прибыл английский министр по делам Индии лорд Биркенхед. Согласно данным «Дэйли экспересс» визит Биркенхеда был осуществлен для обсуждения экономических вопросов, а также русско-германских отношений. Усилия Биркенхеда были направлены на подталкивание Германии к разрыву дипломатических отношений с СССР, видя перед собой пример Англии. При этом обещалось пересмотреть «план Дауэса» и установить определенную, выгодную обеим сторонам сумму репараций. На деле же получилось, что Англия все равно стала активным участником пересмотра «плана Дауэса», хотя Германия и не пошла на разрыв дипломатических отношений с СССР.

Первыми предпосылками в восстановлении советско-британских отношений можно считать желание группы представителей консервативной партии, в которую входили промышленники, финансисты, политические деятели, отправиться в СССР для ведения переговоров о финансировании строительства, некоторых отраслей промышленности, предоставлении больших кредитов. Это было выражено в сентябре 1928 года через сообщение редактора английского журнала «Инглиш ревью» Э. Ремнанта советнику полпредства СССР во Франции²⁵. В 1929 году произошла смена правительства Болдуина – Чемберлена, проводившего ярко выраженную антисоветскую политику, на второе лейбористское правительство. Это не повлияло на изменение состава министерства иностранных дел Англии. По-прежнему на своих местах остались не только дипломатические работники, представители и резиденты в различных странах мира, но и центральный аппарат самого министерства в Лондоне²⁶. Не менять состав МИДа после смены правительства – основа функционирования дипломатического корпуса Великобритании во все времена.

Восстановление дипломатических отношений проходило в тяжелейших условиях. Интриги следовали одна за другой. «Советская пропаганда», «Вмешательство СССР во внутренние дела стран Британской империи и других стран», «Борьба с советским демпингом», «Недопустимость принудительного труда в СССР» – вот неполный перечень старых и новых изобретений против СССР. Из-за этих обвинений, как принято говорить уже в XXI веке, вводились санкции – введение для советских товаров специальных тарифов, создание

специальных монопольных организаций для торговли с СССР, запрет на экспорт ряда товаров. А после разрыва мексикано-советских дипломатических отношений английские газеты размещали на своих страницах статьи, из которых следовало, что мексиканское правительство пошло на разрыв отношений с СССР под воздействием правительств, в том числе Англии. М. М. Литвинов тоже в одном из своих выступлений заявил, что решение принималось под давлением внешних сил, а повод посчитался «смешным»²⁷.

Уже после утверждения палатой общин решения о восстановлении дипломатических отношений с СССР в печатных изданиях, чтобы не допустить обмена послами и вызвать кампанию христианского движения протеста, «... Советскую Россию называли признанным и неукротимым врагом христианской веры. ...» А 19 декабря 1929 года в «Альберт-холле» был организован митинг протеста против «... жестоких преследований братьев по вере в России». Наибольшую активность проявлял президент Международной организации по борьбе против III Интернационала консерватор лорд Brentford. Но на митинге присутствовали и противники антисоветских выступлений²⁸. Но на этот раз все закончилось благополучно. На следующий день после митинга принц Уэльский принял в Сент-Джемском дворце советского полпреда, который вручил ему верительные грамоты, а через два дня в Кремле в Москве английским послом были вручены верительные грамоты М. И. Калинину.

В период дипломатического разрыва закончился срок аренды здания посольства. Довольно сложно было найти новое здание. Было около десятка случаев срывов заключения договоров, когда хозяева узнавали, что арендаторы – большевики. Отказы были как от собственников зданий, так и от собственников земельных участков. На встречу пошел Люис Ричардсон, миллионер из южной Африки, который сдал особняк, расположенный на королевской земле. После восстановления дипломатических отношений с СССР монарх уже не смог помешать аренде, а она была заключена до 1990 года. Правительству СССР пришлось согласиться с требованием Ричардсона об уплате вперед всей арендной платы за все 60 лет²⁹.

Непримиримая борьба различных идеологических доктрин выливалась в постоянные англо-советские конфликты. Правительство Великобритании пугало увеличением влияния коммунистической идеологии на английских рабочих, вызывая тем самым, серьезное дипломатическое противостояние³⁰.

Между СССР и Великобританией возникла срочная необходимость возобновления утраченных торгово-экономических отношений, что серьезным образом и повлияло на дипломатический и политический процесс их сближения. Этому процессу мешало нежелание руководителей государств во многих вопросах идти на большие уступки друг другу, что объяснялось опять же

различным идеологическим и политическим строем СССР и Великобритании. Это и привело к довольно жесткому дипломатическому противостоянию.

Профессионализм дипломатов, их способность найти компромиссные решения в сложных политических ситуациях, умение применять гибкость, регулярное тактическое лавирование, адаптация к геометрическим изменениям системы противовесов в международных отношениях позволили преодолеть сложный этап англо-советских отношений.

Примечания:

- 1 Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 508. Оп. 1. Д. 24. Л. 1–2.
- 2 См.: Политбюро ЦК РКП(б) – ВКП(б) и Европа. Решения «особой папки». 1923–1939. М., 2001. С. 98.
- 3 См.: Голубев А. В. Если мир обрушится на нашу Республику : Советское общество и внешняя угроза в 1920–1940-е гг. М., 2008. С. 103.
- 4 Там же. С. 104.
- 5 См.: Опасная игра. Известия. 1927. 5 февр.
- 6 См.: Волков Ф. Д. Тайны Уайхолла и Даунинг-стрит. М., 1980. С. 278.
- 7 См.: Симонов Н. С. Военно-промышленный комплекс СССР в 1920–1950-е годы : темпы экономического роста, структура, организация производства и управление. М., 1996. С. 159.
- 8 См.: Лопуховский Л. Н., Кавалерчик Б. К. Июнь. 1941 год. Запрограммированное поражение. М., 2010. С. 66.
- 9 См.: Документы внешней политики СССР. 1 января – 31 декабря 1927 г. : в 24 т. М., 1965. Т. 10. С. 231.
- 10 См.: Савостина Ю. К вопросу о взаимосвязи политических и экономических отношений между Англией и СССР в начале 20-х гг. XX века // Геополитика и экономическая динамика Евразии : история, современность, перспективы : материалы II Евразийского научного форума (1–3 июля 2009 г.) : в 2 т. Т. I / под ред. Б. М. Ягудина. Казань, 2010. С. 49.
- 11 См.: Международная политика новейшего времени. Вып. 1. М., 1928. С. 389–395.
- 12 См.: Абрамкин П. А. Джеймс Рамсей Макдональд и адаптация британских лейбористов к власти : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Челябинск, 2002. С. 24.
- 13 См.: Документы внешней политики СССР : в 24 т. М., 1965. Т. X. С. 287.
- 14 См.: Волков Ф. Д. Тайны Уайхолла и Даунинг-стрит. М., 1980. С. 290.
- 15 См.: Бекзатова Б. Б. Международные конференции по военно-морским вопросам и англо-американские отношения (1921–1930 гг.) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2007. С. 22.
- 16 См.: Лихарев Д. В. Морская политика Великобритании в 1900–1930 гг. : автореф. дис. ... д-ра ист. наук. СПб., 1995. С. 38.

- 17 См.: Times. 1927. 13. V.
18 См.: Parliamentary Debates. House of Commons. 1927. Vol. 206. Col. 216.
19 См.: Observer. 1927. 12. VI.
20 См.: Советская внешняя политика 1917–1945 гг. Поиск новых подходов. М., 1992. С. 73.
21 См.: Известия. 1927. № 130(3054). 10 июня.
22 См.: Минаев В. Подрывная работа иностранных разведок в СССР. (Часть первая). М., 1940. С. 89.
23 Там же. С. 90.
24 См.: Известия. 1927. 6 мая.
25 См.: Политбюро ЦК РКП (б) – ВКП (б) и Евро-па. Решения «особой папки». 1923–1939. С. 101.
26 См.: Красильников А. Н. Политика Англии в отношении СССР в 1929–1932 гг. М., 1959. С. 21.
27 См.: Внешняя политика СССР. Сборник документов. М., 1945. Т. III. С. 412.
28 См.: Daily News. 1929. 20. XII, Daily Telegraph. 1929. 20. XII.
29 См.: Майский И. М. Воспоминания советского дипломата, 1925–1945 гг. М., 1971. С. 103.
30 См.: Савосина Ю. В. Англо-советские экономические отношения в 20-е гг. XX века : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Рязань, 2011. С. 26.

УДК 94»16/18»

ФОРМИРОВАНИЕ АНТИМОНОПОЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В США (по материалам личной переписки сенатора Дж. Шермана)

В. О. Козлов

Московский государственный университет
E-mail: kozlov-vadm@yandex.ru

На основе анализа материалов личной переписки влиятельного сенатора Джона Шермана в статье исследуются вопросы, связанные с выработкой основ антимонопольного законодательства в США конца XIX в. Особое внимание уделяется выявлению основных лоббистских группировок, мнению малого бизнеса, основным вариантам законопроекта против монополий.

Ключевые слова: монополия, трест, корпорация, экономия от масштаба, антимонопольное законодательство, сенатор Дж. Шерман.

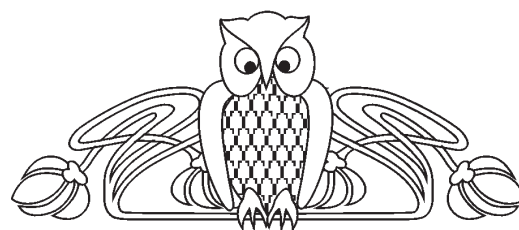
Antitrust Law Formation in the USA (Based on Senator J. Sherman's Private Correspondence)

V. O. Kozlov

On the basis of the influential Senator John Sherman's personal correspondence analysis the article explores the issues related to the genesis of antitrust laws in the United States in the late XIX century. An emphasis is put on the identification the main lobby groups, small business' opinion, basic versions of the Antitrust law.

Key words: monopoly, trust, corporation, «economy of scale», Antitrust law, Senator J. Sherman.

Происхождение антитрестовского закона Шермана в США (1890 г.) до сих пор является предметом острых дискуссий среди исследователей. Особые споры в американской литературе вызывает вопрос о том, кто его лоббировал и в какой степени в этом процессе участвовал социальный слой предпринимателей. На этот счёт существуют три точки зрения. «Прогрессивная школа» в лице американского историка М. Джозефсона¹ минимизировала роль малого бизнеса и утверждала, что доминирующую группу интересов в

отстаивании свободы рыночной конкуренции составляли фермеры. Консервативная трактовка «школы консенсуса» (Ч. Невинс², Ф. Аллен³) предполагала, что главной действующей силой был малый и средний бизнес, который активно поддерживал антимонопольное законодательство, поскольку тресты применяли более совершенные технологии производства и имели возможности воспользоваться в полной мере экономией от масштаба. Согласно современной интерпретации, ярким представителем которой является Ч. Моррис⁴, политический вес потребителей товаров, фермеров и мелкого бизнеса в принятии антимонопольного законодательства был примерно равным. Представляется возможным, опираясь на архивные данные, попытаться определить, кто же был главным лоббистом антитрестовских законопроектов. Был ли это общественный порыв разных слоёв населения? Ведь дебаты между законодателями в основном велись по вопросу о том, имеет ли государство право вторгаться в сферу бизнеса, пытаясь регулировать коммерческие отношения.

К числу создателей первого федерального акта о запрете трестов относился один из лидеров республиканской партии Дж. Шерман. В конце 1880-х гг. он получал многочисленные письма от мелких нефтяных компаний с просьбами принять меры против злоупотреблений корпораций Дж. Д. Рокфеллера «Standard Oil», в руках которой было сосредоточено до 90 процентов нефтепереработки. В них они в первую очередь сетовали на то, что корпорация часто получала незаконные скидки от железнодорожных компаний из-за перевозки нефти в цистернах, а не в деревянных бочках. Мелкие нефтяные компании, продолжавшие перевозить нефть в бочках «постаринке», возражали против снижения тарифов для нефтяного магната, заявляя о том, что это даёт

крупным переработчикам явное конкурентное преимущество.

Переписка между сенатором Шерманом и представителями нефтяных компаний, хранящаяся в отделе рукописей библиотеки конгресса, вводимая впервые в отечественной науке в научный оборот, является важным источником для выяснения группы основных лоббистов антитрестовского закона. В ней были сформулированы просьбы различных компаний о внесении в конгресс законопроекта о запрете скидок за использование цистерн. Так, одно из писем от фирмы «Great Western Oil Works» даже содержало точные формулировки, которые представители компании хотели бы видеть в будущем законопроекте⁵. В нем говорилось: «Считать законным для любого перевозчика перевозку переработанной нефти и нефтепродуктов, хлопкового масла, скипидара в цистернах для любого грузоотправителя только при условии, что перевозчик устанавливает такой же тариф для перевозки в деревянных бочках»⁶.

Сенатор отреагировал на социальный заказ нефтедобывающих компаний внесением билля, почти дословно повторяющего текст письма, который позже был реализован в виде поправки к закону о межштатной торговле. Его сутью стало законодательное уравнивание в тарифах предприятий, перевозящих жидкое топливо как в цистернах, так и деревянных бочках⁷: «Считать законным уравнивание тарифов на перевозку нефтепродуктов в цистернах и бочках, признав скидки для перевозки в цистернах не соответствующими закону»⁸.

Не все независимые нефтепроизводители поддержали данное предложение. К примеру, У. Уорнер, секретарь «National Oil Company» в Титусвиле (Пенсильвания) выступил решительно против. По его словам, «Standard Oil» была не единственным перевозчиком, использовавшим цистерны для получения выгодных железнодорожных тарифов. Уорнер утверждал, что из 8000 цистерн, использовавшихся в 1889 г., 1700 принадлежало железным дорогам, 4200 – корпорации Рокфеллера, а 2100 цистерн – независимым нефтяным компаниям⁹. Следовательно, поставив вне закона скидки любым пользователям цистерн, предлагаемый сенатором проект был нацелен на снижение конкурентоспособности не только «Standard Oil», но и других нефтедобывающих заводов. Кроме того, билль Шермана запрещал скидки компаниям за использование цистерн только в области межштатной торговли (а не всем на нефтеперерабатывающем рынке), поэтому его принятие могло бы привести к повышению цен на товары. В частности, автор письма пояснял: «Множество других жидких товаров также теперь перевозятся в цистернах. Например, раньше всю серную кислоту мы получали в стеклянных бутылках. Если бы данный закон был одобрен, то издержки транспортировщиков выросли бы минимум на 50%»¹⁰. По этим при-

чинам, по мнению Уорнера, билль Шермана был «своеобразным бумерангом, брошенным в трест Рокфеллера безответственной и бездумной рукой, той силой, которая уберёт ни в чём не повинных нефтепереработчиков с рынка, не достигнув конечной цели»¹¹. В конце письма Уорнер весьма настойчиво рекомендовал Шерману прислушаться к его мнению: «Мы искренне рассчитываем, что вы, тщательно изучив все аспекты этого вопроса, не сделаете ничего такого, что усугубит те трудности, с которыми мы сейчас сталкиваемся каждый день, ведя дела о нарушении конкуренции с огромным трестом и его беспощадной мощью»¹².

Из анализа законотворческой деятельности сенатора Шермана следует, что его действия не всегда согласовались с распространённым в исторических работах тезисом о стремлении возродить конкуренцию и, тем самым, снизить цены¹³. Из его эпистолярного наследия явствует, что он не был «адвокатом корпораций», но также не был и защитником малого и среднего бизнеса, вытесняемого с рынка корпоративными гигантами. Наибольшее влияние на Шермана как сенатора от Огайо оказывали небольшие нефтяные компании, находившиеся в штате. Всякий раз, когда они обращались к нему с просьбами запретить железным дорогам предоставлять скидки за транспортировку нефти в цистернах, Шерман шёл им навстречу, несмотря на то, что запрет на их использование мог существенно повысить цены на топливо и другие продукты для потребителей. Более того, запрет на скидки за использование цистерн мог нанести ущерб не только корпорации «Standard Oil», но и другим независимым компаниям средней величины, использовавшим цистерны. Как писала сенатору компания «National», независимые компании могли окончательно лишиться возможности конкурировать с трестом Рокфеллера, будучи лишёнными самых бюджетных способов доставки нефти. В этой связи американский исследователь А. Чандлер писал, что «антитрестовские настроения в нефтяной отрасли были схожи с настроениями, господствовавшими в мясоперерабатывающей промышленности». По его мнению, в обоих случаях антитрестовская агитация основывалась на технологических инновациях в транспортировке в виде охлаждаемых железнодорожных вагонов и цистерн в нефтепереработке, вытеснивших с рынка неэффективных производителей, не имеющих возможности воспользоваться новыми технологиями доставки грузов¹⁴.

Как мы можем предполагать, исходя уже из первых писем архива, на Шермана давили различные группировки нефтедобывающих компаний. Вопреки распространённому среди многих современных исследователей мнению, малый и средний бизнес не был един в своей борьбе с крупными компаниями, что во многом предопределило быстрый переход к модели корпоративного капитализма в США¹⁵. После провала законопроекта о перевозке нефти в цистернах, который обсуждался

в сенатском комитете по вопросам финансов, независимые производители стали требовать от Шермана более решительных действий.

29 августа 1888 г. С. Мэйджор, один из руководителей сталелитейной компании «John Deere Co» штата Иллинойс, написал Дж. Шерману письмо с просьбой принять антитрестовский закон. В нём в качестве причины создания трестов он назвал чрезвычайно высокие таможенные пошлины¹⁶. По его мнению, «цены, контролируемые монополистическим объединением гораздо выше, чем они были бы в противном случае на открытом рынке»¹⁷. Ссылаясь на собственный опыт, представитель компании заявил, что цена так называемой «литой стали с мягкой сердцевиной» с 1880 по 1887 г. возросла в 1,5 раза. «Будь в наших сводах законов строгое антитрестовское законодательство как элемент закрепления традиционной американской системы свободного рынка и честной конкуренции, в котором определялось наказание для лиц, вступающих друг с другом в сговор с целью ограничения производства и контроля цен, то его последствием был бы более равномерный диапазон цен»¹⁸, – заявлял он.

Данное письмо содержит два характерных противоречия. С одной стороны, подобно многим современникам, представители компании доказывали, что высокие тарифы способствовали процветанию объединений и трестов. При этом «Deere» охотно пользовалась преимуществами протекционизма для собственной продукции, о чём представители компании подробно рассказывали в интервью газете «The New York Times»¹⁹.

С другой стороны, «John Deere Co» утверждала, что антитрестовский закон нацелен против «активной и подчас безжалостной конкуренции», которая «стимулирует падение цен ниже издержек». Такое убеждение в том, что подобная конкуренция доминировала во многих отраслях промышленности, не уникальна, она являлась скрытой попыткой оправдать некий тип сговора. На самом деле существовало множество подтверждений тому, что разрушительные ценовые войны способствовали, с одной стороны, обогащению трестов и иных корпоративных объединений, а с другой – вели к разрушению не только мелких, но и даже средних предприятий.

Одним из характерных источников, доказывающим этот тезис, было письмо генерального директора компании «Wave Trust Co» М. Каллахена. В тексте письма отмечалось, что рентабельность производства стальных труб в связи с началом массового строительства нефтепроводов трестом «Standard Oil» упала почти до нуля. «Несмотря на увеличение заказов и рост производства, уровень прибыли всё падает и падает вместе с падением цен на сталелитейные изделия из-за захвата огромной доли рынка объединением Э. Карнеги и началом строительства нефтепроводов Рокфеллером»²⁰. Заказы отдавались преимущественно

крупным сталелитейным объединениям наподобие «Carnegie Steel».

В канун внесения в сенат законопроекта о запрете объединений в форме трестов Шерман получил письмо от Ч. Тарбелла, директора компании «Ohio Oil» (отца знаменитой «разоблачительницы» трестов начала XX в. И. Тарбелл). В нём он советовал ему как можно жёстче сформулировать положения закона и признать противозаконными объединения компаний в целом. «Считаю необходимым проинформировать вас о позиции большинства независимых нефтепроизводителей штата Огайо, полагающих, что необходимо признать противозаконными любые торговые объединения для того, чтобы нанести решительный удар по монополиям, в том числе по «Standard Oil of Ohio» Дж. Рокфеллера»²¹. Из изученных материалов переписки данное письмо выделялось своим радикализмом. Ни одна другая компания в письмах к сенатору от Огайо не предлагала столь радикального варианта борьбы с монополизмом крупных трестов. Ч. Тарбелл также писал Шерману весьма откровенно о том, что «он понимает то сильное давление, которое оказывают на республиканцев крупные компании, и хотел бы выразить пожелание сенатору устоять в этой борьбе и прийти к компромиссу с однопартийцами и представителями демократической партии»²².

Так и получилось на практике. Итоговый текст антитрестовского «билля Шермана» получился весьма расплывчатым и, как предполагает американский исследователь М. Джозефсон, принадлежал республиканцу Д. Эдмундсу, которым были написаны 5 из 8 разделов закона²³. Вторая статья была направлена конкретно против монополий: «Любое лицо, которое монополизует или пытается монополизировать, объединяется или сговаривается с другим лицом или группой лиц для монополизации какой-либо части коммерции или торговли между штатами или с иностранными государствами, признаётся виновным в мелком уголовном правонарушении»²⁴. В законе отсутствовали чёткие формулировки и определения понятиям «трест», «сговор» и, что особенно важно, определение «монополии». Автор законопроекта, сенатор Шерман, фактически перенёс ответственность в трактовке и конкретизации закона на Верховный суд и суды штатов.

На наш взгляд, антитрестовские воззрения сенатора Шермана, на которые большое влияние оказали письма представителей малого и среднего бизнеса, носили весьма умеренный характер. Он предлагал делить корпорации на «хорошие» и «плохие», что и стало основой современной модели антитрестовского законодательства США. Однако он проводил чёткую, прописанную законодательно границу между данными видами компаний и разделял корпоративные объединения в соответствии со своими взглядами. Дж. Шерман считал, что его документ предполагает лишь общие принципы, которыми

должны руководствоваться суды при рассмотрении антимонопольных дел²⁵.

Изучив материалы переписки сенатора Шермана с представителями малого и среднего бизнеса, можно проследить характер воззрений данной категории американского общества и сделать вывод о том, что компромиссные формулировки закона Шермана мало отвечали их интересам. Степень их сплочённости в борьбе с трестами на момент принятия закона была довольно низкой, и такая разобщённость стала, наряду с активной оппозицией со стороны финансовой элиты, одной из важнейших причин принятия закона в умеренной формулировке. «Закон Шермана» стал базой для будущего развития антимонопольного законодательства «североамериканского образца». В свою очередь, именно на основе данного типа законодательства были сформулированы законы целого ряда европейских стран и России в XX веке.

Примечания

- ¹ *Josephson M.* The Robber Barons. The Great American Capitalists, 1861–1901. N. Y., 1934.
- ² *Nevins A.* John D. Rockefeller. The Heroic Age of American Enterprise. N. Y., 1934.
- ³ *Allen F.* The Great Pierpont Morgan. N. Y., 1949.
- ⁴ *Morris C. R.* The Tycoons. How Andrew Carnegie, John D. Rockefeller, Jay Gould and J. P. Morgan Invented the American Supereconomy. San Francisco, 2007.
- ⁵ *Sherman J.* Letters. 1889. Febr. 8. P. 1–2 // Library of Congress. Manuscript Reading Room.
- ⁶ *Ibid.* P. 2.
- ⁷ CR, 50-th Congress, 2-nd Session. P. 2441.
- ⁸ *Ibid.* P. 2442.
- ⁹ *Sherman J.* Letters. May 14. 1890 // Library of Congress. Manuscript Reading Room.
- ¹⁰ *Ibid.* P. 2.
- ¹¹ *Ibid.* P. 2–3.
- ¹² *Ibid.* P. 3.
- ¹³ *Chandler A.* The Visible Hand. The Managerial Revolution in American Business. Cambridge, 1977. P. 25.
- ¹⁴ *Chandler A.* Scale and Scope : The Dynamics of Industrial Capitalism. Cambridge, 1990. P. 222–223.
- ¹⁵ *Brands H. W.* American Colossus. The Triumph of Capitalism, 1865–1900. N.Y., 2014. P. 7.
- ¹⁶ *Sherman J.* Letters. Aug. 29. 1888. P. 1 // Library of Congress. Manuscript Reading Room.
- ¹⁷ *Ibid.* P. 1–2.
- ¹⁸ *Ibid.* P. 2.
- ¹⁹ The New York Times. 1890. Febr. 10.
- ²⁰ *Sherman J.* Letters. 1889. June 6. P. 1 // Library of Congress. Manuscript Reading Room.
- ²¹ *Sherman J.* Letters. 1890. Febr. 12. P. 1 // Library of Congress. Manuscript Reading Room.
- ²² *Ibid.* P. 1.
- ²³ *Josephson M.* Op. cit. P. 212–213.
- ²⁴ CR, 51-th Congress. 2-nd Session. P. 4092.
- ²⁵ *Sherman J.* Letters. 1889. March 5. P. 1–2 // Library of Congress. Manuscript Reading Room.

РЕГИОНАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ И КРАЕВЕДЕНИЯ

УДК 94 (470.44–25).04+929Чемоданов

ВОЕВОДА САРАТОВА ФЕДОР ИВАНОВИЧ ЧЕМОДАНОВ (1623–1626 ГГ.): НЕИЗВЕСТНЫЕ СТРАНИЦЫ БИОГРАФИИ

Я. Н. Рабинович

Саратовский государственный университет
E-mail: RabinovichYN@yandex.ru

В статье впервые представлена подробная биография воеводы Саратова Федора Ивановича Чемоданова, малоизвестного деятеля Смутного времени, который воевал на стороне царя Василия Шуйского против Лжедмитрия II, поддержал нового царя Михаила Романова, а в 1618 г. принял активное участие в обороне Москвы от поляков. Автор прослеживает дальнейшую судьбу этого человека, который в 1623 г. сменил в Саратове воеводу Константина Шушерина.

Ключевые слова: Смутное время, Федот Котов, Саратов, воевода, Федор Чемоданов.

The Saratov Voivode Fyodor Ivanovich Chemodanov (1623–1626): Unknown Pages of the Biography

Ya. N. Rabinovich

The article, presents the first detailed biography of Saratov voivode Fyodor Ivanovich Chemodanov, little-known activist of the Time of Troubles, who fought on the side of the tsar Vasilii Shuyskiy against Lzhedmitriy II, supported the new tsar Mikhail Romanov, and took an active part in the defense of Moscow from the Poles in 1618. The author traces the further destiny of this man who became the successor of the Saratov voivode Konstantin Shusherin in 1623.

Key words: Time of Troubles, Fedot Kotov, Saratov, voivode, Fyodor Chemodanov.

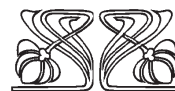
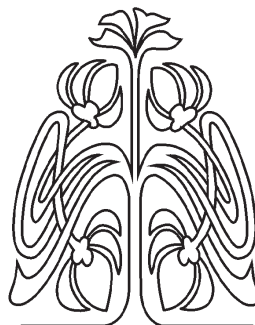
Имя Федора Ивановича Чемоданова в Саратове хорошо известно уже более 120 лет. Впервые он упоминается в приложении к списку саратовских воевод в 1892 г. Ф. Ф. Чекалиным, а затем (в 1893 г.) – авторами Саратовской летописи Ф. В. Духовниковым и Н. Ф. Хованским¹.

А. П. Барсуков также отмечал пребывание Федора Чемоданова на воеводском посту в Саратове (1623–1626) и Вязьме (1632–1634)².

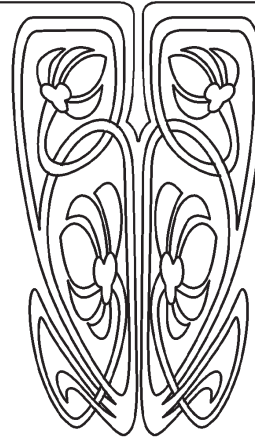
А. А. Гераклитов в основном повторил сказанное Барсуковым, сделав лишь небольшое уточнение: «...стряпчий с платьем (1611–1616), второй воевода в Вязьме (1632, 1633)»³. Никаких других сведений из жизни Федора Чемоданова А. А. Гераклитов не привел.

По-видимому, А. А. Гераклитов не был знаком с биографической статьей о Федоре Чемоданове, написанной В. Бенешевичем. Эта довольно подробная биография Ф. И. Чемоданова была опубликована А. А. Половцовым в 1905 г. в одном из томов Русского биографического словаря (Т. 29) за 8 лет до выхода статьи А. А. Гераклитова. Следует отметить, что Русский биографический словарь А. А. Половцова был хорошо известен членам СУАК (в библиотеке кафедры истории России СГУ имеются тома РБС со штампом СУАК). Данная работа В. Бенешевича, несмотря на ряд неточностей, и через сто лет после своей публикации является самой лучшей на сегодняшний день биографией воеводы Федора Чемоданова⁴.

Дворянский род Чемодановых ведет свою родословную с середины XV в. Основатель рода *«муж честной Воропан выехал из Польши*

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

на Русь при великом князе Московском Василии Темном в 1449 г., который пожаловал его за выезд вотчинами и поместьями»⁵.

Трудно проследить связь нашего героя Федора Ивановича Чемоданова с этим легендарным персонажем.

Федор Иванович Чемоданов в начальный период Смутного времени редко упоминается в источниках. Как и другие Чемодановы, службу он начал при дворе, отличился не на поле брани, а на придворной службе. Косвенные источники позволяют сделать вывод, что при осаде Москвы тушинцами в 1608–1610 гг. Федор Чемоданов, по-видимому, верно служил царю Василию Шуйскому. В источниках более позднего времени (Писцовые книги Пошехонского уезда) содержатся сведения, что Федор Чемоданов был пожалован за московское осадное сидение при царе Василии Шуйском вотчиной в Петрабольской волости Пошехонского уезда⁶.

Еще один источник подтверждает участие Федора Чемоданова в боевых действиях против Тушинского вора на стороне Василия Шуйского. Позже, уже при Михаиле Романове, Федор Чемоданов вместе с 11 другими членами Государева двора подтвердил оклад жильца Михаила Семеновича Гагарина, которого царь Василий Шуйский пожаловал за выход из тушинского лагеря. Михаил Гагарин сказал, что в 118 г. (1609/1610) его недалеко от Коломны взяли в плен юртовские татары и отвезли к самозванцу в Тушино, откуда он вскоре бежал в Москву. Обычно в качестве таких свидетелей дьяки опрашивали товарищей по службе, которые «подтвердили сказанное Гагаринным у выписи»⁷.

Когда Федор Иванович Чемоданов получил придворную должность «стряпчего с платьем», и при каком правителе – неизвестно. Впервые он записан в источниках в этой должности в 1611 г., хотя вполне мог стать стряпчим с платьем еще раньше.

Неизвестно, принимал ли Федор Чемоданов участие в Подмосковном ополчении Прокопия Ляпунова. Во всяком случае, в Боярском списке 1611 г., составленном дьяками Подмосковного ополчения, он записан стряпчим с платьем⁸. Однако против фамилии Федора Чемоданова в этом Боярском списке стоит помета «нет», что косвенно может свидетельствовать о том, что наш герой не был под Москвой в 1611 г. и не участвовал в ополчении. Можно выдвинуть более смелое предположение о том, что Федор Иванович Чемоданов в это время вполне мог находиться в осажденной Москве вместе с поляками и боярами (И. И. Романов, Ф. И. Шереметев, Ф. И. Мстиславский, И. М. Воротынский и др.) и другими членами Государева двора. Возможно, он уже тогда был близок к будущему царю Михаилу Романову, который также находился в осажденной Москве вместе со своей мамой, инокиней Марфой, и дядей, боярином И. Н. Романовым.

В боярской книге 1616 г. Федор Чемоданов записан по-прежнему в стряпчих с платьем, у которого «поместный оклад 650 четей, из чети 40 рублей»⁹. Эти деньги (40 рублей) Ф. И. Чемоданов получал из Устюжской чети как стряпчий еще в 7127 г. (1618/1619). Поэтому время пребывания в чине стряпчего, указанное А. А. Герасимовым (1611–1616), можно продлить, как минимум, еще на 2–3 года, до 1619 г.

Приведем для сравнения денежные оклады других Чемодановых – в этой же Устюжской чети получали жалованье в том же 1618/1619 году близкие родственники Федора Ивановича – Иван Чемоданов (отец или дядя?) (150 рублей) и Семен Иванович Чемоданов (дядя?) (100 рублей)¹⁰.

Федор Иванович Чемоданов очень редко упоминается в источниках вплоть до 1615 г. Одно из первых известных важных служебных поручений Федор Иванович получил именно летом 1615 г. Обстановка для страны в то время была очень сложной: только что Москва освободилась от осады казаками атамана Баловня, которых разгромил боярин Борис Лыков, на юге начал свой знаменитый рейд атаман Лисовский, значительные силы русской армии были стянуты под Смоленск, польский гарнизон которого упорно сопротивлялся всем попыткам московских воевод вернуть этот древний русский город. И в то же время на севере шведы начали новое наступление с целью захватить Псков и заставить Москву пойти на мирные переговоры с уступкой Швеции значительной части русской территории.

В конце июля 1615 г. шведский король Густав Адольф с большим войском прибыл к Пскову. Псковский воевода боярин В. П. Морозов срочно отправил в Москву донесение с просьбой о помощи: «...подо Псков прииош Свейской король на осаду и надо Псковом хочет промышлять». Это письмо было получено в Москве еще до 20 августа. Правительство немедленно приняло меры: «И августа в 20 день Государь... указал идти во Псков боярину и воеводам Федору Ивановичу Шереметеву да столнику Василью Петровичу Ахамашукову-Черкасскому да дьяку Четаю Оботурову...» Сбор всех отрядов, с которыми боярин Ф. И. Шереметев должен был прийти к Пскову, был назначен «во Ржеве Володимирове». Сохранился Наказ боярину Ф. И. Шереметеву, в котором отмечено, что для мобилизации войск по городам были посланы сборщики стряпчие, в том числе в Арзамас – стряпчий Федор Иванович Чемоданов. Ему и другим сборщикам было велено «из городов дворян и детей боярских привести во Ржеву на спех»¹¹.

Собранное осенью 1615 г. в Ржеве войско Ф. И. Шереметева, впрочем, не сумело оказать Пскову никакой помощи. Тогда же возле Ржевы оказался польский отряд Александра Лисовского, который пытался взять этот город. Впрочем, псковичи и без помощи боярина Шереметева сами отразили все штурмы шведов¹².

Вряд ли Федор Иванович Чемоданов со своим отрядом арзамасцев принял участие в боях с Лисовским. Уже говорилось, что Федор Чемоданов подтвердил оклад жильца Михаила Семеновича Гагарина. Судя по этому документу, 16 октября 1615 г. он находился в Москве: «И 124-го октября в 16 день в Розряде дьяком думному Сыдавному Васильеву да Марку Поздееву да Михайлу Данилову в сыску...» дворяне, стряпчие и жильцы, в том числе стряпчий Федор Чемоданов подтвердили сказанное Михаилом Гагариным¹³.

Об этой арзамасской службе Федора Чемоданова упоминает В. Бенешевич. Правда, этот исследователь после информации об отправке Ф. И. Чемоданова в Арзамас (1615 г.) сразу же писал о назначении его воеводой в Саратов, упустив 8 лет из жизни нашего героя: «Только под 1623 годом встречается опять его имя: в этом году он был назначен воеводой в Саратов...»¹⁴

Действительно, сведений о том, чем занимался наш герой все это время (1616–1623 гг.), в источниках пока не обнаружено. Известно, что осенью 1618 г. стряпчий Федор Иванович Чемоданов участвовал в обороне Москвы от войск польского королевича Владислава.

В Осадном списке 1618 г. имя Федора Чемоданова не значится, что связано, по мнению А. П. Павлова, с утратой части этого текста. Из других источников (писцовые книги) известно, что Федор Чемоданов был пожалован вотчиной именно «за королевичев приход», т. е. за участие в обороне Москвы от войск Сигизмунда и Владислава. Эта вотчина находилась в Подлесском стане Шацкого уезда¹⁵. Теперь, в дополнение к далекой северной вотчине в Пошехонском уезде, у нашего героя появилась новая вотчина на юге, в Шацком уезде, недалеко от Рязани.

Первое воеводское назначение наш герой получил в город Саратов. К 1623 г. прошло уже 7 лет с того момента, как этот город был восстановлен на левом берегу Волги. В новом городе сменилось несколько воевод (Федор Оболенский, Ефим Мышецкий, Константин Шушерин). Федор Иванович Чемоданов стал четвертым воеводой левобережного Саратова. В Разрядных книгах под 7131 г. (1622/1623 г.) содержится краткая запись: «На Саратове воевода Федор Иванов сын Чемоданов». Данная запись свидетельствует, что Федор Чемоданов мог уехать из Москвы (из Казани) в Саратов в период с сентября 1622 г. вплоть до августа 1623 г. Эта же запись повторяется и на следующий 7132 год¹⁶.

Трудно сказать, когда именно Федор Чемоданов приехал в Саратов. В те годы воеводы обычно отправлялись в Саратов либо в начале сентября с последним осенним караваном, либо ранней весной с первым караваном. Существовал вариант прибытия с летним караваном. Это был единственный путь – только из Казани по Волге. Прямая дорога «полем» через земли мордвы использовалась лишь гонцами в экстренных случаях.

Скорее всего, прежний воевода Ефим Федорович Мышецкий убыл из Саратова осенью 1622 г., его на короткое время сменил казанский жилец Константин Никитич Шушерин, который был воеводой лишь до весны – лета 1623 г. Он передал все дела новому воеводе Федору Чемоданову.

Можно предположить, что Федор Чемоданов приплыл в Саратов из Москвы в одном караване вместе с купцом Федотом Котовым либо (как вариант) – за два месяца до Котова с первым весенним караваном из Казани. В любом случае, Чемоданов и Котов вместе были в Саратове. Именно к этому времени относятся первые подробные сведения о левобережном Саратове. Эта информация содержится в отчете упомянутого купца Федота Котова, который в 1623 г. был послан с товарами из государственной казны в Персию.

О путешествии Федота Котова по Волге хорошо известно. Он отправился из Москвы 6 мая 1623 г. вместе с 8 другими купцами. Можно рассчитать время, когда Ф. Котов делал остановку в Саратове. О том, что он действительно останавливался на короткое время в этом городе, сомнений нет (судя по его описанию Саратова). Известно, что 8 августа 1623 г. два морских корабля, на которых русские купцы собирались отправиться по Каспийскому морю в Персию, были уже готовы к отплытию. Ф. Котов отмечал, что «из Астрахани государеву казну свезли и погрузили на две бусы 8 августа». Примем во внимание время, необходимое для разгрузки товаров с речных судов и погрузки их на морские суда, на подготовку к столь дальнему переходу. Получим, что в Астрахань Ф. Котов приплыл уже в середине – конце июля. Следовательно, в Саратове этот караван останавливался в июне 1623 г. (скорее всего во второй половине июня).

Каким же предстал Саратов перед Ф. Котовым в июне 1623 г., когда в этом городе находился воевода Ф. И. Чемоданов (или когда Федор Чемоданов приехал в Саратов вместе с Ф. Котовым)?

Купец Федот Котов в своем отчете отмечал, что Саратов расположен на луговой стороне Волги, а не на горной стороне. В этом описании Саратова следует обратить внимание на то, что внутреннее укрепление представляло собой «стоячий острог» с круглыми рублеными башнями. Фраза «дворы и ряды в городе» означает, что существовали еще внешние укрепления. Эти дворы и ряды не могли находиться внутри небольшой крепости. Слово «город» здесь означает просто огороженную местность, своего рода укрепленный посад, но не саму крепость. Кроме того, снаружи от этого второго укрепления («города») находились стрелецкие дворы, где постоянно жили стрельцы саратовского гарнизона в мирное время, а также годовальщики из других городов (переменный состав гарнизона). Конечно, в случае тревоги при угрозе вражеского нападения внутри укрепления и внутри самой крепости имелись специальные осадные дворы.

За городом также находились рыбные лавки и амбары. Они располагались на берегу возле пристани, чтобы удобнее было сгружать с судов припасы и хранить их. Фраза о том, что город стоит «над Волгой», хоть и на ровном месте, означает, что Саратов находился на некотором возвышении. Ф. Котов указывал, что «речка Саратовка вышла из степи по нижней сторону», что говорит о расположении Саратова севернее устья этой реки¹⁷.

В своем описании Саратова Федот Котов ничего не говорит о существовании в те годы в Саратове мужского Богородицкого монастыря. Однако А. А. Гераклитов обнаружил один документ, в котором говорится не только об этом монастыре, но и называется имя его строителя (основателя и настоятеля). Речь идет о так называемой «Столовой книге патриарха Филарета», в которой ежедневно записывались обеды, подаваемые патриарху, а также указывались лица, приглашаемые на эти обеды. «В субботу Лазореву марта в 20 день» 1623 г. на обеде у патриарха присутствовал «строитель с Саратова новоявленные Пречистые Богородицы старец Петр»¹⁸.

Новоявленной в данном случае могла именоваться только Казанская икона Божьей Матери. Гарнизон Саратова, состоящий в основном из выходцев с Казани и Нижнего Новгорода, особенно почитал эту икону, сыгравшую важную роль в освобождении Москвы от поляков. Первыми насельниками Богородицкого монастыря в Саратове вполне могли стать пожилые отставные стрельцы и другие служилые люди. Добавим, что в 1626 г. патронами этого монастыря в Саратове кроме Богородицы Казанской были соловецкие чудотворцы, Зосима и Савватий. Об этом свидетельствует запись в Книгах Печатного приказа от 16 апреля 1626 г., которую обнаружил А. А. Гераклитов¹⁹.

Весной 1626 г. в Саратове по-прежнему находился воевода Федор Иванович Чемоданов. Именно этому воеводе была отправлена 16 апреля 1626 г. грамота, в которой удовлетворялась просьба строителя Богородицкого монастыря Петра с братией, чтобы им дать «в руги место рыбные ловли в саратовских водах от Бородина песку да на низ по Сунбуловку». По мнению А. А. Гераклитова, у этого строителя Петра были какие-то связи в придворных кругах, ему оказывали покровительство патриарх Филарет и старица инокиня Марфа Ивановна, мать царя Михаила²⁰. Не стоит забывать, что и Чемодановы, в том числе Федор Иванович, вот уже много лет также были близки к окружению царской семьи.

Одной из задач воеводы Саратова Федора Чемоданова было обеспечение безопасного плавания по Волге посольских караванов. Инциденты с иноземными послами были чреваты крупными международными осложнениями. На посольских караванах обычно везли богатые подарки правителям соседних стран (прежде всего московскому царю и иранскому шаху). Поэтому воровские казаки на Волге мечтали поживиться богатой

добычей, не обращая внимания на последствия таких нападений. Воеводам Саратова и других поволжских городов пришлось приложить немало сил, чтобы обеспечить безопасное плавание таких караванов.

В мае 1624 г. по пути из Астрахани в Москву в Саратове остановился гонец Юрий Бурнашев (он прибыл в Москву 26 июня). Юрий Бурнашев сообщил воеводе Ф. И. Чемоданову важные сведения о возвращении из Персии посольства Василия Гавриловича Коробьина и Остафия Кувшинова вместе с персидскими послами: воевода Федор Чемоданов должен быть готов к встрече огромного посольского каравана. В Саратове на всякий случай были готовы плотники, кузнецы, заготовлен строевой лес, парусина, канаты, скобы, материал для ремонта судов. В случае поломки судов остановка в такой небольшой крепости огромного каравана была чревата тяжелыми последствиями для жителей Саратова. Прокормить такое большое количество людей в случае задержки каравана воевода саратовской крепости был не в состоянии. Как отмечал П. П. Бушев, «насколько это был громадный караван судов, видно из того, что одних только гребцов потребовалось 920 человек»²¹. В середине сентября 1624 г. (около 15–20 сентября) этот караван из Астрахани прибыл в Саратов. Персидские послы Урусун-бек (Русан бек, «грузинец Урусамбек») и Мурат-бек везли в дар царю Михаилу и патриарху Филарету от шаха Аббаса священную христианскую реликвию, Ризу Христову (золотой ковчег, внутри которого находился небольшой кусок ветхой полотняной материи). Также в качестве подарка царю от шаха послы везли двух слонов. Воевода Чемоданов вздохнул с облегчением, когда этот караван отплыл дальше к Самаре. Уже 6 октября русские и персидские послы были в Самаре²².

Летом (осенью) 1625 г. в Саратове по пути в Персию останавливалось посольство князя Григория Васильевича Тюфякина и Григория Ивановича Феофилаьева. Персидские послы Урусун-бек и Мурат-бек также возвращаются домой с этим караваном. Этот караван встречал и провожал далее к Царицыну прежний воевода Федор Чемоданов. Один из русских послов Григорий Феофилаьев через 9 лет тоже будет назначен воеводой в Саратов.

В Книгах разрядных именно за 7133 г. (1624/1625) впервые приводится точная численность гарнизона Саратова: «На Саратове Федор Иванов сын Чемоданов, а с ним детей боярских 18 ч., пушкарей 4 ч., воротников 2 ч., толмач 1 ч., воз 1 ч., с головою да с 3 ч. сотники конных и пеших 350 ч. стрельцов; на Саратове ж на годовой из Еранска, из Кузьмодемьянска из Уржума с сотником 100 ч. стрельцов пеших» (40 стрельцов с головой из Кузьмодемьянска, 30 стрельцов из Яранска, остальные 30 человек из Уржума)²³.

В 1626 г. саратовская служба для Федора Чемоданова закончилась. Его сменил новый воевода

Григорий Никитич Орлов. В Книгах разрядных под 7134 г. (1625/1626) записано: «На Саратове Федор Иванов сын Чемоданов; и Федору велено ехать к Москве, а на Саратов послан Григорий Микитин сын Орлов»²⁴. Смена воевод произошла уже в 1626 г. Об этом прямо говорится в следующих строках Дворцовых разрядов под 7134 г. (1625/1626): «На Саратов послан Григорий Никитин сын Орлов на Федорово место Чемоданово»²⁵. Основной источник, который подтверждает пребывание в Саратове Федора Чемоданова весной 1626 г., – это уже упоминавшаяся грамота от 16 апреля 1626 г., которую обнаружил А. А. Герасимов. Эта грамота адресована именно воеводе Саратова Федору Чемоданову. Отправляя эту грамоту, дьяки в Москве знали, что в Саратове в апреле 1626 г. продолжал воеводскую службу Федор Чемоданов.

Вернувшись в Москву поздней осенью 1626 г., Федор Иванович Чемоданов продолжал службу при дворе и довольно часто приглашался к государеву столу. Впервые после возвращения из Саратова в Москву он упоминается у государева стола 23 января 1627 г.²⁶

Он также участвовал в праздничных обедах 6 августа («на Преображенъев день») и 8 сентября 1627 г. («на Рожество пресвятыя Богородицы») в Золотой подписной палате²⁷. В Дворцовых разрядах оба раза Федор Чемоданов записан как дворянин московский после Федора Федоровича Волконского (6 августа) и Ивана Федоровича Волконского (8 сентября).

В ноябре 1627 г. Федору Чемоданову было указано быть вместе с кн. Иваном Михайловичем Борятинским в Вязьме, оба воеводы одновременно отправились к новому месту службы. Они вместе с дьяком В. Волковым сменили в этом городе в конце ноября прежних воевод кн. В. П. Ахамашукова-Черкасского, Д. А. Замыцкого и дьяка М. Сомова. В Дворцовых разрядах записано: «... месяца Ноября в ... день Государь... указал быть в Вязме воеводам: князь Ивану князь Михайлову сыну Борятинскому, Федору Иванову сыну Чемоданову, дьяку Василью Волкову...»²⁸ Пограничный город Вязьма был достаточно укреплен. Особенно интенсивное строительство новых укреплений наблюдается в первой половине XVII в., когда крепость Вязьма стала играть роль Смоленска. В Книгах разрядных указан полный состав гарнизона Вязьмы вместе с посадскими людьми во время пребывания в этом городе Федора Чемоданова: «И всего в Вязме всяких людей 1304 ч.»²⁹.

Вместе с кн. И. М. Борятинским Федор Чемоданов уехал из Вязьмы в Москву в самом начале 1629 г. Их сменили в Вязьме новые воеводы А. И. Головин, И. В. Благово и дьяк И. Михайлов³⁰.

Уже в начале апреля 1629 г. (а возможно, и раньше) Федор Чемоданов был в Москве. 7 апреля 1629 г. (впервые после возвращения из Вязьмы в Москву) он упоминается среди дворян, которые присутствовали на праздничном обеде у

царя. В Разрядах записано, что 7 апреля 1629 г. «на Светлой неделе во вторник у государя был стол в столовой избе. У стола были дворяне... Ф. И. Чемоданов»³¹.

Через три дня после этого праздничного обеда Федора Чемоданова, как и многих москвичей, постигло несчастье – его двор сгорел во время страшного пожара 10 апреля 1629 г.

По словам В. Бенешевича, «довольно часто приходилось Чемоданову, у которого был на Москве, как видно, двор, выставлять 3–5 человек даточных в цветных платьях во время торжественных выездов в Москву чужеземных послов». Подготовленная к печати проф. В. И. Троицким и опубликованная в 1940 г. проф. В. Лебедевым опись г. Москвы, составленная вскоре после пожара 10 апреля 1629 г., позволяет уточнить место расположения двора Федора Чемоданова в Москве. Этот двор находился на пересечении Знаменской улицы («Улица Знаменская большая, едучи от Кремля города к Белому городу... к Благовещенью и у Николы на Старом Ваганькове») и безымянного переулка («Знаменские же улицы налево переулком мимо Знаменья пречистые богородицы до Николы Турьгина и до Пречистые Ржееские»). В настоящее время в этом районе находится ст. метро Кропоткинская. Соседями Федора Чемоданова на Знаменской улице были боярин Иван Шуйский, окольный Артемий Измайлов и др. После пожара было решено расширить улицы и переулки за счет дворов жителей. У погорелых мест отрезалась часть дворов. У Федора Чемоданова урезали целую сажень по Знаменской улице и четверть сажени в переулке. В результате этих мероприятий Знаменская улица была расширена до 6 сажени, а переулочек – до 3 сажени³².

Федору Чемоданову приходилось не только выставлять своих дворовых людей для торжественной встречи иноземных послов. Однажды ему самому пришлось быть в приставах при голландских послах Альберте-Конраде Бурге и Иоанне Фельдтриле. Голландские послы «Албертус» и «Яган» приехали в Москву 1 декабря 1630 г. Из Архангельска до Москвы послов сопровождали другие приставы, а при въезде в столицу приставами были назначены Федор Чемоданов и дьяк Иван Переносов. Через две недели 14 декабря состоялся прием царем в Грановитой палате голландских послов, а 22 декабря – встреча этих послов в Золотой подписной палате. 4 марта 1631 г. была прощальная аудиенция (отпуск послов) в Золотой подписной палате. Все это время целых три месяца приставами при голландских послах были Федор Чемоданов и дьяк Иван Переносов³³.

Вскоре после отъезда голландских послов из Москвы мы видим Федора Чемоданова среди присутствующих на торжественном царском приеме в Кремле в Золотой меньшей палате шведского посланника Антония Моньера. Этот прием состоялся 17 мая 1631 г. сразу после приезда А. Моньера в Москву³⁴.

18 апреля 1632 г. государь указал Ф. И. Чемоданову быть объезжим головой в Китай-городе «для береженья от огней и всякого воровства». В Дворцовых разрядах записано, что «в Китае Федор Иванов сын Чемоданов, да дьяк Григорей Теряев, и Григорей отставлен, а в его место дьяк Рохманин Болдырев. А после был в Китае Илья Козмин сын Безобразов да дьяк Рохманин Болдырев»³⁵. Эта фраза убедительно свидетельствует, что летом 1632 г. (до 1 сентября 1632 г.) Федора Чемоданова заменил в должности объезжего головы в Китай-городе Илья Безобразов. Причина для замены в данном случае была одна: назначение Федора Чемоданова летом 1632 г. снова вторым воеводой в Вязьму. Начинаясь Смоленская война, в которой пограничному городу Вязьме отводилась важная роль.

В мае 1632 г. после записи в Дворцовых разрядах об отправке в Швецию посла Бориса Пушкина, а также на Валуйки Г. К. Волконского для размена с крымскими послами, следует запись о назначении воевод в Вязьму Мирона Вельяминова и Федора Чемоданова. Далее идет запись от 4 июня 1632 г. о назначении окольного Артемия Измайлова помощником к воеводе М. Б. Шеину, отправляемому с войском в поход под Смоленск³⁶. Судя по данным записям, назначение воевод в Вязьму произошло до 4 июня. Отправиться к новому месту службы Мирон Вельяминов и Федор Чемоданов могли по дополнительной команде позднее, в июле – августе 1632 г. Уже в августе – начале сентября 1632 г. новые воеводы были в Вязьме, где сменили прежних воевод Романа Пожарского и Ивана Колтовского. В Книгах разрядных под 7140 г. (1631/1632), (т. е. до 1 сентября 1632 г.) четко сказано, что в Вязьму на смену кн. Р. П. Пожарскому, И. С. Колтовскому были отправлены новые воеводы М. А. Вельяминов, Ф. И. Чемоданов и дьяк П. Копнин³⁷.

Автор статьи о Федоре Чемоданове В. Бенешевич придерживался другого мнения. Он считал, что Ф. Чемоданов прибыл в Вязьму не ранее весны 1633 г.³⁸

В Книгах разрядных содержится запись, что новые воеводы в Вязьме сменили прежних воевод в 141 г. (1632/1633). Учитывая, что год начинался 1 сентября 1632 г., можно предположить, что смена воевод произошла именно в сентябре этого года. Здесь же указан полный состав гарнизона Вязьмы в это время. Всего насчитывалось в Вязьме 1306 ратных людей «да посадиких людей 117 ч. с пещальми, да 134 ч. с копья и с бердыши и с рогатины». На защиту города от поляков встали 1557 вооруженных людей³⁹.

Актовые материалы свидетельствуют, что уже осенью 1632 г. Федор Чемоданов находился в Вязьме. В деле по челобитью дьяка Петра Копнина 1632 г. уже указан второй воевода Вязьмы Ф. И. Чемоданов. Из данного дела мы узнаем, что Федор Чемоданов имел к тому времени довольно высокий денежный оклад 140 рублей, ко-

торый он «получил сполна на нынешний на 141 г.» (1632/1633 г.), т. е. накануне отъезда в Вязьму. Причем об этом стало известно в начале сентября 1632 г. находившемуся в Вязьме дьяку Петру Копнину, что лишний раз подтверждает прибытие Чемоданова в Вязьму уже к осени 1632 г.⁴⁰

Сохранился еще один документ (Дело по челобитью воеводы Мирона Вельяминова), в котором есть запись: «141 октября в 18 день писали к государю из Вязьмы воеводы Мирон Вельяминов да Федор Чемоданов да дьяк Петр Копнин...»⁴¹ Эта фраза «писали к государю из Вязьмы» свидетельствует, что уже 18 октября 1632 г. в Москве получили данный документ, а упомянутые воеводы, в том числе Федор Чемоданов, к тому времени уже давно находились в Вязьме. В данном документе также говорится: когда войско боярина М. Б. Шеина шло к Смоленску и находилось возле Вязьмы, эти воеводы снабжали войско продовольствием из государевых запасов, которые хранились в Вязьме. Следует заметить, что войско Шеина прибыло к Вязьме 26 сентября 1632 г. и там отдыхало целую неделю. Это также поможет уточнить время нахождения в Вязьме воеводы Федора Чемоданова, который уже служил в этом городе, когда туда подошло войско Шеина. Таким образом, начало вяземской службы Федора Чемоданова можно установить довольно точно – сентябрь 1632 г.

Новые донесения от всех трех воевод Вязьмы (Вельяминова, Чемоданова и Копнина) были получены в Москве 24 октября и 7 ноября 1632 г. Однако в следующих донесениях из Вязьмы в качестве отправителей указаны «Мирон Вельяминов с товарищи». Это усложняет определение точного времени завершения вяземской службы помощников Мирона Вельяминова – Федора Чемоданова и Петра Копнина. Они оба умерли в Вязьме во время осады города поляками. Вполне возможно, что в 1633 г. наш герой был еще жив и находился в Вязьме.

В разрядной выписи по делу о челобитье Мирона Вельяминова кратко указано, что Мирон Вельяминов был «во 141-м и 142 годех на государеве службе в Вязьме воевода и государевым делом промышлял, а в товарищах с ним были Федор Иванов сын Чемоданов, да дьяк Петр Копнин, и Федор Чемоданов и дьяк Петр Копнин в Вязьме померли»⁴². Дату смерти Федора Чемоданова и Петра Копнина в источниках обнаружить не удалось. В одном из списков Дворцовых разрядов в 142 г. (1633/1634) указаны воеводы в Вязьме по-прежнему все трое – Вельяминов, Чемоданов и Копнин⁴³.

Донесения из Вязьмы от «Мирона Вельяминова с товарищи» были получены в Москве 10, 14, 15, 27, 29 ноября, 21 декабря 1632 г., 10, 26 января, 19 октября, 22 и 27 ноября, 10 декабря 1633 г., 3, 9, 17 (две отписки), 25 января, 1, 16 (две отписки) февраля 1634 г. В ответ от государя писано «Мирону Вельяминову с товарищи с жалованным словом и похвалою». Последующие донесения из Вязьмы

18, 26 и (две отписки) 29 марта 1634 г. также шли от воевод «Мирона Вельяминова с товарищи».

Последнее донесение этих же отправителей было получено в Москве 5 апреля 1634 г. В нем говорится о тяжелом бое под Вязьмой 31 марта. В эту ночь приходили изгоном за два часа до рассвета на посад по Ржевской дороге «польские и литовские многие люди и черкасы». Бой продолжался до четвертого часа дня. Воеводы сумели отстоять город, «от города и от посада литовских людей выбили». Однако этот бой дорого обошелся защитникам Вязьмы. Не исключено, что именно в ходе этого боя погибли Федор Чемоданов и дьяк Третьяк Копнин. Во всяком случае, последующее донесение из Вязьмы (получено 26 апреля) идет уже только от одного Мирона Вельяминова, здесь мы нигде не увидим слова «с товарищи»; везде читаем: «посылал он», Мирон Вельяминов, всяких охочих людей для языков. Последующие донесения из Вязьмы от июня – июля 1634 г. идут от Мирона Вельяминова и дьяка Филиппа Ларионова⁴⁴.

Вопрос о дате смерти Федора Чемоданова в Вязьме (1633 или 1634 г.) остается открытым. А. А. Гераклитов указывал, что Федор Чемоданов был вторым воеводой в Вязьме в 1632–1633 гг., а В. Бенешевич писал, что «в 1634 г. Чемоданов умер в Вязьме».

В заключение стоит сказать несколько слов о семейном положении и родственных связях Федора Ивановича Чемоданова. Известен двоюродный дед Федора Чемоданова, дядя отца нашего героя. Этого родственника звали Иван Крячко Иванович Воропонов (вспомним основателя рода некоего Воропана). Иван Воропонов в 1560 г. передал в Троице-Сергиев монастырь свою вотчину в Московском уезде. Два родных дяди Федора Чемоданова Иван Иванович Большой (стряпчий с ключом при Борисе Годунове) и Семен Иванович (дворянин московский) умерли почти одновременно в 1630 г. бездетными, постригшись в монахи (приняли имена Иосиф и Сергей).

У Федора Чемоданова было два младших брата, Осип и Иван, которые довольно часто упоминаются в Разрядах. Особенно много сведений имеется об Иване Ивановиче, который в 1630 – 1650-е гг. служил воеводой во многих городах, а в 1656–1657 гг. был послом в Венеции. Жена Федора Ивановича Соломонида Андреевна была сестрой кн. Федора Андреевича Оболенского (Ф. А. Оболенский называет Федора Ивановича Чемоданова своим зятем). Получается, что жена Федора Чемоданова была близкой родственницей воеводы Саратова Федора Тимофеевича Черново-Оболенского. Из детей Федора Ивановича известна только одна дочь Анастасия⁴⁵. Составители Осадного списка приводят интересные сведения о том, эта Анастасия позже вышла замуж за Матвея Васильевича Шереметева⁴⁶. Вскоре она овдовела (после гибели мужа в 1657 г. в битве под Валком во время русско-шведской войны).

Примечания:

- ¹ Чекалин Ф. Ф. Саратовское Поволжье с древнейших времен до конца XVII в. Саратов, 1892. С. 80; Духовников Ф. В., Хованский Н. Ф. Саратовская летопись // Саратовский край, исторические очерки, воспоминания, материалы. Вып. 1. Саратов, 1893. С. 25.
- ² Барсуков А. П. Списки городовых воевод и других лиц воеводского управления Московского государства XVII столетия по напечатанным правительственным актам. СПб., 1902. С. 592.
- ³ Гераклитов А. А. Список Саратовских и Царицынских воевод XVII в. // Труды СУАК. Вып. 30. Саратов, 1913. С. 65.
- ⁴ Бенешевич В. Чемоданов, Федор Иванович // Русский биографический словарь Чаадаев – Швитков / издан под наблюдением А. А. Половцова. СПб., 1905 (репринт. М., 2000). С. 146.
- ⁵ Бочков В. Н. Легенды о выезде дворянских родов // АЕ за 1969 г. М., 1971.
- ⁶ Осадный список 1618 г. // Памятники истории Восточной Европы. Том VIII / сост. Ю. В. Анхимюк, А. П. Павлов. М.; Варшава, 2009. С. 498.
- ⁷ Разрядные столбцы 122–124 гг. сыска денежных окладов: Четвертки Смутного времени. 1604–1617 гг. (Смутное время Московского государства. Вып. 9) / собр. и ред. Л. М. Сухотин // ЧОИДР. 1912. Кн. 2. С. 204.
- ⁸ Боярский список 119-го году сочинен до московского разорения при Литве с писма думного дьяка Михаила Данилова (Сторожев В. Материалы для истории русского дворянства // ЧОИДР. 1909. № 3 (230). С. 83).
- ⁹ Книга, а в ней писаны бояре, и окольные и думные люди с денежными оклады, а стольники, и стряпчие и дворяне московские, и дьяки, и жильцы из городов дворяне ... с поместьями и с денеж... 124 году // Акты Московского государства, изданные Академией Наук / под ред. Н. А. Попова. Т. 1. (1571–1634). СПб., 1890. № 108. С. 142.
- ¹⁰ Расходная книга Устюжской чети 7127 г.: Приходно-расходные книги московских приказов. Кн. 1 // РИБ. СПб., 1912. Т. 28. Стб. 685, 687, 696.
- ¹¹ Книги разрядные по официальным оных спискам (далее – Книги разрядные) : в 2 т. Т. 1 (1614–1627). СПб., 1853. Стб. 65–75 (о назначении Ф. И. Чемоданова сборщиком в Арзамас – Стб. 68).
- ¹² Замятин Г. А. Борьба за Псков между Московским государством и Швецией в начале XVII века // Замятин Г. А. Россия и Швеция в начале XVII века. Очерки политической и военной истории / сост. Г. М. Коваленко. СПб., 2008. С. 243–402.
- ¹³ Разрядные столбцы 122–124 гг. сыска денежных окладов // ЧОИДР. 1912. Кн. 2. С. 204.
- ¹⁴ Бенешевич В. Чемоданов, Федор Иванович. С. 146.
- ¹⁵ Осадный список 1618 г. С. 34, 194.
- ¹⁶ Дворцовые разряды по высочайшему повелению изданные II отделением собственной ЕИВ канцелярии (далее – Дворцовые разряды) : в 4 т. СПб., 1850. Т. 1. Стб. 567–568; Книги разрядные. СПб., 1853. Т. 1. Стб. 926, 1034.

- ¹⁷ Хождение купца Федота Котова в Персию / публ. Н. А. Кузнецовой, отв. ред. А. А. Кузнецов. М., 1958. С. 29.
- ¹⁸ *Герасимов А. А.* История Саратовского края в XVI–XVIII вв. Саратов, 1923. С. 235.
- ¹⁹ *Герасимов А. А.* История Саратовского края. С. 235.
- ²⁰ Там же. С. 237.
- ²¹ *Бушев П. П.* Посольство В. Г. Коробьина и А. Кувшинова в Иран в 1621–1624 гг. // Иран : Экономика. История. Историография. Литература (сборник статей). М., 1976. С. 155.
- ²² Подробнее об этом плавании см.: *Рабинович Я. Н.* Братья Коробьины на службе России (1603–1639) / под ред. С. А. Мезина. Саратов : ИЦ «Наука», 2014. С. 51–53.
- ²³ Книги разрядные. Т. 1. Стб. 1143, 1145, 1146.
- ²⁴ Там же. Т. 1. Стб. 1250.
- ²⁵ Дворцовые разряды. Т. 1. Стб. 740, 845, 846.
- ²⁶ Записная книга Московского стола. 1626, мая 5–1627, августа 31: Записные книги Московского стола // РИБ : в 39 т. СПб., 1884. Т. 9. С. 451.
- ²⁷ Дворцовые разряды. Т. 1. Стб. 934, 940; РИБ. Т. 9. С. 511.
- ²⁸ Дворцовые разряды. Т. 1. Стб. 954.
- ²⁹ Книги разрядные. Т. 2. Стб. 67–68.
- ³⁰ Там же. Стб. 174.
- ³¹ Дворцовые разряды. Т. 2. Стб. 61.
- ³² Из истории Москвы (Опись г. Москвы после пожара 19 апреля 1629 г.) / предисл. В. Лебедева; подг. публ. В. И. Троицкого // Красный архив : исторический журн. 1940. Т. 4(101). М.: Гос. соц. экон. изд-во, 1940. С. 214, 215.
- ³³ Дворцовые разряды. Т. 2. Стб. 172, 173, 177, 189.
- ³⁴ Там же. Т. 2. Стб. 208.
- ³⁵ Там же. Стб. 270.
- ³⁶ Там же. Стб. 275, 287.
- ³⁷ Книги разрядные. Т. 2. Стб. 668.
- ³⁸ *Бенешевич В.* Чемоданов, Федор Иванович. С. 146.
- ³⁹ Книги разрядные. Т. 2. Стб. 668.
- ⁴⁰ Дело по челобитью дьяка Петра Копнина о перемене его со службы из Вязьмы и о выдаче ему денежного жалования // Акты Московского государства, изданные Академией Наук (далее – АМГ) / под ред. Н. А. Попова. СПб., 1890. Т. 1 (1571–1634), № 428. С. 405.
- ⁴¹ Дело по челобитью вяземского воеводы Мирона Вельяминова о пожаловании его за службы поместною и денежною придачею. 1634 // АМГ. Т. 1, № 705. С. 645.
- ⁴² Там же.
- ⁴³ Дворцовые разряды. Т. 2. Стб. 393, 394.
- ⁴⁴ АМГ. Т. 1, № 705. С. 645–650.
- ⁴⁵ Записные вотчинные книги Поместного приказа 1626–1657 гг. / авт. и сост. А. В. Антонов [и др.]. М., 2010. С. 33, 965, 1204, 1208–1209, 1326, 1333–1334.
- ⁴⁶ Осадный список 1618 г. С. 194.

УДК 796.42 (470.44–25) (09)

ПЕРВЫЕ ШАГИ «КОРОЛЕВЫ СПОРТА» В САРАТОВЕ

В. П. Тотфалушин

Саратовский государственный университет
E-mail: TotfalushinVP@info.sgu.ru

Статья посвящена истории зарождения легкой атлетики в Саратове в начале XX века.

Ключевые слова: спорт в дореволюционной России, история легкой атлетики, Саратов.

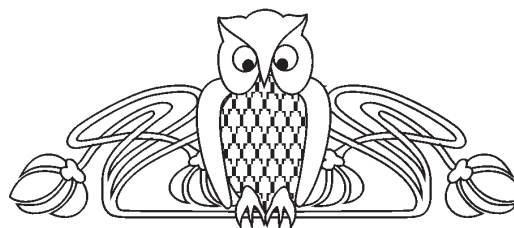
The First Steps of «the Queen of Sport» in Saratov

V. P. Totfalushin

The article is devoted to the history of the track and field athletics' origin in Saratov at the beginning of the XX century.

Key words: sport in pre-revolutionary Russia, track and field athletics history, Saratov.

Лёгкую атлетику часто называют «королевой спорта», сегодня она включает в себя более 40 разновидностей бега, прыжков, метаний, спортивной ходьбы и многоборий. Её истоки уходят в седую древность: ведь бег, прыжки и метания с давних пор практиковались в быту и праздничных играх народов, населяющих нашу Родину. Позднее от-

дельные виды легкой атлетики применялись в России в целях физического воспитания в школах, в военных училищах и в армии.

Начало развития легкой атлетики как вида спорта в России связано с организацией в 1888 г. в местечке Тярлево под Петербургом кружка любителей спорта, получившего впоследствии наименование Санкт-Петербургское общество любителей бега (1890), а затем Санкт-Петербургский кружок любителей спорта (1893). Его участники первыми в России начали систематически заниматься бегом, а затем прыжками и метаниями. Первое открытое соревнование кружка состоялось на петербургском ипподроме 1897 году.

Начало легкой атлетике в Москве было положено организацией в 1895 г. Московского клуба лыжников, который вскоре стал культивировать не только лыжи, но и другие виды спорта, в том числе легкую атлетику.

С 1901 г. российские спортсмены стали участвовать в международных состязаниях, а с

1906 г. – регулярно проводились первенства Петербурга по легкой атлетике. Благодаря этому в России появились четкие правила соревнований, начали регистрироваться рекорды по отдельным видам бега, прыжков и метаний.

Первый чемпионат России по легкой атлетике, посвященный 20-летию основания спортивного кружка в Тярлево, около 50 спортсменов из Петербурга и Риги провели в 1908 году. Турнир содействовал росту популярности «королевы спорта» в империи. Появились спортивные кружки в Москве, Киеве, Самаре, Одессе, а в 1911 г. был создан Всероссийский союз любителей легкой атлетики, объединивший около 20 спортивных организаций из различных городов.

В 1912 г. команда российских легкоатлетов впервые приняла участие в V Олимпийских играх, проводившихся в Стокгольме. Однако низкий уровень легкоатлетического спорта в России, примитивность тренировочных методик, слабая подготовка, недостатки в комплектовании команды сказались на неудачном выступлении российских легкоатлетов – их не оказалось в числе призеров, а в ряде дисциплин наши соотечественники заняли последние места. Однако эта неудача заставила организаторов российского спорта предпринять поиски талантливых спортсменов, способов привлечь их к интенсивным тренировкам и до Первой мировой войны были проведены две Всероссийские олимпиады.

Несмотря на примитивную технику и плохие условия для проведения соревнований, некоторые русские спортсмены показывали высокие по тому времени результаты. Среди них следует выделить стайера москвича Н. Хорькова, прыгуна с шестом У. Бааша (3 м 40 см) и, наконец, спринтера В. Архипова, который в 1914 г. на покрытой песком дорожке рижского ипподрома пробежал 100 м за 10,8 с, т. е. показал такой же результат, как и двумя годами ранее победитель Олимпийских игр в Стокгольме американец Р. Крэйг¹.

В Саратовской губернии интерес к легкой атлетике возник достаточно поздно. Первое упоминание о соревнованиях в Саратове по одному из видов легкой атлетике относится к 18 марта 1907 года. В этот день состоялись состязания гимнастов, в которых приняли участие всего пять спортсменов. В их программу, помимо упражнений на перекладине, брусьях, кольцах, махов на коне и опорного прыжка через козла, вошли и «прыжки в вышину» (как тогда назывались прыжки в высоту)².

Реальное же становление легкой атлетике в крае связано с возникшими в конце 1912 – начале 1913 г. саратовскими спортивными обществами «Спорт» и «Сокол». Это подтверждает анонимный саратовский корреспондент. 5 октября 1914 г. он сообщил со страниц журнала «Русский спорт», о том, «что легкая атлетика культивируется у нас всего 2-й год...»³ Очевидно, первое (или одно из первых) соревнований по легкой атлетике со-

стоялось 20 июня 1913 г. на ипподроме Саратова (ныне на этом месте расположен стадион «Локомотив») перед началом междугороднего матча по футболу между командами Саратова и Самары. Поединок мастеров кожаного мяча предваряли выступления членов общества «Спорт», которые продемонстрировали приемы из арсенала «королевы спорта»: метание диска, копь и прочее⁴.

В том же году игроки футбольных команд Покровской слободы Самарской губернии (с июня 1914 г. г. Покровск, ныне г. Энгельс Саратовской области) включили элементы легкой атлетике в свою подготовку. 4 июля они провели «марафонский бег» на 10 верст⁵. А вечером 9 июля на острове Осокорье (ныне о. Пономаревский, расположенный напротив энгельского городского пляжа) состоялись состязания местных футболистов в беге на короткие дистанции. Победителями в беге на 100 м оказались Кулаков (13,9 с) и В. Верженский (14,4 с), на дистанции 200 м первенствовали тот же Кулаков (27,5 с) и Колотушкин (28,9 с)⁶.

В конце спортивного сезона 1913 г. общество «Спорт» планировало 14 сентября провести новые «международные» соревнования по легкой атлетике и матч по футболу с членами московского общества⁷, однако они по каким-то причинам не состоялись.

8–9 июня 1914 г. саратцы вновь гостили в Саратове и соперничали с хозяевами города в «футбольной дуэли» и в легкоатлетических поединках⁸. В итоге, в легкой атлетике гости первенствовали везде, кроме прыжков в высоту.

В ходе легкоатлетических соревнований случился казус, посрамивший судью Гуськова, обслуживавшего метание копья. Когда оказалось, что между броском самарца Вейсмана и саратовца Х. разница всего в 2,5 см, хозяева попросили тщательнее проверить результаты, поскольку «на глазок, бросок саратовца был длиннее». Однако рефери счел себя оскорбленным и заявил, что «он не будет мерить, раз ему не доверяют!»

Саратовская сторона не стала настаивать, но предложила соперникам бросить копь «на рекорд», от чего Вейсман оказался, предпочитая «почить на лаврах» и оказался посрамлен вместе с судьей, т. к. его противник послал снаряд на 43 м 52 см против 42 м 19 см Вейсмана⁹.

Начавшаяся Первая мировая война не остудила накала спортивных страстей. 23 августа 1914 г. состоялось учредительное собрание Покровского спортивного общества. Оно получило разрешение саратовского губернатора устроить на Троицкой площади (ныне площадь Свободы) состязания по легкой и тяжелой атлетике, а также футбольный матч. При этом весь чистый сбор поступал на военные нужды¹⁰.

Затем подобная благотворительная акция, но уже в пользу раненых, прошла на саратовском ипподроме. В ее рамках состоялись соревнования по легкой атлетике и, хотя «война совершенно лишила саратовских легкоатлетов необходимой

тренировки», они показали «великолепные результаты». В программе были: бег на дистанции 100 и 400 м, метание диска и копья, прыжки в длину, в высоту и с шестом, толкание ядра¹¹.

Подводя некоторые итоги развития легкой атлетики в Саратове, журнал «Русский спорт» осенью 1915 г. писал, что легкая атлетика была образцово поставлена в обществах «Спорт» и «Сокол», «но главные инициаторы этого вида спорта взяты в ряды действующей армии, благодаря чему атлеты за весь прошедший сезон не могли устроить ни одного соревнования»¹².

Журнал «К спорту», соглашаясь, что «с уходом на войну большинства наших спортсменов занятия <...> легкой атлетикой почти прекратились», сообщал, что летом в Саратове «по инициативе известного местного спортсмена Энглюндта организуется общество “Гигант”». В нем «с половины июля предполагается легкая атлетика», благодаря тому, что оно располагает «первоклассными легкоатлетами» Энглюндтом и Ручьевым¹³.

Однако не только война мешала спортсменам. В начале августа тот же журнал сетовал: «С конца июня и половину текущего месяца (имеется в виду июль. – В.Т.) в Саратове стояла тропическая жара, не дававшая нашим спортсменам работать. Теперь <...> она спала до 20 градусов и можно надеяться, что спорт быстро займет прежнее место». Пока же группа учащейся молодежи («почти все <...> моложе 15 лет») образовала «на горах» (очевидно, имеется в виду район Соколовой горы) кружок, который провел состязания по легкой атлетике.

В программе были бег на 100 м, прыжки в высоту с разбега, метание ядра и прыжки с шестом. Репортер отмечал, что «участников [было] мало; результаты неважные, но видно желание заниматься легкой атлетикой», и в следующий раз спортсмены «предполагают бег на 400 м, копье, тройной прыжок и прыжки с места»¹⁴.

Одновременно при Саратовском отделении Императорского общества правильной охоты открылось спортивное отделение «Цикл» (или «Стенд»), культивирующее футбол и легкую атлетику. Журнал «К спорту» 9 августа 1915 г. информировал, что «все легкоатлеты (среди которых особо выделен И. Орлов. – В.Т.) <...> усердно занимаются каждый своим делом, готовясь к состязаниям...» «Снаряды выписаны из столицы и ожидаются со дня на день»¹⁵. А уже на 14 сентября этим Обществом были назначены первые легкоатлетические состязания, приуроченные к футбольному матчу, – финалу на кубок Скворцова¹⁶.

По окончании футбольного сезона тренировки легкоатлетов возобновились, и результаты не заставили себя ждать. Уже в октябре 1915 г. корреспондент констатировал, что «тренировка заметно подвинула» легкоатлетов вперед. «Так теперь А. Федоровский мечет копье за 35 метров, И. Орлов берет с шестом 2 м 50 см и в высоту с разбега 1 м 45 см – 50 см¹⁷». Кроме того, в Саратов

приехал ставропольский легкоатлет и футболист Атлас, «который, вероятно, поможет саратовцам улучшить свои результаты»¹⁸.

В марте 1916 г. при 1-й саратовской мужской гимназии был создан спортивный кружок. Директор утвердил его Устав и ассигновал 200 рублей на занятия легкой атлетикой и футболом. Однако тренировки в кружке должны были начаться только «с августа, когда обширный сад и двор гимназии будут очищены от постоя солдат»¹⁹.

Очередной сезон «королевы спорта» открылся 19 мая 1916 г. на поле спортивного клуба «Стенд» соревнованиями по легкой атлетике между клубами «Стенд» и «Сокол». Они начались бегом на 60 м, где в финале первое место занял Атлас с результатом 7,7 с. Он же первенствовал в прыжках в длину с места, показав 2 м 36 см.

Лучший результат в метании диска (27 м 27 см) показал Федоровский, выступавший вне конкурса; результат Красовского, занявшего первое место в общем зачете, был скромнее – 25 м 56 см. Тот же Красовский победил в метании копья – 31 м 32 см, а в метании ядра лучшим был Цытович – 8 м 9 см.

Заключительным аккордом соревнований стала эстафета 4 по 60 м, в которой победил «Стенд». Комментируя результаты, корреспондент писал: «Надо заметить, что интерес к легкой атлетике вызвали в Саратове киевские спортсмены (речь идет об эвакуированных в Саратов. – В.Т.) и большинство участвующих в состязаниях были новички»²⁰.

А летом того же года саратовские спортсмены разместили в прессе обращение с просьбой присылать извещения о легкоатлетических соревнованиях и приглашения на них на имя председателя спорткомитета В. К. Геминова по адресу: Мирный переулок, д. 7 (дом не сохранился)²¹. Однако в дальнейшем наступившие холода и революционные события 1917 г. прервали занятия саратовцев легкой атлетикой. И все же, несмотря на отсутствие массовости и высоких спортивных результатов, дореволюционный период стал важной вехой в истории становления занятий легкой атлетикой в Саратове и регионе.

Примечания

- 1 См.: Энциклопедический словарь по физической культуре и спорту : в 3 т. М., 1962. Т. II : Клуб туристов – рюкзак. С. 67 ; Все о спорте : справочник : [в 3 т.]. 2-е изд., доп. М., 1978. Т. I. С. 222, 226 ; Легкая атлетика : справочник. М., 1983. С. 8–9.
- 2 См.: Литин Г. П. Страницы из истории спорта в Саратове и Саратовской области. Саратов, 1968. С. 14.
- 3 Русский спорт. 1914. № 34. С. 5.
- 4 См.: Саратовский вестник. 1913. 21 июня ; Саратовская копеечка. 1913. 22 июня.
- 5 См.: Саратовский вестник. 1913. 6 июля.
- 6 Там же. 11 июля.
- 7 Там же. 28 июля.

⁸ Саратовский вестник. 1914. 10 июня.

⁹ Сивинцев В. Странное дело // К спорту! 1914. № 1. С. 6.

¹⁰ См.: Саратовский вестник. 1914. 21 сентября.

¹¹ Саратов // Русский спорт. 1914. № 34. С. 5.

¹² Саратов // Русский спорт. 1915. № 44. С. 4.

¹³ И. О. Саратов // К спорту! 1915. № 29. С. 15.

¹⁴ Саратов // К спорту! 1915. № 31. С. 13.

¹⁵ Саратов // К спорту! 1915. № 32. С. 11, 12.

¹⁶ О. С. Саратов // К спорту! 1915. № 37. С. 11.

¹⁷ Рекорд России по прыжкам в высоту, установленный В. Романовым в 1913 г., был равен 177 см. (см.: Литвин Г. П. Указ. соч. С. 17).

¹⁸ Саратов // К спорту! 1915. № 40. С. 15.

¹⁹ Русский спорт. 1916. № 26. С. 8.

²⁰ Там же. № 22. С. 6.

²¹ Там же. № 34. С. 6.

УДК 94(47).083

«САРАТОВСКИЕ РОБИН ГУДЫ»: ПОЛИТИЧЕСКИЕ СУДЕБНЫЕ ПРОЦЕССЫ ПО ДЕЛАМ ОБ ЭКСПРОПРИАЦИЯХ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА

Р. И. Гальперин

Саратовский государственный университет

E-mail: galperinroman@mail.ru

Статья посвящена судебным делам об экспроприациях, которые рассматривались в округе Саратовской судебной палаты во время Первой русской революции и в последующие годы. Автор делает акцент на анализе роли и значения представителей саратовской группы синергии «Молодая адвокатура» на этих политических процессах и в общественно-политической жизни страны и края.

Ключевые слова: экспроприация, терроризм, присяжные поверенные, политическая защита, «Молодая адвокатура», Саратовская судебная палата.

«Saratov Robin-Hoods»: Political Law Suits on Expropriation at the Beginning of the 20th Century

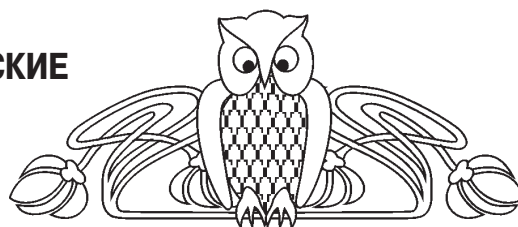
R. I. Galperin

The article covers legal suits on expropriation that were entertained by Saratov Chamber of appeals during the First Russian revolution and the following years. The author analyses significance of the representatives of «Young Advocacy» Saratov group, their role in these political suits and in social and political life of the country and region.

Key words: expropriation, terrorism, jury, political advocacy, «Young Advocacy», Saratov Chamber of appeals.

Наибольшую силу революционный экстремизм в России приобрел в начале XX века. «Поиск справедливости, – по мнению М. А. Смирнова, – стал напрямую уподобляться общеуголовным видам преступной деятельности: убийствам, воровству и просто насилию»¹. Одним из самых популярных методов революционной борьбы в этот период стала экспроприация.

Радикальные партии нуждались в материальной подпитке. Для удовлетворения финансовых потребностей не хватало добровольных пожертвований сочувствующих. Важным источником пополнения партийных касс, в первую очередь для большевиков, являлись грабежи и разбойные нападения, которые красиво, на иностранный

манер, назывались «экспроприациями»². Под этим термином понималась «насильственная конфискация денежных средств или имущества на революционные нужды»³. Нередко в годы первой русской революции этот «промысел» сами революционеры называли «Робингудством», их теоретики трактовали экспроприацию как «необходимую часть процесса перехода к различным формам перераспределения, ведущую к ликвидации социального антагонизма»⁴.

Способы экспроприаций были разнообразны, но наибольшего распространения получили следующие:

1) вымогательство денег на революционные нужды с помощью письменных угроз и шантажа, т.н. «мандаты»;

2) нападения на стационарные торговые точки (казенные винные лавки, купеческие магазины и пр.);

3) экспроприация денежных сумм, перевозимых с помощью различного транспорта;

4) грабежи частных лиц и квартир⁵.

Размах экспроприаторского движения был огромен. Известная исследовательница революционного терроризма А. Гейфман, ссылаясь на предшествующие научные работы, оценивает только годовые (октябрь 1905 – октябрь 1906 гг.) доходы российских экспроприаторов в результате 1951 грабежа в 7 миллионов рублей⁶. По скромным подсчетам, приведенным в «Правительственном вестнике», с июля 1907 г. по июль 1908 г. зарегистрировано более 2100 случаев ограблений и экспроприаций на сумму свыше 2,5 миллионов рублей, причем количество потерпевших простиралось до 180 в месяц⁷.

Не обошли стороной «революционные Робин Гуды» и Саратовскую губернию. «Экспроприации и ограбления, – вспоминает И. Я. Славин, – тогда были вообще обычным и чуть ли не повседневным явлением... Недаром сложилось мнение, что между царствованием Николая I и Николая II следующая разница: при первом кричали «Руки по швам», а при втором – «Руки вверх!»⁸.

Дела об экспроприациях, за редким исключением, рассматривались военно-полевыми судами. Процессы, как правило, не затягивались, а судьи не утруждали себя необходимостью выяснения всех нюансов криминальной составляющей дела, так же как и не настаивали на политических обвинениях. Арестованные революционные экспроприаторы, не желая усугублять приговор, массово отказывались от своих политических убеждений⁹.

Саратовский адвокат Н. Н. Мясоедов¹⁰ утверждал, что не все обвиняемые, с которыми ему пришлось работать¹¹, были революционерами. «Вероятнее всего, что некоторыми из них руководили совсем другие побуждения, ничего общего с политикой не имеющие. Но, в общем, по каждому делу основная мысль и цель носила, несомненно, политический характер, чаще всего в духе максимализма»¹².

Н. Н. Мясоедов вспоминал процесс об экспроприациях в Петровском уезде, т. н. «Петровские экспроприации»¹³. За несколько месяцев тридцать восемь человек ограбили почту, разграбили казенные винные лавки, нападали и грабили дома крестьян и совершили еще целый ряд разбойных нападений¹⁴. Под его защитой находился бывший народный учитель М. И. Логинов – «бескорыстный борец за бедных и угнетенных»¹⁵.

Присяжный поверенный часами беседовал с подзащитным в тюрьме, тот с жаром излагал свои ультра максималистские взгляды. Мясоедов не мог и не хотел с ним спорить. Не потому, что не находил аргументов, а из-за боязни переубедить его. «Даже вечная каторга или смертная казнь бледнели перед верой в грядущую революцию, – вспоминал адвокат. – Спасти его от смерти я не мог, и мне казалось лучшим, чтобы Логинов умирал в сознании своей полной правоты как герой, отдающий жизнь за общее благо, чем с чувством сожаления о бесполезно загубленных людях»¹⁶.

Дела об экспроприациях были «исключительно тяжелые по обстановке, при которой они рассматривались», пишет на страницах своей автобиографии Н. Н. Мясоедов. Курьезный случай произошел во время работы над «Петровскими экспроприациями». Десять дней слушалось в военном суде дело Логинова и его товарищей. Команда защитников из 8 адвокатов заблаговременно разработала дело во всех подробностях, но показания свидетелей менялись и требовали тщательных поправок. «Каждый вечер мы сходились все у меня, – вспоминает Мясоедов, – но вдруг на 6 или 7 день никто не пришел. Несмотря на крайнее утомление, я решил пойти к Л. И. Перельману, узнать, в чем дело. Я встретил его на дороге, он чуть плелся и сказал, что надо отдохнуть. Так как было очевидно, что никто уже не придет, мы решили с ним пойти освежиться к Очкину (кафешантан и летний театр – Р. Г.). Каково же было наше удивление, когда мы там нашли буквально всех защитников по делу. Увы, наше желание

освежиться не осуществилось: просидев в театре два действия, мы все ушли, потому что просто не воспринимали впечатлений, которые отскакивали от нас. Мысли были, очевидно, не там»¹⁷.

Грабежи совершались каждый день «в столицах, в провинциальных городах, в областных центрах, в деревнях, на больших дорогах, в поездах, на пароходах. Экспроприаторы забирают суммы в десятки тысяч, но не брезгают и отдельными рублями»¹⁸. Так случилось и в Саратове в январе 1907 г. Местный купец В. И. Ржехин обратился в сыскное отделение с жалобой на анонимные письма. Вымогатели требовали, чтобы купец положил на свое парадное крыльцо 10 тысяч рублей. Около дома было установлено наблюдение, но письма с угрозами продолжали приходить. Подозрение пало на горничную Н. Звереву, которая приносила все письма. На допросе она призналась, что сама писала послания с целью погубить хозяина.

Дело слушалось спустя четыре года после случившегося. Доказать причастность Зверевой к какой-либо партии не удалось, поэтому ее предали Окружному суду с участием присяжных заседателей. Защищал подсудимую помощник присяжного поверенного С. С. Марисов. Но его адвокатского таланта не потребовалось, на заседание Ржехин аттестовал Звереву с хорошей стороны и просил суд отнестись к ней снисходительно. Естественно, заседатели вынесли подсудимой оправдательный приговор¹⁹.

В апреле 1910 г. присяжному поверенному А. А. Никонову удалось оправдать экспроприаторов, которые пытались получить 100 рублей от отставного полковника М. А. Белявского. 15 февраля 1909 г. ему пришло письмо следующего содержания: «Предлагаем Вам завтра в 11 часов утра приготовить 100 рублей, которые в конверт положить под камень около постаменты, предназначенного для памятника Александра II около Липок. Если не исполните нашего приказа, то будете убиты. Не старайтесь принимать меры, так как они послужат Вам во вред. Все ваши действия будут нам известны. Ровно в 11 часов 26 февраля»²⁰.

Это письмо Белявский принес в полицию. На следующий день в указанное место экс-полковник положил конверт, через некоторое время к камню подошел тряпичник Питашкин, вытащил конверт, разорвал его, положил деньги в карман и пошел. Полицейские поймали Питашкина. Он утверждал, что нашел 100 рублей совершенно случайно, собирая в этом месте кости. Белявский заявил, что письмо мог написать его подчиненный – бывший ефрейтор Боровский, который просил у него взаймы 30 рублей. При обыске у последнего нашли тетрадь, из которой был вырван один лист, похожий на тот, который прислали Белявскому. В дальнейшем следствие установило, что послание написал товарищ Бобровского Захаров.

Всех троих предали суду. На предварительном следствии Захаров признался, что письмо написал

из-за личной ссоры с Белявским. Правда подсудимый не дождался приговора и умер в тюрьме. Остальных присяжные заседатели оправдали²¹.

Но по многим экспроприациям власть, предавая обвиняемых суду, понимала политические мотивы их деятельности. Внешне это выразилось в предъявлении дополнительного обвинения по 102 ст. Угол. Улож. Однако это важное, особенно для того времени дополнение неохотно заносилось в обвинительные акты. Объясняя это, Н. Н. Мясоедов утверждал: «прокуратура сознательно избегает этой 102 статьи. Там, где она ничего не прибавляла наказанию, желая заклеить чисто уголовным судом людей, в сущности действовавших по политическим мотивам»²².

Например, 10 февраля 1910 г. в селе Красный Кут, Новоузенского уезда, Самарской губернии было совершено вооруженное нападение на квартиру агента Северного банка Иванова, причем была унесена железная касса с деньгами на сумму около 10 тыс. рублей. На произведенном предварительном следствии выяснилось следующее: 10 февраля около 10 часов вечера, когда агент Иванов вместе с женой своей находился в театре, и в квартире оставался только сторож Михаил Ребенок, в дверь кто-то позвонил. Сторожу показалось, что он услышал голос хозяина и открыл. В квартиру вошел какой-то человек и, схватив Ребенка, приставил ему в грудь кинжал и приказал молчать. Вслед за ним вошел второй человек. Оба повели сторожа в зал, связали руки и ноги полотенцем и положили на пол. После в квартиру вошли еще 3 человека; у одного из них в руках была кувалда. Все пятеро были с русыми бородами и лица вымазаны сажей. Стали выламывать сундук-кассу, который был вделан в кирпич и прикреплен цементом к стене. И, наконец, выломав сундук-кассу, разбойники вынесли его на улицу и унесли в неизвестном направлении. Спустя некоторое время сторож Ребенок, развязавшись, дал знать о случившемся своему хозяину Иванову. По его заявлению, в кассе было 10 тыс. рублей и выигранный билет. При производстве полицией розыска разбойников подозрение пало на крестьянина Александра Заурядного и Николая Хурзенко, которые на одном из первых допросов сознались в нападении на квартиру Иванова и принадлежности к социалистам-революционерам. Они указали место, где спрятана касса. Она была зарыта в снег на расстоянии 100 саженей за общественным амбаром и оказалось целой и невредимой²³.

Всех пятерых обвиняли в деянии, предусмотренном 13, 1627, 1629, 1632 ст. Улож. о Наказ., т. е. преступление, по мнению обвинения, имело уголовный мотив, хотя налицо вырисовывался акт экспроприации, который был направлен на «подрыв экономической основы царизма»²⁴.

Нельзя не согласиться с мнением О. Н. Квасова о том, что влияние экспроприаторского движения на революцию было противоречивым²⁵.

С точки зрения законодательства экспроприация воспринималась государством как грабеж. Между тем большинство революционеров воспринимали это как особый вид политической борьбы или, как они считали, способ «уравнивания жизни различных слоев общества»²⁶.

Крылатая фраза «цель оправдывает средства» наиболее полно отражает настроение экспроприаторов и их защитников на судебных процессах в борьбе против власти и порядка в стране. Если первые пытались всеми правдами и неправдами подорвать антиреволюционную борьбу государства, то адвокаты, входившие в группы политической защиты, бросали все силы, чтобы защитить своих клиентов-революционеров. Основываясь на анализе материалов судебных процессов, саратовским адвокатам, входившим в группу политической защиты синергии «Молодая адвокатура»²⁷, удавалось доводить дело до конца и оправдывать или максимально смягчать приговоры экспроприаторам, а «подвиги» террористов способствовали затемнению того ореола, которым на первых порах окружало себя «освободительное движение» в глазах общества²⁸.

Примечания

- ¹ Смирнов М. А. Отечественная преступность и общественно-политическая ситуация в России во второй половине XIX – начале XX века (1861–1917 гг.): дис... канд. ист. наук. Кострома, 2006. С. 118.
- ² Варфоломеев Ю. В. «Молодая адвокатура»: политическая защита в России (кон. XIX – нач. XX вв.): учеб. пособие. Саратов, 2005. С. 67.
- ³ Квасов О. Н. Террористическая экспроприация как форма революционной борьбы в Российской империи начала XX века // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов, 2011. № 3, ч. 1. С. 62.
- ⁴ Там же.
- ⁵ Там же. С. 63.
- ⁶ Гейфман А. Революционный террор в России: 1894–1917. М., С. 8.
- ⁷ Право. 1908. № 47. Ст. 2597.
- ⁸ Славин И. Я. Минувшее – пережитое. Саратов, 2013. С. 307.
- ⁹ Квасов О. Н. Указ. соч. С. 64.
- ¹⁰ Гальперин Р. И. Присяжный поверенный Н. Н. Мясоедов // Социально-гуманитарные науки и современность: межвуз. сб. науч. трудов. Пермь, 2011. Вып. 6. С. 69–79; Он же. «Трудовой интеллигент» Н. Н. Мясоедов – адвокат и общественный деятель // Дискуссионные вопросы современного российского интеллигентоведения. Иваново, 2011. С. 171–173.
- ¹¹ Николай Николаевич Мясоедов участвовал в 22 процессах об экспроприациях в период с 1906 по 1917 г.
- ¹² ГАСО. Ф. 409. Оп. 1. Д. 356. Л. 18.
- ¹³ Там же. Оп. 2. Д. 296. Л. 1.

- ¹⁴ ГАСО. Оп. 2. Д. 296. Л. 1.
¹⁵ Там же. Оп. 1. Д. 356. Л. 18.
¹⁶ Там же.
¹⁷ Там же. Л. 22об.
¹⁸ Гейфман А. Указ. соч. С. 32.
¹⁹ Саратовский дневник. 1911. № 43. Л. 3.
²⁰ Там же. 1910, № 76, Л. 4.
²¹ Там же.
²² ГАСО. Ф. 409. Оп. 1. Д. 356. Л. 18.
²³ Там же. Оп. 2. Д. 515. Л. 9.
²⁴ Гейфман А. Указ. соч. С. 31.
²⁵ Квасов О. Н. Указ. соч. С. 64.
²⁶ Смирнов М. А. Указ. соч. С. 203.

- ²⁷ Синергия «Молодая адвокатура» – неформальное объединение, синергия (содружество) политических защитников, возникшее на рубеже XIX–XX вв., которые выступили за обновление адвокатской корпорации России и приняли активное участие в политических судебных процессах (подробнее см.: Варфоломеев Ю. В. Политические процессы в России (кон. XIX – нач. XX вв.): учеб. пособие. Саратов, 2010; *Он же*, «Серебряный век» русской адвокатуры (кон. XIX – нач. XX вв.): в 4 ч. Ч. 1. «Молодая адвокатура»: генезис и эволюция внутрисловных форм объединений политической защиты в России. Энгельс, 2013).
²⁸ Политическая полиция и политический терроризм в России (вторая половина XIX – начало XX в.): сб. документов. М., 2001. С. 63.

УДК 9(908)

ПОМОЩЬ ФРИТЬОФА НАНСЕНА УЧЕБНЫМ ЗАВЕДЕНИЯМ САРАТОВА В ПЕРИОД ГОЛОДА 1921–1922 ГОДОВ

Т. Ю. Бондаренко

ССЭИ (филиал) Российского экономического университета им. Г. В. Плеханова», Саратов
E-mail: tatjana-bondarenko88@yandex.ru

В статье анализируется помощь Международного комитета помощи голодающим под руководством Ф. Нансена саратовским ученым и студентам в 1920-х годах. Используются документы из личного архива Ф. Нансена, хранящиеся в Национальной библиотеке Норвегии, ранее не публиковавшиеся в России, материал саратовского областного архива и краеведческого музея. Особое внимание обращается на освещение положения вузов в годы голода, схемы сотрудничества иностранцев с советскими властями, масштабов и формы помощи, выявление адресатов помощи.

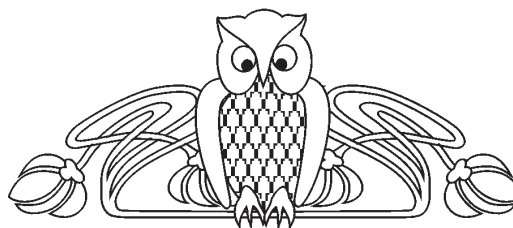
Ключевые слова: голод 1920-х годов, Саратов, Ф. Нансен, высшие учебные заведения, преподаватели, студенты.

Fridtjof Nansen's Help to Saratov Educational Institutions During the Famine of 1921–1922

T. Y. Bondarenko

The article analyses the help of the International Committee for Russian Relief which set up with Fridtjof Nansen as its High Commissioner, which was given to teachers and students during the famine of 1920s. The documents were taken from F. Nansen's private archive, which were kept in the National Library of Norway and were not published in Russia before. Also, the documents were taken from Saratov Regional Archives and the Museum of Local History. Particular attention is paid to the conditions of higher education institutions during the famine of the 1920s, the ways of cooperation between foreigners and Soviet authorities, the value and types of assistance, identification of aid recipients.

Key words: famine of the 1920s, Saratov, F. Nansen, higher education institutions, teachers, students.

Официально о голоде в Советской России было объявлено 26 июня 1921 г. в газете «Правда». 13 июля 1921 г. пролетарский писатель М. Горький от имени правительства разослал телеграммы ряду иностранных общественных деятелей, обращаясь «ко всем честным людям Европы и Америки» за продовольственной и медицинской помощью¹.

В августе 1921 года в Женеве на базе Лиги Наций, по инициативе Международного Красного креста был создан Международный комитет помощи голодающим (МКПГ). Через него Советской России оказывали помощь более 30 мировых благотворительных организаций. Возглавил МКПГ норвежский ученый, путешественник, общественный деятель, Фриттьоф Нансен (1861–1934 гг.). Среди тех, к кому писал Горький, был и он.

Нансен был убежден, что будущее любой страны зависит от развития науки. Он сам был ученым и понимал, что люди науки нуждаются в дополнительной поддержке: их нужно не только накормить, но и позволить им продолжать научную деятельность на достойном уровне.

Нансен создал две организации – «Европейская помощь студентам» (European Student Relief) и «Нансеновская помощь работникам интеллектуального труда» (Nansen's Intellectual Relief). В Москве, кроме главного представительства МКПГ была создана отдельная организация для этого вида помощи, представительства открыты в Петрограде, Харькове, Симферополе и Поволжье. Саратовские профессора также получали помощь через английскую благотворительную организацию Международный союз помощи детям (МСПД)², также входившую в состав

Международного комитета помощи голодающим. Научным сотрудникам помогали с питанием, одеждой и учебными пособиями. Профессора, кроме пайков, получали разные виды технической и научной помощи. Лаборатории снабжались специальными инструментами и оборудованием, советским ученым помогали наладить контакты с западноевропейскими коллегами.

Саратовская профессура еще до начала голода, на протяжении нескольких лет находилась в бедственном положении³. Большинство факультетов высшей школы в Саратове было открыто накануне 1917 г. Основная масса профессоров прибыла в Саратов из Петербурга, Москвы и Казани в тяжелые времена войны и революции. Чтобы приехать в Саратов, они вынуждены были продавать многие свои вещи. Первое время в годы революции у них не было возможности купить жилье. В 1917–1920 гг. население губернии росло за счет прибывших из Центральной и Южной России беженцев. Саратов был переполнен. Зачастую прибывший сюда профессор не мог найти себе жилье и ему приходилось жить в не отапливаемых рабочих помещениях: лекционных аудиториях или лабораториях. Бывали случаи, когда профессора несколько недель ночевали на лестничной клетке, греясь у железной печки – «буржуйки»⁴. Жилищный вопрос оставался актуальным и с началом голода. Многие профессора с семьями жили в одной, реже 2-х комнатах без кухни и других удобств, необходимых санитарных условий, еду готовили в комнате на тех же «буржуйках».

Еще до официального объявления о голоде, весной 1921 года работникам саратовских вузов задерживали зарплату на 1–3 месяца, иногда ее, тоже с задержками, выдавали продуктами. Так, «академический паек» от советских властей, выделяемый из Москвы, в марте 1921 г. получали 244 преподавателя Саратовского государственного университета (далее СГУ)⁵.

С началом голода практика выдачи пайков продолжалась, но их качество упало. Эмигрант Алексей Бабин, преподававший английский язык в Саратовском университете, писал в своем дневнике 18 ноября 1921 г.: «Октябрьскую университетскую порцию выдали только сегодня. Она состоит из 36 фунтов ржаной муки, 7 фунтов «мясо» (которое я выбросил), 1 фунта деревенского масла, 1 фунта влажного сахарного песка, 2 фунтов грязной соли крупного помола, 1 фунта ячменного кофе, 20 фунтов пшеницы, 10 фунтов фасоли (непровеянной), ¼ фунта мыла и 2 коробков никудышных советских спичек. Это лучшая порция, которую мы когда-либо получали»⁶.

Выдачу продуктов постоянно задерживали, а распределявшие продукты, сотрудники университета обвешивали профессоров: «Когда я пришёл на склад, то увидел, что 4 профессора (Франк, двое Скворцовых и Ильинский) принесли обратно свои порции, утверждая, что взвесили их в одной из университетских лабораторий, и оказалось, что

там – 2 с половиной и 2 с четвертью фунта, хотя им положено 7 фунтов, – пишет Бабин. – Всем присутствующим было ясно, что весы переделаны, чему никто не удивился, так как у господина Гюнсбурга (ответственного за распределение), всегда была плохая репутация ненадежного поставщика; ему приписывались манипуляции со спиртом и керосином из университетского склада. Зёрнов (*ректор СГУ В. Д. Зернов. – Примеч. автора*) поручил ему распределять порции без всякого одобрения со стороны университета, который даже протестовал⁷.

Сахар выдавали насквозь мокрым⁸, что увеличивало его вес, поэтому реально его получали меньше, чем было положено по норме.

Летом 1922 г. профессорский паек состоял из 18 фунтов зерна, 14 фунтов мяса плохого качества, 4 фунта растительного масла, 5 фунтов соленой сельди, 3–4 фунта табака и 1/8 фунта российского кофе. Питательная ценность такой еды была не велика. Меню саратовских преподавателей в массе своей представляло пшеничную кашу с растительным маслом, суп с соленой рыбой, жаренную на растительном масле картошку. Не хватало белого хлеба, масла, мяса хорошего качества. Яйца, сливочное масло и свежая рыба профессорам не выдавались – этими продуктами в первую очередь снабжали детей⁹. Поскольку цены резко выросли, купить недостающие продукты большинство профессоров не могли.

В поисках дополнительных источников продовольствия саратовские вузы шли на различные уловки. Так, чиновник, заведующий распределением картофеля, выдавал СГУ дополнительную порцию в обмен на морфий¹⁰. Профессора, чтобы прокормиться продавали собственные вещи, брались читать дополнительные лекции, до 30 часов в неделю, и работали в нескольких местах, в качестве обычных учителей. Но другие научные сотрудники – ассистенты, лаборанты, младшие научные работники – из-за отсутствия необходимой квалификации не имели такой возможности дополнительного заработка.

Кроме продуктов, не хватало дров и угля для отопления учебных заведений. Бабин упоминает, что зимой в университетском туалете над унитазами «возвышались замёрзшие экскременты восемнадцать дюймов и два фунта в высоту. Полы были покрыты испражнениями и толстым льдом»¹¹.

Бывали случаи, когда профессора в Саратове ходили босиком или в порванной обуви: «Если профессор заказывает новый костюм (даже не пальто), это хорошее событие не только для его семьи, но и для его друзей. Честно говоря, профессора редко заказывают новую одежду, но когда они чувствуют, что пребывают в достатке, то советуются с семьей, а затем идут на рынок и покупают самые дешевые брюки или пальто. Можно сказать, что только у 50% профессоров есть больше трех комплектов нижнего белья, заношенного

конечно»¹², – отмечал профессор Саратовского университета Борис Матвеевич Соколов.

Под его руководством в Саратове был создан комитет помощи профессуре. На должность Соколова рекомендовал сам А. В. Эйдук – сотрудник ПП СНК РСФСР и УССР при заграничных организациях помощи голодающим России и полпред СНК РСФСР при АРА и всех иностранных организациях помощи голодающим, его поддержали: М. Горький, коллеги и ректор Саратовского университета¹³. Эта кандидатура вполне устраивала иностранцев. «Он в течение 33 лет занимается и проявляет интерес к общественной работе. Он не состоит в политических партиях и считает, что привести эту страну назад к нормальному положению – его обязанность и обязанность его коллег, нужно приложить все внимание и энергию для того, чтобы помочь»¹⁴, – писал заместитель главы МСПД в Саратове Гарацио Кук руководству в Москву.

Первое заседание комитета состоялось 21 июня 1922 г. На нем присутствовал Кук, заместитель начальника Управления уполномоченного представительства СНК РСФСР при заграничных организациях помощи голодающим по Саратовской губернии, Уральской области и Немкоммуне Моисей Ефимович Перлов и секретарь Алексей Михайлович Голубев, также курирующий благотворительную работу иностранцев в Аткарском уезде Саратовской губернии¹⁵. Соколов выступил с докладом о необходимости выделения 150 адресных посылок. Он отметил, что медицинские профессора, ведущие параллельно частную практику, должны быть исключены из списков рассылки. Исключение делалось для хирургов, особенно гинекологов, которые работали в больницах и не зарабатывали на частной практике. 150 посылок не могли охватить всех нуждающихся, поэтому из списков на их получение приходилось исключать целые категории научных работников: преподавателей, сотрудников лабораторий, помощников разных уровней¹⁶. В Саратове к лету 1922 г. было 360 научных работников разной категории, которые нуждались в помощи и не получали посылок от Нансена¹⁷. Поэтому уже в первые дни помощи Г. Кук просил Дж. Горвина увеличить количество посылок хотя бы до 200, поскольку в большинстве случаев получатели имели иждивенцев, которые также пользовались оказанной профессорам помощью¹⁸.

Пайки и одежду от Нансеновской помощи работникам интеллектуального труда получали преподаватели в Саратовском государственном университете, консерватории, ветеринарном, эко-

номическом, сельскохозяйственном институтах¹⁹. Кроме научных работников, помощь была оказана трем профессорским вдовам, чьи мужья погибли при исполнении своих обязанностей, оставив семьи полностью не обеспеченными. Многие профессора также умерли от тифа, холеры, малярии, свирепствовавших в городе с началом голода. В общей сложности с конца июня по декабрь 1922 г. «по спискам профессуры» было выдано 716 посылок²⁰.

Положение саратовских студентов было еще хуже, чем преподавателей. «Привилегированные» студенты-медики, по свидетельству Бабина, получали только 26 фунтов ржаной муки государственного пайка в месяц, который также задерживали. Однажды он заметил, что студентка собирала со стола крошки и клала в рот. Из-за задержки университетской порции девушка голодала два дня²¹.

Паек столовой Европейского союза помощи студентам был вторым по размеру среди всех организаций, сотрудничавших с Нансеном, и составлял 1178 калорий²². От Европейского союза помощи студентам Саратовская губерния получила в октябре 1921 г. – феврале 1922 г. 6675 пудов продовольствия²³.

К учету продуктов в организации Нансена подходили серьезно. «Вычисляя количество муки, я вычислил, что на каждые 80 граммов муки, которые вы дадите в пекарню, вы получите, по крайней мере, по 100 граммов хлеба, – писал Соколову представитель московского отделения помощи студентам Гарольд Гибсон. – Если комитет использует эти продукты, согласно спискам, которые я наметил, когда дал им меню на 7 дней, этих продуктов хватит до 1 сентября»²⁴.

Фритьоф Нансен дважды бывал в Саратовской губернии. В ноябре 1921 г., в ходе поездки по голодающим районам, и летом 1925 г. 16 июля 1925 г. он посетил библиотеку университета и анатомический музей, оставив автограф на английском языке в книге посещений музея. Особенно его заинтересовали мумифицированные трупы, хранящиеся там²⁵.

Посылки с продовольствием от Международного комитета помощи России под руководством Нансена в период голода 1921–1922 гг. получали такие известные ученые Саратова, как первый ректор Саратовского университета В. И. Разумовский, хирург С. Р. Миротворцев, историк П. Г. Любомиров, литературовед А. П. Скафтымов и многие другие (табл. 1–7). Благодаря его деятельности удалось сохранить научные кадры Саратовской губернии и способствовать развитию научного потенциала данного региона.

Таблица 1

Списки сотрудников медицинского факультета университета, получавших пайки от «Нансеновской помощи работникам интеллектуального труда», 1922 г.

Ф.И.О.	Должность
Арнольд В. А.	Профессор гигиены
Богомолец А. А.	Профессор патологической анатомии
Быстренин И. Н.	Профессор педиатрии
Вормс В. В.	Профессор биохимии
Заболотнов П. П.	Профессор патологической анатомии
Какушкин Н. М.	Профессор гинекологии
Копылов Н. В.	Профессор топографической анатомии
Миротворцев С. Р.	Профессор хирургии
Осокин Н. Е.	Профессор неврологии
Павлов В. А.	Профессор гистологии
Петров В. А.	Профессор гинекологии
Разумовский В. И.	Профессор хирургии
Райский М. И.	Профессор судебной медицины
Светухин М. И.	Профессор частной патологии и терапии
Скворцов В. А.	Профессор фармакологии
Спасокукоцкий С. И.	Профессор хирургии
Скворцов В. И.	Профессор фармакологии
Стадницкий Н. Г.	Профессор анатомии
Чуевский И. А.	Профессор физиологии
Левковская Ф. М.	Вдова профессора, умершего от сыпного тифа
Генеросова (инициалы не даны)	Преподаватель (специализация не указана)
Алмазов В. И.	Преподаватель медицины
Бржозовский А. Г.	Преподаватель хирургии
Добросклонский С. И.	Помощник по гигиене
Мурзин А. Н.	Помощник по офтальмологии
Никаноров С. М.	Преподаватель бактериологии
Подъяпольский П. П.	Преподаватель гипнологии и гипнотерапии
Бруханский Б. П.	Преподаватель педиатрии
Алмазова Н. В.	Помощник по хирургии
Сегин М. А.	Помощник по педиатрии
Китаев Ф. Я.	Помощник по терапии
Колюбакин С. Л.	Помощник по хирургии
Комиссаров Л. И.	Помощник по хирургии
Краузе Н. И.	Помощник по хирургии
Миртовский Н. В.	Помощник по психиатрии
Моногенов С. А.	Профессор анатомии
Парсамов О. С.	Помощник по гинекологии
Скворцов С. В.	Прозектор гистологии
Татаринев Е. А.	Прозектор патологической анатомии
Урода П. С.	Помощник по анатомии
Штессель А. И.	Помощник по психиатрии
Поляков И. Л.	Помощник по судебной медицине
Елецкий А. Г.	Прозектор хирургии

Таблица 2

Списки сотрудников факультета общественных наук университета, получавших пайки от «Нансеновской помощи работникам интеллектуального труда», 1922 г.

Ф.И.О.	Должность
Агарков М. М.	Профессор гражданского права
Алексеев П. И.	Профессор [административного права]
Баллод Ф. В.	Профессор истории искусства
Бутенко В. А.	Профессор общей истории
Ельашевич А. Б.	Профессор политической экономики
Ильинский Г. А.	Профессор славистики
Каплинский В. Я.	Профессор классической филологии
Коваленков М. П.	Профессор уголовного права
Косминич И. К.	Профессор (дисциплина не указана)
Крогиус А. А.	Профессор психологии
Любомиров П. Г.	Профессор русской истории
Разумовский И. П.	Профессор социологии
Рыков П. С.	Профессор археологии
Федотов Г. П.	Профессор гражданской (всеобщей) истории
Чернов С. Н.	Профессор русской истории
Юшков С. В.	Профессор истории русского права
Кровченко Г. А.	Профессор статистики
Протасова С. И.	Профессор гражданской (всеобщей) истории
Четыркин В. В.	Профессор истории религии
Герасимов А. А.	Преподаватель дипломатики
Дингес Г. Г.	Преподаватель немецкой филологии
Сергеенко М. Е.	Преподаватель классической филологии
Сироткин А. Н.	Преподаватель славистики
Степанов П. Н.	Преподаватель экономической географии
Шнейдер Р. М.	Преподаватель статистики
Скафтымов А. П.	Преподаватель истории русской литературы
Черепяхин Б. Б.	Преподаватель коммерческого права
Иванов Ю. А.	Преподаватель гражданской (всеобщей) истории
Березов Н. Ф.	Помощник по теории гражданской экономики
Шишкин П. Н.	Помощник по археологии
Зайковский Б. В.	Помощник по археологии
Папа-Афанасопуло К. Н.	Помощник по истории искусства

Таблица 3

Списки сотрудников физико-математического факультета университета, получавших пайки от «Нансеновской помощи работникам интеллектуального труда», 1922 г.

Ф.И.О.	Должность
Бируков Б. И.	Профессор зоологии
Голуб В. П.	Профессор химии
Голубев В. В.	Профессор математики, ректор
Елпатьевский В. С.	Профессор зоологии
Леонтьев К. А.	Профессор физики
Пилипенко П. П.	Профессор минералогии
Полак И. Ф.	Профессор астрономии
Свешников Г. Н.	Профессор математики
Челинцев В. В.	Профессор химии
Шлезингер Н. А.	Профессор неорганической химии
Янишевский Д. Е.	Профессор ботаники
Яшнов П. И.	Профессор астрономии
Иловайский С. А.	Преподаватель зоологии
Чернов В. Н.	Помощник по ботанике
Шутов Д. А.	Помощник по ботанике
Тринитатская Н. А.	Помощник по физике
Трифонов Н. А.	Помощник по химии

Таблица 4

Списки сотрудников гидротехнического факультета университета, получавших пайки от «Нансеновской помощи работникам интеллектуального труда», 1922 г.

Ф.И.О.	Должность
Попов В. И.	Профессор (дисциплина не указана)
Колосов С. А.	Профессор (дисциплина не указана)
Валков Л. М.	Профессор (дисциплина не указана)
Горшенин А. И.	Профессор (дисциплина не указана)

Таблица 5

Списки сотрудников Ветеринарного института, получавших пайки от «Нансеновской помощи работникам интеллектуального труда», 1922 г.

Ф.И.О.	Должность
Прозоров Н. В.	Профессор (дисциплина не указана)
Добросмыслов И. А.	Профессор (дисциплина не указана)
Вихерский А. В.	Профессор (дисциплина не указана)
Виноградов А. А.	Профессор (дисциплина не указана)
Алексеев А. Н.	Профессор (дисциплина не указана)
Баутин С. Д.	Профессор (дисциплина не указана)
Гавридов Б. В.	Профессор (дисциплина не указана)

Таблица 6

Списки сотрудников Социально-экономического института, получавших пайки от «Нансеновской помощи работникам интеллектуального труда», 1922 г.

Ф.И.О.	Должность
Богословский И. Н.	Профессор коммерческой деятельности
Кутанин М. П.	Профессор психиатрии
Боев Г. П.	Преподаватель математики

Таблица 7

Списки сотрудников Сельскохозяйственного института, получавших пайки от «Нансеновской помощи работникам интеллектуального труда», 1922 г.

Ф.И.О.	Должность
Беляев И. И.	Профессор мелиорации
Додонов Я. Я.	Профессор неорганической химии
Заленский В. Р.	Профессор физиологии растений
Калужский А. А.	Профессор сельского хозяйства
Костровский В. В.	Профессор сельского хозяйства
Кураев Н. Н.	Профессор лесного хозяйства
Лебедев А. Д.	Профессор сельского хозяйства
Медведев Б. Х.	Профессор экономики
Мейстер Г. К.	Профессор генетики растений
Петров Б. А.	Вдова профессора животноводства
Полетаев В. Н.	Профессор органической химии
Рошковский А. В.	Профессор гинекологии
Славачевский К. А.	Профессор геодезии
Тулайков Н. М.	Профессор экспериментального сельского хозяйства
Богаевский Г. В.	Профессор зоотехники
Кадиков И. М.	Преподаватель физиологии животноводства
Левашов М. М.	Преподаватель садоводства
Панферов В. П.	Преподаватель ботаники
Сахаров Н. Л.	Преподаватель сельскохозяйственной этимологии
Фофонов В. В.	Преподаватель неорганической химии
Шабуров А. Н.	Преподаватель ветеринарии
Шлифштейн Е. И.	экономист
Дорошенко М. В.	Помощник по минералогии
Змачинский Э. В.	Помощник по органической химии
Плачек Е. М.	Помощник по селекции
Серебренников Н. И.	Помощник по геодезии
Солнцева А. Е.	Помощник по общему сельскому хозяйству
Образцова А. А.	Помощник по микробиологии
Твердучина И. И.	Помощник по экспериментальному сельскому хозяйству
Покровский В. Н.	Помощник по частному сельскому хозяйству
Аристовский В. И.	Помощник по химии
Беляков Е. В.	Помощник по ботанике
Горяинива Н. В.	Помощник по зоотехнике

Окончание табл. 7

Ф.И.О.	Должность
Елховский А. А.	Помощник по неорганической химии
Калашников Л. Н.	Помощник по ботанике
Катшурина-Бересова М. К.	Помощник по анализу сельского хозяйства
Петровский Н. В.	Помощник по почвоведению
Соколова Л. Н.	Помощник по анализу сельского хозяйства
Теплич Е. А.	Помощник по частному сельскому хозяйству
Тиховский Е. А.	Помощник по физиологии растений
Шеффер Е. А.	Помощник по физиологии растений
Недешетова Е. Н.	Помощник по зоотехнике

Примечания

- ¹ Поддубный М. Экспедиция в трагедию // Родина. 1998. № 1. С. 78.
- ² Списки профессоров и преподавателей высшей школы Саратова, получающих пайки от миссии Нансена. 22 июня 1922 г. / пер. с англ. Т. Бондаренко // Национальная библиотека Норвегии в Осло – Nasjonalbiblioteket (далее NB), Ms. fol. 1988: RUS2L.
- ³ Доклад профессора Соколова об условиях жизни саратовских профессоров. Саратов. 22 июня 1922 г. / пер. с англ. Т. Бондаренко // NB, Ms. fol. 1988: RUS2L.
- ⁴ Там же.
- ⁵ A Russian Civil war diary. Alexis Babine in Saratov, 1917–1922. Duke University Press, 1988. P. 178.
- ⁶ Там же. P. 192.
- ⁷ Там же. P. 178.
- ⁸ Там же. P. 188.
- ⁹ Доклад профессора Соколова об условиях жизни саратовских профессоров...

- ¹⁰ Alexis Babine. P. 193.
- ¹¹ Там же. P. 199.
- ¹² Доклад профессора Соколова об условиях жизни саратовских профессоров...
- ¹³ Телеграмма Г. Кука из Саратова в Москву Д. Горвину. 15 июня 1922 г. / пер. с англ. Т. Бондаренко // NB, Ms. fol. 1988: RUS2L; Телеграмма Д. Горвина из Москвы в Женеву А. Фрику и Ф. Нансену. 16 июня 1922 г. / пер. с англ. Т. Бондаренко // NB, Ms. fol. 1988: RUS2L.
- ¹⁴ Письмо Г. Кука из Саратова Дж. Горвину в Москву. 16 июня 1922 г. / пер. с англ. Т. Бондаренко // NB, Ms. fol. 1988: RUS2L.
- ¹⁵ Государственный архив Саратовской области (ГАСО). Ф. Р-790. Оп. 1. Д. 158. Л. 1; Д. 159. Л. 35; Д. 176. Л. 69, 89; Оп. 1. Д. 49 «а». Л. 56.
- ¹⁶ Протокол заседания Комитета помощи саратовским научным работникам. 21 июня 1922 г. / пер. с англ. Т. Бондаренко // NB, Ms. fol. 1988: RUS2L.
- ¹⁷ Доклад профессора Соколова об условиях жизни саратовских профессоров...
- ¹⁸ Письмо Г. Кука из Саратова Дж. Горвину в Москву. 23 июня 1922 г. / пер. с англ. Т. Бондаренко // NB, Ms. fol. 1988: RUS2L.
- ¹⁹ Письмо Г. Кука из Саратова в Д. Горвину в Москву. 22 июня 1922 г. / пер. с англ. Т. Бондаренко // NB, Ms. fol. 1988: RUS2L; Саратовский областной музей краеведения (СОМК). Ф. НВСП 35984, 36081, 36070, 36071.
- ²⁰ ГАСО. Ф. Р-790. Оп. 1. Д. 42. Л. 90–91.
- ²¹ Alexis Babine. P. 215.
- ²² Ландер К. Сводка данных о деятельности иностранных организаций помощи // Итоги Последгол. М., 1923. С. 59.
- ²³ СОМК. Ф. НВСП 1615.
- ²⁴ Там же. Ф. НВСП 28911.
- ²⁵ Саратовские известия. 1925. 17 июля; Поволжская правда. 1930. 1 июня.

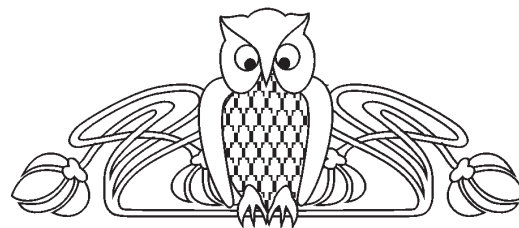
УДК 93/94

ОРГАНИЗАЦИЯ ЭКСКУРСИОННОЙ РАБОТЫ С СОВЕТСКИМИ ГРАЖДДАМИ И ИНОСТРАННЫМИ ТУРИСТАМИ В 1960–1980-е гг. (на примере Куйбышевской области)

И. А. Кирсанова

Тольяттинский государственный университет
E-mail: kuvirina@yandex.ru

В статье представлены результаты сравнительного анализа экскурсионной работы с советскими и иностранными туристами на территории Куйбышевской области в 1960–1980-е гг. Использование архивных и нормативно-правовых документов позволило определить место туристско-экскурсионных учреж-

дений, работавших непосредственно с экскурсантами, в системе профсоюзного и иностранного туризма, выявить особенности экскурсионного обслуживания двух названных категорий туристов с точки зрения организации этого процесса, отбора объектов показа, форм контроля за работой экскурсоводов и гидов-переводчиков.

Ключевые слова: организация экскурсионной работы, экскурсия для советских граждан, экскурсия для иностранных туристов, бюро путешествий и экскурсий, ВАО «Интурист», Куйбышевская область.

Organization of Excursion Activities for Soviet Citizens and Foreign Tourists in 1960s – 1980s (on the Example of Kuibyshev Region)

I. A. Kirsanova

The article presents the results of comparative analysis of excursion activities for Soviet and foreign tourists in Kuibyshev region during 1960s – 1980s. The usage of archives and regulatory documents enabled the author to determine the place of excursion agencies in the system of trade union and foreign tourism and also to identify the features of the excursion service from the point of view of organization, selection of sights, controlling the work of guides and guides-interpreters for both of these two categories of tourists.

Key words: organization of excursion activities, excursion for soviet citizens, excursion for foreign tourists, travel bureau, VAO «Intourist», Kuibyshev region.

Наработанный в 1960–1980-е гг. в Куйбышевской области обширный опыт организации экскурсионного обслуживания как советских, так и иностранных туристов представляет в настоящее время практический интерес. Возобновление профессиональной преемственности поколений работников экскурсионного дела, прерванной в 1990-е гг., в настоящее время может помочь развитию внутреннего туризма, которому власти Самарской области уделяют особое внимание¹. Однако публикации, где в том или ином объёме показано развитие экскурсионной деятельности в Куйбышевской области, немногочисленны. В монографии Р. А. Савинковой (2008 г.) информация по истории экскурсионного дела в Куйбышевской области 1960–1980-х гг. представлена в общих чертах, без привлечения архивных документов, в основном по материалам путеводителей и публикаций в местной прессе². Работа Тольяттинского бюро путешествий и экскурсий (ТБПиЭ) в 1970–1980-е гг. описана Н. П. Коровиной – в прошлом директора этой организации – в главе коллективной монографии преподавателей ПВГУС (2012 г.)³. Ценность этого текста состоит в том, что он содержит богатую информацию об экскурсоводах, их воспоминаниях о работе в ТБПиЭ.

Пропагандистскую составляющую иностранного туризма исследовали авторы коллективной монографии «Советское зазеркалье. Иностраный туризм в СССР в 1930–1980-е гг.» (2008 г.)⁴. В диссертационном исследовании Ю. В. Копылова (2011 г.) рассмотрена система подготовки и переподготовки кадров для иностранного туризма⁵. Публикаций, посвященных экскурсионной работе с иностранными туристами в Куйбышевской области, до настоящего времени не появилось. Кроме того, в указанных публикациях не проводится сопоставление различных аспектов экскурсионной работы с иностранными туристами и советскими гражданами, что обуславливает актуальность данной статьи. Такое сравнение позволит ярче выявить как общие черты, так и различия в подходах

к экскурсионному обслуживанию этих категорий экскурсантов.

Источниковую базу статьи составили большей частью неопубликованные архивные документы. Фонд 927 Самарского областного государственного архива социально-политической истории (СОГАСПИ) 927 («Самарское областное туристско-экскурсионное предприятие (объединение) «Самаратурист») включает дела за 1959–1994 гг., позволяющие проследить развитие экскурсионной работы в Куйбышевской области с советскими гражданами. Организация экскурсионной работы с иностранными туристами изучена на основании материалов фонда Управления по делам архивов мэрии г. о. Тольятти Р-360 («Отделение Госкоминтуриста СССР в г. Тольятти»), который содержит документы за 1967–1990 гг. Из этих фондов были использованы постановления вышестоящих организаций и переписка с ними учреждений Куйбышевской области, справки и отчеты о проделанной работе, бухгалтерские и статистические отчеты, материалы заседаний, методические пособия для экскурсоводов. При подготовке публикации автор обращался к текстам постановлений партийно-правительственных органов, Президиума ВЦСПС, в которых содержатся сведения об основных направлениях развития экскурсионной деятельности в стране, мерах по совершенствованию туристско-экскурсионной отрасли.

Экскурсионной работой с советскими гражданами и иностранными туристами в Куйбышевской области, как и вообще в стране, в 1960–1980-е гг. занимались учреждения, входившие в две обособленные друг от друга структуры профсоюзного и иностранного туризма.

Обслуживание советских граждан входило в компетенцию учреждений профсоюзного туризма, во главе этой системы управления находился ВЦСПС, создавший в стране к концу 1950-х гг. сеть туристско-экскурсионных управлений (ТЭУ). В 1959 г. Центральное ТЭУ, которое регламентировало экскурсионную деятельность в масштабах страны, в соответствии с постановлением Президиума ВЦСПС «Об улучшении руководства развитием туризма в профсоюзах» от 27 ноября 1959 г. учредило Куйбышевское туристско-экскурсионное управление (КТЭУ). Оно непосредственно подчинялось ЦТЭУ ВЦСПС, а также Куйбышевскому областному совету профсоюзов⁶. Одной из задач КТЭУ являлось экскурсионное обслуживание групп советских туристов, прибывающих в область по плановым туристским маршрутам⁷.

Система профсоюзного туризма за 1960-е гг. претерпела две реорганизации. В 1962 г. все ТЭУ были преобразованы в советы по туризму. При сохранении основных задач учреждений главное отличие советов по туризму состояло в принципе коллегиальности и широком привлечении общественного актива: представителей комсомола, про-

фсоюзов, общественных организаций, туристских секций и т. д.

Куйбышевский областной совет по туризму осуществлял руководство туристско-экскурсионной отраслью в области, контролировал содержание экскурсий, обеспечивал их «высокий идейный уровень», качество и культуру обслуживания. В его подчинении находились непосредственно работавшие с экскурсантами экскурсионные учреждения, которых к концу 1960-х гг. в Куйбышевской области насчитывалось два: экскурсионное бюро Волжской ГЭС им. В. И. Ленина (с 1960 г.) и Куйбышевское экскурсионное бюро (с 1965 г.)⁸.

Вторая реорганизация, существенно повлиявшая на развитие экскурсионной деятельности в стране в целом и в Куйбышевской области в частности, стала следствием реализации Постановления ЦК КПСС, Совета Министров СССР и ВЦСПС «О мерах по дальнейшему развитию туризма и экскурсий в стране» от 30 мая 1969 г.⁹ Советы по туризму были преобразованы в советы по туризму и экскурсиям, уже этим признавалось важное значение экскурсий и их растущая популярность у населения. В составе Центрального совета по туризму и экскурсиям (ЦСТЭ) в качестве специального подразделения было создано Главное экскурсионное управление, которое стало единым руководящим и координирующим центром экскурсионной деятельности в СССР.

Для развития экскурсионной деятельности в Куйбышевской области особенно важным явилось то, что во исполнение Постановления от 30 мая 1969 г. Обком КПСС, Облсполком и Облсовпроф обязали профсоюзные организации предприятий и учебных заведений организовывать экскурсионное обслуживание населения на территории области только через Куйбышевский областной совет по туризму и экскурсиям (КОСТЭ) и подведомственные ему экскурсионные бюро. Таким образом, была устранена «конкуренция» со стороны общества охраны памятников истории и культуры, Куйбышевского пассажирского агентства, профсоюзов некоторых предприятий, которые до выхода этого распоряжения могли самостоятельно организовывать экскурсии. Кроме того, как было отмечено на VI Пленуме Куйбышевского областного совета по туризму (18 декабря 1969 г.), областные власти рекомендовали руководителям и профсоюзам предприятий в коллективных договорах с сотрудниками предусматривать организацию экскурсий, а коллективный отдых сочетать с экскурсионным обслуживанием¹⁰. Вследствие такой поддержки с 1969 г. КОСТЭ стал монопольно заниматься экскурсионной работой в области. Им были открыты бюро путешествий и экскурсий (БПиЭ) в Тольятти (1972 г.), Сызрани (1973 г.), Новокуйбышевске (1975 г.), Чапаевске (1979 г.), Отрадном (1979 г.), Сергиевске (1982 г.), Безенчуке (1985 г.). Благодаря их работе экскурсия

стала не только частью туристских программ для советских граждан – гостей региона, но и популярной формой организации досуга населения области.

Менее разветвленной в Куйбышевской области была сеть представительств системы иностранного туризма. Вопрос о создании здесь агентства ВАО «Интурист» был поднят в середине 1960-х гг. К этому времени перечень предлагавшихся иностранцам маршрутов по СССР значительно увеличился. Если в 1955 г. существовало всего 15 туристских маршрутов¹¹, то в 1962 г. их насчитывалось уже более ста¹². В 1963 г. среди маршрутов ВАО «Интурист» появился Волжский речной круиз со стоянками в таких крупных городах, как Казань, Ульяновск, Волгоград, Ростов-на-Дону¹³. В 1964 г. для «зеленой стоянки», места, где туристы теплоходов могли отдохнуть на природе, выбрали залив Жигулиха, находившийся на территории Куйбышевской области у подножия Молодецкого кургана. Еще две «зеленые стоянки» были организованы в конце 1960-х гг. на островах Казачий и Девушкин в Саратовской области.

Интерес к Куйбышевской области со стороны «Интуриста» был вызван тем, что на ее территории находились два объекта, посещавшихся иностранными туристами Волжского речного круиза («зеленая стоянка» и Волжская ГЭС им. В. И. Ленина). Кроме того, в 1966 г. в Тольятти началось возведение Волжского автозавода и нового жилого района (Автозаводского) – образца «архитектуры будущего», которые рассматривались как интереснейшие объекты посещения уже на этапе строительства. Поэтому на основании приказа Управления по иностранному туризму при Совете министров СССР от 22 мая 1967 г. в Тольятти было организовано агентство ВАО «Интурист»¹⁴. Своеобразие ситуации заключалось в том, что вследствие закрытости г. Куйбышева для посещений иностранными туристами представительство ВАО «Интурист» появилось не в областном центре, а в подчиненном ему Тольятти. Подобных случаев было не так много: из 28 агентств и отделений ВАО «Интурист», работавших в РСФСР в 1969 г., лишь представительства в Пятигорске, Кисловодске, Забайкальске, Братске, Находке и Тольятти были открыты не в областных центрах¹⁵.

Агентство ВАО «Интурист» г. Тольятти, как и другие агентства и отделения на территории РСФСР, подчинялось Управлению по иностранному туризму при Совете министров РСФСР, которое координировало их деятельность на уровне республики. Система возглавлялась Главным управлением по иностранному туризму при Совете министров СССР, определявшим основные направления развития иностранного туризма. Эта структура не была замкнута в рамках только центральной организации и сети подведомственных ей учреждений. Так, агентство ВАО «Интурист» г. Тольятти находилось в тесном взаимодействии с региональными органами власти и в первую

очередь подчинялось именно им, согласовывая свои действия с Управлением КГБ по Куйбышевской области, Обкомом КПСС, Облисполкомом, Горкомом КПСС и Горисполкомом.

В 1974 г. агентство ВАО «Интурист» г. Тольятти получило более высокий статус отделения. Одновременно с этим в г. Куйбышеве было создано агентство ВАО «Интурист» по Куйбышевской области, поскольку тольяттинское представительство перестало справляться с объемом работы: помимо приема в Тольятти круизных теплоходов, оно занималось продажей билетов и туров по стране иностранным специалистам, работавшим в городе, а также отправляло за рубеж советских граждан, в основном жителей Куйбышева. Агентство по Куйбышевской области и отделение ВАО «Интурист» г. Тольятти разделили функции: первое занималось отправкой советских граждан за границу, второе сосредоточилось на приеме и экскурсионном обслуживании иностранных туристов. Количество последних, согласно ежегодным отчетам отделения ВАО «Интурист» г. Тольятти, к 1974 г. увеличилось в несколько раз. Если в 1967 г. в городе были приняты и обслужены экскурсиями 1992 иностранных туриста, то в 1974 г. – 9125 чел., а в 1978 г. уже 11 980 чел.¹⁶ Тенденция на увеличение числа иностранных туристов проявлялась в масштабах всей страны: с 1,3 млн чел. в 1965 г. количество иностранных туристов возросло до 2 млн в 1970 г.¹⁷, а в 1978 г. составило 4,6 млн чел.¹⁸

Объемы экскурсионного обслуживания советских граждан также возрастали, поскольку экскурсия рассматривалась как эффективное средство воспитания «коммунистического мировоззрения». Регламентация, четкая организация и, что немаловажно, финансирование со стороны государства как бы включили «зеленый свет» для развития экскурсионной деятельности. О превращении ее в массовое явление можно судить по статистическим данным. Если в 1968 г. всеми БПиЭ страны были обслужены 23,2 млн экскурсантов¹⁹, то в 1978 г. – 161,8 млн²⁰. Количество экскурсантов в Куйбышевской области также возросло с 228 тыс. чел. в 1968 г.²¹ до 1,18 млн в 1978 г.²²

Как показывает статистика, советских граждан, совершавших экскурсии по территории Куйбышевской области, было в разы больше, чем иностранных туристов. Соответственно неодинаковым являлось количество штатных сотрудников БПиЭ и отделения ВАО «Интурист» г. Тольятти. В последнем, согласно годовым отчетам по кадрам, в 1980 г. работали 15 чел. (в т. ч. 4 гида-переводчика)²³, а в 1987 г. – 20 чел. (в т. ч. 5 гидов-переводчиков)²⁴. Состав штатных гидов-переводчиков отделения ВАО «Интурист» г. Тольятти был постоянным (их стаж к 1979 г. составлял от 3 до 10 лет)²⁵. В летний период отделение ВАО «Интурист» г. Тольятти дополнительно привлекало от 10 до 40 внештатных гидов-пере-

водчиков, состав которых также был довольно стабильным, поскольку работа с иностранными туристами считалась престижной.

Количество штатных сотрудников, работавших в бюро путешествий и экскурсий, зависело от объема выполнявшейся ими работы. Так, в ведущем БПиЭ области – Куйбышевском, обслужившем в 1982 г., по данным годового бухгалтерского отчета, 1 005 300 экскурсантов²⁶, на начало 1983 г. работали 75 чел.²⁷ В одном из небольших БПиЭ области, Сергиевском, обслужившем за 1982 г. 5 000 экскурсантов²⁸, на начало 1983 г. в штате работали 4 чел.²⁹ В 1982 г. во всех экскурсионных организациях КОСТЭ числились 449 экскурсоводов³⁰. Не считая опытных, постоянно работавших в БПиЭ экскурсоводов, состав их в основной массе не был стабильным, так как неактивные отчислялись за невыполнение личного плана работы, непосещение занятий методических секций и т. д. Однако их ряды постоянно пополнялись новыми кадрами за счет организации обучения на специализированных курсах, длившихся шесть месяцев.

В отделении ВАО «Интурист» г. Тольятти курсы подготовки гидов-переводчиков не проводились. Обучение новых, а также совершенствование знаний и навыков опытных гидов-переводчиков осуществлялось в рамках занятий по повышению квалификации. Актуальную информацию о положении в стране и мире гиды-переводчики получали в секциях английского и немецкого языков, здесь же они совершенствовали языковые навыки. Несколько отличались цели занятий методических секций в БПиЭ: здесь экскурсоводы совершенствовали методическое мастерство, участвовали в разработке экскурсий. К 1984 г. во всех БПиЭ области работали 16 методических секций. В не крупных бюро области было по одной секции – краеведческой, а в Куйбышеве и Тольятти они разделялись по тематическому принципу (городская, загородная, природоведческая, производственная, школьно-молодежная)³¹.

Как видим, школьники и молодежь рассматривались как особая категория экскурсантов, поскольку в 1960–1980-е гг. в учебных заведениях СССР, в том числе Куйбышевской области, экскурсии стали обязательной частью воспитательного и образовательного процесса. Если в 1969 г. согласно отчетам КОСТЭ, БПиЭ области провели экскурсии для 18 тыс. школьников³², то в 1979 г. для 156 тыс.³³ В 1981 г. охват экскурсиями школьников в городах области равнялся 92,6%³⁴.

Экскурсионные организации КОСТЭ помимо установления договорных отношений непосредственно с образовательными учреждениями осуществляли экскурсионное обслуживание школьников и молодежи в сотрудничестве с БММТ «Спутник», представители которого входили в областной совет по туризму и экскурсиям.

С 1965 г. одной из форм туристско-экс-

курсионной работы БММТ «Спутник» стали Всесоюзные походы комсомольцев и молодежи по местам революционной, боевой, трудовой славы советского народа, а в 1972 г. в их рамках была объявлена всесоюзная экспедиция пионеров и школьников «Моя Родина – СССР». С этого времени туристско-экскурсионная работа Куйбышевского отделения БММТ «Спутник» строилась в основном в рамках этой экспедиции и была направлена на ознакомление школьников с историей и культурой края, достижениями советского народа. При этом экскурсионное обслуживание походов и экспедиции осуществляли БПиЭ области, так как Куйбышевское отделение БММТ «Спутник» своих экскурсоводов не имело. Экскурсии проводились по ленинским и историко-революционным местам, на промышленных предприятиях и стройках Куйбышева, Тольятти, Жигулевска. К 1980 г., согласно Справке об итогах участия КОСТЭ в IX этапе Всесоюзного похода, количество экскурсионных тем для его участников, разработанных БПиЭ Куйбышевской области, возросло до 67³⁵.

Разнообразной была тематика экскурсий и для взрослого населения Куйбышевской области. Как было заявлено на заседании КОСТЭ 28 мая 1987 г., общее количество экскурсионных тем на тот момент равнялось 240³⁶. Помимо ленинских и историко-революционных экскурсий, которые преобладали в 1960-е гг., в 1970–1980-е гг. благодаря наличию в Куйбышевской области соответствующих объектов показа разрабатывались следующие темы: природоведческие, производственные, военно-патриотические, искусствоведческие, экскурсии на тему современности. Ценность экскурсий состояла в том, что они развивали любознательность, интерес к краеведению, расширяли кругозор и одновременно выполняли воспитательную функцию, вызывая в человеке чувство патриотизма, уважение к труду, любовь к природе.

Если тематика экскурсий для населения Куйбышевской области была довольно разнообразна, то экскурсионная программа для иностранных и советских туристов плановых маршрутов ограничивалась «базовым набором» туристских достопримечательностей. При этом из-за наличия предприятий оборонной, авиационной и аэрокосмической промышленности Куйбышев был закрыт для посещения интуристами. Для советских туристов плановых маршрутов здесь проводились экскурсии по ленинским и историко-революционным местам. Но главной достопримечательностью области являлась Волжская ГЭС им. В. И. Ленина. Ее в 1960–1970-е гг. посещали и советские, и иностранные туристы. Экскурсия на ГЭС имела целью пропаганду грандиозности и технического совершенства гидротехнических сооружений, а через них и достижений Советского государства. Она позволяла «очень убедительно раскрыть тему превращения отсталой царской России за 60 лет

Советской власти в высокоразвитое в промышленном отношении государство»³⁷.

Экскурсии и для советских граждан, и для иностранцев проводили экскурсоводы экскурсионного бюро ГЭС, которых набирали из числа инженерно-технических кадров гидроэлектростанции. В 1967 г. их количество составляло 52 чел., из которых 29 входили в так называемый «первый список», то есть имели разрешение проводить экскурсии для иностранных туристов³⁸. Для иностранцев экскурсии переводили сотрудники отделения ВАО «Интурист» г. Тольятти.

В целом содержание экскурсии на ГЭС для иностранных туристов и советских граждан было одинаковым. Согласно методическому пособию экскурсии, экскурсоводы рассказывали о ленинском плане электрификации, освещали историю строительства Волжской ГЭС им. В. И. Ленина, ее роль в энергосистеме европейской части СССР, давали краткую характеристику гидротехнических сооружений³⁹. Для иностранных туристов акцент делался на преимуществах советского строя. На примере ГЭС экскурсоводы рассказывали о превосходстве планового ведения народного хозяйства, о роли профсоюзов и соцсоревнований в работе советских предприятий⁴⁰.

В 1980 г. на Волжской ГЭС им. Ленина начался масштабный ремонт, и ее посещение экскурсантами было ограничено. Главное место в программе приема иностранных туристов в Куйбышевской области с этого времени заняла обзорная экскурсия по Тольятти. Проводилась она и для советских туристов плановых маршрутов, а также для жителей Куйбышевской области.

Советским и иностранным туристам Тольятти представляли как город молодой, динамичный, устремленный в будущее. Основной темой экскурсии по городу для советских граждан являлась его промышленность. Согласно методическому описанию экскурсии, экскурсоводы должны были говорить о том, что именно выпускают предприятия города, о приросте промышленности, увеличении объема валовой продукции⁴¹. Затрагивались также темы образования, науки, культуры, медицины. При этом использовался прием сравнения с «царским прошлым», позволявший в выгодном свете показать современные достижения.

Тема промышленности звучала в экскурсии по Тольятти и для иностранцев, однако, в меньшей степени. Из предприятий в основном говорилось о Волжском автозаводе. Больше, чем промышленности, внимание уделялось теме жилищного строительства и объектам соцкультбыта. Иностранным туристам демонстрировали наиболее благоустроенные улицы города, стараясь произвести впечатление «размахом индустрии, смелостью и новизной многих архитектурных решений, невиданно высокими темпами социалистического строительства»⁴². Также в ходе экскурсии освещались темы массовости спорта, развития культуры, заботы о здоровье и отдыхе трудящихся, охраны

окружающей среды. Интерес у иностранных туристов, особенно из капиталистических стран, вызвала социальная сфера⁴³. Следует отметить, что к туристам из капстран было особое отношение. С одной стороны, их в первую очередь нужно было убедить в преимуществах советского строя. С другой, они воспринимались как носители враждебной идеологии: «Мы всегда должны помнить, что туристский обмен между социалистическими и капиталистическими странами является в то же время ареной политической и идеологической борьбы...», – говорилось в отчете о подготовке тольяттинского отделения ВАО «Интурист» к сезону 1975 г.⁴⁴

Поскольку экскурсионной работе в СССР придавалось важное идеологическое значение, содержание текстов экскурсий и для советских граждан, и для иностранных туристов постоянно контролировалось. Если в системе профсоюзного туризма проверку осуществляли сотрудники аппарата КОСТЭ и методисты БПиЭ, то экскурсионная работа с иностранными туристами являлась объектом пристального внимания на более высоком уровне. Текст экскурсии и ее маршрут, которому необходимо было строго следовать, ежегодно утверждался отделом пропаганды и агитации тольяттинского Горкома КПСС.

Контролировали не только содержание текстов экскурсий, но и то, как экскурсоводы и гиды-переводчики преподносили его экскурсантам. Осуществлялось это путем систематических прослушиваний. Например, за 1984 г., как отмечало постановление Коллегии КОСТЭ, только в Куйбышевском БПиЭ были прослушаны 608 экскурсий⁴⁵. Во время прослушивания в БПиЭ оценивались идейно-теоретический уровень экскурсии, осуществление «ленинских принципов партийной пропаганды», воспитательная направленность, полнота изложения материала, культура речи и методическое мастерство экскурсовода.

Регулярно проводились проверки работы и гидов-переводчиков отделения ВАО «Интурист» г. Тольятти. Во время обслуживания каждого рейса Волжского речного круиза один из гидов-переводчиков отделения прослушивался либо своим коллегой, либо переводчиком с теплохода. Кроме того, один из гидов-переводчиков отделения ВАО «Интурист» г. Тольятти писал отчет, где отражал программу экскурсий, замечания, состояние объектов показа, вопросы туристов. Вопросы анализировались, для гидов-переводчиков проводились занятия, посвященные методике ответов на них, что говорит о серьезном отношении к формированию «правильного» образа страны в глазах иностранцев.

Притом, что тексты экскурсий проходили проверку, а работу экскурсоводов и гидов-переводчиков контролировали путем прослушивания, идеологическое наполнение экскурсии зачастую являлось формальным. Не все экскурсоводы и

гиды-переводчики были идейно убежденными пропагандистами, а потому некоторые из них, как указывали в отчетах проверяющие, имели «склонность к всякого рода штампам», демонстрировали «механическое повторение общеизвестных истин», «отсутствие убедительных аргументов настоящего анализа», «увлечение стариной», некоторые экскурсоводы «забывали о классовом подходе к оценке исторических событий», не уделяли должного внимания руководящей роли КПСС⁴⁶. Наиболее опытные экскурсоводы и гиды-переводчики умело лавировали между стремлением сделать экскурсию интересной и необходимостью включать в нее обязательную информацию. По свидетельству Г. С. Росляковой, в 1982–1995 гг. работавшей гидом-переводчиком отделения ВАО «Интурист» г. Тольятти, официальные документы упоминались лишь в присутствии проверяющего⁴⁷.

Различия в подходах к экскурсионному обслуживанию иностранцев и советских граждан наиболее явно проявлялись в транспортном обеспечении экскурсий. Характерно, что автотранспортные предприятия (АТП) всегда находили для отделения ВАО «Интурист» г. Тольятти необходимое количество автобусов «из новых поступлений». Иностранцы туристы обслуживались на автобусах ЛАЗ-695, а с 1973 г. «Икарус-255», оборудованных в соответствии со всеми требованиями, с чехлами на сиденьях и микрофонными установками⁴⁸. Это резко контрастировало с состоянием транспорта для экскурсионного обслуживания советских граждан. Для них АТП зачастую выделяли неисправные, не отвечающие санитарным нормам автобусы. Сходным было и отношение к благоустройству территорий по маршрутам экскурсий: советские граждане рассматривались как невзыскательная аудитория, но к приему интуристов областные и городские власти относились щепетильно.

Сравнительный анализ организации экскурсионной работы с советскими и иностранными туристами в 1960–1980-е гг. показывает, что все туристско-экскурсионные организации в СССР считались идеологическими учреждениями, цель которых усматривалась государственными структурами не столько в организации досуга, сколько в воспитании правильного отношения к советской действительности. Специфика в обслуживании иностранных туристов возникала из стремления сформировать в их глазах позитивный образ страны. Тем не менее излишняя регламентация и дотошная опека над деятельностью туристско-экскурсионных учреждений, не приемлемые в современных условиях, не умаляют того положительного опыта экскурсионной работы, который был приобретен в 1960–1980-е гг. в организации системы обучения экскурсоводов и гидов-переводчиков, высоком профессиональном уровне подготовки, методического обеспечения и проведения экскурсий.

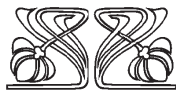
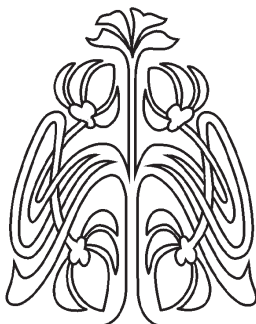
Примечания

- 1 В 2000-е гг. в Самарской области были разработаны областные целевые программы «Развитие внутреннего туризма в Самарской области на 2004–2008 гг.», «Развитие туристско-рекреационного кластера в Самарской области» на 2011–2014 гг.», закон Самарской области «О государственной поддержке развития туризма в Самарской области» от 31 мая 2011 г., целевая программа «Развитие туризма на территории г. о. Тольятти на 2011–2013 гг.».
- 2 Савинкова Р. А. История развития туризма, гостеприимства и экскурсионного дела в Самарском крае. Самара : Изд-во СМИУ, 2008.
- 3 Коровина Н. П. Туристско-экскурсионная деятельность первой туристической организации по внутреннему туризму в городе Тольятти в 70–80-е годы XX века // Организация экскурсионной деятельности в Тольятти / М. С. Ельчанинов, Н. Д. Алексеева, Ю. А. Тресков [и др.]. Тольятти : Изд-во ПВГУС, 2012. С. 9–38.
- 4 Багдасарян В. Э., Орлов И. Б., Шнайден Й. Й., Федуллин А. А. Советское зазеркалье. Иностраный туризм в СССР в 1930–1980-е годы. М. : Форум, 2008.
- 5 Копылов Ю. В. Советский опыт подготовки кадров в сфере туризма : дис. ... канд. ист. наук / ФГОУВПО «РГУТиС». М., 2011.
- 6 Самарский областной государственный архив социально-политической истории (далее – СОГАСПИ). Ф. 927. Оп. 1. Д. 5. Л. 125.
- 7 Согласно определению П. С. Пасечного, «плановые туристские маршруты – это вид путешествия, который заранее разработан, спланирован по срокам, с учетом расходов мест размещения, питания, когда предусмотрены посещения определенных достопримечательных мест, график переходов или переездов между пунктами». См.: Пасечный П. С. Путешествуйте на здоровье! М. : Знание, 1988. С. 27.
- 8 В 1969 г. Куйбышевское экскурсионное бюро получило статус бюро путешествий и экскурсий (БПиЭ).
- 9 Постановление ЦК КПСС, Совета Министров СССР и ВЦСПС «О мерах по дальнейшему развитию туризма и экскурсий в стране» от 30.05.1969 // Сборник постановлений ВЦСПС. Апрель – июнь 1969. М. : Профиздат, 1969. С. 194–200.
- 10 СОГАСПИ. Ф. 927. Оп. 1. Д. 98. Л. 41.
- 11 Ананьев М. А. Международный туризм. М., 1968. С. 184.
- 12 Your trip to the USSR. A tourist's manual. М. : Foreign languages publishing house, 1962. P. 22.
- 13 Управление по делам архивов мэрии г. о. Тольятти. Ф. Р-360. Оп. 1. Д. 2. Л. 21.
- 14 Там же. Д. 1. Л. 1.
- 15 ГА РФ. Ф. 9612. Оп. 3. Д. 461 «Справка о количестве иностранных туристов, посещавших СССР в 1970 г. (в сравнении с 1969 г.)». Л. 1.
- 16 Управление по делам архивов мэрии г. о. Тольятти. Ф. Р-360. Оп. 1. Д. 4. Л. 2 ; Там же. Оп. 1. Д. 49. Л. 15 ; Там же. Оп. 1. Д. 103. Л. 1.
- 17 Долженко Г. П. История туризма в дореволюционной России и СССР. Ростов н/Д : Изд-во Рост. ун-та, 1988. С. 178.
- 18 ГАРФ. Ф. Р-9612. Оп. 3. Д. 1357. Л. 9.
- 19 Постановление ВЦСПС «Об итогах работы Центрального совета по туризму за 1968 год» от 29.04.1969 // Сборник постановлений ВЦСПС. Апрель – июнь 1969. М. : Профиздат, 1969. С. 178.
- 20 Постановление ВЦСПС «Об итогах хозяйственно-финансовой деятельности Центрального совета по туризму и экскурсиям за 1978 год» // Сборник постановлений ВЦСПС. Апрель – июнь 1979. М. : Профиздат, 1979. С. 127.
- 21 СОГАСПИ. Ф. 927. Оп. 1. Д. 134 «Материалы заседания Совета (постановления, протокол, стенограмма) за 1972 год». Л. 7.
- 22 СОГАСПИ. Ф. 927. Оп. 1. Д. 216 «Годовые отчеты подведомственных организаций за 1978 год и объяснительные записки к ним».
- 23 Управление по делам архивов мэрии г. о. Тольятти. Ф. Р-360. Оп. 1. Д. 119. Л. 1.
- 24 Там же. Д. 204. Л. 31.
- 25 Там же. Д. 105. «Списки переводчиков и инспекторов-аквизиторов за 1972–1979 гг.». Л. 1–8.
- 26 СОГАСПИ. Ф. 927. Оп. 1. Д. 283 «Годовые отчеты по основной деятельности подведомственных учреждений за 1982 год и объяснительные записки к ним».
- 27 Там же. Д. 289. Л. 14.
- 28 Там же. Д. 283.
- 29 Там же. Д. 290. Л. 44.
- 30 Там же. Д. 266. Л. 14.
- 31 Там же. Д. 320а. Л. 11.
- 32 Там же. Д. 116. Л. 12.
- 33 Там же. Д. 234. Л. 11
- 34 Там же. Д. 269. Л. 66–68 «Справка о ходе выполнения совместного постановления областного совета и Коллегии областного отдела народного образования об улучшении организации обслуживания учащихся общеобразовательных школ, педучилищ, студентов пединститутов» (1982 г.).
- 35 Там же. Д. 238. Л. 53.
- 36 Там же. Д. 382а. Л. 27.
- 37 Управление по делам архивов мэрии г. о. Тольятти. Ф. Р-360. Оп. 1. Д. 32 «Сводные показатели информационно-пропагандистской работы за 1973–1979 гг.». Л. 16.
- 38 СОГАСПИ. Ф. 927. Оп. 1. Д. 78. Л. 172.
- 39 Там же. Д. 93. Л. 1–17.
- 40 Управление по делам архивов мэрии г. о. Тольятти. Ф. Р-360. Оп. 1. Д. 32 Л. 16.
- 41 СОГАСПИ. Ф. 927. Оп. 1. Д. 66. Л. 5–9.
- 42 Управление по делам архивов мэрии г. о. Тольятти. Ф. Р-360. Оп. 1. Д. 130. Л. 33.
- 43 Там же. Д. 174. Л. 9–11; Там же. Ф. Р-360. Оп. 1. Д. 189. Л. 7.
- 44 Там же. Д. 49. Л. 13.
- 45 СОГАСПИ. Ф. 927. Оп. 1. Д. 315. Л. 114.
- 46 Там же. Д. 120. Л. 25 ; Там же. Д. 26. Л. 29–35 ; Там же. 1. Д. 144. Л. 8 ; Там же. Д. 225. Л. 7.
- 47 Интервью с Г. С. Росляковой. Записано И. А. Кирсановой. Тольятти, 2013.
- 48 Управление по делам архивов мэрии г. о. Тольятти. Ф. Р-360. Оп. 1. Д. 22. Л. 8.

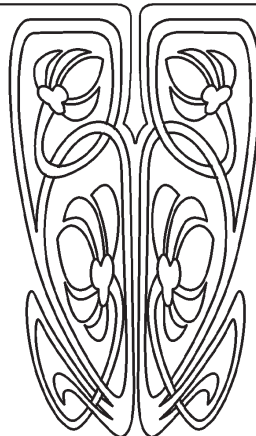

ПРЕДСТАВЛЯЕМ КНИГУ

Новое исследование о саратовских воеводах XVII века: Рецензия на книгу: Рабинович Я. Н. Воеводы левобережного Саратова (1616–1641 гг.) / под ред. С. А. Мезина. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 2014. 228 с.

**КРИТИКА
и
БИБЛИОГРАФИЯ**

В 2014 г. была опубликована монография известного исследователя российской истории начала XVII в. Я. Н. Рабиновича «Воеводы левобережного Саратова». Рецензируемая книга является вторым изданием труда этого автора о саратовских воеводах (первое увидело свет в 2013 г.). Издание расширено и дополнено биографией воеводы С. В. Чемесова; появились новые подробности о воеводе кн. Ф. Т. Черново-Оболенском. Безусловно, жаль, что во втором издании книги не помещены главы о воеводах Ф. И. Чемоданове, А. Ф. Наумове и кн. И. Ф. Шаховском, написание биографий которых, как отметил автор, является делом «ближайшего будущего» (с. 19). Будем надеяться, что в ближайшем будущем этот пробел будет восполнен, и мы будем иметь возможность проследить биографии всех воевод Саратова за четверть века (1616–1641 гг.).

Не нуждается в обосновании бесспорный факт необходимости изданий, подобных книге Якова Николаевича. История российских регионов в последние годы получила мощный импульс к развитию, причём в результате этого всплеска научного интереса к истории отдельных городов и исторических областей мы получаем весомые научные труды, выходящие по своему значению и качеству обработки материалов далеко за рамки традиционного краеведения. Монография Я. Н. Рабиновича является ярким образцом работы такого типа. Посвящённая воеводам одного из русских поволжских городов, Саратова, бывшего в первой половине XVII в. лишь одним из форпостов Российской державы на восточной степной границе, книга выводит читателя на широкое поле исторических процессов и событий, разворачивавшихся в означенные десятилетия на территории всей страны.

Следуя за своими героями, Яков Николаевич уводит читателя далеко за географические границы своей работы, ведь его персонажи, помимо воеводства в Саратове, выступали в роли военачальников, администраторов и дипломатов в Новгородской земле, Сибири, городах на южных рубежах и в Заполярье, на полях сражений Смоленской войны и за столом переговоров в далёкой Грузии... На этом обширном фоне, собственно, саратовские сюжеты порой становятся почти неразличимы (в очерке о воеводе кн. Ф. Т. Черново-Оболенском, например, из тридцати страниц саратовскому эпизоду его биографии отведено лишь две). Однако вряд ли подобная лаконичность повествования о саратовском воеводстве будет поставлена автору в вину человеком, хотя бы немного знакомым со спецификой состояния источниковой базы российской истории XVII в. в целом и истории Среднего Поволжья в частности. Автор привлекает для описания саратовских периодов жизни своих героев все доступные ему источники.

Монография Я. Н. Рабиновича прослеживает судьбы саратовских воевод на протяжении нескольких десятилетий. Но особенно ценными и подробно прописанными являются эпизоды, посвящённые событиям Смутного времени начала XVII в., в особенности те, что разворачивались на территории Новгородской земли в период шведской оккупации. Здесь судьбы будущих саратовских воевод соприкасаются с историей северо-западного региона, которая особенно хорошо знакома Я. Н. Рабиновичу, являющемуся автором ряда монографий и научных статей по истории Псковской и Новгородской земли в период Смуты¹.

Ещё одно обстоятельство, которое кажется необходимым указать среди несомненных достоинств книги Я. Н. Рабиновича, делает этот

труд интересным для исследователей и любителей отечественной истории далеко за пределами Саратовского края или Среднего Поволжья. Персонажи автора, саратовские воеводы, являются активными участниками событий Смутного времени начала XVII в., а также других заметных событий политической истории Московского государства первой половины XVII столетия. Не избалованные вниманием исследователей, эти «исполнители эпизодических ролей» в драме российской истории, вместе с тем, внесли свой вклад в общее дело. Без реконструкции биографий таких «героев второго плана» полотно картины русской Смуты начала XVII в. будет выглядеть незаконченным.

Детально прописанные портреты царей Бориса Годунова, Василия Шуйского и Михаила Романова, полководца Михаила Скопина-Шуйского, патриархов Гермогена и Филарета, вождей народного Ополчения Прокопия Ляпунова, Кузьмы Минина, кн. Дмитрия Пожарского, самозванца Лжедмитрия I и его преемника «Тушинского вора», предводителей восставших отрядов Ивана Болотникова и Ивана Заруцкого, польского кондотьера Яна-Петра Сапеги, честолюбивой польки Марины Мнишек стоят пока, к сожалению, особняком. Лишь изредка они составляют классические композиции вроде знаменитого творения Ивана Мартоса – памятника князю Пожарскому и гражданину Минину. Единственным фоном этому увековеченному в меди союзу, своего рода символу преодоления Смуты, является собор Василия Блаженного, а также одетые Мартосом в античные одежды нижегородцы и воины Ополчения, изгоняющие поляков из Москвы (все они изображены на горельефах на пьедестале памятника). Иначе говоря, задний план исторического полотна Смутного времени прописан ещё довольно слабо и схематично, второстепенные персонажи пока лишь угадываются в тени и бликах, отбрасываемых титаническими фигурами «героев и злодеев» на фоне московского пожара 1611 г.

И именно этот изъян исторических работ, посвящённых событиям Смутного времени, исправляют труды, подобные рецензируемой книге Я. Н. Рабиновича. Не претендуя на громкие открытия и концептуальную новизну, автор давно и плодотворно работает над реконструкцией биографий второстепенных персонажей Смутного времени. За последние годы исследователи российской истории XVII в. имели возможность познакомиться с рядом трудов Я. Н. Рабиновича, написанных в жанре исторической биографии².

Во введении к своей работе, дважды цитируя одного из своих предшественников, саратовского краеведа В. Н. Семёнова, автор пишет: «Других источников, проливающих свет на саратовских воевод этого периода, более полных и точных, на сегодня нет». Не соглашаясь с процитированным тезисом, исследователь, тем не менее, с сожалением указывает на то, что «никто из читателей не обнаружил новых сведений из жизни воевод

Саратова и не указал автору на неизвестные источники, в которых содержалась бы информация об этих начальных людях Саратова». При этом Я. Н. Рабинович выразил надежду на то, что не введённые в научный оборот источники всё же будут обнаружены, и это позволит нам расширить имеющиеся знания о саратовских воеводах (с. 3, 4).

Автору удалось найти указания источников, ранее не привлекавших внимания саратовских краеведов. Особенно интересно, что материалы эти давно опубликованы – некоторым из изданий («Дополнения к Актам историческим», «Русская историческая библиотека», «Акты Московского государства») исполнилось уже более века. И Я. Н. Рабиновичу пришлось проделать сложную и кропотливую работу, добросовестно выявив такие факты, ускользнувшие от внимания других учёных (порой радость таких находок даже заставляет автора упрекать предшественников в том, что они не обратили внимания на тот или иной эпизод, отраженный в опубликованных источниках).

Отрадно, что при этом сам Я. Н. Рабинович вполне отдаёт себе отчёт в том, что произведенная им реконструкция биографий саратовских воевод не является окончательной и исчерпывающей, поскольку существует огромное количество источников, хранящихся в архивах и пока ещё не опубликованных. Они достоинством научной общественности пока не стали. Между тем в неопубликованных архивных источниках обнаруживаются отдельные факты, касающиеся биографий главных героев рецензируемой книги, на которые я указываю, надеясь, что они будут полезны Я. Н. Рабиновичу в его дальнейшей работе.

В первую очередь, отмечу дополнительную информацию о кн. Ф. Т. Черново-Оболенском, относящуюся к концу его служебной биографии. Имеющиеся в нашем распоряжении источники позволяют уточнить время его пребывания на воеводстве в Кольском остроге: в известном справочнике А. П. Барсукова содержится указание на службу кн. Федора Оболенского в этом городе в 1639/40 г.; архивные материалы указывают на то, что кн. Оболенский был воеводой в Кольском остроге как минимум с 30 июля 1638 г.³ По архивным материалам удаётся узнать и размер годового денежного оклада кн. Ф. Т. Черново-Оболенского в этот период – 140 рублей: он указан в кормлёной книге Галицкой четверти за 1641/42 г.⁴

В опубликованных источниках тоже имеется информация, ускользнувшая от внимания Якова Николаевича. Например, в «Боярской книге 1627 года» о кн. Ф. Т. Оболенском содержится подробная и ценная по содержащейся информации запись (процитирую её целиком): «Князь Федор княж Тимофеев сын Черново Оболенской. В памяти ис Помесново приказу за приписью диака Василья Ключарева нынеинего 137-го году августа в 14 день написано: в государеве грамоте,

какова государева грамота князю Федору Оболенскому дана во 130-м году генваря в 28 день за приписью диака Ондreja Вареева на нижегородское поместье, да в даче 135-го году августа в 21 день на нижегородское ж поместье написан помесной оклад 700 чети, денег в списке Галитцкие чети 40 рублей»⁵.

Интересные подробности о кн. Оболенском содержатся и в «Боярской книге 1639 года»: «Князь Федор княж Тимофеев сын Черново-Оболенской. В книге 137-го году помесной ему оклад 800 чети, денег 80 рублей. Да по памяти ис Казанского приказу 150-го октября в 7 день за астраханское городовое дело придано двесте чети, денег шездесят рублей»⁶.

Не менее информативна и запись в «Боярской книге 1639 года» о кн. Мышецком: «Князь Ефим княж Федоров сын Мышецкой. В книге 137-го году денежной оклад 20 рублей. Помесной оклад, как служил з городом, 700 чети, да ему ж в 142-м году за мещоскую службу придано 100 чети, денег 25 рублей. В 143-м году за дорогобужскую службу придано 150 чети, денег 50 рублей; всего ему оклад 950 чети, денег 95 рублей. Да 153-го по памяти ис Посольского приказу за грузинскую службу придано 50 чети, 75 рублей»⁷.

В той же книге имеется запись о жалованье Г. Н. Орлова («Григорий Микитин сын Орлов. В книге 137-го году помесной оклад 900 чети, денег ис чети 110 рублей») и Г. И. Фефилаьева («Григорей Иванов сын Фефилаьев. В книге 137-го году помесной оклад 1000 чети, денег 110 рублей»)⁸. Обнаруживаются в опубликованных боярских книгах и имена других саратовских воевод.

Впрочем, как очевидно всякому, кто занимался восстановлением исторических биографий людей XVI–XVII вв., поставить финальную точку в таком исследовании никогда не удаётся – всякий раз будут находиться все новые и новые источники, в большей или меньшей степени расширяющие наши представления о жизненном пути центральной фигуры исследования. Наверное,

прежде всего именно этим историческая биография XVI–XVII вв. интересна и перспективна. А книга «Воеводы левобережного Саратова (1616–1641 гг.)», без сомнения, станет трудом, без обращения к которому будущим исследователям истории Среднего Поволжья первой половины XVII в. невозможно будет написать серьёзной научной работы.

Примечания

- ¹ Рабинович Я. Н. Старая Русса в Смутное время. Исторический очерк. Великий Новгород, 2011; *Он же*. Гдов в Смутное время (1604–1621 гг.). Великий Новгород, 2011; *Он же*. Порхов в Смутное время. Саратов, 2013; *Он же*. Малые города Новгородской земли в Смутное время. Великий Новгород, 2013; *Он же*. Малые города Псковской земли в Смутное время. Псков, 2014.
- ² Рабинович Я. Н. Личности Смутного времени: Андрей Федорович Палицын // Изв. Саратов. ун-та. Сер.: История. Международные отношения. 2009. Т. 9, вып. 2. С. 73–83; *Он же*. Саратовский воевода Владимир Владимирович Аничков (1607–1608) // Изв. Саратов. ун-та. Сер.: История. Международные отношения. 2011. Т. 11, вып. 1. С. 92–98; *Он же*. Братья Коробьины на службе России (1603–1639). Саратов, 2014; *Он же*. Братья Семен и Никита Гагарины: страницы биографии (1610–1640). Саратов, 2015.
- ³ РГАДА. Ф. 137. «Боярские и городовые книги». Оп. 1. Владимир. Кн. 4. Л. 144.
- ⁴ Там же. Оп. 1. Галич. Кн. 9. Л. 9.
- ⁵ Боярская книга 1627 года. М., 1986. С. 71.
- ⁶ Боярская книга 1639 года. М., 1999. С. 91.
- ⁷ Там же. С. 106–107.
- ⁸ Там же. С. 100, 106, 110.

Д. В. Лисейцев,
доктор исторических наук,
ведущий научный сотрудник
Института российской истории РАН,
Москва

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Акопян Виктор Завернович, кандидат исторических наук, доцент Пятигорского государственного лингвистического университета. E-mail: zaven2005@yandex.ru

Балахванцев Арчил Савелич, кандидат исторических наук, научный сотрудник отдела Древнего Востока Института востоковедения РАН, Москва. E-mail: balakhvantsev@gmail.com

Белов Кирилл Вадимович, соискатель кафедры Отечественной истории в новейшее время Института истории и международных отношений Саратовского государственного университета. E-mail: belovkv70@mail.ru

Бондаренко Татьяна Юрьевна, аспирант кафедры экономической и политической истории России ССЭИ (филиал) Российского экономического университета им. Г. В. Плеханова, Саратов. E-mail: tatjana-bondarenko88@yandex.ru

Гальперин Роман Игоревич, аспирант кафедры истории России Института истории и международных отношений Саратовского государственного университета. E-mail: galperinroman@mail.ru

Галямичев Александр Николаевич, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории средних веков Института истории и международных отношений Саратовского государственного университета. E-mail: Galyamichev57@mail.ru

Гарманов Иван Александрович, старший научный сотрудник отдела истории русской культуры Государственного Эрмитажа, Санкт-Петербург. E-mail: garmanov-69@mail.ru

Еремин Владимир Станиславович, аспирант кафедры истории нового и новейшего времени Института истории и международных отношений Саратовского государственного университета. E-mail: fuzziStone@gmail.com

Кирсанова Ирина Алексеевна, аспирант кафедры истории и философии Тольяттинского государственного университета. E-mail: kuvirina@yandex.ru

Козлов Вадим Олегович, аспирант кафедры новой и новейшей истории исторического факультета Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова. E-mail: kozlovvadim@yandex.ru

Коновалов Иван Николаевич, доктор исторических наук, профессор кафедры истории и социологии политики Саратовской государственной юридической академии. E-mail: i.n.konovalov@mail.ru

Костина Александра Константиновна, аспирант кафедры истории нового и новейшего времени Института истории и международных отношений Саратовского государственного университета. E-mail: sandrine.kostina@gmail.com

Кустова Елена Витальевна, кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории Вятского государственного гуманитарного университета. E-mail: kustovael@yandex.ru

Лисейцев Дмитрий Владимирович, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН, Москва. E-mail: Liseitsev@mail.ru

Мельников Павел Юрьевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории государства и права Саратовской государственной юридической академии. E-mail: p_melnikov@list.ru

Морозова Елена Николаевна, доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной истории в новейшее время Института истории и международных отношений Саратовского государственного университета. E-mail: morozovaen@mail.ru

Психомасова Амина Рашидовна, кандидат исторических наук, преподаватель истории медицинского колледжа № 4 Департамента здравоохранения, Москва. E-mail: amina@lianet.ru

Рабинович Яков Николаевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России Института истории и международных отношений Саратовского государственного университета. E-mail: RabinovichYN@yandex.ru

Сабитова Лилия Равильевна, аспирант кафедры истории нового и новейшего времени Института истории и международных отношений Саратовского государственного университета. E-mail: Sabitovaliliya90@mail.ru

Сироткина Евгения Викторовна, кандидат исторических наук, доцент кафедры политических наук Тамбовского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ. E-mail: evgsirotkina@yandex.ru

Тотфалушин Виктор Петрович, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России Института истории и международных отношений Саратовского государственного университета. E-mail: TotfalushinVP@info.sgu.ru

Цыплин Виталий Геннадьевич, кандидат исторических наук, профессор кафедры международных отношений и внешней политики России Института истории и международных отношений Саратовского государственного университета. E-mail: v.tsyplin@yandex.ru

Чолахян Вачаган Альбертович, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой российской цивилизации и методики преподавания истории Института истории и международных отношений Саратовского государственного университета. E-mail: vcholakhyan@yandex.ru

Шашлова Татьяна Юрьевна, аспирант кафедры истории древнего мира Института истории и международных отношений Саратовского государственного университета. E-mail: tatyana.shashlova2014@yandex.ru

Шестакова Анна Григорьевна, аспирант кафедры истории нового и новейшего времени Института истории и международных отношений Саратовского государственного университета. E-mail: ashestakova@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Akopyan Viktor Zavenovich, PhD in History, Associate Professor of Pyatigorsk State Linguistic University. E-mail: zaven2005@yandex.ru

Balakhvantsev Archil Savelich, PhD in History, research fellow of the Ancient Orient Department of the Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow. E-mail: balakhvantsev@gmail.com

Belov Kirill Vadimovich, external doctoral candidate at the Department of Modern Russian History at the Institute of History and International Relations of Saratov State University. E-mail: belovkv70@mail.ru

Bondarenko Tatiana Jurjevna, postgraduate student, Economic and Political History of Russia Chair, SSEI (branch) of the Russian University of Economics named after G. V. Plekhanov, Saratov. E-mail: tatjana-bondarenko88@yandex.ru

Cholakhyan Vachagan Albertovich, History Doctor, professor, Head of the Russian Civilization and History Teaching Methods Chair of the Saratov State University. E-mail: vcholakhyan@yandex.ru

Eremin Vladimir Stanislavovich, postgraduate Student of Modern and Contemporary History Department, Institute of History and International Relations of Saratov State University. E-mail: fuzzone@gmail.com

Galperin Roman Igorevich, postgraduate student History of Russia Department, Institute of History and International Relations of Saratov State University. E-mail: galperinroman@mail.ru

Galyamichev Alexandr Nikolaevich, Doctor in History, Professor, Head of the Medieval History chair of the Institute of History and International Relations of Saratov State University named after N. G. Chernyshevskiy. E-mail: Galyamichev57@mail.ru

Garmanov Ivan Alexandrovich, Senior research fellow of the Russian Culture Department of the State Hermitage Museum, St.-Petersburg. E-mail: garmanov-69@mail.ru

Kirsanova Irina Alekseevna, postgraduate student of the History and Philosophy chair, Togliatti State University. E-mail: kuvirina@yandex.ru

Konovalov Ivan Nikolaevich, Doctor in History, professor of the history and sociology of politics department of the Saratov state law academy. E-mail: i.n.konovalov@mail.ru

Kostina Alexandra Konstantinovna, postgraduate student of Modern and Contemporary History chair, Institute of History and International Relations of Saratov State University. E-mail: Sandrine.kostina@gmail.com

Kozlov Vadim Olegovich, postgraduate student, the Chair of Modern and Contemporary History, Faculty of History, Moscow State University named after M.V. Lomonosov. E-mail: kozlov-vadm@yandex.ru

Kustova Elena Vitalievna, PhD in History, Associate Professor of the Russian history Chair of Vyatka State University of Humanities. E-mail: kustovael@yandex.ru

Лисейцев Дмитрий Владимирович, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН, Moscow. E-mail: Liseitsev@mail.ru

Melnikov Pavel Yurievich, PhD in History, Associate Professor of the History of State and Law Chair of the Saratov State Academy of Law. E-mail: p_melnikov@list.ru

Morozova Elena Nikolajevna, History Doctor, Professor of the chair of Contemporary Russian History in the Institute of History and International Relations of Saratov State University. E-mail: morozovaen@mail.ru

Psychomachova Aminat Rashidovna, PhD in History, history teacher of Medical College № 4 of the Moscow Health Department. E-mail: amina@liant.ru

Rabinovich Yakov Nikolaevich, PhD in History, Associate Professor, the Russian history Chair, Institute of History and International Relations of Saratov State University. E-mail RabinovichYN@yandex.ru

Sabitova Liliya Ravilievna, postgraduate student of Modern and Contemporary History chair, Institute of History and International Relations of Saratov State University. E-mail: Sabitovailiya90@mail.ru

Shashlova Tatyana Jurjevna, postgraduate student of the Ancient History chair of the Institute of History and International Relations of Saratov State University. E-mail: tatyana.shashlova2014@yandex.ru

Shestakova Anna Grigorjevna, postgraduate student of Modern and Contemporary History chair, Institute of History and International Relations of Saratov State University. E-mail: ashestakova@mail.ru

Sirotkina Evgeniya Viktorovna, PhD in History, Associate Professor of the Political Science chair of the Tambov branch of the Russian Academy of State Service under the President of the Russian Federation. E-mail: evgsirotkina@yandex.ru

Totfalushin Viktor Petrovich, PhD in History, Associate Professor, the Russian history Chair Institute of History and International Relations of Saratov State University. E-mail: TotfalushinVP@info.sgu.ru

Tsyplin Vitaly Gennadievich, PhD in History, Professor of International Relations and Russian foreign policy Chair, Institute of History and International Relations of Saratov State University. E-mail: v.tsyplin@yandex.ru